ООО «Наука и образование»

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

№ 6

2020

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ

И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2020, № 6

(печатная версия Всероссийского научного журнала «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» – www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека (Российский индекс научного цитирования) № 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ессентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

***Карепова Светлана Геннадьевна*,** кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

***Кашкаров Алексей Александрович*,** доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

***Клещина Елена Николаевна*,** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргизстан;

***Коновалов Станислав Иванович*,** Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

***Куемжиева Светлана Александровна*,** кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

***Кузнецов Вячеслав Николаевич*,** член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

***Маркова-Мурашева Светлана Александровна*,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

***Нарбут Николай Петрович*,** доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Ображиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

***Пан Давей*,** доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

***Svetlana G. Karepova*,** candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

***Aleksey A. Kashkarov*,** doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

***Elena N. Kleshchina*,** doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Manage-ment of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgiz-stan;

***Stanislav I. Konovalov*,** Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

***Narbut N. Petrovich*,** tdoctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

***Pan Dawei*,** Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republice;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философскихнаук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западносибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGTU of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS,doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

Коллектив редакции журнала поздравляет членов редакционной коллегии с Днем Рождения!!!

Игнатов Александр Николаевич,

Снимщикова Ирина Викторовна,

Тузиков Андрей Римович.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления 6

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Артамонова Я.В., **Гафиатулина Н.Х.**
Ценность семьи в массовом сознании российского населения
в рискогенных условиях жизнедеятельности 15

Биловус В.К., **Руденко А.М.**
Здоровьесбережение как механизм формирования
здорового образа жизни современной молодежи 20

Гафиатулина Н.Х., **Абдулаева Э.С.**, **Самыгин С.И.**
Специфика онлайн-обучения в российском
образовательном пространстве высшей школы 24

Говердовская Е.В., **Попов М.Ю.**, **Абдулаева Э.С.**
Глобализация и тенденции деглобализации мирового
сообщества в условиях системного кризиса 29

Качанов А.В.
Электоральный абсентеизм в современной России 34

Кранзеева Е.А.
Протополитическое участие женщин 38

Осипова А.А., **Давыденко Д.В.**, **Абдулкадир Ю.Р.**
Особенности девиантного поведения молодежи в виртуальной среде 43

Уваров И.А.
Концептуальные основы исследования адаптационного потенциала осужденных,
освобождающихся из мест лишения свободы, к новым социальным условиям
(социологическая оценка пенитенциарной профилактики) 49

Хорошкевич Н.Г.
Исследование модели политической культуры государственных гражданских
и муниципальных служащих постиндустриального общества 53

Чагла Д.Б.
Миграция между Турцией и Германией: причины, формы, перспективы 61

Шагина И.Р., **Кубекова А.С.**, **Смахтина Т.А.**
Избирательность потребления качественных продуктов питания как показатель отношения
к собственному здоровью среди студентов-медиков 65

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Авдеев С.В.
Некоторые аспекты привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц
в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника 71

Бандурин А.П., **Самыгин П.С.**, **Сизова Н.М.**
Проблемы защиты конституционных прав и свобод
граждан России в период пандемии 75

Баранов А.В.
Правовые традиции Шумера 80

Басенко И.М.
Изучение фразовых глаголов в юридических науках
как перспективное направление исследования 82

Безик Ю.И.
Организационная структура и управление православным военным духовенством
действующей армии в период Первой мировой войны 85

Белова С.Л., **Расцветаева О.А.**, **Чапурко Т.М.**
Сравнительно-правовой анализ законодательства России и зарубежных государств
в сфере криминального банкротства и мошенничества 90

Борисова Е.К.
Исключительное право на изобретения в области фармацевтики: понятие, признаки 94

Борисова Е.К., **Голуб Е.И.**
К вопросу о договорном ограничении ответственности сторон за нарушение обязательств 97

Васильева Я.Ю.
Актуальные проблемы назначения и исполнения кратного штрафа
по делам о коррупционных преступлениях 100

Вильская Е.С.
Злоупотребление правом как общеправовая категория 104

Вишневецкий К.В., **Доев В.А.**
Виктимологическая характеристика личности жертвы доведения до самоубийства 109

Гарбовская Н.Б., **Землякова Н.В.**
Трудности употребления синтаксических единиц в юридических документах 114

Гербеков И.И.
Профилактика коррупции на государственной службе 119

Голуб Е.И.
Обусловленное вознаграждение в соглашении об оказании юридической помощи 123

Гончаров Д.К.
Криминалистическая характеристика личности азартного игрока 126

Домарецкая А.С.
Актуальные направления реформирования механизма разграничения полномочий
между федеральными и региональными органами власти в Российской Федерации 130

Дубровина Е.С.
Гуманизация уголовного законодательства в РФ 134

Дудченко А.В., **Колкарева И.Н.**, **Еремеева А.А.**
Современные трудности охраны российских памятников и захоронений за рубежом 137

Зыков А.П.
Дисциплинарное производство в органах внутренних дел 141

Кисс О.С., **Барсегян К.Р.**
Пропедевтика как средство профессионализации
студента-юриста при обучении иностранному языку 145

Ламсков Д.С.
Актуальные направления развития гражданско-правового законодательства
в области обеспечения прав учредителей и кредиторов
в процессе реорганизации акционерных обществ 149

Людкевич Ю.Н., **Афаунов А.З.**, **Татлок А.К.**
Специфика и динамика сообщений, упоминающих преступления коррупционной направленности
(по результатам анализа социальных сетей с 01.03.2020 по 01.05.2020) 154

Ковелина Т.А., **Марухно В.М.**, **Собянин А.В.**
Новеллы законодательства в сфере здравоохранения 159

Коргулев А.Г.
Понятие и признаки потерпевшего в уголовном праве 163

Матвеева Е.Ю.
Специальная договорная конструкция предварительного договора
в странах германской правовой группы (Германия, Швейцария, Австрия, Венгрия) 168

Оспичев И.М.
Проблемы вахтового метода работы в современных условиях 173

Торопов С.А., **Игнатов А.Н.**
Тактические особенности проведения обыска
в условиях фактора социальной напряженности 177

Фарышев Е.В.
Правовые меры противодействия профессиональной
преступности в современной России 182

Чапурко Т.М., **Ковалева Т.Ф.**, **Сухова Д.В.**, **Чикаленко Н.Б.**
Социально-правовые проблемы охраны прав несовершеннолетних на образование в России
(на примере Краснодарского края) 188

Яценко О.В., **Василькова Е.А.**
Значение воздействия решений Европейского суда по правам человека
на национальную правовую систему Российской Федерации 193

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Волков Л.В.
Проблемы антикризисного управления территориями 199

Ефимова О.Н.
Проблемы моногородов Северо-Западного федерального округа
в разрезе влияния на экономическую безопасность 204

Лерман Е.Б.
Современные проблемы оценки экономической эффективности
управления городским транспортом в крупном мегаполисе 211

Овчинников А.П.
Развитие современной методологии управления инновационными предприятиями 215

Савушкина Ю.В.
Влияние тарифного регулирования на выбор параметров вагонов-хопперов 219

Хубаев Г.Н.
Социальное и экономическое развитие страны: выделение подмножества
определяющих факторов с оценкой их лага (на примере Германии, России и Швеции) 223

CONTENTS:

Congratulations 6

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Yana V. Artamonov, **Natalya Kh. Gafiatulina**
The value of the family in the mass consciousness
of the russian population in risky living conditions 15

Vyacheslav K. Bilovus, **Andrey M. Rudenko**
Health saving as a mechanism for the formation of a healthy lifestyle of modern youth 20

Natalya Kh. Gafiatulina, **Elita S. Abdulayeva**, **Sergey I. Samygin**
Specificity of online learning in the Russian educational space of higher school 24

Elena V. Goverdovskaya, **Mikhail Yu. Popov**, **Elita S. Abdulayeva**
Globalization and trends in the decentralization of the world
community in the face of the systemic crisis 29

Anton V. Kachanov
Electoral absenteeism in modern Russia 34

Elena A. Krasieva
Protopolitical participation of women 38

Alla A. Osipova, **Denis V. Davydenko**, **Younis R. Abdulkadir**
Features of deviant behavior of youth in a virtual environment 43

Igor A. Uvarov
Conceptual bases of research on the adaptation potential of convicts released from prison
to new social conditions (sociological assessment of penitentiary prevention) 49

Natalya G. Horoshkevich
Model study on the political culture of state civil servants
and municipal employees post-industrial society 53

B. Chala Dogan
Migration between Turkey and Germany: reasons, forms, perspectives 61

Inna R. Shagina, **Aliya S. Kubekova**, **Tatyana A. Smakhtina**
Selectivity of consumption of quality food products as an indicator
of relationship to own health among medical students 65

JURISPRUDENCE

Sergey V. Avdeev
Some aspects of bringing to the subsidiary liability controllingpersons
of the debtor in the framework of the insolvency (bankruptcy) case of the debtor 71

Aleksandr P. Bandurin, **Petr S. Samygin**, **Natalya M. Sizova**
Problems of protection of constitutional rights and freedoms
of Russian citizens during the pandemic 75

Alexander V. Baranov
Schumer's legal traditions 80

Ivan M. Basenko
Study of the phras in legal science as promising direction research 82

Yuri I. Bezik
Organizational structure and management of the Orthodox
military clergy of the army during the First World War 85

Svetlana L. Belova, **Oksana A. Rastsvetaeva**, **Tatyana M. Chapurko**
Comparative legal analysis of legislation Russia
and foreign states in the sphere criminal bankruptcy and fraud 90

Ekaterina K. Borisova
The exclusive right to inventions in the pharmaceutical field: concept, features 94

Ekaterina K. Borisova, **Elena I. Golub**
On the issue of contractual limitation of the parties' liability for breach of obligations 97

Yana Yu. Vasilieva
Current problems of appointment and execution
of multiple fine in cases of corruption crimes 100

Ekaterina S. Vilskaya
Abuse of law as a general legal category 104

Kirill V. Vishnevetskiy, **Vitaly A. Doev**
Victimological characteristics of the personality of the victim of being driven to suicide 109

Nadezhda B. Garbovskaya, Ninel V. Vladimirovna
Difficulties of using syntax units in legal documents 114

Islam I. Gerbekov
Prophylaxis of corruption in the public service 119

Elena I. Golub
Success fee in the agreement on legal assistance 123

Dmitry K. Goncharov
Forensic characteristics of a gambler's personality 126

Aleksandra S. Domaratskay
Current areas of reform of the mechanism of separation of authorities between federal
and regional authorities in the Russian Federation 130

Ekaterina S. Dubrovina
Humanization of criminal legislation in the Russian Federation 134

Anna V. Dudchenko, **Inna N. Kolkareva**, **Alena Al. Eremeeva**
Current difficulties of the protection of russian monuments and buries abroad 137

Andrey P. Zykov
Disciplinary production in internal affairs 141

Oksana S. Kiss, **Karine R. Barseghyan**
Propaedeutics as a means of a law student professionalization in teaching a foreign language 145

Daniil S. Lamskov
Current directions of development of civil law law in the field of ensuring rights of founders
and creditors in the process of reorganization of joint-stock companies 149

Yuri N. Lyudkevich, **Anzor Z. Afaunov**, **Adam K. Tatlock**
Specificity and dynamics of messages mentioning corruption-related crimes
(based on the analysis of social networks from 01.03.2020 to 01.05.2020) 154

Tatiana A. Kovelina, **Vasilisa M. Marukhno**, **Andrey V. Sobyanin**
Legislative innovation in the field of healthcare 159

Alexander G. Korgulyev
Concept and features of the victim in criminal law 163

Elena Yu. Matveeva
Special contractual design of the preliminary contract
in the countries of the German legal group (Germany, Switzerland, Austria, Hungary) 168

Igor M. Ospichev
The problems of the shift method of work in modern conditions 173

Sergey A. Toropov, **Aleksandr N. Ignatov**
Tactical features of the search in the conditions
of the factor of social tension 177

Evgeny V. Faryshev
Legal measures to combat professional crime in modern Russia 182

Tatyana M. Chapurko, **Tatyana F. Kovaleva**,
Diana V. Sukhova, **Natalya B. Chikalenko**
Social and legal problems of protection of rights of minors for education in Russia
(on the example of the Krasnodar Territory) 188

Olga V. Yatsenko, **Evgenia A. Vasilkova**
Significance of the impact of decisions of the European court
of human rights on the national legal system of the Russian Federation 193

ECONOMIC SCIENCES

Leonid V. Volkov
Problems of anti-crisis management of territories 199

Olga N. Efimova
Problems of single-industry towns of the North-West Federal District
and their impact on economic security 204

Evgeniya B. Lerman
Current challenges in assessing the cost-effectiveness
of urban transport management in a large megapolis 211

Aleksey P. Ovchinnikov
Development of modern methodology for management of innovative enterprises 215

Yuliya V. Savushkina
Influence of tariff regulation on the choice of parameters of hopper cars 219

Georgy N. Khubaev
Social and economic development of the country: allocation of a subset of determining factors
with assessment of their lag (on the example of Germany, Russia and Sweden) 223

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ

НАУКИ

УДК 314
DOI 10.23672/f2459-6742-8532-q

Артамонова Яна Викторовна
кандидат социологических наук,
преподаватель кафедры
региональной социологии и
моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
janaserduchenko@mail.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна
кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры
региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

Ценность семьи в массовом сознании российского населения в рискогенных условиях жизнедеятельности

Аннотация. Авторы статьи отмечают, что глобальные изменения, происходящие в обществе, порождают специфическую реакцию со стороны человека, смысл которой необходимо исследовать при помощи обращения к жизненным ценностям населения. В связи с возрастанием рискогенных условий жизни в обществе, появляются вопросы, связанные с пониманием ценности семьи для современного населения в условиях риска. Рискогенная среда, которая в настоящее время активно проявляется в условиях пандемии, влияет на жизнь населения. Авторы статьи, опираясь на эмпирические данные, указывают на то, что ценность семьи в условиях риска не меняется, а также имеет большую значимость для населения России. При этом трансформируется семейное поведение, которое часто связано с ухудшением взаимоотношений между супругами.

Ключевые слова: ценности, иерархия ценностей, семья, сознание, массовое сознание, риск, общество риска, риски распада семьи.

Yana V. Artamonova
Candidate of Sociological Sciences,
Teacher of Department
Regional Sociology and
Modeling of Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
janaserduchenko@mail.ru

Natalya Kh. Gafiatulina
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Doctoral Candidate
of Department Regional Sociology
and Modeling Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

The value of the family in the mass consciousness of the Russian population in risky living conditions

Annotation. The authors of the article note that the global changes taking place in society give rise to a specific reaction on the part of man, the meaning of which must be explored by addressing the life values of the population. In connection with the increase in the riskogenic living conditions of society, questions arise related to the understanding of the value of the family for the modern population at risk. The risky environment, which is currently being actively manifested in a pandemic, affects the life of the population. The authors of the article, based on empirical data, indicate that the value of a family does not change under conditions of risk, and is also of great importance for the Russian population. At the same time, family behavior is being transformed, which is often associated with worsening relationships between spouses.

Keywords: values, hierarchy of values, family, consciousness, mass consciousness, risk, risk society, risks of family breakdown.

Роль изменений, происходящих в современном обществе в настоящее время, очень высока. Трансформационные процессы вносят определенные риски в социальную среду, которые, в свою очередь, меняют социальную реальность и корректируют жизнедеятельность каждого человека, меняя его ценностные установки и поведение в обществе.

В свете таких изменений модифицируется иерархия жизненных ценностей российского населения. В массовом сознании россиян начинают преобладать индивидуальные ценности инструментального порядка, где семья хоть и занимает лидирующие позиции, но трансформируются представления о семье со стороны населения, а также меняются модели семейного поведения [1; 2].

Глобальные изменения порождают специфическую реакцию со стороны человека, смысл которой невозможно исследовать без обращения к жизненным ценностям современного общества [3; 4]. Ценность семьи обладает большой значимостью для человека и обуславливает актуальность многих исследований, направленных на изучение роли и значимости семьи в жизни человека [5].

Среди ученых, занимающихся вопросами семьи, разработаны такие направления исследований, как мотивационные факторы при вступлении в брак[6], репродуктивное поведение семьи и проблемы ее социального здоровья [7–9], формирование и функционирование семейной культуры [10; 11]. Также, интерес исследователей в области семьи вызывают вопросы, связанные с функционированием молодой семьи, с развитием ее жизненного мира, устойчивостью семьи в первые годы брака [12; 13].

В связи с интенсивным возрастанием риска в виде последствий стихийных бедствий, техногенных катастроф, экономических и политических кризисов, бесконтрольного применения современных технологий, террористических актов, ошибочных решений в управлении, а также эпидемиологических ситуаций, с одной из которых столкнулся современный мир в начале 2020 года, усиливается потребность в изучении риска в условиях трансформационных процессов, а также, расширяется предметное поле исследования [14].

Проведенный анализ научной литературы исследуемого предметного поля указывает на многоплановость научно-исследовательских интересов ученых, изучающих различные стороны жизнедеятельности семьи. Вместе с тем, в связи с возрастанием рискогенных условий жизни общества, появляются вопросы, связные с пониманием ценности семьи для современного населения в условиях риска. Это определяет цель данной работы, которая связана с необходимостью изучения ценности семьи в массовом сознании российского населения в рискогенных условиях жизнедеятельности.

Если общество развивается стабильно, то и жизненные стратегииичеловека формируются на основе традиционных моделей поведения. Но сегодня мы видим, что российское общество представляет собой поле различного рода рисков, а любой риск – это угроза устойчивости и безопасности общества. Нестабильность и неустойчивость требует от человека выработки нового механизма взаимодействия с меняющейся средой. В связи с развитием рискогенной среды, жизненная стратегия конструируетсячеловеком путем освоения социальной реальности через принятие одних и отчуждение других ценностей.

Несмотря на трансформационные процессы в российском обществе, семья обладает значимой ценностью в иерархии ценностей россиян. Об этом свидетельствуют результаты исследований, проведенных Фондом общественного мнения и Всероссийским центром общественного мнения (ВЦИОМ)[1; 2]: в ТОП главных жизненных аспектов для россиян входят здоровье, семья, безопасность, доход. Причем, замеры иерархии ценностей были сделаны в разные годы, а вот результаты зафиксировали значимость семьи и в первом, и во втором случаях. Для молодого поколения граждан России семья также является важной жизненной ценностью [15].

Несмотря на то, что семья обладает особой значимостью для современного населения, ситуации неопределенности вносят корректировки в семейное поведение населения. С одной стороны, каждый член семьи может найти убежище в семье от общественных ударов [16], а с другой – общественные удары (риски) ведут к негативным последствиям и разрушают жизненные стратегии человека, трансформируя социальное поведение.

Обращаясь к результатам прикладных исследований, проведенных ФОМ, отметим, что в середине 2019 года 36 % россиян считали, что через три – пять лет их семья станет жить лучше. Это мнение встречалось чаще у людей, которые были моложе и обеспеченней в материальном плане. 18 % опрошенных указали, что их ждут перемены к худшему, а 28 % респондентов изменений в положении своей семьи не предвидят, 23 % – отказались делать какие-либо прогнозы [17].

Если мы обратимся к ситуации распространения новой коронавирусной инфекции, то увидим, что весь мир с начала года погружен в сплошной поток неопределенностей и рисков, связанных, с одной стороны, с высоким риском заболеть пневмонией, а с другой стороны, рисками, которые возникают в процессе вынужденной самоизоляции – экономические риски потери работы, совмещение удаленной работы и выполнения семейных ролей. Все эти риски ведут к переменам в массовом сознании россиян.

Режим самоизоляции вынудил большинство людей проводить много времени в окружении семьи. К каким последствиям может привести такое пребывание рядом с семьей круглосуточно?

Многие считают, что увеличится рождаемость. Другие отмечают, что резко возрастут случаи семейного насилия и разводов. Как будет меняться отношение к семье в условиях самоизоляции нам пока неизвестно, но можно сделать некоторые предположения, исходя из данных исследования ФОМ [18].

Результаты социологического опроса ФОМ демонстрируют преобладание пессимистичных настроений в вопросе семейных отношений во время самоизоляции: 42 % уверены, что режим самоизоляции приведет к ухудшению отношений в российских семьях, об обратном говорят заметно меньше людей – 28 %. Среди мужчин больше скептиков, чем среди женщин. А молодые люди в меньшей степениверят в позитивное влияние самоизоляции на семьи: среди людей моложе 30 лет соответствующее распределение 54 % мужчин и 29 % женщин (рис. 1).

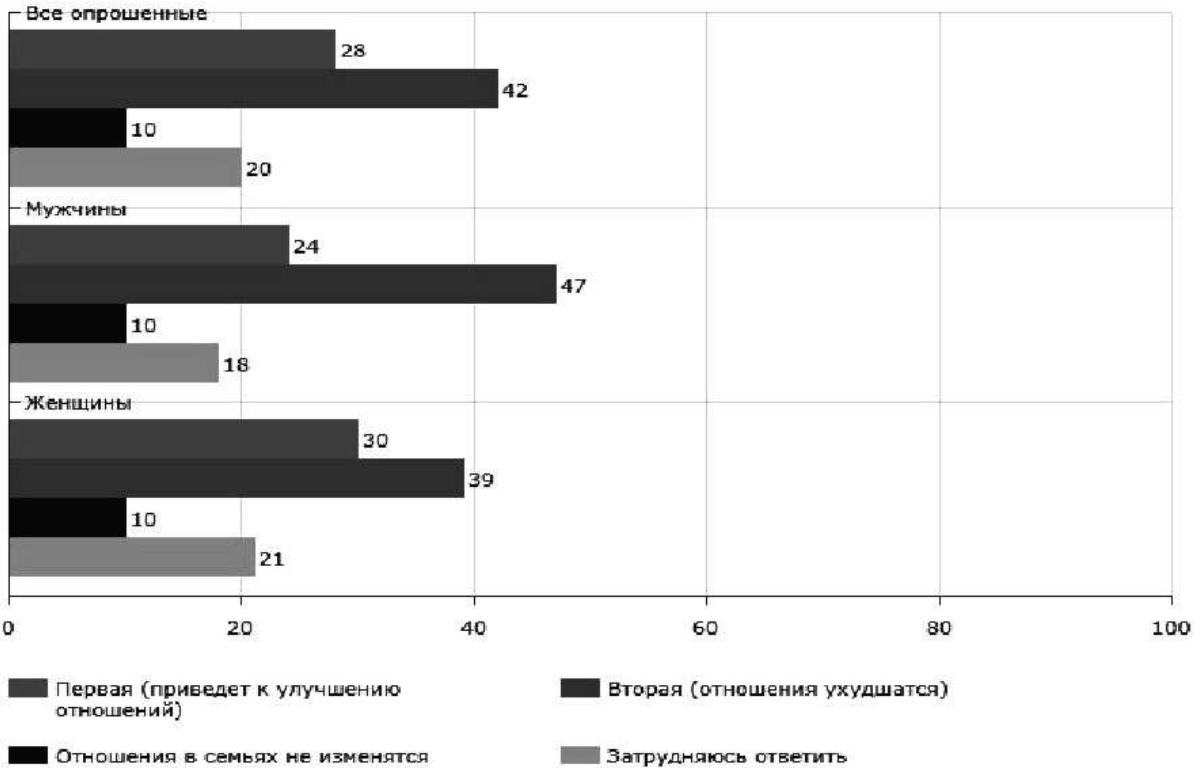


Рисунок 1 – Как изменятся семейные отношения в период самоизоляции?, %
(результаты исследования ФОМ)

Лучше всего режим самоизоляции влияет на отношения респондентов с детьми (прежде всего – с несовершеннолетними), так как у родителей появилось на них больше времени. Здесь, чаще всего, это заметно для мужчин, потому что в обычном режиме работы им трудно найти свободное время для детей, кроме выходных дней, а удаленная работа из дома позволяет обращать внимание на потребности детей чаще.

Также, в рамках исследования ФОМ отмечено, что большинство респондентов не замечают никаких изменений в своих отношениях с супругами и членами семьи во время самоизоляции. Но и выигравших от режима самоизоляции (18 %) немногим больше, чем проигравших (15 %).

Хочется отметить, что данные, приведенные ФОМ об отношениях в семье во время самоизоляции, не кричат о том, что каждый второй пойдет подавать на развод, но, тем не менее, показывают, что трудности совместного времяпрепровождения с семьей круглосуточно все же существуют. Сложные ситуации способны не только выводить из равновесия, но и дают возможность семье стать более устойчивой. Все зависит от настроя членов семьи, их адаптации к новым условиям социальной реальности.

Итак, проведенный нами анализ показывает, что ценность семьи занимает главенствующее положение в рамках жизненных ценностей населения России, в том числе и молодого. Несмотря на данные показатели, неопределенность социальной среды в виде различного рода рисков трансформирует социальное поведение российского населения. Обращаясь к примеру такого объективно существующего риска, как распространение новой коронавирусной инфекции наряду с введением режима самоизоляции, мы видим, что семейные отношения могут трансформироваться как в положительную, так и отрицательную сторону. В настоящий момент пока не до конца ясно, к чему приведет режим самоизоляции и каким образом он повлияет на современные семьи, изменится ли их образ жизни, увеличится ли количество разводов? Но уже точно ясно, что риск распространения новой коронавирусной инфекции побудит россиян к выработке новых механизмов адаптации, так как серьезные перемены произойдут не только в экономике, но и в общественной жизни.

Литература:

1. Опрос ФОМ «Чем мы дорожим? О самом важном в жизни россиян». URL : https://fom.ru/TSennosti/10994 (дата обращения 17.06.2020).

2. Опрос ВЦИОМ «Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество?». URL :

Literature:

1. POF survey «What do we value? About the most important thing in the life of Russians». URL : https://fom.ru/TSennosti/10994 (date of the address 17.06.2020).

2. Poll VTsIOM «Life priorities of Russians: family, money or creativity?». URL : https://wciom.ru/

https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116264 (дата обращения 17.06.2020).

3. *Магун В.С.* Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян / В.С. Магун, М.Г. Руднев, П. Шмидт // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. Т. 121. № 3–4. С. 74–93.

4. *Мастикова Н.С.* Ценности россиян и жителей европейских стран-лидеров (по данным Европейского социального исследования) // Мониторинг. 2013. № 6(118). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-rossiyan-i-zhiteley-evropeyskih-stran-liderov-po-dannym-evropeyskogo-sotsialnogo-issledovaniya (дата обращения 18.06.2020).

5. *Кучмаева О.В.* Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 2. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/idealnaya-model-semi-v-glazah-rossiyan-i-strategiya-po-povysheniyu-tsennosti-semeynogo-obraza-zhizni (дата обращения 18.06.2020).

6. *Ростовская Т.К.* Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4. С. 73–81.

7. *Архангельский В.Н.* Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки / В.Н. Архангельский [и др.] // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 43–50.

8. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье молодой семьи: показатели и уровни оценки / Н.Х. Гафиатулина, А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9.

9. *Zakharova T.Y.* Conceptualising social health of the Russian young family and models of parental behaviour in a risk society / T.Y. Zakharova, N.H. Gafiatulina, Y.V. Artamonova // Государственноеимуниципальноеуправление. Ученыезаписки. 2019. № 4. С. 230–235.

10. *Поспелова Т.Г.* Тенденции развития гендерной и семейной культуры // ТРУДЫ СПБГИК. 2015. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-gendernoy-i-semeynoy-kultury (дата обращения 18.06.2020).

11. *Ахмедова Т.М.* Семейная культура молодежи: особенности формирования в условиях глобализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12.

12. *Кравченко Ю.В.* Основные социологические концепции осмысления устойчивости молодой семьи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. Вып. 4. С. 143.

index.php?id=236&uid=116264 (date of the address 17.06.2020).

3. *Magun V.S.* European value typology and basic values of Russians / V.S. Magun, M.G. Rudnev, P. Schmidt // Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions. 2015. Vol. 121. № 3–4. P. 74–93.

4. *Mastikova N.S.* Values of Russians and residents of European leading countries (according to the European Social Survey) // Monitoring. 2013. № 6(118). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-rossiyan-i-zhiteley-evropeyskih-stran-liderov-po-dannym-evropeyskogo-sotsialnogo-issledovaniya (date of the address 18.06.2020).

5. *Kuchmaeva O.V.* An ideal family model in the eyes of Russians and a strategy to increase the value of a family lifestyle // Economics. Taxes. Right. 2019. № 2. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/idealnaya-model-semi-v-glazah-rossiyan-i-strategiya-po-povysheniyu-tsennosti-semeynogo-obraza-zhizni

6. *Rostovskaya T.K.* Creating a student family: motivation and life strategies of members of young student families // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences, 2015. № 4.

7. *Arkhangelsky V.N.* Current fertility trends in Russia and the impact of state support measures / V.N. Arkhangelsky [et al.] // Sociological studies. 2017. № 3.

8. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of a young family: indicators and assessment levels / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Vereshchagina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 8–9.

9. *Zakharova T.Y.* Conceptualising social health of the Russian young family and models of parental behaviour in a risk society / T.Y. Zakharova, N.H. Gafiatulina, Y.V. Artamonova // State and municipal government. Scientists notes. 2019. № 4. C. 230–235.

10. *Pospelova T.G.* Trends in the development of gender and family culture // LABOR SPbGIK. 2015. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-gendernoy-i-semeynoy-kultury (date of the address 18.06.2020).

11. *Akhmedova T.M.* Family culture of youth: features of formation in the context of globalization // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 12.

12. *Kravchenko Yu.V.* The main sociological concepts of understanding the sustainability of a young family // Bulletin of the Adygea State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. 2012. Iss. 4. P. 143.

13. *Сердюченко Я.В.* Жизненный мир молодой семьи: особенности формирования и риски разрушения (на материалах Ростовской области): автореф. дис. … на соиск. уч. ст. канд. соц. наук. Южный федеральный университет. Ростов-н/Д., 2018. 38 с.

14. *Мозговая А.В.* Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределённости // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 4(28). С. 151–165.

15. Российское «Поколение Z: установки и ценности». URL : https://www.fes-russia.org/pokolenie-z/

16. *Карлсон А.* Общество-Семья-Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход / Пер. с англ. под ред. профессора А.И. Антонова. М. : 2003. 288 с.

17. Опрос ФОМ «Жизнь семьи и страны: долгосрочные прогнозы» от 6.06.2019 г. URL : https://fom.ru/Nastroeniya/14216

18. Опрос ФОМ «Семейные отношения в условиях самоизоляции» от 11.05.2020 г. URL : https://covid19.fom.ru/post/semejnye-otnosheniya-v-usloviyah-samoizolyacii

13. *Serdyuchenko Ya.V.* The life world of a young family: features of formation and risks of destruction (based on materials from the Rostov region) : dis. … abstract for the degree of candidate of social sciences South Federal University. Rostov-on/D., 2018. 38 p.

14. *Mozgovaya A.V.* Identification, assessment and adaptation to risk in conditions of uncertainty // Sociological science and social practice. 2019. Vol. 7. № 4(28). P. 151–165.

15. Russian «Generation Z: attitudes and values». URL : https://www.fes-russia.org/pokolenie-z/

16. *Carlson A.* Society-Family-Personality: The Social Crisis of America. Alternative Sociological Approach / A. Carlson; Trans. from English, ed. Professors A.I. Antonova. M. : 2003. 288 p.

17. POF survey «Family and Country Life: Long-Range Forecasts» dated 06/06/2019 URL : https://fom.ru/Nastroeniya/14216

18. POF survey «Family relations in conditions of self-isolation» dated 05/11/2020 URL : https://covid19.fom.ru/post/semejnye-otnosheniya-v-usloviyah-samoizolyacii

УДК 316
DOI 10.23672/q0306-5906-2204-o

Биловус Вячеслав Казьмирович
кандидат социологических наук,
доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал),
Донской государственный
технический университет, г. Шахты
Bilovus_66@mail.ru

Руденко Андрей Михайлович
доктор философских наук,
профессор,
заведующий кафедрой
социально-гуманитарных дисциплин,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал),
Донской государственный технический
Университет, г. Шахты
amrudenko@list.ru

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Авторы статьи акцентируют свое внимание на том, что в настоящее время в российском обществе наблюдается негативная тенденция, связанная с ростом показателей заболеваемости населения, в том числе, и в молодежной среде. В связи с этим, данная работа посвящена здоровьесбережению как механизму формирования здорового образа жизни современной молодежи. В работе отмечено, что молодежь самостоятельно должна формировать установки на активный здоровый образ жизни с правильным питанием и физическими нагрузками, а институту государства и образования необходимо в этом способствовать посредством включения специальных курсов в образовательные программы обучения, развития инфраструктуры городской среды в виде спортивных объектов, популяризации массового спорта, приобщению молодежи к плановой диспансеризации, что позволит сохранить здоровье молодежи.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, здоровьесбережение, здоровьесберегающие технологии, мотивация, молодежь, здоровье молодежи, отношение к здоровью.

Vyacheslav K. Bilovus
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines,
Institute of Service
and Entrepreneurship (branch),
Don State Technical University, Shakhty
Bilovus_66@mail.ru

Andrey M. Rudenko
Doctor of Philosophy,
Professor,
Head of the Department
Social and Humanitarian Disciplines,
Institute of Service
and Entrepreneurship (branch),
Don State Technical University, Shakhty
amrudenko@list.ru

HEALTH SAVING AS A MECHANISM FOR THE FORMATION OF A HEALTHY LIFESTYLE OF MODERN YOUTH

Annotation. The authors of the article focus on the fact that at present in Russian society there is a negative trend associated with an increase in the incidence rate of the population, including among young people. In this regard, this work is devoted to health conservation as a mechanism for the formation of a healthy lifestyle of modern youth. It is noted in the work that young people should independently formulate attitudes towards an active healthy lifestyle with the right nutrition and physical activity, and the institute of state and education needs to be promoted by including special courses in educational curricula, developing the infrastructure of the urban environment in the form of sports facilities, and popularizing mass sports, introducing youth to the planned medical examination, which will preserve the health of youth.

Keywords: health, healthy lifestyle, health saving, health saving technologies, motivation, youth, youth health, attitude to health.

Стабильность и социальное благополучие государства зависит от развития человеческого капитала. Его формирование протекает под воздействием многих факторов, среди которых немаловажную роль играет здоровье человека [1].

Ценность здоровья занимает лидирующие позиции в иерархии жизненных ценностей жителей России [2, с. 11]. В сознании россиян категория «счастье», чаще всего, зависит от состояния здоровья: 33 % респондентов полагают, что счастье –

это здоровье свое и своих близких [3]. «Здоровье – это ресурс, который человек может реализовать, сохранив и преумножив его, или не реализовать, утратив его» [4, с. 123].

Обращаясь к статистическим данным заболеваемости населения по основным классам болезней в период прошедших 20 лет, мы можем отметить, что процент зарегистрированных больных с диагнозом, установленным впервые в жизни увеличивается [5]. Показатели заболеваемости продолжают ухудшаться у всех групп населения России [6]. Негативные тенденции прослеживаются и в здоровье молодежи, которая является, в свою очередь, физическим и нравственным потенциалом российского общества [7, с. 420].

Показатели статистики и результаты всероссийских мониторингов, посвященных состоянию здоровья населения в России, указывают на то, что специалистам в области социологии здоровья и социологии медицины необходимо осуществлять поиск причин данной негативной тенденции среди молодежи и механизмов, направленных на формирование здорового образа жизни в молодежной среде и повышения уровня здоровья российского населения.

Актуальность и значимость темы здоровья населения подтверждается многочисленными исследованиями в данной области. Среди направлений в сфере здоровья можно выделить: отношение населения к здоровью и первичной медицинской помощи [8], роль окружающей среды для здоровья [9], здоровье молодежи [10–12]. Одним из важных направлений в исследованиях здоровья молодежи являются исследования, посвященные здоровьесберегающему поведению и здоровьесберегающим технологиям [13, 14].

Анализ научной литературы в области социологии здоровья и медицины свидетельствует о большом количестве работ, посвященных проблемам здоровья населения. Но, несмотря на разработанность различных направлений интересующего нас проблемного поля исследования, следует отметить, что в более глубокой социологической рефлексии нуждается такая область исследования как здоровьесбережение.

В рамках данной работы мы рассмотрим здоровьесбережение как механизм формирования здорового образа жизни современной молодежи.

Молодежь является социально-демографической группой, которая обладает огромным интеллектуальным потенциалом и выступает в качестве основного ресурса для эффективного развития государства. В связи с этим, негативные тенденции в здоровье молодежи вызывают необходимость распространения в молодежной среде установки на здоровый образ жизни. Прежде всего, социальная политика государства должна быть направлена на создание благоприятных условий для установки молодежи на здоровый образ жизни, также, необходимо проводить систему соответствующего обучения в учебных заведениях и формировать в молодежной среде необходимые социальные нормы здоровьесбережения.

В рамках данной работы под здоровьесбережением мы подразумеваем активность людей, направленную на улучшение и сохранение здоровья, также сюда можно отнести согласованность и единство всех уровней жизнедеятельности человека. Здоровьесбережение – это одна из основ профилактики заболеваний, которая включает в себя проведение комплекса мероприятий по укреплению и сохранению здоровья человека. Сюда можно отнести отказ от вредных привычек, правильное питание, соблюдение двигательной активности, учитывая гендерные, возрастные и физиологические особенности человека, выполнение физических упражнений, соблюдение правил личной гигиены, психопрофилактики, а также – усвоение навыков управления состоянием здоровья.

В настоящее время россияне стремятся следить за своим здоровьем. Об этом свидетельствуют результаты всероссийских исследований, проведенных Всероссийским фондом общественного мнения [15]. По данным опроса плановую диспансеризацию в 2020 году прошли 16 % опрашиваемых граждан. Если сравнивать данный показатель с прошлым годом, то в 2019 году было 19 %, но мы считаем, что снижение диспансеризации связано с ограниченным режимом работы медицинских учреждений во время распространения новой коронавирусной инфекции. Также, стоит отметить, что 39 % респондентов были на комплексном обследовании в течение последних трех лет, что подчеркивает заботу населения о своем здоровье.

Забота о здоровье со стороны населения также проявляется в стремлении поддерживать свою физическую форму. С различной частотой занимаются физкультурой, спортом 75 % россиян. О регулярных занятиях сообщили 27 %, чаще – молодые люди 25–34 лет (32 %). Время от времени выполняют упражнения 27 %, чаще – молодежь 18–24 лет (41 %).

Правильное питание тоже выступает в качестве компонента заботы о своем здоровье: за своим питанием следит более половины молодых россиян (60 %), почти столько же сообщали о правильном питании в прошлом году – 59 %. При выборе продуктов питания россияне ориентируются, в первую очередь, на их цену – 52 %. Также, наши соотечественники руководствуются качеством продуктов (49 %) и их свежестью (46 %). Каждый пятый обращает внимание на вкусовые качества продуктов питания (22 %), а также на их пользу (19 %) и экологичность (18 %).

Результаты исследования ВЦИОМ о здоровье показывают, что россияне чаще оценивают свое здоровье как хорошее или удовлетворительное. Хорошие оценки своему здоровью дали 39 % россиян, чаще молодые люди 18–24 лет (56 %) и 25–34 лет (67 %), а также, люди среднего возраста 35–44 лет (53 %). Вероятно, данные показатели вытекают из того, что большое количество молодежи в настоящее время стремятся вести здоровый образ жизни, следить за питанием, минимизируют употребление алкоголя и никотина и вводят физические упражнения в ритм своей жизни.

На личностном уровне молодежь должна понимать, для чего необходимо поддерживать свое здоровье. Сегодня здоровый образ жизни выступает в качестве синонима успеха и противостояния различным рискам в условиях нестабильного социума [16, 17]. Если человек стремится достичь успеха в жизни, то ему необходимо придерживаться здорового образа жизни, что позволит ему избегать стрессовых ситуаций в обществе риска и быть физически и психически устойчивым к любым ситуациям. Также, молодые люди должны проходить плановую диспансеризацию здоровья ежегодно, чтобы не допустить развития заболеваний, которые могут ухудшить здоровье или привести к летальному исходу.

С развитием информационных технологий и совершенствованием инфраструктуры города, молодому человеку достаточно удобно находить информацию о здоровом питании, проходить всевозможные тренинги и марафоны здорового питания и красивого тела. Поддерживать форму помогают фитнес центры и спортивные площадки на открытом воздухе. Можно сказать, что сегодня быть здоровым – это модный тренд, которому стремятся подражать многие молодые люди.

На наш взгляд, со стороны государства также необходимо распространять установки на здоровый образ жизни в молодежной среде. Прежде всего, это популяризация спорта в общественном сознании: проведение спортивных событий всероссийского и международного уровня, развитие профессионального спорта, открытие кружков и спортивных секций для детей и подростков, развитие инфраструктуры – спортивных площадок, что позволит увеличить долю населения, по большей части молодого, регулярно занимающихся спортом путем мотивации населения, активизации спортивно-массовой работы.

Также, обратим внимание на роль образования в процессе формирования системы здоровьесбережения. Прежде всего, в образовательном процессе системы среднего общего образования или высшего образования в учебных планах образовательных программ присутствуют дисциплины по физическому воспитанию и безопасности жизнедеятельности, что позволяет молодежи сформировать знания о здоровом образе жизни.

Со стороны преподавательского состава необходимо обеспечить комфортный моральный климат для обучения, следить за тем, чтобы обучающиеся не были перегружены физически иэмоционально, так как усталость не способствует интеллектуальному развитию молодежи, а вызывает обратный эффект и подрывает здоровье молодого поколения.

Таким образом, проанализированные нами данные свидетельствую о том, что при снижении культуры здоровья, в целом, и возрастании заболеваемости в молодежной среде важно внедрять в жизнь молодежи такой механизм, как здоровьесбережение. Технологии здоровьесбережения помогут молодежи осознать ценность здоровья, сформируют правильные привычки, характерные для здорового образа жизни и станут хорошим трамплином к успешному саморазвитию.

Литература:

1. *Кобзистая Ю.Г.* Человеческий капитал: понятие и особенности // Фундаментальные исследования. 2018. № 2. С. 118–122.

2. О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М. : ИС РАН, 2012. 181 с.

3. Опрос ФОМ «Что такое счастье?». URL : https://fom.ru/TSennosti/14129

4. *Белова О.Р.* Валеологическая и физическая культура: теоретико-методологический анализ / О.Р. Белова, Л.Н. Боронина, Ю.Р. Вишневский, Д.Ю. Нархов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2(113).С. 123–131.

5. Официальный сайт «Федеральная служба государственной статистики». Раздел население. Здравоохранение. Заболеваемость населения по основным классам болезней. URL : https://www.gks.ru/folder/13721

6. *Журавлева И.В.* Почему не улучшается здоровье россиян? // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 163–176.

7. *Журавлева И.В.* Здоровье молодежи: возможно ли его улучшить? / И.В. Журавлева, Отв.

Literature:

1. *Kobzistaya Yu.G.* Human capital: concept and features // Fundamental research. 2018. № 2. P. 118–122.

2. What Russians dream about (thoughts of sociologists). Analytical report. M. : IS RAS, 2012.181 p.

3. Poll «What is happiness?». URL : https://fom.ru/TSennosti/14129

4. *Belova O.R.* Valueological and physical culture: theoretical and methodological analysis / O.R. Belova, L.N. Boronina, Yu.R. Vishnevsky, D.Yu. Narhov // Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, science and culture. 2013. № 2 (113). P. 123–131.

5. The official website of the Federal State Statistics Service. Section population. Healthcare The incidence of the population according to the main classes of diseases. URL : https://www.gks.ru/folder/13721

6. *Zhuravleva I.V.* Why is the health of Russians not improving? // Bulletin of the Institute of Sociology. 2013. № 6. P. 163–176.

7. *Zhuravleva I.V.* Youth health: is it possible to improve it? / I.V. Zhuravleva; editor-in-chief M.K. Gorsh-

ред. М.К. Горшков // Россия реформирующаяся: ежегодник: Вып.15. М. : Новый Хронограф, 2017. С. 419–436.

8. *Попова С.А.* Особенности отношения населения к медицинским услугам (обзор литературы) / С.А. Попова, Е.М. Тищенко // Журнал ГрГМУ. 2015. № 2(50). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otnosheniya-naseleniya-k-meditsinskim-uslugam-obzor-literatury (дата обращения 16.06.2020).

9. *Иванова Л.Ю.* Экологическое образование и здоровье // X Международная научная конференция «Сорокинские чтения» «Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты». Сборник материалов. Электронное издание. М. : Издательство Московского университета, 2016. С. 793–795.

10. *Журавлева И.В.* Здоровье молодежи как объект социальной политики [Электронный документ] / И.В. Журавлева, Н.В. Лакомова // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 4(62). URL : http://vestnik.mednet.ru/content/view/999/30/lang.ru/

11. *Гафиатулина Н.Х.* Основные категории социологии здоровьястуденческой молодежи // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2004. № 3.

12. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье студенческой молодежи как индикатор социокультурной интеграции // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11.

13. *Биловус В.К.* Здоровьесберегающее поведение молодежи как результат социализации// Научная мысль Кавказа. 2008. № 2(54). С. 134–143.

14. *Пономарев И.Е.* Многоуровневая система организации физического воспитания молодежи в контексте реализации здоровьесберегающих технологий / И.Е. Пономарев, В.И. Тютюнников // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1.

15. Опрос ВЦИОМ от 09 июня 2020 года «Здоровье – высшая ценность». URL : https://wciom.ru/ index.php?id=236&uid=10321

16. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern Russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-Don) / N.Kh. Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva // Health Risk Analysis. 2017. № 4. С. 66–75.

17. *Roudenko A.M.* Education of specificity of methodological principals of philosophical and anthropological investigation of life-meaningful intentionality of person's existence / A.M. Roudenko, V.V. Kotlyarova, M.M. Shubina // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 2(S1). P. 443–447.

kov // Russia is reforming: Yearbook: issue 15. M., 2017. P. 419–436.

8. *Popova S.A.* Features of the attitude of the population to medical services (literature review) / S.A. Popova, E.M. Tishchenko // Journal of State Medical University. 2015. № 2(50). URL : https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otnosheniya-naseleniya-k-meditsinskim-uslugam-obzor-literatury (date of the address 16.06.2020).

9. *Ivanova L.Yu.* Environmental education and health // X International Scientific Conference «Sorokin Readings» «Health of Russian society in the XXI century: sociological, psychological and medical aspects». Collection of materials. Electronic edition. M. : Publishing house of Moscow University, 2016. P. 793–795.

10. *Zhuravleva I.V.* Youth health as an object of social policy [Electronic document] / I.V. Zhuravleva, N.V. Lakomova // Social aspects of public health. 2018. № 4(62). URL : http://vestnik.mednet.ru/content/view/999/30/lang.ru/

11. *Gafiatulina N.H.* The main categories of sociology of health of student youth // Humanities and socio-economic sciences. 2004. № 3.

12. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of students as an indicator of socio-cultural integration // Social and humanitarian knowledge. 2013. № 11.

13. *Bilovus V.K.* Health-saving behavior of youth as a result of socialization // Scientific Thought of the Caucasus. 2008. № 2(54). P. 134–143.

14. *Ponomarev I.E.* A multilevel system for organizing the physical education of youth in the context of the implementation of health-saving technologies / I.E. Ponomarev, V.I. Tyutyunnikov // State and Municipal Administration. Scientists notes. 2020. № 1.

15. The VTsIOM survey of May 30, 2019, «Healthy Lifestyle: Monitoring». URL : https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9713

16. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern Russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-Don) / N.Kh. Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva // Health Risk Analysis. 2017. № 4. С. 66–75.

17. *Roudenko A.M.* Education of specificity of methodological principals of philosophical and anthropological investigation of life-meaningful intentionality of person's existence / A.M. Roudenko, V.V. Kotlyarova, M.M. Shubina // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 2(S1). P. 443–447.

УДК 316.3
DOI 10.23672/t5366-1120-8847-o

Гафиатулина Наталья Халиловна
кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры
региональной социологии и
моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

Абдулаева Элита Султановна
кандидат философских наук,
доцент кафедры теории
и технологии социальной работы,
Чеченский государственный университет
elita8881@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович
доктор социологических наук,
профессор кафедры
управления персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

Специфика онлайн-обучения в российском образовательном пространстве высшей школы

Аннотация. Внедрение онлайн-обучения в российском образовательном пространстве высшей школы – это закономерный процесс развития системы образования, обусловленный, с одной стороны, развитием различных интерактивных технологий и возрастающим влиянием информатизации на все социальные сферы деятельности; с другой, – появлением нового вируса COVID-19, поломавшим не только традиционный формат образовательной системы, но и привычную жизнедеятельность всего населения Статья посвящена специфическим особенностям различных форматов онлайн-обучения в современных условиях информатизации общества. В статье говорится о массовых открытых онлайн-курсах (MOOC) и дается краткое описание моделей: xMOOC, cMOOC, hMOOC, ahMOOC и SPOC; кроме того, проводится дифференциация таких базовых категорий, как онлайн-обучение, дистанционное обучение, онлайн-курсы.

Ключевые слова: онлайн-обучение, российское образовательное пространство, высшая школа, дистанционное обучение, онлайн-курсы.

Natalya Kh. Gafiatulina
Candidate of Sociological Science,
Associate Professor,
Doctoral Candidate of Department
Regional Sociology and
Simulating Social Processes
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

Elita S. Abdulayeva
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of Theory
and Social work Technologies,
Chechen State University
elita8881@mail.ru

Sergey I. Samygin
Doctor of Sociological Sciences,
Professor of Department
Personnel Management and Sociology,
Rostov State Economic University
darya.maksimovich@gmail.com

Specificity of online learning in the Russian educational space of higher school

Annotation. The introduction of online education in the Russian higher education space is a natural process of development of the education system, driven, on the one hand, by the development of various interactive technologies and the increasing impact of informatization on all social spheres of activity; on the other hand, the emergence of a new COVID-19 virus, which broke not only the traditional format of the educational system, but also the usual life of the entire population. The article is devoted to the specific features of various formats of online learning in modern conditions of informatization of society. The article talks about massive open online courses (MOOC) and gives a brief description of the models: xMOOC, cMOOC, hMOOC, ahMOOC and SPOC; In addition, differentiation of such basic categories as online learning, distance learning, online courses is carried out.

Keywords: online education, Russian educational space, higher education, distance learning, online courses.

Внедрение онлайн-обучения в российском образовательном пространстве высшей школы – это закономерный процесс развития системы образования, обусловленный, с одной стороны, развитием различных интерактивных технологий и возрастающим влиянием информатизации

на все социальные сферы деятельности; с другой, – появлением нового вируса COVID-19, поломавшим не только традиционный формат образовательной системы, но и привычную жизнедеятельность всего населения [1, 2].

Особый интерес к онлайн-обучению в сфере российского образовательного пространства возник сравнительно недавно. Этот интерес был обусловлен рядом таких обстоятельств, как:

– Во-первых, в цифровую эпоху, «расширились возможности электронного обучения, делающего информацию, размещенную на электронных носителях, более доступной и удобной для пользователя;

– Во-вторых, появились современные информационно-коммуникационные технологии, позволяющие часть рутинных функций преподавателя передать машинам;

– В-третьих, онлайн-обучение стало рассматриваться как способ коммерциализации деятельности высших учебных заведений» [3, с. 33].

Кроме того, интерес к использованию онлайн-курсов подтверждается и усилением внимания зарубежных и российских исследователей к проблеме организации онлайн-обучения в образовательном пространстве высшей школы, где подчеркивается значимость использования массовых открытых онлайн-курсов (MOOC), небольших частных онлайн-курсов (SPOC) в учебном процессе [4, 5].

Анализ имеющихся научных работ показал, что среди авторских исследований в области онлайн-образования, отсутствует единство даже в применении терминологического глоссария.

В соответствии с законодательством, обучение (образование) онлайн – это система электронного обучения, применение которого обосновано в гл. 2 ст. 16 «Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г., где сказано, что «организации, осуществляющие образовательную деятельность, вправе применять электронное обучение, дистанционные образовательные технологии при реализации образовательных программ…» [6].

Как подчеркивает А.А. Стриженко, к ключевым, наиболее прилагаемым исследователями дефинициям относятся: e-learning (е-обучение), online-learning (онлайн-обучение), distancelearning (дистанционное обучение).

Так, А.С. Фомина определяет онлайн-обучение как «способ организации процесса самостоятельного изучения учебных материалов с использованием образовательной среды, основанной на интернет-технологиях, обучение с помощью сети Интернет и мультимедиа» [7, с. 102].

Отечественный исследователь А.А. Стриженко полагает, что в случае, когда речь идет о применении сети Интернет и всемирной паутины (www), то логично обратиться к терминам e-learning и online-learning, а что касается дистанционного обучения, то оно носит обобщающий характер [8].

На данном этапе модель хранилища онлайн-ресурсов переросла в массовые открытые онлайн-курсы, набирающие в настоящее время популярность во всем мировом сообществе. Среди массовых открытых онлайн-курсов выделяют следующие модели: xMOOC, cMOOC, hMOOC, ahMOOC и SPOC [4].

Так, xMOOC – курсы, сосредоточенные на масштабируемости, где не имеет значения то, какова численность студентов, одновременно обучающаяся на нем. Основной формат обучения – асинхронный, то есть обучение на нем не имеет строгой привязки ко времени; cMOOC – формат онлайн-курсов, который направлен на взаимодействие участников курса между собой в процессе обучения. Основа такого курса – технологии взаимообучения и взаимного оценивания – являются синхронными и зависимыми от времени; в модели hMOOC важным отличием является не только активное взаимодействие студентов с образовательным контентом, но и участие искусственного интеллекта (ИИ). Такой онлайн-курс объединяет неформальное обучение с информальным, что подразумевает автономное обучение во время и после курса. Одновременно он включает в себя элементы, которые приближают такой структурированный курс к социальной сети, где имеется новый обучающий сервис (ИИ); ahMOOC – другой гибридный вариант MOOC, направленный на «соблюдение баланса между cMOOC и xMOOC, включая деструктивные элементы первых и простоту управления вторыми» [9, с. 1019].

По мнению Ю.В. Корнилова и И.Б. Государева, новая модель должна быть спроектирована так, чтобы адаптироваться к новому образовательному контексту, возникшему в результате инициативы MOOC, но при этом она также должна быть в состоянии справиться с социальными и учебными изменениями, происходящими за пределами университета [4].

Появление SPOC (small private on line course) сопряжено с трансформацией MOOC в неофициальный курс локального характера, который выполняет функции веб-поддержки. SPOC представляет собой небольшие закрытые онлайн-курсы, применяемые при реализации формального обучения в организации. Такого рода курсы «ориентированы на малые академические группы и являются реализацией модели обучения «перевернутый класс», когда учебные материалы, необходимые для изучения, доставляются обучающимся заранее, а аудиторное время отводится для взаимодействия преподавателя и обучающихся в виде совместной активной деятельности. В связи с этим SPOC ориентированы на определенные группы студентов, которые могут пройти курс и готовы взаимодействовать с другими на протяжении всего процесса обучения» [4, с. 60].

Зарубежные исследователи Дж. Мур, Диксон-Дин, Гален Криста различают глубинный смысл и определение терминов e-learning (е-обучение) и online-learning (онлайн-обучение), связывая это с тем фактом, что дизайн разнообразных типов образовательного пространства высшей школы может зависеть от основных целей обучения, его запланированного результата, типа контента и доступа (например, физического, виртуального или смешанного, совмещающего оба вида доступа) [10].

Одним из видов онлайн образования являются онлайн-курсы.

Актуальность изучения онлайн-курсов как нового образовательного ресурса и самостоятельного элемента образовательной системы высшей школы связана с переходом к компетентностной парадигме образования, отражающей требования инновационной общественной формации, декларируемые во ФГОС ВО и других нормативных документах.

По мнению Н.В. Гречушкиной, онлайн-курсы открывают возможность «решать задачи построения индивидуальной образовательной траектории и дополнительной профессиональной подготовки обучающегося, формирования у него способности к самоорганизации и самообразованию – ключевой компетенции, необходимой для реализации концепции непрерывного образования» [11].

Онлайн-курсами сегодня принято считать курсы, учитывающие процентное соотношение онлайн-обучения. По мнению упомянутых выше авторов, к онлайн-курсам относятся такие курсы, в которых 80 % контента доставляется онлайн.

В таблице 1 представлено разнообразие методов доставки материала разными инструкторами [8].

Таблица 1

Методы доставки материала различными инструкторами

Пропорций контента, доставляемого онлайн	Тип курса	Типичное описание
0 %	Традиционный	Курс, в котором не используются онлайн-технологии; контент передается письменно или устно
от 1 % до 29 %	Частичное применение web	Курс, в котором применяется технология, основанная на web, обычно в курсе лицом к лицу. Может также использоваться система управления курсом или web-странички с целью передачи учебного плана и заданий
от 30 % до 79 %	Смешанный, сочетающий Традиционные и электронные методы доставки	Курс, в котором имеется и онлайн-обучение, наряду с обучением межличностным, лицом к лицу. Значительная часть контента передается онлайн, используются онлайн-обсуждения и число занятий лицом к лицу сокращено
80 % +	Онлайн	Курс, при котором подавляющая часть контента передается онлайн

Онлайн-обучение в вузе реализуется на институциональном, управленческо-технологическом и педагогическом уровнях, а также, в электронной или дистанционной формах.

Заметим, что в научной литературе исследователи не дифференцируют понятия «дистанционный» и «электронный», считая их синонимами. Однако, как показывает теоретический и практический анализ научной социально-педагогической литературы, это не является верным, о чем свидетельствует официальный нормативный документ. Так, в упомянутой выше статье 16 ФЗ «Об образовании в РФ» приведена интерпретация различия между электронным обучением (ЭО) и дистанционными образовательными технологиями (ДОТ): «Под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-коммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-коммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [6]. Проще говоря, дистанционный формат онлайн-курсов производится или действует на расстоянии, в то время как электронный – существует в цифровом формате и реализуется посредством сетевых технологий (электронная книга, электронная почта, электронный бизнес).

В дистанционном формате обучения взаимодействие субъектов образовательного пространства имеет асинхронный характер, его инициатором и модератором выступает обучающийся, который может неоднократно воспроизводить учебное пространство в удобное для себя время.

По мнению А.В. Лубского и В.В. Ковалева, онлайн-обучение и дистанционное обучение представляют собой разные формы организации учебного процесса в образовательном пространстве высшей школы. Под общие основания можно подвести то, что для обеих форм обучения,

базисом являются информационно-коммуникационные технологии, благодаря которым их учебные пространства являются виртуальными, т.е. выступают имитационными аналогами, симулирующими реальность [3].

Как пишет Н.Е. Отекина, «система электронного обучения представляет собой программный продукт, доступ в эту систему обучения осуществляется через интернет или по локальной сети, в свободном режиме иди авторизаций пользователей – по логину и паролю» [12].

В качестве круга ключевых вопросов для высшей школы, принявшей решение о применении онлайн-курсов, можно обозначить следующие вопросы:

– является ли онлайн образование критичным для конкретного высшего учебного заведения с точки зрения долгосрочной стратегии;

– каков процент зачисления студентов на курсы онлайн-обучения и растет ли этот процент по сравнению с каждым предыдущим годом;

– оказывает ли влияние онлайн-обучение на результаты академической успеваемости;

– имеются ли барьеры для широкого применения онлайн-курсов?

Такого рода вопросы сегодня все более актуализируются, поскольку прогноз показывает, что рынок образовательных услуг онлайн будет расти и в дальнейшем.

Таким образом, онлайн-обучение представляет инновационный метод доставки образования и образовательных ресурсов пользователям, что содействует развитию новой культуры обучения, коммуникации, сотрудничества, получению знаний через Интернет, созданию сетевых академических сообществ.

Литература:

1. *Gafiatulina N.K.* The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization. EurAsian Journal of BioSciences / N.K. Gafiatulina, L.I. Makadey, I.V. Gluzman, A.D. Lozhechkina, L.A. Volkova, A.P. Bandurin. 2019. Vol. 13. № 2. P. 1557–1563.

2. *Гафиатулина Н.Х.* Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации / Н.Х. Гафиатулина, В.В. Касьянов, С.И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 147–158.

3. *Лубский А.В.* От «онлайнизации» высшей школы к онлайн-образованию / А.В. Лубский, В.В. Ковалев // Гуманитарий Юга России. 2020. № 2. С. 33–50.

4. *Корнилов Ю.В.* Опыт разработки онлайн-обучения в высшей школе / Ю.В. Корнилов, И.Б. Государев // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 5. С. 60.

5. *Kaplan A.M.* Higher education and the digital revolution: About MOOCs, SPOCs, social media, and the cookie monster. Business Horizons / A.M. Kaplan, M. Haenlein. 2016. Vol. 59. № 4. P. 441–450.

6. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. *Фомина А.С.* Онлайн-обучение в высшем учебном заведении: методики, контент, технологии // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 1. С. 101–106.

8. *Стриженко А.А.* Онлайн-образование: теория и практика // Экономика. Профессия. Бизнес. 2016. С. 75–79.

9. *García-Peñalvo F.J.* An adaptive hybrid MOOC model: Disrupting the MOOC concept in higher

Literature:

1. *Gafiatulina N.K.* The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization. EurAsian Journal of BioSciences / N.K. Gafiatulina, L.I. Makadey, I.V. Gluzman, A.D. Lozhechkina, L.A. Volkova, A.P. Bandurin. 2019. Vol. 13. № 2. P. 1557–1563.

2. *Gafiatulina N.Kh.* Social immunity of Russian society in the face of the threat of coronavirus: risks of socio-cultural traumatization / N.Kh. Gafiatulina, V.V. Kasyanov, S.I. Samygin // Humanitarian of the South of Russia. 2020. Vol. 9. № 2. P. 147–158.

3. *Lubsky A.V.* From «online» higher education to online education / A.V. Lubsky, V.V. Kovalev // Humanitarian of the South of Russia. 2020. № 2. P. 33–50.

4. *Kornilov Yu.V.* The experience of developing online learning in higher education / Yu.V. Kornilov, I.B. Gosudarev // Modern problems of science and education. 2019. № 5. P. 60.

5. *Kaplan A.M.* Higher education and the digital revolution: About MOOCs, SPOCs, social media, and the cookie monster. Business Horizons / A.M. Kaplan, M. Haenlein. 2016. Vol. 59. № 4. P. 441–450.

6. On education in the Russian Federation [Electronic resource]: federal. Law of December 29, 2012 № 273-FZ. Access from sprav. legal system «Consultant Plus».

7. *Fomina A.S.* Online education in higher education: methodologies, content, technologies // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2016. № 1. P. 101–106.

8. *Strizhenko A.A.* Online education: theory and practice // Economics. Profession. Business. 2016. P. 75–79.

9. *García-Peñalvo F.J.* An adaptive hybrid MOOC model: Disrupting the MOOC concept in higher

education. Telematics and Informatics / F.J. García-Peñalvo, Á. Fidalgo-Blanco, M.L. Sein-Echaluce. 2018. Vol. 35. № 4. P. 1018–1030.

10. *Moore J.L.* E-learning (е-обучение), online-learning, and distance learning environments: are they the same / J.L. Moore, Dickson-Deane Camille, Galyen Krista // Internet and Higher Education. 2011. № 14. P. 129–135.

11. *Отекина Н.Е.* Электронное обучение, дистанционные образовательные технологии // Инновационная наука. 2017. № 4-2. С. 127.

12. *Гречушкина Н.В.* Онлайн-курс: определение и классификация // Высшее образование в России. 2018. № 6. С. 125–134.

education. Telematics and Informatics / F.J. García-Peñalvo, Á. Fidalgo-Blanco, M.L. Sein-Echaluce. 2018. Vol. 35. № 4. P. 1018–1030.

10. *Moore J.L.* E-learning (е-обучение), online-learning, and distance learning environments: are they the same / J.L. Moore, Dickson-Deane Camille, Galyen Krista // Internet and Higher Education. 2011. № 14. P. 129–135.

11. *Otekina N.E.* E-Learning, Remote Educational Technologies//Innovation Science. 2017. № 4-2. P. 127.

11. *Grechushkina N.V.* Online Course: Definition and Classification // Higher Education in Russia. 2018. № 6. P.125–134.

УДК 316
DOI 10.23672/t2211-3263-3448-j

Говердовская Елена Валентиновна
доктор педагогических наук,
профессор,
заместитель директора
по непрерывному образованию,
Пятигорский
медико-фармацевтический институт –
филиал Волгоградского государственного
медицинского университета Минздрава РФ
Elena_goverdovskaya@mail.ru

Попов Михаил Юрьевич
доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

Абдулаева Элита Султановна
кандидат философских наук,
доцент кафедры теории
и технологии социальной работы,
Чеченский государственный университет
elita8881@mail.ru

Глобализация и тенденции деглобализации мирового сообщества в условиях системного кризиса

Аннотация. Динамичное развитие мирового сообщества во второй половине двадцатого века привело к развитию в мировом цивилизационном пространстве такого явления, как глобализация. В данной статье авторами высказываются предположения о факторах, вызвавших этот процесс, который ими, в частности, связывается с противостоянием капиталистической и социалистической моделей общественного развития. Также, в ней представлены позиции тех исследователей, кто в результате анализа влияния глобализации на ход мирового развития во втором десятилетии двадцать первого века, приходит к выводу о её кризисе с последующим переходом к процессу деглобализации.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, коронавирус, мировой порядок, многополярный мир, однополярный мир, глобальные проблемы современности.

Elena V. Goverdovskaya
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor,
Deputy director
by Continuing Education,
Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical
Institute – branch of the Volgograd State
Medical University of the Ministry of Health
of the Russian Federation
Elena_goverdovskaya@mail.ru

Mikhail Yu. Popov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

Elita S. Abdulayeva
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of Theory
and Social work Technologies,
Chechen State University
elita8881@mail.ru

Globalization and trends in the decentralization of the world community in the face of the systemic crisis

Annotation. The dynamic development of the world community in the second half of the twentieth century has led to the development of globalization in the world civilizational space. In this article, the authors speculate about the factors that caused this process, which they, in particular, is associated with the opposition of capitalist and socialist models of social development. It also presents the positions of those researchers who, as a result of the analysis of the impact of globalization on the course of world development in the second decade of the twenty-first century, comes to the conclusion of its crisis, followed by a transition to the process of deglobalization.

Keywords: globalization, deglobalization, coronavirus, world order, multipolar world, unipolar world, global problems of our time.

Глобальные процессы являются одной из характеристик современной цивилизации. В многочисленных источниках на протяжении десятилетий тщательному анализу подвергаются не только преимущества, но и негативное влияние глобализационных процессов на развитие современной цивилизации. Как нам представляется, высокие обороты этот процесс стал набирать после окончания Второй мировой войны, хотя некоторые его элементы стали проявляться уже, начиная с XX века, в результате формирования военных союзов государств-мировых лидеров в их стремлении пересмотреть сферы влияния, а фактически – в разделе мира между ними с позиций силы, что привело к развязыванию Первой мировой войны. После ее завершения странами-

победительницами была предпринята попытка сформировать устойчивый мировой порядок в соответствии с Версальской моделью послевоенного мироустройства. В частности, она была частично реализована посредством создания Лиги наций, на которую возлагалась ответственность за обеспечение мирного сотрудничества между государствами, входившими в нее. К сожалению, попытка реализации этого, по сути, глобального проекта оказалась неудачной по ряду причин:

– неудовлетворенностью достигнутыми договоренностями как со стороны государств-победителей в Первой мировой войне, так и государств, потерпевших поражение в ней;

– изменением структуры мировой экономики и политики в результате произошедшей в Российской империи в 1917 г. Октябрьской революции, что потребовало от мирового сообщества напряжения своих усилий не только в направлении восстановления экономики европейских государств, наиболее пострадавших от этой кровопролитной войне, но и устранения угрозы экспорта социалистических революций на Европейском континенте, что стало одной из причин глубокого послевоенного экономического кризиса;

Таким образом, Европа после завершения Первой мировой войны столкнулась еще с одной проблемой: с преодолением угрозы устойчивому развитию, существовавшей в этой части планеты капиталистической системы, вызванной последствиями Октябрьской революции в России. Ведь, как следовало из постулатов революционных марксистов во главе с В.И. Ульяновым-Лениным, это событие должно было стать фактором, стимулирующим революционные процессы во всем мире, а именно, мировой пролетарской революцией, инициатором и движущей силой которой, по их мнению, предполагались пролетарские массы, которые и должны были ее возглавить. Эти идеи для европейцев уже первоначально не представлялись эфемерными, когда и в Германии, и в Венгрии также имели место революционные события, ставившие под угрозу существование капиталистической модели развития этих государств. И хотя надежды лидеров революции в России на то, что она послужит катализатором мировой пролетарской революции, не оправдались, тем не менее, она спровоцировала не только глубокий экономический кризис на Европейском континенте первые послевоенные годы, но и Великую депрессию в конце 1920 – начале 1930-х гг. в американской экономике. А так как мировая капиталистическая система в то время находилась на ранней стадии глобализации и поэтому еще не обрела способности к преодолению внутренних противоречий, именно это обстоятельство, по нашему мнению, послужило одним из поводов для начала Второй мировой войны. Другая же причина была связана с надеждой ведущих западных держав отвести военную угрозу от себя и направить реваншистские устремления гитлеровской Германии против Советского Союза. Но, как известно, развитие событий в этой войне не только привело к разгрому Германии и ее союзников, но и к формированию нового мирового порядка в соответствии с Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями, достигнутыми между державами-победительницами. Результатом этих договоренностей стало возникновение на нашей планете двух противоборствующих капиталистической и социалистической систем, в границах которых стали активно развиваться интеграционные процессы, как в экономической, так и в военно-политической сферах. Именно они, как мы полагаем, и стали стимуляторами процессов глобализации, которые в условиях двухполярного мира развивались в направлениях вовлечения в сферу своего влияния как можно большего количества стран. И это противостояние буквально с первых послевоенных лет перешло в, так называемую, «холодную войну», в ходе которой было создано два наиболее мощных военно-политических блока:

– НАТО (Северо-Атлантический блок), созданного в 1949 г. двенадцатью государствами Запада [1], по определению его генерального секретаря А.Ф. Расмуссена (2009–2014 гг.), для защиты Европы от советского вторжения [2];

– Варшавский договор (Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи), созданный в 1955 г. в ответ на вступление ФРГ в НАТО [3].

В сфере экономического сотрудничества внутри этих блоков государств также развивались мощные интеграционные процессы. В частности:

– странами социалистического лагеря в 1949 г. по инициативе восточно-европейских государств был создан Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) [4], представлявший, своего рода, социалистическую альтернативу плана Маршалла [5], а также, формировавшемуся европейскому общему рынку [6];

– по инициативе ряда западно-европейских государств, в развитие плана Маршалла: «Программы восстановления Европы» (англ. – European Recovery Program) [7] как инструмента холодной войны против СССР, по определению Генри Уоллеса [8], было создано в 1958 г. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) или «общий рынок» [8], ставшее предшественником Евросоюза.

Таким образом, на протяжении первых послевоенных десятилетий странами капиталистического и социалистического блоков велась интенсивная работа по интеграции своих усилий в экономической, в военно-политической и идеологической сферах, но не столько в направлении социально-экономического прогресса, сколько ради противостояния друг другу в борьбе за мировое господство, что стимулировало гонку вооружений и сохраняло перманентную угрозу новой мировой войны.

Параллельно с этим противостоянием шёл процесс глобализации, углублению которого противодействовала конфронтация между двумя моделями общественного развития под лозунгами защиты демократии и ценностей западного мира от советской угрозы (страны капиталистического лагеря), и исторической обреченности мировой

капиталистической системы на неминуемое поражение в соревновании с более прогрессивной социалистической системой (со стороны стран, входивших в социалистическое содружество).

Исходя из выше изложенного, мы полагаем, что в этом противостоянии, если и имело место соревнование двух систем, то, в большей степени оно велось на идеологическом уровне с использованием инструментов информационной войны, когда каждая из сторон пыталась внедрить в массовое сознание своих граждан мысль об исторической бесперспективности развития модели социально-экономического развития стран-соперниц. А если же коснуться такой темы, как мирное сосуществование между этими системами, то оно все эти десятилетия балансировало на грани термоядерной войны, в результате чего можно утверждать, что это соперничество сопровождалось не только разорительной гонкой вооружений, неоднократно ставившей под угрозу существование современной цивилизации, неэффективным использованием природных ресурсов и интеллектуального потенциала всего человечества, но и деформацией массового сознания, в результате чего на его периферии оказался широкий круг проблем, успешное решение которых должно позволить мировой цивилизации развиваться на глобальном уровне в качественно ином направлении, контуры которого ему еще только предстоит определить с учетом, в частности, того обстоятельства, что, по нашему глубокому убеждению, ни одна из моделей общественного развития не продемонстрировала свою жизнеспособность, несмотря на заявление представителей западного политического бомонда о крахе коммунистической системы и победе западной модели либеральной демократии и поэтому, являющейся универсальной для всего мирового сообщества, отклонение от которой должно пресекаться совместными усилиями государств, занимающих лидирующие позиции в мире, и объединенных в структуре НАТО. Только, как показали события конца 1990-х и начала 2000 гг., это утверждение не соответствует действительности:

– попытки переноса западной модели демократии в другие политические пространства (на Ближний Восток и Северо-Африканский континент) привели к разрушению государственности Ирака, Ливии, глубокому системному кризису в Тунисе, Алжире и в других странах. Да и попытки копирования модели, основанной на западных либеральных ценностях (принципах демократии, рыночной экономики, ценностей общества потребления) в постсоветской России в 1990-е гг., как хорошо известно, также привели нашу страну в состояние, грозящее разрушению ее государственности;

– как показал ход развития исторических процессов в Европе после распада СССР и прекращения действия Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи, мир сравнительно не долгое время находился в состоянии однополярности при безусловном лидерстве США, потому что Российская Федерация как правопреемник СССР, начиная со второго десятилетия XXI в., вернула себе статус великой державы, а бурное развитие КНР вывело это государство в число мировых экономических лидеров, хотя исповедуемая его политическим руководством модель социально-экономического развития, не имеет никакого отношения к западной модели государственного и общественного устройства.

Помимо этого, Китай и другие государства, и не только относящихся к развивающимся странам, но и к западному сообществу, не устраивает роль сателлитов США. К ним, в том числе, следует отнести ряд стран, входящих в состав Европейского союза, которые во втором десятилетии XXI века испытывают на себе серьезное политическое и экономическое давление со стороны своего заокеанского партнера, напрямую ущемляющего их суверенитет.

Выше названные обстоятельства позволили политологам, экономистам и политикам утверждать о начале процесса формирования в XXI веке многополярного мира, в котором глобализационные процессы, охватывая многие стороны жизнедеятельности мирового сообщества, в то же время, вызывали объективное стремление государств, наций и этносов к сохранению своей идентичности, обеспечению собственной безопасности и суверенитета. Этот процесс получил дополнительные стимулы для развития в условиях пандемии, вызванной распространением коронавируса, когда, в частности, государства, входящие в состав Евросоюза, на начальном этапе ее распространения на континенте были озабочены обеспечением собственной эпидемиологической безопасности, что привело не только к не контролируемому распространению инфекции в Италии и Испании, но и к предположению ряда исследователей о вступлении мирового сообщества в период деглобализации. Стимулировал также этот процесс политический и экономический кризис, переживаемый США накануне президентских выборов.

Возвращаясь же к теме противостояния капиталистической и социалистической моделей социально-экономического развития, следует признать и тот факт, что получившая широкое рапространение, в первую очередь, в англо-саксонском мире капиталистическая модель, доказала свою жизнеспособность вопреки утверждениям идеологов марксизма о её обреченности на гибель под влиянием мирового революционного рабочего и национально-освободительного движения. Но, как мы полагаем, это противостояние стало одним из факторов, стимулировавших процессы глобализации, которые до конца 1990-х гг. развивались по двум векторам, а, начиная с 2000-х гг., слились в единый процесс по наиболее важным для мирового сообщества направлениям: в информационной, экономической, торговой, транспортной, правоохранительной и некоторых других сферах.

В то же время, противостояние капиталистической и социалистической систем оказало негативное влияние на развитие современной мировой цивилизации, которое получило название глобальных проблем современности, наиболее ярко проявившихся именно во второй половине XX века. Как известно, к ним относятся проблемы

войны и мира, народонаселения, экологии, организованной преступности, здоровья человечества, чему, в немалой степени, способствовала затратная для обеих, противостоящих друг другу социально-политических систем, гонка вооружений, которая лишала мировое сообщество возможности эффективно заниматься решением экологических проблем, охраны окружающей среды от последствий технической революции, с которыми оно сможет справиться, только объединив свои не только материальные, интеллектуальные и организационные, но и духовно-нравственные ресурсы.

Если же коснуться утверждения многих представителей различных направлений науки о том, что ход мирового развития в направлении дальнейшего углубления глобализации вступает в период системного кризиса, который пандемия только стимулировала, и, в силу этой причины, в мировой экономике все явнее проявляются тенденции деглобализации. И с этим мнением мы, если и можем согласиться, но только отчасти, как и с позицией Дж. Стиглица, критикующего политику глобальных институтов: ВТО, МВФ, которые, по его мнению, используют глобализацию и её идеологию(свободную торговлю, свободный доступ к сырьевым ресурсам, мировое патентное право, использование в качестве мировых валют «бумажных долларов и евро, вмешательство международных институтов во внутреннюю политику) в интересах наиболее развитых государств в ущерб большинству стран на планете [9]. Помимо этого, некоторые критики глобализации утверждают, что она:

– способствует падению рождаемости [10];

– используется США в качестве инструмента для ослабления или уничтожения своих геополитических противников [11];

– стимулирует рост спекулятивной экономики, монополизацию производства и сбыта товаров, а также – перераспределение богатства в пользу небольшой группы людей (мирового правящего класса) [12; 13].

Как полагает А.В. Егоров, в период времени, прошедшего после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. наступило время неопределенности в мировой экономике, в следствие чего, посткризисное десятилетие и стало эпохой деглобализации:

– ослабления международных экономических связей, когда традиционные инструменты экономической политики не смогли предотвратить этот удар или хотя бы смягчить его последствия;

– когда растущая политическая напряженность в мире, в том числе, санкции и контрсанкции стали удобным поводом для защиты государствами своей экономики от иностранных конкурентов, введения политики протекционизма, способствующей повышению ее автономности, использования внутренних источников роста [14].

Фактором, стимулирующим процесс деглобализации и, как мы полагаем, своего рода, катализатором кризиса глобализации стала пандемия коронавируса в связи с тем, что многие страны, столкнувшись с этой проблемой, оказались заложниками транснациональных компаний:

– перераспределивших свои финансовые потоки в наиболее выгодные для себя секторы экономики государств, защитниками чьих интересов они выступают, в первую очередь;

– монополизировавших рынок медицинских препаратов, средств защиты от эпидемий, и, судя по всему, они окажутся в этой роли и при приобретении препаратов и вакцин от коронавируса, используя этот фактор как средство экономического и политического давления на те государства, которые будут пытаться вести независимую политику.

В то же время, отмечая кризисные явления, проявляющиеся в процессе глобализации, мы выражаем уверенность в том, что глобализация стала неотъемлимой частью современной мировой цивилизации и будет сохранять свое влияние в таких сферах, как:

– средства массовой информации и коммуникации;

– Интернет и цифровые технологии;

– общемировое культурное пространство, в которое объективно входят литература, искусство, кинематограф, телевидение;

– международное научное сотрудничество в «прорывных» направлениях, в том числе и по снижению угроз мировой цивилизации со стороны глобальных проблем современности, на которые мы уже указывали в данной публикации;

– здравоохранение, которое только в глобальных масштабах может быть эффективным в борьбе с болезнями и эпидемиями, что, в частности, подтверждает ситуация с пандемией коронавируса.

Обращаясь, в завершении нашей публикации, к вопросу о судьбе глобализации и перспективах деглобализации, мы выражаем солидарность с мнением, высказанным член-корреспондентом РАН, научным руководителем Института экономики РАН, вице-президентом Вольного экономического общества России (далее, ВЭОР) Р.С. Гринбергом, которое он высказал в заключение своего диалога с первым заместителем председателя комитета Совета Федерации по экономической политике, президентом ВЭОР, доктором экономических наук, профессором С.Д. Бодруновым в программе «Дом.Э» на телевизионном канале ОРТ 30 мая 2020 г. Как полагает этот ученый с мировым именем, какие-либо прогнозы в отношении дальнейших перспектив как глобализации, так и деглобализации в настоящее время строить преждевременно, потому что они находятся в состоянии неустойчивого развития.

Литература:

1. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/НАТО

2. Anders Foght Rasmussen. Why is more important than ever invest in defense of democracy // The Telegraph, 06 Apr. 2014. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/Огранизация _Варшавского_ договора

3. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/Совет_экономической_взаимопомощи

4. Совет экономической взаимопомощи // Большая российская энциклопедия. М., 2004.

5. URL : http://www.calend.ru/events/4125

6. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/План_Маршалла

7. *Минасян Г.Е.* Левые силы США против «холодной войны» (1945–1948). URL : http://amstud.msu.ru/ful_texts/texts/conf1995/minasyan14.htm

8. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/Европейское_экономическое_сообщество

9. *Stiglitz J.* Globalization and Discontents. London, 2002; Stiglitz J. Making Globalization Work. London, 2006.

10. *Кузовиков Ю.* Глобализация и спираль истории. М., 2010. Ч. 2.

11. *Платонов О.* Почему погибнет Америка: взгляд с Востока и запада / О. Платонов, Г. Райзеггер. М., 2008. Ч. III.

12. *Харви Д.* Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. С. 46–51, 159, 206–220.

13. *Кузовиков Ю.* Мировая история коррупции. М., 2010.

14. *Егоров А.В.* Глобальная экономика: смена вех // Банковское дело. 2017. № 8.

Literature:

1. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/NATO

2. Anders Foght Rasmussen. Why is more import than ever invest in defense of democracy // The Telegraph, 06 Apr. 2014. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/_Варшавского_ of the Treaty of Justice

3. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/Sovet_ekonomicheskoy_vzaimopomoshchi

4. Council of Economic Mutual Assistance // Grand Russian Encyclopedia. M., 2004.

5. URL : http://www.calend.ru/events/4125

6. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/Plan_marshalla

7. *Minasyan G.E.* The left forces of the USA against «cold war» (1945–1948). URL : http://amstud.msu.ru/ful_texts/texts/conf1995/minasyan14.htm

8. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/Evropeyskoye_ekonomicheskoye_soobshchestvo

9. *Stiglitz J.* Globalization and Discontents. London, 2002; Stiglitz J. Making Globalization Work. London, 2006.

10. *Kolovikov Yu.* Globalization and the spiral of history. M., 2010. Part 2.

11. *Platonov O.* Why America will die: a view from East and West / O. Platonov, G. Reizegger. M, 2008. Part III.

12. *Harvey D.* A brief history of neoliberalism. Relevant reading. M., 2007. P. 46–51, 159, 206–220.

13. *Kolovikov Yu.* World history of corruption. M., 2010.

14. *Yegorov A.V.* Global Economy: Changing Milestones // Banking. 2017. № 8.

УДК 316
DOI 10.23672/I1427-4664-8864-q

Качанов Антон Викторович
магистрант кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
kachanovav96@mail.ru

Электоральный абсентеизм в современной России

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для политической жизни современного российского общества проблема сознательного отказа граждан от участия в голосовании. По мнению автора, массовый электоральный абсентеизм сдерживает формирование гражданского общества, легитимных, эффективных органов власти и управления – непременных институтов демократической политической системы. Автор анализируют электоральный абсентеизм как многоаспектный социокультурный феномен и предлагают пути его преодоления.

Ключевые слова: электоральный абсентеизм, избирательное право, демократия, выборы, электоральная активность, электоральная пассивность, политическое отчуждения, преодоление абсентеизма.

Anton V. Kachanov
Master student of the Department
of Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
kachanovav96@mail.ru

Electoral absenteeism in modern Russia

Annotation. The article considers the issue of the conscious refusal of citizens to vote to be relevant to the political life of modern Russian society. Massive electoral absenteeism restrains the formation of civil society, legitimate, effective bodies of power and government - indispensable institutions of a democratic political system. The author analyzes electoral absenteeism as a multidimensional sociocultural phenomenon and suggest ways to overcome it.

Keywords: electoral absenteeism, suffrage, democracy, elections, electoral activity, electoral passivity, political exclusion, overcoming absenteeism.

Одной из характерных черт современного общества является снижение политической активности, в том числе и электоральной активности, проявляющееся в электоральном абсентеизме. Под электоральным абсентеизмом понимается форма политического отчуждения, характеризующаяся добровольным отказом граждан от реализации своих избирательных прав[1, с. 214–220].

Рост электорального абсентеизма наблюдается во всех высокоразвитых странах. По данным Международного института демократии и содействия выборам, среднестатистический показатель явки на выборах в европейских странах в период с 2000 по 2018 годы снизился с 70 % до 64 % [2, с. 105–111].

В Российской Федерации в голосовании на выборах различного уровня не участвует от 40 % до 70 % граждан, наделенных активным избирательным правом [3, с. 1]. Электоральный абсентеизм охватил российскую молодежь. Проводимые в преддверии выборов президента Российской Федерации 2018 года социологические исследования фиксировали низкий интерес молодежи к этому событию: читали агитационные материалы, просматривали выступления кандидатов всего 36 % молодежи, а большинство (62 %) не придавало им значения [11]. Не интересовали выборы президента 68 % студентов и 64 % работающей молодежи [14]. В итоге явка молодежи в день голосования составила всего 24 % от имеющих право голоса [4, с. 17–20].

Одной из основных причин развития абсентеизма в данной возрастной категории является особенности политической культуры современного Российского общества, характеризующейся низкой степенью доверия к государственным институтам. Это обусловлено высокой степенью «закрытости» государственных институтов и политической автаркией, то есть, отсутствием необходимости учитывать волеизъявление граждан органами власти при принятии политических решений. Кроме того, отсутствие общепринятой и устоявшейся системы политических ценностей в Российской Федерации ведет к невозможности эффективной политической социализации. Исторически сложилось, что население не может достичь политических целей через механизм выборов [16].

На электоральной активности россиян сказывается весьма широко распространенное общественное мнение о заведомой предсказуемости выборов, о «выборах без выбора». Так, президентские выборы 2018 года для большинства избирателей не содержали эффекта новизны [5, с. 124–147]. За 6 дней до голосования 67 % респондентов считали результаты выборов предрешенными [14]. Для 64 % респондентов даже выборы Президента не являются знаковым и значимым событием [8]. Это – важный индикатор

заинтересованности российского электората в выборах разного уровня и формирования электорального мнения о постановочном и нечестном характере всего избирательного процесса. 59 % респондентов оценили выборы президента России 2018 года как честные. При этом только 14 % опрошенных назвали их бесспорно честными и 45 % – скорее честными. Однозначно нечестными посчитали президентские выборы 26 % россиян [9]. Эти данные говорят о серьёзной деформации демократического института и демократической процедуры выборов в России.

Возрастная группа от 30 до 50 лет на выборах Президента России 2018 года составила 48,2 % от числа респондентов [7, с. 90–94]. Данная категория избирателей наиболее активна по сравнению с молодежью и гражданами предпенсионного-пенсионного возраста, однако, цифры сравнительно не велики, учитывая, что указанная группа является наиболее «политически-зрелой» и формирует ядро электорального поля России. По результатам исследований, 44 % респондентов данной возрастной группы на вопрос о причинах неучастия в выборах президента 2018 указали отсутствие интереса к политике, 22 % опрошенных указали, что в день голосования заняты своими личными делами.

В условиях демократии электоральный абсентеизм как закономерное социально-политическое явление не представляет опасности для политической системы, но в случае его массовости и глубокой укоренённости в обществе абсентеизм выступает симптомом серьёзной «политической болезни», которая называется «нелегитимность власти».

Выборы, как демократический институт и демократическая процедура, призваны выявлять назревающие социальные конфликты, намечать и оформлять новые социально-политические тенденции. Именно поддержка народа на выборах обеспечивает легитимность власти, определяет результативность её политики, однако, безразличное отношение к выборам электорального ядра общества является признаком неэффективности существующей избирательной системы, неспособности власти аккумулировать наиболее потенциально-продуктивный электорат.

Избиратели предпенсионного и пенсионного возраста (от 55 лет) составили 28,1 % от числа опрошенных граждан, участвовавших в выборах Президента России 2018 года [6, с. 14–19].Тенденции абсентеизма в данной возрастной категории связывают с нарастающей социальной отчужденностью, вызванной неблагоприятной экономической обстановкой и снижением уровня реальных доходов.

Экономическое положение избирателей выступает в качестве показателя электоральной активности. Электоральный абсентеизм в большей степени характерен для социально неблагополучных и малообеспеченных групп населения, социального дна, социальной периферии общества, отчужденной не только от собственности, но и от политической жизни. Эта маргинально-люмпенская социальная страта с крайне низким уровнем социально-политических притязаний, социально безответственная, настроенная иждивенчески, не способная к социально-политической самоорганизации, необходимой для формулирования и отстаивания своих политических интересов, прежде всего, решает проблему выживания и социально-экономической адаптации.

Снижение явки на выборах зафиксирована в тех регионах, которые в рейтинге социально-экономического положения субъектов Российской Федерации по итогам 2018 года занимают места далекие от регионов с высоким качеством жизни населения. Архангельская область – 24,41 %, Ярославская область (46-е место) – 25 %, Владимирская область (43-е место) – около 24 %. Все эти области объединяет не только общее депрессивное состояние экономики, но и состав населения, характерный для средней полосы России [10].

При этом в беднейших регионах России таких, как Дагестан (58-е место) – 96,60 %, Ингушетия (82-е место) – 92,51 %, Кабардино-Балкария (77-е место) – 93,61 %, Тыва (85-е место) – 92,89 %, Чечня (72-е место) – 91,54 %, зафиксирована наивысшая явка на выборы Президента Российской Федерации 2018 года, превышающая 90 % [17].

Кроме того, наивысшая явка на выборы Президента Российской Федерации зафиксирована в регионах с высокими социально-экономическими показателями. Так, в республике Татарстан (4-е место) явка составила – 96,99 %, а в Белгородской области (5-е место) – 97,50 % [15].

Таким образом, абсентеизм в зависимости от благосостояния субъекта Российской Федерации свойственен регионам среднего звена, в отличие от политически-аккумулированных богатейших и беднейших субъектов страны.

Принимая во внимание социально-экономические, демографические политические, социально-культурные основания электорального абсентеизма, можно выделить способы его преодоления.

Важной мерой понижения электорального абсентеизма является законодательное установление порога явки на выборах. На основании социологического исследования, проводимого Фондом «Общественное мнение» в 2018 году 43 % опрошенных считает, что он нужен, 39 % не видят в нём необходимости, 18 % затрудняются ответить [12]. Сторонники введения меры считают: «чем больше проголосует, тем ближе к истине», это поможет «повысить уровень сознания людей», порог нужен, «чтобы результаты выборов максимально сложно было подделать». Аргументы противников таковы: «это принуждение и нарушение прав гражданина», «те, кто хотел, высказались, предложение было ко всем». Таким образом, необходимо определить такую норму порога явки, которая обеспечивала бы явку, отражающую мнение достаточно весомой части населения, но, одновременно, не завышала бы реальный потенциал возможной активности и

гражданственного самосознания населения, не срывала бы выборы.

Кроме того, необходимо осуществлять политику по повышению уровня и качества жизни населения, как в центральной части страны, так и в регионах России с помощью принятия государством комплексных мер, направленных на создание устойчивого и сбалансированного рынка труда, обеспечение доступности профессионального образования, эффективной занятости населения, формирование современных институтов социокультурной адаптации населения.

Также, необходимым способом преодоления абсентеизма является повышение электоральной и политической культуры населения. Таким образом, нужно активизировать работу по реализации «Федеральной целевой программы повышения правовой культуры избирателей и организаторов выборов в России». Эта программа регламентирует нормы избирательного процесса и законодательства в целом. Необходимо создавать специальные радио- и телепередачи. Кроме того, повышение электоральной культуры возможно с помощью создания специализированного обучения в старших классах средней школы. В школьную программу целесообразно в качестве факультативного занятия ввести изучение основ граждановедения, призванного помогать будущим избирателям получать знания о выборах и политики в целом.

Литература:

1. *Аринина К.И.* Абсентеизм в политике: причины и последствия // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 214–220.

2. *Доманов В.Г.* Политический неоампир: выбор России или геополитический сателлитизм. / В.Г. Доманов, О.А. Артюхин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 1. Ч. I. С. 105–111.

3. *Кузнецов В.И.* Абсентеизм как разновидность протестного движения молодежи / В.И. Кузнецов, Н.Е. Родин // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 2. С. 1.

4. *Логунова В.П.* Повышение политического участия молодежи как фактор снижения уровня абсентеизма посредством государственной политики // Вопросы управления. 2018. № 5(48). С. 17–20.

5. *Мамонов М.В.* Имитационные характеристики президентских выборов 2018 г. и их влияние на следующий электоральный цикл: результаты опросов общественного мнения / М.В. Мамонов, И.В. Гаврилов, М.А. Вядро // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 124–147.

6. Общественное мнение – 2018. М. : Левада-Центр, 2018. С. 14–19.

7. Русских Л.В. Абсентеизм как модель политического поведения / Л.В. Русских, А.А. Сумина // Вестник ЮУр-ГУ Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18. № 4. С. 90–94.

8. ВЦИОМ дал старт первому в России электоральному исследованию на платформе блокчейн – экзитполу на выборах Президента РФ: пресс-выпуск № 3607. URL : https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116752 (дата обращения 21.11.2019).

9. Институт недоверия // Romir: Исследования. URL : https://romir.ru/ (дата обращения 21.11. 2019).

10. Левада-центр Аналитический центр Юрия Левады. URL : http://www.levada.ru/category/rubriki-saita/press-vyp (дата обращения 13.10.2019).

Literature:

1. *Arinina K.I.* Absenteeism in politics: causes and consequences // Uchenye zapiski Kazan University. Series: Humanities. 2014. № 1. P. 214–220.

2. *Domanov V.G.* Political neo-empire: the choice of Russia or geopolitical satelliteism. Part I / V.G. Domanov, O.A. Artyukhin // State and municipal administration. Scholarly notes of SKAGS. 2016. № 1. P. 105–111.

3. *Kuznetsov V.I.* Absenteeism as a form of youth protest movement / V.I. Kuznetsov, N.E. Rodin // International Student Scientific Bulletin. 2017. № 2. P. 1.

4. *Logunova V.P.* Increasing the political participation of youth as a factor in reducing the level of absenteeism through public policy // Management Issues. 2018. № 5(48). P. 17–20.

5. *Mamonov M.V.* Simulation characteristics of the 2018 presidential election and their impact on the next electoral cycle: results of public opinion polls / M.V. Mamonov, I.V. Gavrilov, M.A. Vyadro // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2018. № 4. P. 124–147.

6. Public Opinion – 2018. M. : Levada Center, 2018. P. 14–19.

7. *Russkich L.V.* Absenteeism as a model of political behavior / L.V. Russkich, A. A. Sumin // Bulletin of the South Ural State University Series «Social and Human Sciences». 2018. Vol. 18. № 4. P. 90–94.

8. VTsIOM launched the first in Russia electoral research on the blockchain platform – exit poll in the presidential elections: press release № 3607. URL : https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116752 (accessed 11/21/2019).

9. Institute of distrust // Romir: Research. URL : https://romir.ru/ (date of the address 21.11.2019).

10. Levada Center Analytical Center of Yuri Levada. URL : http://www.levada.ru/category/rubriki-saita/press-vyp (date of the address 13.10.2019).

11. *Мельникова В.Ю.* Проблемы молодежного абсентеизма в России // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: XVIII междунар. студ. науч.-практ. конф.: материалы: сб. ст. № 3 (2018). URL : http://sibac.info/archive/guman/3(18) (дата обращения 15.11.2019).

12. Отношение молодежи к выборам и электоральному законодательству // Фонд общественного мнения. URL : https://fom.ru/Politika/13940 (дата обращения 01.02.2020).

13. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1100.2018. URL : https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=11022 (дата обращения 11.11.2019).

14. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3604. URL : https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116747 (дата обращения 26.11.2019).

16. РИА Рейтинг: регионы России. URL : https://riarating.ru/regions/20190219/630117442.html (дата обращения 21.11.2019).

16. Топ РБК. URL : http://top.rbc.ru/politics/24/12/2011/631617.shtml (дата обращения 01.11.2019).

17. Уровень политической активности. 2018 // База данных ФОМ. URL : http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom1111/d111111 (дата обращения 17.11.2019).

11. *Melnikova V.Yu.* Problems of youth absenteeism in Russia // Scientific community of students of the XXI century. Humanities: XVIII Int. Stud. scientific-practical conf.: Materials: Sat Art. № 3 (2018). URL : http://sibac.info/archive/guman/3(18) (date of the address 15.11.2019).

12. The attitude of young people to elections and electoral legislation // Public Opinion Foundation. URL : https://fom.ru/Politika/13940 (date of the address 01.02.2020).

13. Press release of VTsIOM № 1100.2018. URL : https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=11022 (date of the address 11.11.2019).

14. Press release of VTsIOM № 3604. URL : https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116747 (date of the address 26.11.2019).

15. RIA Rating: Russian regions. URL : https://riarating.ru/regions/20190219/630117442.html (accessed date: 11/21/2019).

16. Top RBC. URL : http://top.rbc.ru/politics/24/12/2011/631617.shtml (date of the address 01.11.2019).

17. The level of political activity. 2018 // POF database. URL : http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom1111/d111111 (date of the address 17.11.2019).

УДК 316.35
DOI 10.23672/t0235-2850-9117-b

Кранзеева Елена Анатольевна
кандидат социологических наук,
доцент,
кафедра социологических наук,
Кемеровский
государственный университет
elkranzeeva@mail.ru

Elena A. Krasieva
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Department of Sociology,
Kemerovo State University
elkranzeeva@mail.ru

Протополитическое участие женщин

Protopolitical participation of women

Аннотация. В данной статье автор рассматривает политическое участие женщин, а точнее - его первые проявления на примере революций и национальных движений XVIII–XIX вв. европейских стран. Целью статьи является анализ протополитического участия женщин и выделение его признаков. К таким признакам отнесены: отсутствие выраженных самостоятельных интересов женщин; участие с позиции традиционной роли (хозяйка, жена и пр.); новые формы коллективных действий и солидарности; невключенность женщин в созданные структуры власти, появление политического сознания женщин.

Ключевые слова: политика, гражданское общество, активистки, гендер, революции, политическое сознание.

Annotation. The author considers the political participation of women, or rather, his first manifestations on the example of revolutions and national movements of the XVIII–XIX centuries. European countries. The purpose of the article is to analyze the protopolitical participation of women and highlight its features. These signs include: the lack of pronounced independent interests of women; participation from the position of a traditional role (hostess, wife, etc.); new forms of collective action and solidarity; the non-inclusion of women in the created power structures, the emergence of the political consciousness of women.

Keywords: politics, civil society, activists, gender, revolutions, political consciousness.

Политическая активность женщин всегда относилась к исключительным явлениям, т.к. такое поведение нарушало сложившийся порядок, предполагающий пассивность, послушание, молчаливость женщин. В переломные исторические моменты женщины традиционно воспринимались как носительницы культурных традиций, а их функция – материнство и воспитание подрастающего поколения – как основа для воспроизводства нации. Участие женщин в политическом движении считалось противоречащим их роли в обществе.

В многообразии революций и национальных движений XVIII–XIX вв. женщины играли заметную роль. Оставаясь долгое время граждански бесправными, женщины в период демократических революций и политических реформ того времени стали активными участниками политических изменений. Заметим, их участие не было выражением самостоятельных интересов, они поддерживали мужчин. Однако именно этот опыт позволил им выйти на политическую арену и таким образом, мы можем говорить о протополитическом участии женщин. Цель данной статьи – проанализировать протополитическое участие женщин на примере революций и национальных движений XVIII–XIX вв. европейских стран и обозначить его признаки.

Первые яркие массовые выступления женщин были связаны с так называемыми «хлебными бунтами». Так, Э.П. Томпсон, описывая переход раннего английского рабочего класса от восстания к политической интеграции, подчеркнул роль женщин во многих «хлебных бунтах». Он утверждал, что мятежники настаивали на идее морального сообщества, которое было обязано кормить их семьи. При этом он указывает: «Женщины более склонны быть мятежными, ... во всех общественных беспорядках они на передовой насилия и жестокости» [1, с. 81]. Кроме того, женщины вместе с мужчинами участвовали в продовольственных бунтах в Ирландии, Бельгии, Голландии и Германии. В современных исследованиях утверждается, что женщины были инициаторами многих беспорядков [2].

В попытках изменить старый режим реформаторы и революционеры не стремились устранить или переформировать существующие представления о гендерных ролях. Ратуя за демократические преобразования, реформаторы в своих гражданских программах часто использовали доминирующие взгляды на различия полов и их неравенство.

Франция.

В предреволюционном французском обществе гражданскими и политическими правами

обладали только собственники имущества, платившие налоги, иначе говоря, – главы семей. Такой статус имели только мужчины (в большинстве европейских стран женщины не могли владеть собственностью самостоятельно), причем далеко не все. Французская революция 1789 г. изменила представления о гражданских правах, когда представители третьего сословия («коммунары») объявили себя выразителями интереса государства, получив свою власть не от Бога или короля, а от людей. Гражданские права теперь принадлежали свободным мужчинам старше 25 лет, обладавшим собственностью, минимальные размеры которой были определены в соответствующем порядке. Женщины, несмотря на участие в народном движении, по–прежнему считались пассивной частью общества, которая по всем позициям в гражданских правах не нуждалась [3]. Различие между «активными» и «пассивными» гражданами было отменено 10 августа 1792 года, тогда всем мужчинам предоставили право голоса и ношения оружия (атрибуты, присущие гражданству, как это было определено во время Революции участниками народного движения), женщины были официально исключены из этих основных прав.

Оставаясь без формальных гражданских прав, женщины вели себя как граждане. При этом нельзя сказать, что социальная группа женщин однородна – не все женщины интересовались революционным движением. Условно их можно разделить на три пересекающиеся группы участников:

Заметные активистки, те, кто имеет более или менее постоянное членство в популярных политических сообществах, их присутствие отражено в архивных записях; из этих активисток возникает гражданское меньшинство: участники клубов или ассамблей, известные пропагандисты идей якобинцев; они обладали прочной (цельной) политической культурой и знали революционные концепции; факты их присутствия отражены в исторических документах, в различных архивах и в разные периоды времени; их возраст был различен: активист санкюлотов был молодой «глава семейства», в то время как активистка – женщина была либо в зрелом, либо в юном возрасте, что объясняется семейными ролями женщин.

Основные активистки, они не были постоянными членами клубов, однако участвовали в обсуждении тем, которые им были интересны, или участвовали в мобилизации населения летом 1793 г.; их наличие показывает, что парижские женщины из народа имели более или менее устойчивый политический интерес, осознавали, что поставлено на карту в революции; выдающиеся активистки и участницы движения санкюлотов были продвинутой группой, чьи практики и реакции часто отражали социальный и политический статус женщин.

Женские народные массы. Не все женщины из тех, кто участвовал в революции, были активистками. Участие большинства парижанок было незаметно, но, тем не менее, связано с революцией. Примкнув к ее идеалам, они разделяли стремления и идеи санкюлотов: право на существование, равенство, приверженность суверенитету, достоинство и счастье народа. Они проявили интерес к политической жизни на расстоянии, а иногда и участвуя в ней, в частности, во время беспорядков или восстания. Домашние хозяйки чувствовали ответственность за семью, но у них не было других средств ведения политического диалога, кроме участия в голодных бунтах. Женщины становятся индикатором напряжения отношений между главами семей и властями.

Кроме участия в бунтах, женщины находили другие способы выражения политической воли: посещение политических клубов, собраний на улице, присутствие на казнях, наблюдение за ходом революционных трибуналов, ношение таких символов революции, как фригийские колпаки. Женщины выходили на демонстрации, сочиняли памфлеты и речи, действовали как политические активисты на улицах и рабочих местах, протестовали. Они воодушевляли мужчин на борьбу, обращались к Национальной ассамблее, брали в руки оружие и считали себя частью независимого народа. Женщины все сильнее оказывались вовлеченными в, так называемое, протогражданство, не предполагавшее формальных прав. Оно влияло на практику женской политики. Мужчины и женщины вместе отстаивали идеи суверенитета, но женщины, в отличие от мужчин, не приобретали атрибуты суверенитета. Они пытались компенсировать это исключение, развивая определенные модели поведения и методы самоутверждения.

Несмотря на роль женщин в политической борьбе, мужчины – лидеры не спешили отводить им значимую роль: участие женщин помогало им добиваться собственных целей, например, женщины – провокаторы и подстрекатели (слово женщин часто было прелюдией к акту восстания, побудителем действия). Запрет якобинцами в 1793 г. любых женских политических клубов и ассоциаций явился предостережением против претензий женщин на равные права и предвосхитил последовавшие позже попытки вернуть женщину из публичной политики в частную сферу жизни. К этому времени участие женщин в революционной борьбе считалось потенциально опасным и неконтролируемым. Опасаясь изменения традиционного представления о гендерных ролях, якобинцы в своей риторике стали использовать язык Руссо, определяя гражданские права на основе идеологии разделения и обособления сфер. По их мнению, природа женщины предрасполагала ее к эмоциональным взрывам и беспорядкам, противореча выполнению политического долга, требующего ответственности. Удел благочестивой женщины в Новой Франции – забота о своем доме и детских кроватках.

Находясь в самом центре революционных событий, женщины оказываются частично или полностью исключены из них и (или) теряют возможность участия в организационных структурах, создаваемых под контролем мужчин. Это можно проследить и в следующих революциях.

Англия.

Индустриализация, урбанизация и модернизация политической мобилизации привели к тому, что женщины практически покинули политику к 1850 году. Но за пятьдесят лет до этого, многие женщины значительно влияли на политику своих местных сообществ. В Британии именно через массовые выступления простой народ выступал в качестве субъектов политического порядка. Контекст бунтов не был революционным.

«Промышленная революция, – писал Ф. Энгельс в 1845 г., — имеет такое же значение для Англии, как политическая революция – для Франции, как философская революция – для Германии» [4]. Участие британских женщин в продовольственных бунтах определялось их ролью в экономике семьи. Они были плечом к плечу с мужчинами как с кормильцами и как с участниками хлебных бунтов.

В процессе индустриализации варианты экономического и социального развития содействовали созданию сообществ различного спектра общественной политики. Некоторые новые формы сообществ содействовали расширению возможностей участия в практической политике женщин. В промышленных городах создавались клубы поддержки общества реформаторов (например, Женское общество реформаторов в Блекберне (Blackbern Female Reform Society)), созданное в 1819 г. чтобы «помогать мужскому населению страны получить свои права и свободы» [5].

Английская политическая нация была стабильной и безопасной в осуществлении политической власти и не сталкивалась с необходимостью изменения. Демократическая революция во Франции и Америке открыла возможность изменения социальных и политических структур и, следовательно, подняла вопрос о положении женщин. В Великобритании, напротив, политическая стабильность и приглушенная реакции на обсуждение прав женщин, запущенная Мэри Уолстоункрафт, вызвала политическую мобилизацию женщин только после 1815 года. Перспективы радикальных политических перемен для мужчин и женщин были разрушены. Женщины не участвовали в официальных политических мероприятиях, выборах, заседаниях, обществах, петициях радикалов и оппозиции. Обычные политики не воспринимали женщин как потенциальных избирателей, и поэтому женщины не участвовали в местных политических партиях и фракциях, инициировавших бунты. Поскольку радикальная феминистская критика М. Уолстоункрафт и других не привела к созданию массовых ассоциаций, женщины этой эпохи участвовали в политике, в первую очередь, через неформальную объединительную политику бунта.

Мятежники обычно защищали свои общины от «внешних» угроз их благосостоянию. Они преследовали локальные и конкретные задачи, выступая против спекуляции, экспорта зерна во время голода и пр. Женщины выступали в качестве граждан местных сообществ, во-первых, прямыми действиями (участием в бунтах) и, во-вторых, путем переговоров с магистратами, которые предпринимали действия, чтобы увеличить поставки продовольствия по низким ценам.

Классическая статья П. Томпсона указывает несколько осторожно, что «инициаторами [продовольственных] беспорядков, очень часто выступали женщины». Томпсон предполагает, что это произошло потому, что женщины были «наиболее вовлечены в рыночные отношения: чувствительнее к цене, имеют наибольший опыт в обнаружении недовеса товара или его низкого качества» [1].

Заметим, что работа по дому не изолировала женщин от общественной сферы, как раз наоборот, это вылилось в коммунальное сотрудничество. Женщины создавали локальные сети между домохозяйствами, сети, которые были формами социального регулирования, а также важнейшим средством для взаимопомощи в кризисных ситуациях. Такая помощь включала займы и кредитование денег; помощь друг другу во время родов, болезни и ухода за детьми; распределение работ на ярмарках и рынках, а также проведения досуга. Такой социальный обмен, был типичным выражением культуры простого народа, укрепляющим узы родства, добрососедства и дружбы. Это сыграло свою роль в солидарности людей во время беспорядков. Мужские совместные действий в продовольственных бунтах, основывались больше на предварительном коллективном опыте работы, членстве в политических клубах, участие в группах активистов. Неформальные коммунальные сети, построенные женщинами, были мощным цементом солидарности толпы во время бунтов и определили важную роль женщин в них.

Женские товарищества, возможно, служил и как институционализация такой взаимной помощи и как источник сплоченности во время массовых беспорядков. Такие общества были клубами, которые обеспечивали как компанейство, так и взаимную страховку от болезни, безработицы и смерти. Мужские товарищества существовали часто как протопрофсоюзы, они послужили основой для коллективных действий в трудовых конфликтах [6].

Со временем мужчины сформировали новые формы протеста, связанные с защитой трудовых и (или) политических интересов. Женщины в них не участвовали. Как отмечает Анна Кларк, респектабельность и конституционная политика исключили участие женщин в политических дебатах и вытеснили их в сферу, отвечавшую представлениями о добропорядочности, – в бытовое пространство домашней жизни [7].

Германия.

Положение женщин в Германии конца XVII – начала XVIII вв. не отличалось от европейского, в целом. Идеология «естественного разделения половых ролей» – статус жены и матери, основными характеристиками которого были скромность, трудолюбие, образованность (не смотря на отсутствие системы образования для девочек) усиливала деление социального пространства:

место женщины было дома, место мужчины – общественность. Однако она не была актуальна для женщин рабочего класса: их работа была использована на содержание семьи, так что понятие пассивной домохозяйки и матери к ним малоприменимо.

Под влиянием Великой французской революции произошли стремительные политические изменения, требовавшие объяснения. Возникают эгалитарные концепции, например, Теодор Готлиб фон Хиппель, который опубликовал в 1792 году трактат «Об улучшении гражданского положения женщин»(«Über die bürgerliche Verbesserung der Weiber»).

С началом, так называемых, освободительных войн против Наполеона, в Германии была основана первая ассоциация женщин. Ее члены работали в больницах, участвовали в сборе средств и одежды для солдат. После Венского конгресса 1815 года деятельность этих ассоциаций прекратилась. Активное участие женщин Германии в политической жизни общества традиционно датируют с 1860 г. Но, Стэнли Цукер указывает, что десятилетие с 1840 по 1850 год было богато на такие виды деятельности женщин как, философские письма и лекции Луизы Диттмар, социальные романы и публицистические работы Луизы Отто, радикальные феминистские взгляды и действия Луизы Астон, и открытие в Гамбурге колледжа для девушек [8].

Революция 1848–1849 гг. является одной из важных вех на пути становления Германии как демократического правового государств. В 1848 году появление рабочего движения в Германии играет центральную роль. С быстро ускоряющейся индустриализацией, решение «социального вопроса» становилось все актуальнее. В конце февраля в Лондоне опубликован «Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Организованная деятельность женщин в годы революции выражалась в сборе денег на немецкий флот и поддержку участников восстания весной 1849 г. Политически мотивированные действия отдельных женщин, проявлялись в строительстве и борьбе на баррикадах, украшении могил революционеров, ношении траура. В 1849 году контрреволюционные войска правительства воевали против своих сограждан, жестоко подавляя революцию в Германии. В это время замужние женщины и девушки Вюртемберга обращаются к солдатам Германии. В обращении к немецким воинам они использовали свою традиционную роль жены, матери и домохозяйки, как политический козырь, угрожая отказать в любви и браке с солдатами, которые «направляют свое оружие против сердец людей» [9].

Женщины участвуют в издании ***газет и журналов для обсуждения своих идей***, действий и целей с более широкой аудиторией. В это время издается несколько политических изданий с участием женщин: радикально-демократическая «Женская газета», «Новые Кельнские ведомости» при участии Матильды Франциски Аннеке, «Газета женщин» и др.

В дополнение к распространению конкретных вопросов женщин через прессу, существовала ***организация женщин*** в клубах, как еще одна возможность для обсуждения целей и интересов, формирования объединения. Наиболее распространенное и известное объединение «Humania», созданное Катинкой Зитц в г. Майнц в 1849 г. Однако в 1850 г. выпущен закон об ассоциациях(«des Vereinsgesetzes») который просуществовал до 1908 г. Параграф 8 этого закона запрещал участие в ассоциациях (объединениях) женщин, а также их участие в мероприятиях и совещаниях, на которых рассматриваются политические вопросы.

Таким образом, протополитическое участие женщин европейских стран имеет несколько признаков:

– участие женщин в бунтах не имеет выраженных самостоятельных интересов, следовательно, не выступают политическими субъектами [10];

– участие в политических событиях женщин рассматривается с позиции традиционной роли (хозяйка, жена и пр.);

– решая задачи революционной организации, женщины получили опыт коллективных действий и солидарности;

– изменившиеся после политических событий структуры власти, не предполагали участия в них женщин, более того, в некоторых странах появились законы, запрещающие женщинам политическое/общественное участие.

Заметим, что участие в революциях европейских женщин не изменило их статус, но изменило сознание. В обществе начинает возникать вопрос о роли женщины не только в приватной сфере, но и публичной. Революции очертили область деятельности, в которой женщины могли принимать коллективное участие вне привычных частных пространств. Эти изменения стали предвестниками феминистских практик.

Литература:

1. *Thompson E.P.* The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century from the book: Customs in Common // Past and Present. 1971. № 50(1). P. 76–136.

2. История женщин на Западе : в 5 т. Т. IV: Возникновение феминизма: от Великой французской

Literature:

1. *Thompson E.P.* The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century from the book: Customs in Common // Past and Present. 1971. № 50(1). P. 76–136.

2. The history of women in the West: in 5 vol. T. IV: The emergence of feminism: from the French

революции до Мировой войны / Под общ. ред. М. Перро. СПб. : Алетейя, 2015. 536 с.

3. *Godineau D.* Masculine and Feminine Political Pratice during the French Revolution, 1793 – Year III / H.B. Applewhite, D.G. Levy Women and Politics in the age of Democratic Revolution. The University of Michigan Press, 1990. P. 61–80.

4. *Маркс К.* Положение рабочего класса в Англии. Сентябрь 1844 – март 1845 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. второе. Т. 2. М. : Издательство политической литературы, 1955. С. 231–517.

5. *Абрамс Л.* Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918. М. : Изд. дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2011. С. 249.

6. *Bohstedt J.* The Myth of the Feminine Food Riot: Women as Proto-Citizens in English Community Politics, 1790–1810 / H.B. Applewhite, D.G. Levy. Women and Politics in the age of Democratic Revolution. The University of Michigan Press, 1990. P. 21–60.

7. *Clark A.* The Struggle for the Breeches: Gender and the Making of the British Working Class. University of California Press, 1997. 415 p.

8. *Zucker S.* Female Political Opposition in Pre-1848 Germany: The Role of Kathinka Zitz-Halein // Fout J. C. German Women in the Nineteenth Century: A Social History. New-York : Holmes&Meier Pub, 1984. P. 133–150.

9. Appeal of the Married Women and Maidens of Württemberg to the Soldiers of Germany (1849). URL : http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_docu ment.cfm?document_id=451 (дата обращения 02.02. 2020).

10. *Мирясова О.А.* Гражданская субъектность как предпосылка формирования политического поля // Политическая наука. 2018. № 2. С. 214–233.

Revolution to the World War / under the general. ed. M. Perrot. SPb. : Aletheya, 2015. 536 p.

3. *Godineau D.* Masculine and Feminine Political Pratice during the French Revolution, 1793 – Year III / H.B. Applewhite, D.G. Levy Women and Politics in the age of Democratic Revolution. The University of Michigan Press, 1990. P. 61–80.

4. *Marx K.* The situation of the working class in England. September 1844 – March 1845 // K. Marx, F. Engels. Works. Second Edition. Vol. 2. M. : Publishing house of political literature, 1955. P. 231–517.

5. Abrams L. Formation of a European woman of a new era. 1789–1918. M. : Publishing House of the State. University – Higher School of Economics, 2011. P. 249

6. *Bohstedt J.* The Myth of the Feminine Food Riot: Women as Proto-Citizens in English Community Politics, 1790–1810 / H.B. Applewhite, D.G. Levy. Women and Politics in the age of Democratic Revolution. The University of Michigan Press, 1990. P. 21–60.

7. *Clark A.* The Struggle for the Breeches: Gender and the Making of the British Working Class. University of California Press, 1997. 415 p.

8. *Zucker S.* Female Political Opposition in Pre-1848 Germany: The Role of Kathinka Zitz-Halein // Fout J. C. German Women in the Nineteenth Century: A Social History. New-York : Holmes&Meier Pub, 1984. P. 133–150.

9. Appeal of the Married Women and Maidens of Württemberg to the Soldiers of Germany (1849). URL : http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=451 (date of the address 02.02. 2020).

10. *Miryasova O.A.* Civil subjectivity as a prerequisite for the formation of the political field // Political Science. 2018. № 2. P. 214–233.

УДК 316.354
DOI 10.23672/e2885-8389-1364-q

Осипова Алла Анатольевна
доктор психологических наук,
кафедра общей
и педагогической психологии,
Академия Психологии и Педагогики
Южного федерального университета
aaosipova@sfedu.ru

Давыденко Денис Вячеславович
преподаватель,
кафедра социальных технологий,
Институт философии
и социально-политических наук
Южного федерального университета
davydenkod@sfedu.ru

Абдулкадир Юнис Рашид Абдулкадир
аспирант,
Академия Психологии и Педагогики
Южного федерального университета
youns7959@gmail.com

Alla A. Osipova
Doctor of Psychological Sciences,
Department of General
and Pedagogical Psychology,
Academy of Psychology and Pedagogy
Southern Federal University
aaosipova@sfedu.ru

Denis V. Davydenko
Teacher,
Department of Social Technologies,
Institute of Philosophy
and Socio-political Sciences
Southern Federal University
davydenkod@sfedu.ru

Younis Raschid A. Abdulkadir
Graduate student,
Academy of Psychology and Pedagogy
Southern Federal University
youns7959@gmail.com

Особенности девиантного поведения молодежи в виртуальной среде

Features of deviant behavior of youth in a virtual environment

Аннотация. В статье рассматривается виртуальная среда с точки зрения участия молодёжи в различных девиантных практиках поведения. Применяются некоторые положения виртуалистики к созданию модели взаимодействия элементов виртуальной среды. Высказывается предположение, что существует большая сложность в применении критериев девиантного поведения, возникших в доцифровую эпоху к современному молодому поколению.

Ключевые слова: виртуальность, девиантное поведение, поколение z, виртуалистика.

Annotation. The article considers the virtual environment from the point of view of youth participation in various deviant practices of behavior. Some provisions of virtualistics are applied to create a model of interaction of elements of a virtual environment. It is suggested that there is great difficulty in applying the criteria for deviant behavior that arose in the digital era to the modern young generation.

Keywords: virtuality, deviant behavior, generation z, virtualistics, phygital behavior.

В сверхдинамичных условиях существования современного общества вопросы изучения виртуализации повседневных деятельностных практик человека становятся особенно актуальными, так как позволяют прогнозировать риски, связанные с массовым проникновением компьютерных сетей в привычную жизнь человека [1]. «Диджитализация», «хромокей», «видеоблогер» – эти, ставшие обыденными, термины, показывают насколько глубоко виртуальные технологии проникли не только в процесс рутинных практик взрослого человека, но и в процессы социализации, воспитания и образования, которые сейчас отмечаются высоким уровнем социальной динамики и активизации социального поведения личности [2]. Однако эти, несомненно позитивные, процессы могут приводить и к появлению «...чувства глубокой неудовлетворенности при восприятии современного мира» [3, с. 16], что в дальнейшем оказывает влияние на формирование определенной степени маргинализации, девиантности или даже асоциальности личности.

Понятия «нормы» и «девиантности» являются всего лишь социальными конструктами, которые видоизменяются с течением времени и в связи повышением уровня технологического развития общества. Я.И. Гилинский отмечает, что: «...невиданные технологические возможности и увеличение продолжительности жизни (и ее наполненности) создают предпосылки для достижения и обеспечения Свободы человека, освобождения от сковывающих догм, предрассудков» [4, с. 10] и полагает, что невозможно слепо копировать законы, принятые в доцифровую эпоху: «... представители старших по*колений пытаются все*

новыми запретами сохранить свои представления о мире и обществе, что неприемлемо для новых поколений» [5, с. 185–186]. Мы считаем, что заместительная форма девиантности, при которой в виртуальный мир вытесняются кражи, разрушения, убийства, может трансформировать само понимание нормы, поскольку в мире какой-нибудь онлайн-игры, насыщенной насилием, нарушением правил являются не сами агрессивные и насильственные действия, а «*...нарушение правил, установленных создателями данной игры, с помощью программ, в том числе макросов (в частности, чит-кодов, трейнеров и т.п.), для преодоления сложных или неприятных эпизодов*» [6, с. 35]. Вместе с тем, некоторые исследователи отмечают снижение или снятие девиантных установок и спад проявлений отклоняющегося поведения вследствие того, что «*...девиантная энергия, реализующаяся в игре, нивелирует отклоняющуюся социальную активность*» [7, с. 452].

В настоящий момент отсутствует как единая теория, объясняющая данный феномен, так верифицируемый глоссарий определений, относящихся к данной сфере. Традиционным в русскоязычном научном дискурсе считается соотнесение понятия «виртуальность» с компьютерными технологиями, однако, на сегодняшний день виртуальная среда «*...перестала быть отстраненной моделью, в которую можно погрузиться на некоторое время и затем выйти из нее и забыть о ней, поскольку она прочно вошла в повседневную жизнь и стала ее частью*» [8, с. 20]. Огромное количество синонимов и сопряженных понятий работает на определение и вычленение сущностных особенностей виртуальности, вот некоторые из них: информационно-коммуникативная среда, виртуальное пространство, сетевая коммуникация, цифровая среда, имитационная виртуальная среда, киберсреда, киберпространство, видеоигровая деятельность (реальность), интернет-среда, компьютерные технологии, цифровая культура, виртуальная социальная реальность. Исходя из многоаспектности феномена виртуальности, мы предлагаем использовать модель взаимоотношений различных коннотаций виртуальности, предложенную В.Л. Силаевой, в которой отражены на три базовых подхода к определению понятия «виртуальная реальность» [8, с. 23]:

1. Определения, отождествляющие виртуальную реальность с реальностью данной.

2. Определения, противопоставляющие виртуальную реальность реальности данной.

3. Определения, не противопоставляющие, но и не отождествляющие виртуальную реальность с реальностью данной.

Виртуальность в современном мире выступает как часть контролируемой повседневности, средство искусственного создания ощущения пребывания человека в определенной инаковой среде, является продолжением нормальной (прогнозируемой) работы определенных модуляторов, психологического, химического или технического генезиса. Так, Н.А. Носов утверждал, что: «*..виртуальная реальность, независимо от ее «природы» (физическая, психологическая, социальная, биологическая, техническая и проч.), имеет следующие свойства: порожденность, актуальность, автономность, интерактивность*» [15], где:

– *порожденность* – это вторичность по отношению к порождающей реальности другого уровня;

– *актуальность* – это взаимосвязь с порождающей реальностью;

– *автономность* (но не автаркия) означает, что у виртуальной реальности есть своя система координат и времени, не связанная с порождающей системой;

– *интерактивность*, которая означает, что система виртуальной реальности может взаимодействовать с другими реальностями как отдельная система и даже порождать подсистемы. В рамках виртуалистики Н.А. Носова признается возможность каскадного существования множества вложенных вдруг друга виртуальностей разного уровня, и считается что «*... порожденное обладает таким же статусом реальности и истинности, как и порождающее, что временность существования не делает событие менее существенным, чем породившее его начало*» [9].

Нам представляется возможным выделить статус индивида, включенного в виртуальную среду в качестве действующего элемента константной реальности, поскольку в виртуальной среде игрового характера существуют автономно действующие виртуальные системы — так называемые, NPC(от англ. Non-PlayerCharacter — «персонаж, управляемый не игроком») – такие персонажи в играх, которые не находятся под контролем реального игрока. Некоторые исследователи доходят до умозаключений, предполагающих «*...вторжение машины в социальные сети, причем машины, управляемой третьей стороной, преследующей собственные цели, в личное информационное пространство и в сознание человека*» [10, с. 30]. Но на данном этапе развития цифровых технологий практически все основные участники рынка игровых технологий, особенно в формате многопользовательских онлайн игр «*...ввели систему обозначения реального игрока от искусственного. Будь то шкала здоровья NPC отличного цвета или имя персонажа определенного формата*» [11, с. 38].

Ряд авторов отмечает, что в условиях современной информационной цивилизации обнаруживается следующая тенденция – «...содержание сообщения теперь оценивается не через его соответствие фактам и авторитетным источникам, а в зависимости от того, сколько просмотров и «лайков» оно получает» [12, с. 30]. Данный феномен получил название «эхо-камера». Это означает, что даже в условиях открытых информационных систем участники стремятся консолидироваться в определенные замкнутые системы, где многократное усиление определенных позиций достигается их повторением в среде единомышленников,

изначально разделяющих одинаковые ценности (подобно эху от стен глухой, но обширной комнаты). Подобная ситуация может создавать определенные и не игровые, но тем не менее виртуальные сообщества, где будут не только верить, что земля плоская или нами управляют гуманоиды с другой планеты, но и знать это. Несмотря на так называемый культурный трайбализм [12, с. 30], акцентирующий когнитивную ограниченность единомышленников, составляющих круг голосов сообщества, данные виртуальные экосистемы (эхокамеры) вполне могут существовать довольно долго, особенно если их действия и пожелания не приводят к значимым и негативным последствиям для константной системы. А такие последствия широко изучены в контексте деструктивных виртуальных сообществ.

Так, И.В. Баева, изучая основные типы деструктивных интернет-сообществ, указывает на большой двухуровневый массив факторов, который приводит молодежь к замыканию в таких эхо-камерах современного информационного мира. К внутренним факторам она относит: «*...высокий уровень психологической неустойчивости молодежи, отсутствие позитивных смысложизненных ориентиров и ценностей в реальной жизни, склонность к саморазрушению и агрессии под влиянием легитимации насилия в культуре...*», а внешними факторами являются: «*социальная напряженность в учебных заведениях, семьях, на улицах, высокий уровень насилия в подростково-молодежной среде, культ насилия, навязываемый СМИ и медиакультурой…, отсутствие возможностей для позитивного саморазвития*» [13, с. 40–41].

Другие авторы также указывают на то, что в молодом возрасте «*...появляется агрессия, склонность к употреблению психоактивных, влияющих на функционирование центральной нервной системы, веществ и погружении в виртуальный мир (в частности, компьютерная зависимость)*» [14, с. 91].

Для понимания степени взаимодействия между молодым поколением и виртуальной реальностью можно воспользоваться упрощенными моделями, которые разводят такие транзакции по четырем уровням:

1. Девиантное поведение является ответной стратегией индивида на несправедливость.

2. Девиантное поведение является имманентной характеристикой современного общества потребления.

3. Девиантное поведение является следствием патопсихологических нарушений в развитии личности.

4. Девиантное поведение – это результат внешних манипуляций заинтересованной стороной [13, с. 39–40].

На наш взгляд, такие точки зрения позволяют всего лишь обозначить основные действующие факторы, всегда воздействующие на индивида в процессе выбора им определенной модели поведения. Этой мысли придерживаются авторы, которые обнаруживают: «*...четыре места взаимодействия человека как квалиа динамичного пользователя с цифровой системой:*

1) *это физическое местоположение, предполагающее соответствующий уровень технического оснащения и опознаваемости;*

2) *виртуальное место пользователя, регистрируемое внутри цифровой системы;*

3) *виртуальное место адресата коммуникации;*

4) *физическое местоположение адресата, получающего информацию*» [15, с. 105].

Виртуальное действие может происходить как в реальном месте нахождения индивида, так и в сгенерированном модулятором мире, где «*...сегодняшний человек подчиняет свое время пространству между физической реальностью и виртуальностью, в котором мы обнаруживаем его место*» [15, с. 104].

Исходя из этой объективной двойственности, необходимо четко разграничить сферы девиантного поведения индивида в виртуальной среде. Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые разграничивают девиантную активность по двум сферам – константной (реальной) и виртуальной. Девиантная активность в виртуальной среде имеет различные формы отклоняющегося поведения асоциального, антисоциального и аутодеструктивного характера [16]. Можно перечислить некоторые из них и этот список с каждым днём расширяется: кибербуллинг, троллинг, разглашение личной информации других пользователей, поддержка идей ксенофобии, насилия, киберсталкинг, долгосрочное пребывание в игровом интернет-пространстве.

Мы полагаем, преступная деятельность в виртуальной среде является таким же опасным способом реализации девиантной активности индивида, как и в константной реальности. К особенностям киберпреступлений относятся такие особенности как: «*...трансграничность; нестандартность способов совершения; автоматизация преступных деяний; анонимность деяний; сложность раскрываемости данного вида преступлений (низкий процент раскрываемости); взаимодействие различных преступных сообществ; высокие доходы преступной деятельности*» [17, с. 221].

Некоторые исследователи определяют те же ступени формирования девиантного, делинквентного поведения в виртуальной среде, что и в реальной действительности, обращая внимание на *«...то, что в условиях общедоступности интернета наиболее актуальным аспектом социальной стигматизации (в виде киберпреследования) выступают буллинг (запугивание) и кибербуллинг (киберзапугивание). (…) В виртуальной среде подобного рода проявления могут принимать форму киберсталкинга – преследования в виде незаконного слежения и сбора информации,*

контактов или изображений пользователей; а также обозначенного ранее кибербуллинга – запугивания, подражания, хулиганства (интернет-троллинга) и социального бойкотирования» [18, с. 76].

Отмечается, что девиантное поведение в виртуальной среде имеет прямую «*...связь с наиболее выраженным вариантом девиантного поведения – делинквентным*» [19, с. 84]. Также установлено, что «*...с одобрительным отношением подростков к некоторым видам кибербуллинга связана их склонность к аддиктивному и агрессивному поведению»* [19, с. 83], и отмечается, что: «*...кибербуллинг при отсутствии непосредственного контакта между агрессором и жертвой может иметь замещающий характер и включать в себя элементы фантазии (представления кибербуллера о реакции жертвы), что сближает его с иллюзорно-компенсаторными свойствами аддиктивного поведения»* [19, с. 86].

Кибербуллинг и киберсталкинг являются феноменами, по сути, практически не отличающимися от своих прототипов в константной действительности реального офлайн мира. Однако существуют такие формы девиантного поведения, которые образовались в силу особенностей именно виртуальной среды, для которой характерны следующие признаки: транслокальность, трансмедийность, трансграничность, направленность на медиапотребление, имитационность, интерсубъективность. На наш взгляд, троллинг (флейминг) и видеоигровая деятельность практически не имеют аналогов в константной социальной реальности и являются уникальными и специфическими формами поведения в виртуальной среде [20].

Многочисленными исследованиями подтверждается неуклонное увеличение количества подростков, увлеченных видеоигровой деятельностью (на грани и даже за гранью патологии [21, с. 140–141]. Увлеченность видеоиграми оказывает на подростка неоднозначное влияние: «*...с одной стороны, развиваются когнитивные способности и личностно-эмоциональная сфера игрока; с другой стороны, любая аддикция оказывает пагубное влияние не только на личность в целом, но и на все сферы жизни подростка»* [21, с. 144]. При этом огромное влияние оказывает стиль родительского поведения, где: «*авторитарность и директивность в семье оказались максимально характерными для подростков, увлеченных видеоиграми, а оценка родительского стиля как непоследовательного и не позитивного оказывает значимое влияние на уровень вовлеченности*» [21, с. 145].

Развитие системы инфокоммуникационных технологий как ядра информационного общества демонстрирует три основных направления изменения человеческой цивилизации:

• во-первых, трансформируется существовавшая экологическая среда обитания человека;

• во-вторых, формируется особая система социальных отношений, в рамках которой переплетаются виртуальная и объективная реальность;

• в-третьих, становление глобальной по масштабам системы получения, обработки, хранения, передачи, распределения, обмена и потребления (использования) информации означает появление единой для всей планеты «системы психического отражения» [22, с. 471].

На наш взгляд, основные причины девиантного поведения молодежи следует оценивать согласно определенным новым практикам, характерным для нового поколения – поколения Z (Зет). Поколение Z – это первое поколение, представители которого родились и живут в мире, где любой физический объект имеет свой цифровой эквивалент, поэтому они уже живут в цифровом мире и лучше всех подготовлены к его новациям. Оценивать их поведение невозможно, опираясь на понятия, сконструированные в доцифровую эпоху существования человечества: «*простая экстраполяция в область виртуальной социальности классических схем и законов физического бытия социума уже не работает»* [23, с. 37]. Недаром исследователи говорят об определенных специфических *фиджитальных* условиях существования современной молодежи. Термин «Phygital» еще не имеет широкого распространения, но нам кажется, что именно этот термин наиболее точно отражает объединение двух реальностей – физической (Physics) и цифровой (Digital), особенно в рамках исследований именно поколения Z, которое «*не видит разницы между виртуальным и реальным», (...) и не мыслит себя вне phygital-среды, отсюда и его новое название – phygital-поколение»* [23, с. 38].

Современная эпоха характеризуется столь высокой степенью проникновения технологий виртуальной реальности во все сферы человеческой жизнедеятельности, что речь идет об уходе от привычного нам определения homo sapiens в сторону homovirtualis, где этот новый вид может: «*...интерпретироваться как одна из идентичностей человека, она обладает особым статусом и задается онтологическими особенностями виртуальной реальности»* [6, с. 29].

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод о том, что современное понимание виртуального, а тем более – девиантного поведения молодежи выходит за рамки традиционных представлений, характерных для доцифровой эпохи. Несомненным является то, что делинквентное поведение – киберпреступность – является объектом для воздействия со стороны компетентных органов специализированного формата, однако, причины девиантного поведения в виртуальной сфере надо искать не в самой виртуальной реальности, всегда являющейся вторичной по отношению к константным реалиям социального невиртуального бытия человека, а в окружающих его социальных реалиях воспитания, образования и социального конструирования.

Литература:

1. *Касьянов В.В.* Киберсоциализация как рискогенный фактор влияния на социальное здоровье российской молодежи в эпоху цифровых технологий / В.В. Касьянов, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. С. 21–26.

2. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-Don). Health Risk Analysis / N.Kh. Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva. 2017. № 4. P. 66–75.

3. *Дорощук Е.С.* Солидаризация медиаобразовательных практик в условиях транслокальных культурных сообществ виртуальной среды // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 2(36). С. 15–25.

4. *Гилинский Я.И.* О главных противоречиях и главных проблемах общества постмодерна // Телескоп. 2018. № 5(131). С. 10–12.

5. *Гилинский Я.И.* Девиантность в цифровом мире // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4(34). С. 182–190.

6. *Быльева Д.С.* Homovirtualis: социальное бытие в виртуальной реальности / Д.С. Быльева, А.С. Заморев, Т.А. Нам // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9. № 4. С. 29–38.

7. *Шаров А.А.* Особенности девиантной активности вреальной и виртуальной средах у представителей молодежных субкультур // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2019. № 2 (168). С. 450–454.

8. *Силаева В.Л.* Об использовании понятия «виртуальный» // Социологические исследования. 2010. № 8(316). С. 19–25.

9. *Носов Н.А.* Манифест виртуалистики. М. : Путь, 2001. 17 с.

10. *Михайленок О.М.* Роботизация социальных сетей и ее политические последствия / О.М. Михайленок, Г.А. Малышева // Власть. 2020. № 1. С. 85–92.

11. *Шастин Д.С.* Игрок или NPC. Ии как инструмент социализации в игровых проектах // Проблемы науки. 2018. № 12(36). С. 37–40.

12. Поцелуев С.П. О факторах политической радикализации в сетевой коммуникации посредством «эхокамер» / С.П. Поцелуев, Т.А. Подшибякина // Научная мысль Кавказа. 2018. № 2(94). С. 29–34.

13. *Баева Л.В.* «Группы смерти» и «Колумбайн-сообщества» в онлайн культуре и реальном социуме // Информационное общество. 2019 № 3. С. 33–42.

Literature:

1. *Kasyanov V.V.* Cyber socialization as a risk-generating factor of influence on the social health of Russian youth in the era of digital technology / V.V. Kasyanov, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 6. P. 21–26.

2. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-Don). Health Risk Analysis / N.Kh. Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva. 2017. № 4. P. 66–75.

3. *Doroshchuk E.S.* Solidarity of media educational practices in translocal cultural communities of the virtual environment // Sign: problem field of media education. 2020. № 2(36). P. 15–25.

4. *Gilinsky Y.I.* About the main contradictions and the main problems of postmodern society // Telescope. 2018. № 5(131). P. 10–12.

5. *Gilinsky Ya.I.* Deviance in the digital world // Problems of the activities of scientists and research teams. 2018. № 4(34). P. 182–190.

6. *Bilyeva D.S.* Homo virtualis: social being in virtual reality / D.S. Bilyeva, A.S. Zamorev, T.A. Nam // Scientific and Technical Journal of St. Petersburg State Pedagogical University. Humanities and social sciences. 2018. Vol. 9. № 4. P. 29–38.

7. *Sharov A.A.* Features of deviant activity in real and virtual environments among representatives of youth subcultures // Scientists notes of the university named after P.F. Lesgaft. 2019. № 2(168). P. 450–454.

8. *Silaeva V.L.* On the use of the concept of «virtual» // Sociological studies. 2010. № 8(316). P. 19–25.

9. *Nosov N.A.* The manifesto of virtualism. M. : Way, 2001. 17 p.

10. *Mikhailenok O.M.* Robotization of social networks and its political consequences / O.M. Mikhailenok, G.A. Malysheva // Power. 2020. № 1. P. 85–92.

11. *Shastin D.S.* Player or NPC. AI as an instrument of socialization in game projects // Problems of Science. 2018. № 12(36). P. 37–40.

12. *Poceluev S.P.* On the factors of political radicalization in network communication through «echo chambers» / S.P. Poceluev, T.A. Podshibyakina // Scientific Thought of the Caucasus. 2018. № 2(94). P. 29–34.

13. *Baeva L.V.* «Groups of death» and «Columbine community» in online culture and real society // Information Society. 2019. № 3. P. 33–42.

14. *Вецкая С.А.* Генезис преступного поведения несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 89–92.

15. *Щеров В.И.* Виртуальное пространство и понятие «места» в современной философии // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 104–107.

16. *Воробьёв Г.А.* Формирование установки на здоровый образ жизни как мера профилактики девиантного поведения среди молодежи / Г.А. Воробьёв, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 54–58.

17. *Самурханов М.С.* Понятие и особенности киберпреступности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 4-3. С. 219–221

18. *Губанова О.А.* Интернет-культура как информационно-коммуникативная среда XXI века / О.А. Губанова, П.Н. Куршев, Г.М. Кириллов // Скиф. 2020. № 1(41). С. 72–76.

19. *Дозорцева Е.Г.* Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков / Е.Г. Дозорцева, Д.В. Кирюхина // Прикладная юридическая психология. 2020. № 1(50). С. 80–87.

20. *Верещагина А.В.* Парадоксы толерантности и девиантное поведение молодежи / А.В. Верещагина, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 32–37.

21. *Радионова М.С.* Семейные факторы, определяющие чрезмерную вовлеченность старших подростков в видеоигровую деятельность / М.С. Радионова, К.С. Есаулова, А.Ю. Фоменко, Н.М. Шленская // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 489–491

22. *Мишук С.С.* Инфокоммуникационное пространство как парадигмальный фактор трансформации мировоззренческих установок личности // Экопсихологические исследования – 6: экология детства и психология устойчивого развития. 2020. № 6. С. 469–473.

23. *Мамина Р.И.* Phygital поколение в условиях свободной глобальной коммуникации / Р.И. Мамина, И.И. Толстикова // International Journal of Open Information Technologie. 2020. № 1. С. 34–41.

14. *Vetskaya S.A.* The genesis of criminal behavior of minors under the age of criminal responsibility // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 4. P. 89–92.

15. *Shcherov V.I.* Virtual space and the concept of «place» in modern philosophy // Manuscript. 2020. Vol. 13. Iss.1. P. 104–107.

16. *Vorobyov G.A.* Formation of the attitude towards a healthy lifestyle as a measure of prevention of deviant behavior among young people // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 10. P. 54–58.

17. *Samurkhanov M.S.* The concept and features of cybercrime // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 4-3. P. 219–221.

18. *Gubanova O.A.* Internet culture as an information and communication environment of the 21st century / O.A. Gubanova, P.N. Kurshev, G.M. Kirillov // Skiff. 2020. № 1(41). P. 72–76.

19. *Dozortseva E.G.* Cyberbullying and a tendency to deviant behavior in adolescents / E.G. Dozortseva, D.V. Kiryukhina // Applied Legal Psychology. 2020. № 1(50). P. 80–87.

20. *Vereshchagina A.V.* Paradoxes of tolerance and deviant behavior of youth / A.V. Vereshchagina, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 4. P. 32–37.

21. *Radionova M.S.* Family factors determining the excessive involvement of older adolescents in video game activities / M.S. Radionova, K.S. Esaulova, A.Yu. Fomenko, N.M. Shlenskaya // Vestnik MGOU. Series: Psychological Sciences. 2020. № 1. P. 489–491.

22. *Mishuk S.S.* Infocommunication space as a paradigm factor in the transformation of ideological attitudes of the person // Ecopsychological research – 6: childhood ecology and psychology of sustainable development. 2020. № 6. P. 469–473.

23. *Momina R.I.* Phygital generation in free global communication / R.I. Momina, I.I. Tolstikova // International Journal of Open Information Technologies. 2020. № 1. P. 34–41.

УДК 316.1
DOI 10.23672/m6710-0920-2461-d

Уваров Игорь Алексеевич
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры криминалистики,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
uvarov.igor@mail.ru

Концептуальные основы исследования адаптационного потенциала осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, к новым социальным условиям (социологическая оценка пенитенциарной профилактики)

Аннотация. Каждый осужденный, отбывающий данный вид наказания, адекватно оценивая социальную сущность своего положения, безусловно, проецирует эти представления и на период, когда он будет свободен. В этой связи, интересным является вопрос на сколько осужденный, после отбывания наказании, способен адаптироваться в новых социальных условиях? В статье проводится теоретический анализ имеющих место в социологии методологических подходов к исследованию адаптационного потенциала индивида, в зависимости от изменяющихся социальных условий. Автор предпринимает попытку экстраполировать такого рода подходы на осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы.

Ключевые слова: социальная адаптация, адаптация осужденных, адаптационный ресурс осужденных.

Igor A. Uvarov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Forensic Science,
Stavropol branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
uvarov.igor@mail.ru

Conceptual bases of research on the adaptation potential of convicts released from prison to new social conditions (sociological assessment of penitentiary prevention)

Annotation. Every convict serving this type of sentence, adequately assessing the social nature of his situation, certainly projectes these views for the period when he will be free. In this regard, the interesting question is how much the convict, after serving his sentence, is able to adapt in the new social conditions?The article provides a theoretical analysis of methodological approaches to the study of an individual's adaptive potential in sociology, depending on changing social conditions. The author attempts to extrapolate such approaches to convicts who are released from prison.

Keywords: social adaptation, adaptation of convicts, prisoners of the adaptation resource.

Конечность любого социального процесса предполагает переход субъекта в совершенно иное социальное состояние. Наиболее наглядно это иллюстрирует процесс, связанный с освобождением осужденного из мест лишения свободы. Каждый осужденный, отбывающий данный вид наказания, адекватно оценивая социальную сущность своего положения, безусловно, проецирует эти представления и на период, когда он будет свободен. В этой связи, интересным является вопрос на сколько осужденный, после отбывания наказании, способен адаптироваться в новых социальных условиях? Ведь современный мир гораздо динамичнее, чем это было несколько лет назад. Тем более, что к общеизвестным фактам принято относить представление о том, что «в неволе», время течет не так, как «на свободе». В этом, есть доля истины.

Поиск концептуальных основ для оценки адаптационного потенциала осужденных, актуализируется, как минимум, с нескольких точек зрения:

– с общесоциологической – насколько индивид способен адаптироваться к резкому изменению социальных условий на фоне серьезных трансформационных процессов, связанных с модернизацией всех общественных институтов;

– с позиции специального объекта исследования – при оценке результативности пенитенциарной профилактики, когда необходимо говорить об адаптационном потенциале лиц, которым предстоит изменить свое социальное окружение (с относительно стабильного, на динамичное).

Здесь, по нашему мнению, можно было бы сделать уточнение. В социологической литературе

сформировалось представление о том, что места лишения свободы создают специфическую социальную среду, которая кардинально меняет личностные установки индивида. Причем, такого рода изменения носят исключительно негативный характер. Подобные утверждения принято подкреплять ссылкой на вполне репрезентативные эмпирические исследования, которые отражают устоявшиеся в общественном сознании тенденции. Отрицать наличие проблем в перспективах социально-адаптивного поведения лица, после освобождения из мест лишения, не приходится, в виду их очевидности. Тогда возникает вопрос, о качестве такого рода исследований.

В этой связи, нам представляется необходимым определить перспективы адаптационного потенциала осужденных, освобождаемых из мест лишения свободы, с позиций социологической оценки пенитенциарной профилактики. Несмотря на то, что отечественные пенитенциарные социологи уделяют довольно много внимания проблеме социальной адаптации осужденных, как в период отбывания наказания, так и после него, в тоже время, отсутствуют исследования в области определения их «адаптационного потенциала». Анализ литературы показывает, что до настоящего времени в социально-гуманитарных исследованиях не сформировалось концептуального подхода к представлениям об «адаптационном потенциале осужденных» [1; 2]. Даже получившая в последние десятилетия концепция «социальной реабилитации осужденных», не предпринимала попытки рассмотреть «адаптационный потенциал осужденных» как самостоятельный объект исследования.

Для начала необходимо определиться с категорией «социальная адаптация». Наиболее приемлемой с позиции качественной оценки пенитенциарной профилактики, является «интегративная концепция», предложенная Л.В. Корелем. В частности, он предложил рассматривать адаптивный потенциал как совокупность свойств, качеств, характеристик, которые существуют у адаптанта в скрытом виде и «задействуются», то есть, актуализируются в ходе адаптации [3, с. 307]. Исходя из такого представления, в качестве своеобразного «адаптационного ресурса» могут выступать ценностно-нормативные устремления осужденного, основанные на его пенитенциарном статусе. Сюда можно отнести такие элементы, как:

– место в неформальной иерархии исправительного учреждения;

– формальное положение осужденного в пенитенциарном социуме;

– территориальное отношение к месту нахождения исправительного учреждения (отбывание наказания в пределах субъекта проживания или за его пределами);

– этно-религиозное положение в пенитенциарном социуме и на территории субъекта, в котором отбывает наказание осужденный;

– профессиональные знания и навыки, приобретенные во время отбывания наказания или до него.

Из приведенного перечня видно, что на первом месте стоит именно положение осужденного в «неформальной иерархии». Мы не будем говорить о двух категориях осуждённых, чей «адаптационный потенциал» может рассматриваться как узко-специфический. Это «отвергаемые», которые в силу своего неформального статуса, объективно не могут участвовать в социальных процессах исправительного учреждения и представители пенитенциарного сообщества – как субъекты, непосредственно определяющие систему неформальных отношений в учреждении. Кроме того, данные категории настолько немногочисленны, что любое исследование, проведенное в них, вряд ли будет репрезентативным.

Исследованию адаптационного потенциала целесообразно подвергать тех осужденных, которые в полной мере имеют «свободу выбора линии поведения» в условиях изоляции от общества. Отсюда и применимость в этой части, предложенной Л.В. Корелем интегративной концепции исследования адаптационного потенциала. Только в условиях мест лишения свободы осужденный непосредственно стоит перед жизненно важным выбором, которого нет ни в каких других социальных образованиях. Исходным понятием выступает, так называемая, «приемлемость» того или иного социального факта. Она представляет собой применение двух противоположных по своему характеру «линий поведения». С одной стороны, осужденный должен продемонстрировать способность противостоять перестройке своего «Я» под представления «ближайшего окружения» – это «неприемлемо», а, с другой, способность к конформизму в пенитенциарном социуме.

Только эта категория осужденных может реализовывать свои адаптивные качества после освобождения из мест лишения свободы. Независимо от средней продолжительности пребывания в условиях изоляции от общества рассматриваемые осужденные имеют определенную свободу существенно увеличивать свои адаптационные возможности. При этом многие из них могут демонстрировать адаптационную нейтральность, т.к. специфика их профессиональных навыков не может найти свою реализацию в условиях исправительного учреждения. В таких случаях встречаются две линии поведения, направленные на сохранение таких адаптивных ресурсов:

– осужденный поддерживает свой профессиональный уровень теоретически, посредством изучения литературы;

– осужденный «консервирует» свои профессиональные навыки до освобождения.

При этом не следует забывать, что получение в условиях мест лишения свободы новых профессиональных навыков рассматривается как стремление к исправлению. Это же, способствует позитивным изменениям в условиях отбывания наказания непосредственно в исправительном

учреждении. Иными словами, в условиях изоляции от общества осужденный может не только утрачивать или снижать ресурсность отдельных адаптивных качеств, которые они имели до осуждения. Отдельные адаптивные ресурсы могут рассматриваться как нейтральные или дезадаптивные в условиях мест лишения свободы («неприемлемые» с позиции неформальных отношений), именно они подлежат «консервации».

Здесь стоит согласиться с мнением Ю.М. Пасовец, утверждающей, что «качество адаптационного потенциала социального субъекта определяет степень успешности его адаптации [4, с. 206]. Социальные условия в местах лишения свободы, в общественном сознании, априори, не могут способствовать сохранению или развитию адаптационного потенциала осужденного, объясняя это тем, что такого рода возможности там либо нет, либо существенно ограничены. Представляется, что пенитенциарный социум, не способен формировать приемлемые для развития адаптационного потенциала осужденного условия. Такого рода суждение верно лишь в отношении категории «отвергаемых», на что мы указали ранее. Неформальные отношения целенаправленно нивелируют их адаптивные возможности, подталкивая таких осужденных к пассивности.

Современные социальные условия для лица, освобождающегося из мест лишения свободы, всегда будут «новыми» в силу их динамичности. Поэтому их условно предлагают именовать – «социально-экономическими», в силу того, что в отличие от мест лишения свободы, они сопряжены с потребностью решения экономических вопросов человека. В условиях изоляции от общества у осуждённого не было потребности реализовывать свой экономический потенциал, ему все было гарантировано характером назначенного ему наказания. Отсюда и потребность лишь во взаимодействии с социальной средой, в ходе которого согласовываются взаимные требования и ожидания ее участников, где крайне редко имеют значения навыки, полученные до осуждения.

Экономический ресурс включает в себя материальное положение осужденного, который готовится к освобождению. И если в период отбывания наказания этот ресурсный показатель не воспринимался как жизненно важный, то перед освобождением это становится главной проблемой. Сразу оговоримся, что мы имеем ввиду основную массу осужденных. В последнее время в литературе стали упоминать о «тяжёлой судьбе» оказавшихся в местах лишения свободы современных нуворишей. Прежде всего, таких лиц в местах лишения свободы очень мало, и кроме того, в криминальной среде сильны стереотипы, существовавшие в прошлом веке – «грабь награбленное». Адаптационный потенциал таких осужденных будет, с точки зрения экономической составляющей, не типичным для основной массы отбывающих наказание. Кстати, другой нетипичной категорией будут выступать представители пенитенциарного сообщества. Практика показывает, что для таких осужденных материальная составляющая не относится к адаптационному ресурсу.

Обобщая различные известные в социологии методологические подходы к исследованию адаптационного потенциала человека, можно представить, что в отношении осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, будут наиболее востребованными только те совокупные ресурсы, которые могут быть использованы для адаптации в новых социальных условиях. Только обоснованные (адекватные) представления осужденного о возможности их реализации в условиях свободы, могут гарантировать ему успешную адаптацию в новых социальных условиях.

Таким образом, необходимо отметить, что в структуре адаптационного потенциала личности осужденного, необходимо выделить наиболее значимые для новых социальных условий виды ресурсов:

– материальный, к которому традиционно относят наличие жилья, доходов и т.п.

– нематериальный – уровень образования, квалификации, социально-психологические качества, включенность в социальные сети и т.п.

В завершение публикации считаем необходимым отметить, что определение концептуальных основ позволяющих выстраивать научную парадигму исследования адаптационного потенциала осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, к новым социальным условиям, расширит горизонты социологических знаний, создаст определенный теоретический фундамент для дальнейшего построения эмпирической и операционной модели специальных социологических исследований в сфере качественной оценки пенитенциарной профилактики.

Литература:

1. *Решетникова А.И.* Правовые вопросы подготовки к освобождению осужденных, больных туберкулезом, и их социальной адаптации : дис. … канд. юрид. наук. М. : ВНИИ МВД Росии, 2003. 147 с.

2. *Гадиев Г.А.* Правовые и криминологические аспекты социальной адаптации осужденных-инвалидов : дис. … канд. юрид. наук. Рязань : Академия ФСИН России, 2005. 252 с.

Literature:

1. *Reshetnikova A.I.* Legal issues of preparation for the release of convicts with tuberculosis, and their social adaptation : dis. … of cand. of legal sciences. Sciences. M. : VNII MVD of Russia, 2003. 147 p.

2. *Gadiev G.A.* Legal and criminological aspects of social adaptation of disabled : dis. … of cand. of legal sciences. Sciences. Ryazan : Academy of the Federal penitentiary service of Russia, 2005. 252 p.

3. *Корель Л.В.* Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск : Наука, 2005. 424 с.

4. *Пасовец Ю.М.* Концептуальные основы изучения адаптационного потенциала населения // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3. С. 205–207.

3. *Korel L.V.* Sociology of adaptations: Questions of theory, methodology and methodology. Novosibirsk : Nauka, 2005. 424 p.

4. *Pasovic Y.M.* Conceptual framework for analyzing adaptive capacity of the population // Bulletin of Economics, law and sociology. 2011. №. 3. P. 205–207.

УДК 31

Хорошкевич Наталья Геннадьевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории,
методологии и правового обеспечения
государственного
и муниципального управления,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

Исследование модели политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих постиндустриального общества

Аннотация. Современная Россия находится совершает переход от индустриального типа развития к постиндустриальному. В этих условиях происходит формирование нового типа политической культуры всего общества и в среде государственных гражданских и муниципальных служащих.
Автор работы ставит вопрос о необходимости изучения политической культуры данной социально-профессиональной общности с позиций социологии. В работе рассматривается понятие модели: приводится авторская трактовка.
В статье предложен авторский вариант модели политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих РФ. Она состоит из компонентов: политические ценности, политическое знание, политические нормы, политический язык, политическая деятельность. Даны авторские трактовки понятий вышеназванных компонентов.

Ключевые слова: государственные гражданские и муниципальные служащие, постиндустриальное общество, модель.

Natalya G. Horoshkevich
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Theory,
Methodology and Legal Support
State and Municipal Administration,
Ural Federal University
First President of Russia
B.N. Yeltsin
natali.khoroshckewitch@yandex

Model study on the political culture of state civil servants and municipal employees post-industrial society

Annotation. Modern Russia is making the transition from an industrial type of development to a post-industrial one. In this context, a new type of political culture is being developed throughout society and among State civil servants and municipal employees.
The author of the work raises the question of the need to study the political culture of this social and professional community from the point of view of sociology. In the work the concept of model is considered: author 's interpretation is given.
The article proposes an author 's version of the model of political culture of state civil and municipal employees. It consists of components: political values, political knowledge, political norms, political language, political activity. Author 's interpretations of the above components are given.

Keywords: civil and municipal servants, post-industrial society, model

В настоящее время экономически стабильные страны занимаются строительством постиндустриального общества. Россия также пытается перейти к постиндустрии. Более совершенный тип общества предполагает требования другого уровня к государству и государственным гражданским и муниципальным служащим. Последние являются реализаторами политики государства в обществе. То, насколько успешно они станут проводить государственную политику, зависит развития прогресса в обществе. В этой связи целесообразно исследование данной социальной общности на научной основе, изучение ее различных аспектов, в том числе – ее политической культуры, так как именно эта часть культуры регулирует взаимодействия данной социальной группы в обществе в сфере политики, где достигаются консенсусы по поводу обладания властью между разными социальными общностями, а в конечном итоге – и ресурсами.

Автор работы рассматривает политическую культуру государственных гражданских и муниципальных служащих с позиций социологии. Так как именно в рамках данной науки изучаются взаимодействия между социальными общностями. Сегодня это крайне актуально в условиях перехода к постиндустриальному типа развития общества, где осуществляется переход от типа политической культуры индустриального общества к типу политической культуры постиндустриального общества, как в обществе в целом, так и в среде государственных гражданских и муниципальных служащих в целях снижения социальной напряженности и более прогрессивного развития общества.

В настоящее время целесообразно развивать политическую культуру представителей властных структур на государственном уровне, так как именно они проводят политику государства в обществе. Их политическая культура должна быть авангардом политической культуры современного общества.

В этой связи необходимо не только проводить мониторинговые исследования, но подойти комплексно, системно к развитию этой части культуры у представителей власти Автор работы ставит вопрос о целесообразности разработки теоретической модели политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих, актуальной для постиндустриального типа развития общества.

Однако прежде чем детально разрабатывать подобную модель, необходимо исследовать ее понятийный аппарат. В данной статье рассматривается само понятие модели и понятие модели политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих, предложен вариант модели политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих.

В настоящее время в социологических словарях можно разделить на группы. В социологических словарях присутствует ряд интерпретаций понятия модели, взятые из других сфер. Например, в Социологическом энциклопедическом словаре дана трактовка модели из психологии. Здесь модель – это «образец для подражания» [1, с. 186]. Или модель – это «Компьютерные модели, позволяющие моделировать процессы реального мира» [2, с. 430].

К другой группе трактовок можно отнести такие, где модель – это «мысленный или условный образ, аналог какого-либо объекта, процесса или явления, воспроизводящий в символической форме их основные типические черты» [3, с. 186]. Также черты могут быть отображены символически, графически. Например, в этом же словаре есть еще такая трактовка модели, где модель это «символическое изображение структуры, типа поведения и образцов взаимодействия в социальных процессах» [3, с. 186]. Или моделью может быть «формальное (то есть математическое или логическое) представление совокупности отношений» [3, с. 186]. Но, в любом случае модель – это аналог объекта, где отражены наиболее важные его характеристики в точки зрения целей исследования.

К третьей группе определений можно выделить трактовки, носящие теоретико-методологический характер. Например, модель – это «формализованная теория, на основе которой может быть сделан ряд предположений» [3, с. 186]. Или модель – это «интеллектуальные построения, которые тем или иным образом, обычно через аналогию, представляют собой феномены. Дело может касаться графических моделей, а в недавнее время и математических, созданных путем компьютерной обработки сложных взаимосвязей явлений с выделением схем социального взаимодействия» [4, с. 229].

Итак, модель в социологии – это:

– образ или аналог;

– отражает основные черты явления (процесса);

– схематично, формально отражает совокупность отношений;

– отражает структуру, типы поведения, образцы взаимодействия в явлении ли процессе;

– значимых с точки зрения цели исследования.

Таким образом, **моделью** в социологии можно считать образ, схематически отражающий основные взаимоотношения изучаемого явления (процесса), значимые с позиций исследования.

Теория – это «система обобщенного достоверного знания о том или ином фрагменте действительности, которая описывает, объясняет и предсказывает функционирование определенной совокупности составляющих его объектов» [5].

Кроме понятия модели существует понятие структуры. Но, это не одно и тоже. В словарной литературе чаще всего под структурой понимают «строение и внутренняя форма организации системы, выступающая как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами, а также законов данных взаимосвязей» [5].

Тогда **моделью** *можно считать формализованную теорию, схематично отображающая основные основных отношения, характеристики изучаемого явления, значимых с позиций исследования, объясняющая их причинно-следственные связи и делающая обоснованные предположения.*

Политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих *представляет собой часть общей культуры, состоящая из системы групп компонентов культуры, регулирующих взаимодействие государственных гражданских и муниципальных служащих с другими акторами в процессе завоевания, удержания, использования ими государственной власти для достижения своих целей.*

В целях ее лучшего изучения, а потом и внедрения целесообразно рассматривать ее схематично, по компонентам. Для этого необходимо понятие модели политической культуры государственных гражданских служащих.

Учитывая ранее сказанное о характеристиках модели **модель политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих** *можно рассматривать как формализованную теорию, систему обобщенного знания, объясняющую и предсказывающую функционирование политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих в сфере политики, их основных характеристик в политической сфере, взаимодействий с*

другими акторами, регулируемых при помощи элементов политической культуры (политических ценностей, знаний, норм, оценок, языка, деятельности), по поводу завоевания, удержания и использования власти для достижения своих целей.

Автор статьи предлагает вариант модели политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих, которую целесообразно использовать в исследованиях политической культуры данной социальной группы. В основу этой модели положена классификация компонентов культуры, разработанная Г.Е. Зборовским. Он выделяет следующие компоненты: ценности, нормы, обычаи, язык и деятельность [6, с. 279–285]. Нужно отметить, что к настоящему времени в научной литературе имеется достаточное количество вариантов структуры политической культуры. Она не содержит большого количества компонентов или элементов. Предложенная классификация компонентов достаточно емкая.

Но, эта классификация предложена для всей культуры общества. Автор статьи в исследовательских целях предлагает в качестве компонентов модели политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих следующие: политические ценности, политическое знание, политические нормы, политический язык и политическая деятельность представителей данной социально-профессиональной группы.

Политическое знание – достаточно объемный и специфический аспект политической культуры. Он во многом влияет на оценку ситуации в процессе принятии политического решения (при принятии политического решения используется знание текущей ситуации, накопленный опыт, знание о манипулировании общественным сознанием и т.д.), т.е. политическую деятельность. Однако сегодня недостаточно уделяют внимания в исследованиях, посвященных политической культуре представителей данной социальной общности.

Центральный компонент этой модели – политические ценности. Они связаны с политическими потребностями, которые можно трактовать как надобность в чем-либо (влиянии, власти) в сфере политических взаимодействий, конечная цель этого получение власти для наилучшего варианта для данного актора в данной ситуации деления материальных благ. Однако понятие потребности не является социологическим. По этой причине политические потребности (разновидность потребностей) не включено в данную модель. Таким образом, ключевой компонент представленной модели – это политические ценности.

Политические ценности можно понимать как совокупность значимых тех или иных явлений (предметов), способствующие удовлетворению политических потребностей разделяемых разными социальными общностями в обществе, и как следствие этого на которые ориентируются акторы в процессе политических взаимодействий.

Тогда **политические ценности государственных гражданских и муниципальных служащих** – *это совокупность значимых тех или иных явлений, способствующие удовлетворению политических потребностей разделяемых разными социальными общностями в обществе, и как следствие этого на которые ориентируются представители социально-профессиональной группы государственных гражданских и муниципальных служащих в процессе политических взаимодействий между собой и другими социальными группами и индивидами.*

Для исследования политических ценностей данной социально-профессиональной группы можно использовать известную классификацию ценностей М. Рокича, где все ценности он делит на два класса ценностей [7]: ценности-цели и ценности-средства. В качестве политических ценностей-целей у представителей данной социальной группы можно отметить: право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, мир, на достоинство, инновационность, глобализм, патриотизм, свободу информации, свободу слова, институцианализм, самореализацию и т.д. [8, с. 244]. В качестве ценностей-средств этой группы могут быть: высшая власть в государстве принадлежит народу, выборность представительных органов власти, различные формы выражения населением своего волеизъявления, государство как партнер, развивается инициатива граждан, верховенство закона, ответственность государственных служащих при принятии и реализации политических решений. «прозрачность» всех выборных процедур в политике, толерантность, открытость к новым формам демократических процедур и т.д. [8, с. 246].

Особую осознанную ценность к предмету называют интересом. Тогда политический интерес можно отнести к политическим ценностям, но, которые на данный момент имеют особую осознанность, которая побуждает к конкретным действиям в сфере политических взаимодействий в вопросах, связанных с приобретением, использованием, удержанием власти.

Чтобы предпринять действия, направленные на удовлетворение политических интересов, необходимо оценить реальную возможность этого и принять решение. Принятие политического решения происходит с учетом существующих норм, т.е. рамок поведения, знания ситуации, политического мышления и сопровождается политическими чувствами. Все это возможно только благодаря наличию политического языка – системы трансляции смыслов, т.е. информации.

В зависимости от того, какое явление, объект ценны, акторы выстраивают свое поведение. Со временем утверждаются образцы поведения, максимально отвечающие ориентации на ценные объекты. Так формируются нормы поведения, т.е стандарты поведения. Это касается любой сферы социального взаимодействия, в том числе и сферы политических отношений. Взаимодействия в ней регулируют **политические нормы**, которые означают стандарты поведения акторов в вопросах получения, использования и

удержания власти, имеющие силу на территории всего государства.

Если в обществе ценностями являются мир, воля народа, в качестве примеров норм политического права можно привести следующие. Например, согласно Конституции РФ (ст. 31), граждане РФ имеют право собираться мирно, без оружия на митинги и выражать свое мнение [9]. В соответствие со ст. 4., они могут выражать свое мнение через представителей в федеральные и региональные органы власти [9].

Сегодня существуют различные классификации политических норм. Одним из востребованным их делением можно назвать классификацию, где нормы делятся на официальные и неофициальные. Официальные нормы закреплены в действующем законодательстве государства и обеспечивают ориентацию общества на наиболее важные политические ценности.

Итак, политические взаимодействия регулируются политической культурой. Политическими ценностями, нормами. Но, чтобы правильное оценить ситуацию и принять решение как поступить, необходимо **политическое знание**, т.е. знание, которым обладает актор, общество, определяющее принятие решений в сфере политических взаимодействий. **Политическое знание государственных гражданских и муниципальных служащих** – *знание, которым владеют представители данной социально-профессиональной группы и руководствуются им в процессе своего политического поведения.*

Содержание политического знания зависит от ряда объективны факторов: времени, социальной позиции в обществе, рода профессиональной деятельности, должности. Также это зависит от ряда субъективных факторов: пола, возраста, любознательности. В случае, если профессиональная деятельность предполагает хороший уровень политического знания, то влияние субъективных факторов снижается за счет дополнительных личных усилий в целях достижения должного уровня этого знания.

Как известно, в процессе общения необходима система трансляции информации, т.е. язык. Это касается любой сферы, в том числе политических отношений.

В работе исследуется именно политический язык, а не речь. Понятие «речь» тесно связано с понятием язык, но это не одно и тоже. Язык определяют как знаковую систему. Она имеет содержательное наполнение понятий и звучание и написание. Речь – это использование языка, точнее его правил, лексического содержания понятий в процессе коммуникации. Еще говорят, что речь – это применение языка на практике.

Второе понятие, еще более близкое понятию «политический язык» – это «язык политики». Некоторые учёные разделяют эти понятия, считая, что второй содержит терминологию и риторику, используемые в политической деятельности. Этот язык, используется ими с целью манипулирования. А политический язык открыт для всех членов языкового сообщества [10, с. 1786]. Автор статьи также придерживается этого подхода. В статье под политическим языком понимается как «особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации» [11, с. 108].

Итак, **политический язык государственных гражданских и муниципальных служащих** – *это система символов, звуков, их сочетаний, передающих определенный смысл, используемая в процессе взаимодействия по поводу власти государственными гражданскими и муниципальными служащими.*

«Профессия государственного служащего относится к лингвоинтенсивным профессиям, так как на государственной службе важную роль играет речевое общение» [12]. Язык – это политика, а политика – это язык, так как правительство не может полагаться на физические, экономические силы, то ему необходимо вести себя гармонично с классами людей, наделяющих власть [10, с. 1786]. Авторитет государственной власти складывается из авторитета государственных служащих, представляющих её [13].

Для политической сферы каждой социальной общности, времени характерен свой политический язык. У социально-профессиональной группы государственных гражданских и муниципальных служащих политический язык также должен иметь свои особенности. Постиндустриальное общество предполагает более высокий уровень культуры во всем обществе. Это означает повышение культурного уровня представителей властных структур, чтобы достойно представлять государство и проводить его политику. Тогда политический язык государственных гражданских и муниципальных служащих должен отличаться: грамотностью, правильным построением предложений, отсутствием жаргонизмов, широким современным, актуальным лексическим запасом.

Как было отмечено выше, политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих – это своего рода система координат, которая помогает ориентироваться каждому из ее членов в сфере политических взаимодействий. Если следовать теории Т. Парсонса [14], то любое решение представителя ее группы в сфере политики, проявляющееся в последствии как действие, – это результат составляющих у актора: цели, ситуации и норм (куда входят вышеперечисленные компоненты политической культуры: постановка цели зависит от того что ценно, в ситуацию невозможно оценить без знания). Если рассматривать действие актора на макроуровне (в качестве актора взять не отдельного данной представителя социальной группы, а всю группу), то политической взаимодействие ее членов происходит в социальной системе, с учетом факторов еще трех систем: культуры, личностных факторов и физиологической среды [15].

Как известно, политическая культура у каждой социальной группы в данном обществе несколько отличается от культуры всего общества, а культура отдельного ее представителя – от

политической культуры данной группы и общества в целом. Политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих представляет собой систему координат наиболее оптимально преломляющую в коллективном сознании данной социальной группы основные аспекты политической культуры общества в целом, из последней отбирает наиболее для данной группы преемлимые ориентиры в сфере политических взаимодействий. Тогда компонент, являющейся результатом влияния всех предыдущих компонентов политической культуры представителей данной социальной группы – это их политическое поведение. Также нужно заметить, что все названные компоненты являются результатом воздействия на них других систем [15]. Поэтому ни один компонент политической культуры представителей данной социальной группы не может быть каким-то иным в данных условиях.

Прежде чем перейти к характеристикам понятия политической деятельности, необходимо рассмотреть понятие «деятельность». Сегодня в толковых словарях под деятельностью могут понимать «процесс (процессы) активного взаимодействия субъекта с объектом, во время которого субъект удовлетворяет какие-либо свои потребности, достигает цели. Деятельностью можно назвать любую активность человека, которой он сам придает некоторый смысл. Деятельность характеризует сознательную сторону личности человека (в отличие от поведения)» [17]. Есть сходное с ним понятие – поведение. Сегодня в словарной литературе есть различные трактовки понятия «поведение» можно разделить. Достаточно часто можно встретить такую: «присущее живым организмам взаимодействие с окружающей средой, опосредованное их внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью» [17] или «совокупность поступков и действий; образ жизни и действий» [18]. Как видно из определений, деятельность представляет собой цепочку, осмысленную последовательную совокупность действий. «Поведение – это внешняя сторона совокупности произведенных актов, …лишь видимая форма проявления деятельности [19]. Деятельность всегда имеет цель, у поведения нет цели [19]. Деятельность – это более широкое понятие. Оно предполагает не только совокупность каких-то действий, но отдельные акты поведения, если вписываются в образ жизни, если им обусловлены, то их можно рассматривать как деятельность.

В статье последним компонентом представленной модели политической культуры – политическая деятельность. Это более широкое и системное понятие. Представители властных структур не могут быть вне политики в силу их положения, функций в обществе. Хотя они не занимаются политикой как профессиональные политики, точнее только часть представителей властных структур, являются политиками, вследствие избрания их на эти должности в результате выборов. Учитывая также этот факт, в представленной модели использовано понятие «политической деятельности».Понятие политического поведения входит в деятельность, так как поведение – это отдельные акты деятельности.

Политическая деятельность государственных гражданских и муниципальных служащих – *это деятельность по поводу властных отношений государственных гражданских и муниципальных служащих с другими акторами и между собой, с ориентацией на свои политические потребности, политические ценности, политические нормы и политическое знание.*

В настоящее время в психологии выделяют умственную и физическую формы деятельности. Тогда в сфере политических взаимодействий можно отметить также умственную деятельность и физическую, последняя выражена поведенческими актами.

В психологии мышление определяют как «высший этап обработки информации», или «психический процесс моделирования закономерностей окружающего мира на основе аксиоматических положений» [20][1]. Его результатом являются оценки, выводы, идет и т.д. К операциям, производимым мышлением, психологи относят: сравнение, анализ, синтез, абстракцию, конкретизацию, индукцию, дедукцию, классификацию, обобщение [20][2]. Тогда, *политическое мышление* представляет собой психический процесс обработки информации политическим актором, в результате чего у него появляются представления о явлениях (их взаимосвязи), происходящих в сфере политических взаимодействий.

Такими политическими акторами являются государственные гражданские и муниципальные служащие. В современном обществе государственные гражданские и муниципальные служащие должны обладать отличными навыками анализа обработки политической информации. В результате чего, они должны уметь объективно анализировать действительно информацию, имеющую наибольшее значение о происходящих явлениях и процессах, уметь делать объективные оценки, выводы и т.д.

Как отмечают современные исследователи, политическое мышление всегда сопровождается политическими чувствами. Сегодня имеется достаточно трактовок политического мышления, где отмечают не только его когнитивную сторону, но и эмоциональную.

Однако в статье все-таки рассмотрим отдельно эмоциональную составляющую политической культуры. Например, М.В. Гамезо определяет чувства как наиболее устойчивые переживания личности, появляющиеся при удовлетворении (или неудовлетворении) *социальных* потреб-

[1] Мышление. URL : //https://ru.wikipedia.org/wiki/% D0%9C%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_(%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F) (дата обращения – 13.05.2020).

[2] См.: Там же.

ностей [21][1]. По мнению Е.П. Ильина, чувство – это выражение индивидом своего положительного (или отрицательного), т.е. оценочного отношения к чему-либо, характеризующееся устойчивостью [21][2]. В толковом словаре Ушакова переживания рассматриваются как особые психические состояния, выражающееся в наличии каких-либо впечатлений, чувств, ощущений, переживаемых кем-нибудь [22][3]. Тогда, эмоции можно рассматривать как ставшее результатом удовлетворения или неудовлетворения потребностей устойчивое психическое состояние человека относительно какого-либо объекта, содержащее отношение к последнему.

Политические эмоции – это устойчивые психические состояния актора, выражающие его отношение к тем или иным политическим субъектам, явлениям, их взаимодействию, напрямую зависящее от удовлетворения его политических ценностей и политических интересов. Политические эмоции государственных гражданских и муниципальных служащих зависят от удовлетворения их политических ценностей и политических интересов, которые детерминированы, с одной стороны их потребностями (Пирамида А.Маслоу) , а с другой, объективными факторами, которые в достаточной мере способствуют удовлетворению их потребностей: экономическим уровнем развития общества, доминированием идеи гуманизма.

Политическое поведение государственных гражданских и муниципальных служащих – *это совокупность действий по поводу властных отношений государственных гражданских и муниципальных служащих с другими акторами и между собой, с ориентацией на свои политические потребности, политические ценности, политические нормы и политическое знание.*

Учитывая, что политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих должна быть образцом для остального населения государства, то в постиндустриальном обществе она должна быть передовой. Тогда следует сделать сразу оговорку, что представители этой группы могут использовать только конвенциальные формы политического поведения. Это означает соблюдение законности. В РФ для государственных гражданских и муниципальных служащих это означает соблюдение законодательство, регулирующее политическое взаимодействие граждан РФ, а также соблюдение ограничений, которые есть в законодательстве, регламентирующих государственную гражданскую и муниципальную службу и касающееся политического поведения представителей властных структур.

К активным, законным формам политического поведения представителей данной профессиональной группы можно отнести: постоянное получение политической информации из различных СМИ, обмен мнением, участие в выборах, референдумах, участие в работе политических партий. Если характеризовать данный компонент политической культуры представителей властных структур, то в постиндустриальном обществе он должен обладать вышеназванными действиями, и последние должны быть регулярны.

Учитывая, что политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих должна быть образцом для остального населения государства, то в постиндустриальном обществе она должна быть передовой. Тогда следует сделать сразу оговорку, что представители этой группы могут использовать только конвенциальные формы политического поведения. Это означает соблюдение законности. В РФ для государственных гражданских и муниципальных служащих это означает соблюдение законодательство, регулирующее политическое взаимодействие граждан РФ, а также соблюдение ограничений, которые есть в законодательстве, регламентирующих государственную гражданскую и муниципальную службу и касающееся политического поведения представителей властных структур.

Итак, в статье были рассмотрены понятия: политическая культура государственных гражданских и муниципальных служащих, модель политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих, а также понятия каждого из представленных в модели компонентов политической культуры членов данной социально-профессиональной группы.

Литература:

1. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. М. : Издательская группа ИНФРА – М – НОРМА, 1998. 488 с.

2. *Джери Д.* Большой толковый социологический словарь (Collins) : в 2т. Т. 1 (А–О) / Д. Джери, Д. Джэри; Пер. с англ. М. : Вече, АСТ, 1999. 544 с. С. 430.

Literature:

1. Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French and Czech. Editor-coordinator – academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. M. : Publishing group INFRA – M – NORMA, 1998. 488 c.

2. *Gerry D.* The Great Interpreted Sociological Dictionary (Collins) : In 2 t. T. 1 (A–O) / D. Gerry, D. Jary; Trans. from English. M. : Veche, AST, 1999. 544 p. P. 430.

[1] Приводится по: Эмоции и чувства. URL : https://studopedia.ru/1_104255_emotsii-i-chuvstva.html (дата обращения 12.05.2020).

[2] Приводится по: Эмоции и чувства. URL : https://studopedia.ru/1_104255_emotsii-i-chuvstva.html (дата обращения 12.05.2020).

[3] См.: Толковый словарь Ушакова. URL : //https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/926406 (дата обращения 12.05.2020).

3. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г.В.Осипов. М. : Издательская группа ИНФРА – М – НОРМА, 1998. 488 с.

4. *Лоусон Т.* Социология. А–Я: Словарь-правочник / Т. Лоусон, Д. Гэррод; Пер. с англ. К.С. Ткаченко. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2000. 608 с.

5. Краткий словарь философских терминов. URL : http://nenuda.ru/%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2.html (дата обращения 23.01.2019).

6. *Зборовский Г.Е.* Общая социология : учебник для вузов. 3-е изд., исправленное и дополненное. Екатеринбург, 2003. 720 с.

7. Методика «ценностные ориентации» (М. Рокич). URL : //http://mosmetod.ru/files/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%A0%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D1%87%D0%B0.pdf (дата обращения 15.04. 2019).

8. *Хорошкевич Н.Г.* Политические ценности государственных гражданских и муниципальных служащих в современном обществе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. Ростов-н/Д., 2019. № 3.

9. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). URL : //http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 15.04.2019).

10. *Djachy K.* The Peculiarities of the Political Vocabulary in French and Georgian Languages / K. Djachy, M. Pareshishvili // Theory and Practice in Language Studies. 2014. Vol. 4. № 9. P. 1786–1791.

11. *Баранов А.Н.* Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакова. М. : знание, 1991. 218 с.

12. *Иванова А.* Язык госслужащих / А. Иванова, М. Панова. URL : http://ido-rags.ru/?p=7245 (дата обращения 28.04.2020).

13. Содержание демократии и ее возникновение. URL : https://studwood.ru/1057892/politologiya/soderzhanie_demokratii_i_ee_vozniknovenie (дата обращения 10.12.2019).

14. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2000.

15. *Парсонс Т.* Социальная система. М. : Академический проект, 2018.

3. Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French and Czech. Editor-coordinator – academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. M. : Publishing group INFRA – M – NORMA, 1998. 488 p.

4. *Lawson T.* Sociology. A–Ya: Dictionary-Legal / T. Lawson, D. Garrod; Trans. from English K.S. Tkachenko. M. : FAIR-PRESS, 2000. 608 p.

5. Short dictionary of philosophical terms. URL : http://nenuda.ru/%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2.html (date of appeal 23.01.2019).

6. *Zborovsky G.E.* General sociology: a textbook for universities. 3rd ed., Corrected and Supplemented. Yekaterinburg, 2003. 720 p.

7. Method «value orientations» (M. Rokich) URL : //http://mosmetod.ru/files/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%A0%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D1%87%D0%B0.pdf (date of appeal 15.04. 2019).

8. *Khoroshkevich N.G.* Political values of state civil and municipal employees in modern society//State and municipal administration. Scientific notes. Rostov-on/D., 2019. № 3.

9. The constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote 12.12.1993) (taking into account the amendments made by Acts of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 № 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, of 21.07.2014 № 11-FKZ). URL : //http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of the address 15.04.2019).

10. *Djachy K.* The Peculiarities of the Political Vocabulary in French and Georgian Languages / K. Djachy, M. Pareshishvili // Theory and Practice in Language Studies. 2014. Vol. 4. № 9. P. 1786–1791.

11. *Baranov A.N.* Parliamentary debates: traditions and innovations / A.N. Baranov, E.G. Kazakov. M. : knowledge, 1991. 218 p.

12. *Ivanova A.* Language of government employees / A. Ivanova, M. Panova. URL : //http://ido-rags.ru/?p=7245 (date of the address 28.04.2020).

13. Content of democracy and its emergence. URL : https://studwood.ru/1057892/politologiya/soderzhanie_demokratii_i_ee_vozniknovenie (date of appeal - 10.12.2019).

14. *Parsons T.* On the Structure of Social Action. M. : Academic Project, 2000.

15. *Parsons T.* Social System. M. : Academic Project, 2018.

16. Деятельность. Википедия. URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/2229 (дата обращения 20.04.2020).

17. Большая психологическая энциклопедия. URL : https://psychology.academic.ru/1651/%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения 16.04.2020).

18. Поведение. Викисловарь. URL : https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения 16.04.2020).

19. Отличие поведения от деятельности // https://thedb.ru/items/Otlichie_POVEDENIYA_ot_DEYATELNOSTI/ (дата обращения 20.04.2020).

20. Мышление. URL : //https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_(%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F) (дата обращения 13.05.2020).

21. Приводится по: Эмоции и чувства. URL : https://studopedia.ru/1_104255_emotsii-i-chuvstva.html (дата обращения 12.05 2020).

22. Толковый словарь Ушакова. URL : //https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/926406 (дата обращения 12.05.2020).

16. Activity. Wikipedia. URL : //https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/2229 (date of appeal - 20.04.2020).

17. The great psychological. URL : https://psychology.academic.ru/1651/%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (date of appeal 16.04.2020).

18. Behavior. Wiktionary. URL : https://ru. wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (date of appeal 16.04.2020).

19. Repudiation of conduct from activity//https://thedb.ru/items/Otlichie_POVEDENIYA_ot_DEYATELNOSTI/ (date of appeal 20.04.2020).

20. Thinking. URL : //https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_(%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F) (date of appeal 13.05.2020).

21. Quoted by: Emotions and feelings. URL : //https://studopedia.ru/1_104255_emotsii-i-chuvstva.html (date of appeal 12.05 2020).

22. Explanatory dictionary by Ushakov URL : //https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/926406 (date of appeal 12.05 2020).

УДК 316.44
DOI 10.23672/l5199-7252-7394-r

Чагла Доган Бериван
аспирант кафедры социологии,
Кубанский государственный университет
cagla.dogan@mail.ru

Миграция между Турцией и Германией: причины, формы, перспективы

Аннотация. Прошло уже более полувека с начала эмиграции турецкого населения в европейские страны, в частности в Германию. За этот, довольно продолжительный период в этой стране сформировалась многочисленная турецкая диаспора, играющая сегодня важную роль в общественной и экономической жизни Германии. На протяжении всего периода миграционный поток в направлении Турция-Германия оставался постоянным, но имел на разных этапах свою специфику, причины и формы.
Эти и другие вопросы, связанные с эмиграцией турецкого населения в Германию рассматриваются в данной статье. К работе привлечен ряд турецких источников, дается их авторская интерпретация.

Ключевые слова: Турция, Германия, миграция, социально-экономическое развитие, этнические конфликты, образовательная миграция, трудовая миграция.

B. Chala Dogan
Graduate student Department of Sociology,
Kuban State University
cagla.dogan@mail.ru

Migration between Turkey and Germany: reasons, forms, perspectives

Annotation. More than half a century has passed since the beginning of the emigration of the Turkish population to European countries, in particular to Germany. During at this rather long period, a large Turkish diaspora has been formed in this country, playing today crucial role in the social and economic life of Germany. Throughout the entire period, the migration flow towards Turkey-Germany remained constant, but had its different stages its specifics, reasons and forms.
These and other issues related to the emigration of the Turkish population to Germany are discussed in this article. A number of Turkish sources are involved in the work, and their author's interpretation is given.

Keywords: Turkey, Germany, migration, socio-economic development, ethnic conflicts, educational migration, labor migration.

Введение. С самого образования Османской Империи в XV в., миграционная подвижность её населения была достаточно высока. Но эти процессы происходили внутри империи и, как правило, инициировались государством. Это решало многие стратегические задачи, обеспечивало контроль над обширной территорией империи. Распад Османской империи и образование в 1923 г. Турецкой Республики спровоцировали всплеск миграционной активности. Из страны выезжала аристократия, несогласная с политическим курсом, который провозгласил Мустафа Кемаль Ататюрк, происходила своего рода репатриация – на свою «историческую родину» возвращались выходцы из государств, ранее бывших частью Османской империи, а из этих, теперь уже независимых, государств возвращались на территорию Турецкой республики турки.

Сопоставимый с вышеописанным всплеск миграционной активности происходит во второй половине XX века. Европа, пострадавшая во время Второй Мировой войны, нуждалась в пополнении трудовых ресурсов. Наиболее подходила в качестве «донора» Турция, где наоборот, существовал достаточный демографический потенциал для экспорта рабочей силы. Это были, в основном, жители сельской местности, переселявшиеся в европейские города в поисках лучшей жизни и новых возможностей. Дополнительный импульс таким перемещениям дала серия внутриполитических конфликтов в Турецкой Республике, и сложившаяся вследствие этого неблагоприятная социальная и экономическая обстановка. Практически все 1970-е гг. Турецкая Республика балансировала на грани гражданской войны. В этот период происходит активный миграционный отток населения из страны [11, p. 33–34].

Тем не менее, череда военных переворотов, потрясших страну, окончилась. В 1990-х гг. ряд проведенных мер по стабилизации ситуации (таких как улучшение социально-экономического положения страны, расширения гражданских прав и свобод) сделал страну привлекательным направлением для иммиграции. Уже к середине 1990-х гг. вместо неблагоприятной социально-экономической ситуации главной причиной миграции стала этническая.

Миграционный поток между Турцией и Германией оказал значительное влияние на обе страны-участницы. Описывая миграцию, осуществлявшуюся в рамках этого потока, выделим следующие ее формы: трудовая, семейная, вынужденная и нелегальная [10, p. 3–14].

Миграционные сети между Турцией и Германией практически перманентно активны, изменяются лишь интенсивность миграционного потока и его

формы. Вышеуказанные аспекты считаем заслуживающими подробного рассмотрения.

Этапы турецкой миграции в Германию.

Миграции, осуществлявшиеся в направлении Турция – Германия (страны Центральной Европы) исторически подразделяются на пять исторических этапов.

1) 1950–1960-е гг. Турция, практически не пострадавшая во Второй Мировой, в начале 1950-х берет курс на индустриализацию и урбанизацию. Тем не менее, рост городов не смог сравняться с объемами вертикальной миграции и приростом населения, вследствие чего в 1960-х гг. в Турции появляется «избыток рабочей силы». В свою очередь, страны Европы, и в частности Германия, испытывали острую нужду в трудовых ресурсах. Формируется прецедент экспорта рабочей силы, закрепленный впоследствии в соглашениях об обмене рабочей силы, регулировавших, во многом, миграционный поток Турция-Германия в 1950-х – 1960-х гг. [4, p. 39–61].

2) 1970-е гг. – начало 1980-х гг. Начало формирования миграционных сетей, новые тенденции в миграции. Трудовые мигранты, прибывшие в Германию ранее, оседают, и ключевой тенденцией становится «выписка» семей и их последующее закрепление на территории Германии.

3) в 1980-х гг. государственный переворот (1981 г.) и последовавшая за ним серия политических мероприятий спровоцировала ряд актов агрессии по отношению к этническим меньшинствам, и, таким образом привела к появлению вынужденных мигрантов. Миграционные сети и опыт предшественников подтолкнули беженцев искать убежища на территории Центральной Европы, в частности, Германии. Происходит формирование зон компактного проживания турецких мигрантов. Важно также отметить, что в Турции продолжался тренд сокращения потребности в рабочей силе, а в Германии наступил экономический кризис, и соответственно снижение спроса на иностранную рабочую силу. Происходит постепенный отход стран от установленной модели миграционного сотрудничества [10, p. 12–14].

Достаточно распространенным сценарием в тот период была утрата новыми мигрантами их законного статуса. Основной причиной этого был финансовый кризис, и последовавшая за ним безработица. В отсутствие договора о найме мигрант не мог претендовать на долговременное пребывание в стране на легальных основаниях, и зачастую принимал решение оставаться нелегально. Число нелегальных мигрантов пополнили также и лица пострадавшие в результате военного переворота 1980 г. [5, p. 53].

4) 1990-е гг. – экономический и политический кризис существенным образом активизировал миграционные потоки беженцев с территории Турции в Европу. Вместе с этим, проявляются и новые направления для миграции – это бывшие республики Советского Союза. Помимо России, наиболее активные миграционные потоки направлялись в тюркоязычные республики: Азербайджан, Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Туркмению. Изменение политического и экономического курса на территории бывшего СССР создавало благоприятную почву для развития бизнеса, в большинстве случаев миграция была экономической, но активно развивается и образовательная миграция [13; 14].

5) в 2000-х гг. в миграционных процессах Турции появляются новые тенденции [2, с. 15]. Наряду с сохранением активного миграционного потока из Турции в Европу, также происходила миграция из Азии и Африки в Турцию. Сирийский кризис во многом увеличил приток беженцев и вынужденных переселенцев. Этот период характеризуется ростом экономических и социальных свобод в стране и появлением новых возможностей для передвижения турецких граждан [8, p. 261–282].

Факторы, влияющие на миграционные процессы.

Одной из наиболее важных факторов, формировавших отток населения из Турции, была этническая дискриминация, направленная, в первуюочередь, против курдского населения страны. Она подкреплялась законодательно, и это повлияло на то, что в числе турецких мигрантов направлявшихся в европейские страны, значительную часть составляли курды [6, p. 37–46]. Ряд мер, предпринятых турецким правительством в отношении курдского населения, повлиял на снижение миграционного оттока из страны в последние десятилетия.

Другим важным фактором является социальная нестабильность и незащищенность. Социальная нестабильность в Турции, влияющая на миграционные процессы, включала в себя:

– конфликты (такие как вооруженное противостояние, насильственное перемещение, нераскрытые убийства);

– социально-экономические проблемы (бедность, безработица, социальная незащищенность);

– политические проблемы (например, запреты политических партий);

– культурную и социальную дискриминацию.

Все это является ключевыми факторами миграции из Турции [7, p. 925–948].

Численность турецкого населения в Германии.

Официальный сайт Министерства Иностранных дел Турции приводит следующие цифры: более 6,5 млн турок проживает за границей, из них 5,5 млн – в Западной Европе [1; 3]. Помимо этого, в Германии проживает, по последним исследованиям, около 3,5 млн чел., имеющих турецкие корни [8, p. 261].

В действительности, установить точное число эмигрантов из Турции, проживающих в Германии, практически невозможно, так как достаточно большая их доля проживает в Германии

нелегально. В отсутствие статистики по нелегальным мигрантам мы можем опираться исключительно на прогнозы исследователей: по некоторым оценкам, число нелегальных турецких мигрантов начинается от 2,6 млн чел. [9, p. 103–117].

Рост экономики и последствия социальных и внутриполитических реформ сделали Турцию страной более привлекательной как для иммиграции, так для реэмиграции. Вместе с этим, рост недоверия и напряженности по отношению к мигрантам из Турции в Германии, стимулируют обратную миграцию и деструктивно влияют на сложившийся стабильный миграционный поток между странами. Вероятными причинами увеличения обратной миграции турок из Германии являются:

а) экономический рост в Турции;

б) дискриминация и/или другие трудности в Германии, особенно во время глобального экономического кризиса [5].

Перспективы миграции.

Вследствие развития турецкой экономики, повышения уровня безопасности и проведения социальных реформ многие турки стали возвращаться из Германии на родину. Процесс превращения Турции из страны эмигрантов в страну реэмигрантов, считают аналитики, будет продолжаться, подталкиваемый рядом социальных тенденций.

Таким образом, турецкая трудовая миграция в 1960–1990-х гг., двигалась по параболе – от массовой эмиграции в 1950-х гг. к снижению миграции в 1960-х гг., от усиления миграции в 1980-х гг. к снижению оборотов и реэмиграции на рубеже 1990-х – 2000-х гг. Увеличение благосостояния Турции и проводимые социальные реформы увеличили привлекательность Турции как страны проживания. При анализе миграции между Турцией и Германией на современном этапе и в будущем нужно учитывать новые обстоятельства и тенденции.

Литература:

1. Defense lawyers withdraw themselves from KCK case in Turkey. Hurriyet. URL : http://www.hurriyetdailynews.com/n.php?=kck-defense-lawyers-withdraw-themselves-from-the-case-2011-04-19 (data available 15.05.2020).

2. *Dogan C.B.* New Tendences in Turkish Migration to Germany at the Turn of the XX century: Social and Demographic Aspects / C.B. Dogan, Ya.V. Rakacheva // South-Russian Journal of Social Sciences. – 2019. Vol. 2. № 2. P. 86–98.

3. Federal Statistical Office Germany. URL : http://www.genesis.destatis.de accessed (data available 15.05.2020).

4. *İçduygu A.* Socio-economic Development and International Migration: A Turkish Study / A. İçduygu, İ. Sirkeci, G. Muradoğlu // International migration – 2001. № 39. P. 39–61.

5. *Jenkins J.C.* Global Conflict Data: Introducing the World Handbook of Political Indicators IV / J.C. Jenkins, C.L. Taylor, M. Abbott, T.V. Maher, L. Peterson. URL : https://doi.org/10.31235/osf.io/mxb9p (data available 01.06.2020).

6. *Kaya A.* Euro-Turks: A Bridge, or a Breach, between Turkey and the European Union? // In CEPS Turkey in Europe Monitor. 2004. № 5. P. 37–46.

7. *Lyon A.J.* Mobilizing ethnic conflict: Kurdish separatism in Germany and the PKK / A.J. Lyon, E.M. Ucarer // Ethnic and Racial Studies. 2001. № 24(6). P. 925–948.

8. *Nielsen O.E.K.* Transnational political practices and receiving state: Turkish and Kurds in Germany // Global networks: Turkish Migration. 2006. № 1. P. 261–282.

9. *Raghuram P.* Which migration what development? Unsettling the edifice of migration and

Literature:

1. Defense lawyers withdraw themselves from KCK case in Turkey. Hurriyet. URL : http://www.hurriyetdailynews.com/n.php?=kck-defense-lawyers-withdraw-themselves-from-the-case-2011-04-19 (data available 15.05.2020).

2. *Dogan C.B.* New Tendences in Turkish Migration to Germany at the Turn of the XX century: Social and Demographic Aspects / C.B. Dogan, Ya.V. Rakacheva // South-Russian Journal of Social Sciences. – 2019. Vol. 2. № 2. P. 86–98.

3. Federal Statistical Office Germany. URL : http://www.genesis.destatis.de accessed (data available 15.05.2020).

4. *İçduygu A.* Socio-economic Development and International Migration: A Turkish Study / A. İçduygu, İ. Sirkeci, G. Muradoğlu // International migration – 2001. № 39. P. 39–61.

5. *Jenkins J.C.* Global Conflict Data: Introducing the World Handbook of Political Indicators IV / J.C. Jenkins, C.L. Taylor, M. Abbott, T.V. Maher, L. Peterson. URL : https://doi.org/10.31235/osf.io/mxb9p (data available 01.06.2020).

6. *Kaya A.* Euro-Turks: A Bridge, or a Breach, between Turkey and the European Union? // In CEPS Turkey in Europe Monitor. 2004. № 5. P. 37–46.

7. *Lyon A.J.* Mobilizing ethnic conflict: Kurdish separatism in Germany and the PKK / A.J. Lyon, E.M. Ucarer // Ethnic and Racial Studies. 2001. № 24(6). P. 925–948.

8. *Nielsen O.E.K.* Transnational political practices and receiving state: Turkish and Kurds in Germany // Global networks: Turkish Migration. 2006. № 1. P. 261–282.

9. *Raghuram P.* Which migration what development? Unsettling the edifice of migration and

development // Population space and place. 2009. № 15. P. 103–117.

10. *Sirkeci I.* Transnational mobility and conflict // Migration Letters. 2009. № 6(1). P. 3–14.

11. *Sirkeci I.* Turkish culture of migration: Flows between Turkey and Germany, socio-economic development and conflict. Migration Letters / I. Sirkeci, J.H. Cohen, P. Yazgan. 2019. (1). P. 33–46.

12. *Sirkeci I.* Migration and Migration Letters / I. Sirkeci, J. Cohen, E. Heikkilä // Migration Letters. 2008. № 5. P. 107–110.

13. *Ракачева А.В.* Образовательные мигранты из Турции в России: опыт социологического анализа // Молодежь XXI века: образ будущего: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. III Ковалевские чтения. Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г. СПб. : ООО Скифия-принт, 2019. С. 483–484.

14. *Слободенюк В.В.* Турецкая диаспора в современной системе образования Германии. URL : http://https://cyberleninka.ru/article/n/turetskaya-diaspora-v-sovremennoy-sisteme-obrazovaniya-germanii (дата обращения 06.05.2020).

15. *Эрдер С.* Новые тенденции международной миграции населения и опыт Турции // Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 4. М. : МАКС Пресс, 2000. С. 21–34.

development // Population space and place. 2009. № 15. P. 103–117.

10. *Sirkeci I.* Transnational mobility and conflict // Migration Letters. 2009. № 6(1). P. 3–14.

11. *Sirkeci I.* Turkish culture of migration: Flows between Turkey and Germany, socio-economic development and conflict. Migration Letters / I. Sirkeci, J.H. Cohen, P. Yazgan. 2019. (1). P. 33–46.

12. *Sirkeci I.* Migration and Migration Letters / I. Sirkeci, J. Cohen, E. Heikkilä // Migration Letters. 2008. № 5. P. 107–110.

13. *Rakacheva A.V.* Educational migrants from Turkey in Russia: experience of sociological analysis // Youth of the XXI century: image of the future: materials of the all-Russian scientific conference with international participation. III Kovalev readings. Saint Petersburg, November 14–16, 2019. SPb. : scifia-print LLC, 2019. P. 483–484.

14. *Slobodenyuk V.V.* Turkish Diaspora in the modern system of education in Germany. URL : http://https://cyberleninka.ru/article/n/turetskaya-diaspora-v-sovremennoy-sisteme-obrazovaniya-germanii (accessed 06.05.2020).

15. *Erder S.* New trends in international migration and the experience of Turkey // International migration of population: Russia and the modern world. Iss. 4. M. : MAKS Press, 2000. P. 21–34.

УДК 616.4
DOI 10.23672/s5455-9588-9575-p

Шагина Инна Рудольфовна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры физики, математики
и медицинской информатики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Кубекова Алия Салаватовна
старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
alya_kubekova@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
andry75@list.ru

Избирательность потребления качественных продуктов питания как показатель отношения к собственному здоровью среди студентов-медиков

Аннотация. В статье анализируются показатели ограничения потребления качественных продуктов питания как показатель отношения к собственному здоровью среди студентов-медиков. Выборка исследования составляла студентов педиатрического, лечебного, стоматологического, фармацевтического факультетов 2–4 курсов медицинского вуза в количестве 897 человек в возрасте 19–24 лет. Опрошенные студенты обучались на очном отделении. Приведены результаты социологического исследования ограничений в питании, к которым прибегают студенты медицинского вуза. Было установлено, что как юноши, так и девушки стараются избегать употребления некачественных продуктов. На основе полученных результатов были разработаны практические рекомендации по изменению режима питания и рациональному питанию.

Ключевые слова: ограничения в питании; медицинский вуз; студенты-медики; состояние здоровья; рациональное питание; качественные продукты; здоровый образ жизни.

Inna R. Shagina
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Physics,
Mathematics and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

Aliya S. Kubekova
Senior lecturer
Departments of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
Ministry of Health of Russia
alya_kubekova@mail.ru

Tatyana A. Smakhtina
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
Ministry of Health of Russia
andry75@list.ru

Selectivity of consumption of quality food products as an indicator of relationship to own health among medical students

Annotation. The article analyzes the indicators of the restriction of the consumption of quality food products as an indicator of the attitude to their own health among medical students. The study sample consisted of students of pediatric, medical, dental, pharmaceutical faculties of 2–4 courses of a medical university in the amount of 897 people aged 19–24 years. Interviewed students studied full-time. The results of a sociological study of dietary restrictions, which are used by students of a medical university, are presented. It was found that both boys and girls try to avoid the use of low-quality products. Based on the results obtained, practical recommendations were developed on changing dietary patterns and rational nutrition.

Keywords: nutritional restrictions; medical university; medical students; health status; balanced diet; quality products; healthy lifestyle.

Введение. Актуальность данного исследования состоит в том, что студенческая молодежь является группой риска, так как в период обучения в высшем учебном заведении сопровождается значительными умственными, эмоциональными и физическими нагрузками [1–3]. И, таким образом, появляется острая необходимость в обеспечении сохранения и укрепления здоровья студентов. По данным исследованиям был установлен факт дефицита в рационе студентов продуктов, которые являются главными источниками полноценного белка, и доминирование углеводно-жировой пищи [4; 5]. Дефицит витаминов и микроэлементов в юношеском возрасте формируется в результате форсированной обеспеченности организма быстрыми углеводами, неправильными белками, трансжирами отрицательно сказывается на показателях физического развития, успеваемости, сопротивляемости различным заболеваниям, к тому же, увеличивается негативное влияние на организм неблагоприятных экологических условий, нервно-эмоционального напряжения и стресса, что, в целом, препятствует формированию здорового поколения [7; 8]. Исходя из этого, анализ избирательности потребления качественных продуктов питания молодым поколением позволяет разрабатывать необходимые профилактические и оздоровительные мероприятия.

Целью исследования являлась оценка избирательности потребления качественных продуктов питания, как показатель отношения к собственному здоровью среди студентов-медиков.

Материалы и методы. В социологическом исследовании приняли участие 897 студентов педиатрического, лечебного, стоматологического, фармацевтического факультетов Астраханского государственного медицинского университета 2–4 курсов в возрасте 19–24 лет. Опрошенные студенты обучались на очном отделении. Репрезентативная группа сформирована методом случайной выборки и носила сплошной характер. Основным экспериментальным методом был формализованный опрос с помощью специально разработанной анкеты. Данный метод является главным источником информации существующих в реальности социальных фактах и социальной действительности. Статистическая обработка полученных данных проведена в электронных таблицах Excel с помощью комплекта прикладных программ. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Результаты и обсуждение. Анализ полученных данных показал, что доминирующим ограничением в питании для девушек является «Избегание употребления некачественных продуктов» – 58,1 %, что, в свою очередь, это является положительной тенденцией (табл. 1). Такого же ограничения придерживаются 23,4 % юношей. Также следует отметить, что девушки стараются не есть поздно вечером – 51,7 %. Аналогичного ограничения в питании придерживаются лишь 8,7 % юношей, так как они не задумывались над этим вопросом или не считают нужным им заниматься.

Данные таблицы показывают, что ни в чем себя не ограничивают 45,9 % девушек и 26,1 % юношей. Это они объясняют тем, у них отсутствует сила воли и это является причиной нерационального питания.

Таблица 1

Ограничения в питании, к которым прибегают студенты (по полу, %)

Прибегаете ли Вы к следующим ограничениям в питании?		Юноши	Девушки
1.	Избегаю употребления некачественных продуктов	23,4	58,1
2.	Ограничиваю себя в количестве еды	8,3	5,6
3.	Стараюсь не есть поздно вечером	8,6	51,7
4.	Не употребляю сладкого	31,7	12,2
5.	Избегаю мучного	9,2	6,5
6.	Ни в чем себя не ограничиваю	26,1	45,9
7.	Всегда подсаливаю пищу	42,3	33,8
8.	Обхожусь без перекусов	0,9	2,8
9.	Избегаю острой пищи	8,2	14,5
10.	Разное	3,5	1,8

Ограничение при употреблении в мучном не придерживаются большинство студентов-медиков. Стараются избегать мучного только 9,2 % юношей и 6,5 % девушек. Это, в свою очередь, может провоцировать дефицит необходимых витаминов, что сказывается на физическом состоянии студентов.

Обходиться без перекусов могут незначительное распределение студентов-медиков – 0,9 % и 2,8 % соответственно. Всегда подсаливают пищу 42,3 % юношей и 33,8 % девушек. Избегают употребления острой пищи 8,2 % юношей и 14,5 % девушек. Это свидетельствует о нерациональности режима питания студентов медицинского вуза.

Заключение. Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что студенты медицинского вуза стремятся поддерживать собственное здоровье, но и существуют проблемы при формировании к здоровому образу жизни. Одной из причин студенты-медики отмечают отсутствие силы воли и неорганизованный режим дня. Было установлено, что как юноши, так и девушки стараются избегать употребления некачественных продуктов. Необходима пропаганда здорового образа жизни, активное посвящение студентов в вопросы правильного и качественного питания. На основе полученных результатов были разработаны практические рекомендации по изменению режима питания и рациональному питанию.

Литература:

1. *Бердиев Р.М.* Состояние здоровья студентов-медиков и факторы его определяющие / Р.М. Бердиев, В.А. Кирюшин, Т.В. Моталова, Д.И. Мирошникова // Рос. мед.-биол. вестн. им. академика И.П. Павлова. 2017. № 2. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-zdorovya-studentov-medikov-i-faktory-ego-opredelyayuschie (дата обращения 23.05.2020).

2. *Васильева М.В.* Оценка рационального питания студентов как одна из важнейших составляющих здоровья / М.В. Васильева, И.И. Либина, А.А. Натарова // Символ науки. 2017. № 4. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-ratsional nogo-pitaniya-studentov-kak-odna-iz-vazhneyschih-sostavlyayuschih-zdorovya (дата обращения 23.05.2020).

3. *Дмитриева Е.В.* Социология здоровья: методологические подходы и коммуникационные программы. М. : Центр, 2002.

4. *Ермакова Н.А.* Образ жизни и здоровье студентов / Н.А. Ермакова, П.И. Мельниченко, Н.И. Прохоров, К.Т. Тимошенко, А.А. Матвеев, Е.В. Кочина, Т.Ш. Миннибаев // Гигиена и санитария. 2016. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhizni-i-zdorovie-studentov-2 (дата обращения 13.04.2020).

5. *Колпина Л.В.* Теоретико-методологические основы исследования социального здоровья личности. М. : СГУ, 2009. 179 с.

6. *Мелихова Е.П.* Гигиеническая оценка фактического питания студентов медицинского вуза. Символ науки // Е.П. Мелихова, А.А. Натарова, М.В. Васильева. 2016. № 3-2(15). С. 178–180.

7. *Миннибаев Т.Ш.* Состояние здоровья студентов и основные задачи университетской медицины / Т.Ш. Миннибаев, В.В. Чубаровский, Г.А. Гончарова, И.К. Рапопорт, К.Т. Тимошенко // Здоровье населения и среда обитания. 2012. № 3. С. 16–21.

8. *Мофа С.С.* К вопросу о здоровом образе жизни студентов медицинского вуза / С.С. Мофа, А.И. Такуадина // Современная медицина: актуальные вопросы : сб. ст. по матер. XVIII–XIX междунар. науч.-практ. конф. № 10–11(43). Новосибирск : СибАК, 2015.

9. Петрова Т.Н. Мониторинг здоровья учащейся молодежи с применением современных компьютерных технологий / Т.Н. Петрова, В.И. Зуйкова, В.И. Попов, А.А. Натарова // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2014. № 58. С. 146–152.

Literature:

1. *Berdiev R.M.* Sostoyanie zdorov`ya studentov-medikov i faktory` ego opredelyayushhie / R.M. Berdiev, V.A. Kiryushin, T.V. Motalova, D.I. Miroshnikova // Ros. med.-biol. vestn. academician's name I.P. Pavlova. 2017. № 2. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-zdorovya-studentov-medikov-i-faktory-ego-opredelyayuschie (data obrashheniya 23.05.2020).

2. *Vasilyeva M.V.* Assessment of rational nutrition of students as one of the most important components of health / M.V. Vasilyeva, I.I. Libina, A.A. Natarova // Symbol of science. 2017. № 4. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-ratsionalnogo-pitaniya-studentov-kak-odna-iz-vazhneyschih-sostavlyayuschih-zdorovya (data obrashheniya 23.05.2020).

3. *Dmitrieva E.V.* Sociology of health: methodological approaches and communication programs. M. : Centr, 2002.

4. *Ermakova N.A.* Lifestyle and health of students / N.A. Ermakova, P.I. Melnichenko, N.I. Prokhorov, K.T. Tymoshenko, A.A. Matveev, E.V. Kochina, T.S. Minnibayev // Hygiene and sanitation. 2016. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhizni-i-zdorovie-studentov-2 (case date 13.04.2020).

5. *Kolpina L.V.* Theoretical and methodological foundations of the study of social health of the individual. M. : SGU, 2009. 179 p.

6. *Melikhova E.P.* Hygienic assessment of factual nutrition of medical university students. Symbol of science / E.P. Melikhov, A.A. Natarov, M.V. Vasiliev. 2016. № 3-2(15). P. 178–180.

7. *Minnibayev T. Sh.* State of Health of Stu-Dents and Main Tasks of University Meditsina / T.Sh. Minnibayev, V.V. Chubarovsky, G.A. Goncharova, I.K. Rapoport, K.T. Tymoshenko // Population Health and Habitat. 2012. № 3. P. 16–21.

8. *Mofa S.S.* On the Issue of Healthy Lifestyles of Medical Students / S.S. Mofa, A.I. Takuadina // Modern Medicine: Factual Issues : Sb. art. by mater. XVIII–XIX international scientific. conf. № 10–11(43). Novosibirsk : Sibak, 2015.

9. *Petrova T.N.* Monitoring the health of students and young people using modern computer technologies / T.N. Petrova, V.I. Zuykova, V.I. Popov, A.A. Natarova // Scientific and Medical Bulletin of the Central Chernozemya. 2014. № 58. P. 146–152.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.535
DOI 10.23672/e9898-7318-9134-d

Авдеев Сергей Владимирович
аспирант,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
Avdeev.23@mail.ru

Некоторые аспекты привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника

Аннотация. В статье исследуются проблемы института субсидиарной ответственности. Делается вывод о том, что сегодня имеется ряд вопросов, касающихся несовершенства законодательной техники, и противоречивого содержания нормативно-правовых актов, регулирующих субсидиарную ответственность в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника. Формулируется вывод о том, что исследуемый институт требует максимально качественного законодательного регулирования и сбалансированной судебной практики его применения. При соблюдении указанных условий он способен в перспективе оказать благотворное воздействие на оптимизацию делового климата в России.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, субсидиарная ответственность, контролирующие должника лица, кредиторы, защита прав, кредиторы, презумпции, конкурсная масса.

Sergey V. Avdeev
Graduate student,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
Avdeev.23@mail.ru

Some aspects of bringing to the subsidiary liability controllingpersons of the debtor in the framework of the insolvency (bankruptcy) case of the debtor

Annotation. The article explores the problems of the institution of subsidiary liability. It is concluded that today there are a number of issues regarding the imperfection of the legislative technique and the contradictory content of regulatory legal acts regulating subsidiary liability in the framework of the debtor's insolvency (bankruptcy) case. The conclusion is formulated that the institute under study requires the highest quality legislative regulation and balanced judicial practice of its application. Subject to the specified conditions, he is able in the long term to have a beneficial effect on optimizing the business climate in Russia.

Keywords: insolvency, bankruptcy. subsidiary liability, persons controlling the debtor, lenders protection of rights, lenders, presumptions, bankruptcy estate.

Нестабильность экономики, снижение объема производства в некоторых сферах, ухудшение делового климата, неспособность своевременного исполнения обязательств должниками перед своими кредиторами, резкий рост дел о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц при отсутствии конкурсной массы у должника поставили вопрос о теоретических и практических трудностях реализации института субсидиарной ответственности в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) с целью защиты прав кредиторов.

Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является одним из механизмов восстановления нарушенных прав кредиторов, в связи с чем, вопрос выработки действенных механизмов данной защиты от недобросовестных действий (бездействия) контролирующих должника лиц стал не просто актуальным в теории и в правоприменительной практике, но и необходимым. В настоящее время рассматриваемый институт переживает сложный период и подвержен постоянному реформированию и, как следствие, изменению в судебной практике.

Как известно, специальные положения, предусматривающие субсидиарную ответственность за доведение юридического лица до банкротства, либо наращивания долгов предприятия, впервые появились в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», вступившем в силу 1 марта 1998 г. До 01 марта 1998 г. в специальном законодательстве о несостоятельности (банкротстве) подобные нормы отсутствовали, и кредиторы могли выдвинуть требование о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника исключительно на общих нормах Гражданского кодекса.

Действующий Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее Закон о банкротстве) вплоть до 30 июля 2017 г. содержал положения о привлечении к субсидиарной ответственности в статье 10,

редакция которой систематически подвергалась изменению.

С недавних пор законодательство о банкротстве претерпевает существенные изменения. Так, в 2017 году внесены кардинальные изменения в Федеральный Закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», касающиеся вопроса привлечения контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности. Закон в новой редакции предусмотрел главу III.2. «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве», которая непосредственно касается института субсидиарной ответственности.

Во исполнение принципа научности следует определиться с содержанием понятия «субсидиарная ответственность».

Отметим, что ряд ученых – цивилистов считают субсидиарную ответственность видом гражданско-правовой ответственности, которая представляет собой исключение из правила, зафиксированного в ч. 2 ст. 56 Гражданского кодекса Российской Федерации [2], в соответствии с которым, учредитель либо участник юридического лица не отвечает по обязательствам сформированного юридического лица.

К.А. Чепрасов указывает на то, что субсидиарная ответственность в науке исследуется с двух сторон: как самостоятельный вид гражданской ответственности и как специфическая форма обеспечения обязательств [3].

В свою очередь, по мнению Е.Е. Богданова, субсидиарная ответственность является видом гражданской ответственности субсидиарного должника дополнительно к ответственности основного должника [4], А Е.А. Храпунова высказывает утверждение о том, что субсидиарная ответственность является специфическим видом гражданской ответственности, когда при неполном исполнении или неисполнении обязательства основным должником в результате его отказа, отсутствия или недостаточности у него имущества, обязанность по исполнению обязательства возлагается на дополнительного должника [5].

На наш взгляд, субсидиарную ответственность контролирующих должника лиц следует рассматривать как особый вид ответственности, поскольку ему присущи индивидуальные признаки, такие как:

– существование только в определенных законом о банкротствевременных рамках;

– возложение ответственности на специальный субъект – контролирующее должника лицо;

– внедоговорной характер;

– возможность применения только в случае отсутствия или недостаточности имущества у должника;

– наступление ответственности при наличии вины.

В целях решения защиты прав кредиторов от недобросовестных действий (бездействия) контролирующих должника лиц необходимо использовать механизм института субсидиарной ответственности с учетом концепции «прокалывания корпоративной вуали» путем снятия ограничения ответственности учредителей и участников юридических лиц с возложением на виновных в несостоятельности компаний лиц обязанности в компенсации ущерба.

Анализ научных трудов показал, что действующий Закон о банкротстве, с одной стороны, при помощи детального регулирования придал некую ясность институту субсидиарной ответственности, тем не менее, с другой, поставил ряд вопросов, как ввиду несовершенства законодательной техники, так и в связи с противоречивым содержанием отдельных норм. Большая часть пробелов была восполнена ВС РФ в Постановлении от 21.12.2017 № 53. Помимо этого, Пленумом была проделана огромная работа по согласованию специального банкротного регулирования с гражданским законодательством. Вместе с тем, чем более детальны регулирование и разъяснения, тем больше появляется вопросов на практике.

Примерами субсидиарной ответственности, установленной законодательством, являются, в частности, нормы ст. ст. 61.11–61.19 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Для возложения дополнительной ответственности по обязательствам должника на контролирующее лицо, согласно сложившейся судебной практике, необходимо обосновать:

– статус привлекаемого лица с учетом признаков, установленных Законом о банкротстве и приведенных Верховным Судом критериев;

– наличие вреда в виде недостаточности имущества должника для удовлетворения требований кредитора;

– совершение контролирующим лицом противоправных действий;

– вину контролирующего лица в доведении предприятия до банкротства.

– наличие причинно – следственной связи между действиями (бездействием) и их последствиями в виде невозможности удовлетворения требований кредиторов. При этом можно сделать вывод о том, что для правоприменительной практики имеет значение только прямая (непосредственная) причинная связь.

Закрепленные в Законе о банкротстве процессуальные нормы, с учетом постановлений Верховного Суда РФ о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности позволяют сделать вывод о формировании в рамках арбитражного дела о несостоятельности (банкротстве) юридического лица относительно самостоятельного вида производства, который характеризуется специфическим составом лиц, участвующих в деле, сроков для предъявления

заявления, особых процессуальных требований к содержанию подаваемого заявления о привлечении к субсидиарной ответственности и необходимостью проведения предварительного судебного заседания, наличием доказательственных презумпций, влияющих на распределение обязанностей по доказыванию, а также, механизма рассмотрения заявления с учетом процедуры банкротства, введённой в отношении должника. Кроме того, Закон о банкротстве, с целью защиты прав и законных интересов контролирующих должника лиц, предусмотрел возможность рассмотрения вопроса о принятии обеспечительных мер в судебном заседании, благодаря чему, у последних появилась возможность представить доказательства и свои контрдоводы.

Действующий Закон о банкротстве предусмотрел, с учетом сроков каждой процедуры банкротства, срока рассмотрения дела в целом, а также, практику уклонения руководителей должников от передачи копий финансовой документации на реабилитационных процедурах банкротства, возможность, при которой суд может признавать доказанным наличие оснований для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и приостановить производство по обособленному спору до окончания расчетов с кредиторами, либо признать доказанным наличие оснований для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и взыскать денежные средства в счет возмещения причинённого действиями (бездействием) вреда кредиторам.

Кроме того, действующая редакция предусмотрела возможность уменьшения размера субсидиарной ответственности в связи с заключением с номинальным директором сделки, предусматривающей раскрытие сведений и представлении доказательств об истинном выгодоприобретателе, недобросовестной деятельности и активах конечных бенефициаров, однако, процессуальный механизм, детально регламентирующий эту процедуру, отсутствует, в связи с чем, он на практике особо не применяется.

В ней также рассматривается механизм возможности выбора способа распоряжения субсидиарной ответственностью каждым кредитором, что делает возможным обеспечить процессуальную свободу для кредитора путем выдела отступным непогашенной задолженности ответчика и распорядиться данным требованием по своему усмотрению, а не путем продажи дебиторской задолженности в пользу аффилированных или заинтересованных по отношению к должнику лиц.

Особого внимания заслуживает судебная практика по вопросу включения в реестр требований кредиторов должника требований аффилированных (заинтересованных кредиторов). Анализ новелл в правоприменительной практике указывает на возможность включения в реестр требований кредиторов должника требований аффилированных кредиторов, при этом данные требования подлежат в понижении очередности включения в реестр требований кредиторов должника. Кроме того, контролирующее должника лицо, привлеченное к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов, не может получить удовлетворение своего требования к должнику наравне с требованиями других независимых кредиторов. Таким образом, в случае, если контролирующее должника лицо виновными действиями создало ситуацию банкротства, то есть, ситуацию, при которой полное исполнение обязательств, как перед ним, так и перед другими кредиторами стало невозможно, а кредиторы получат лишь часть от причитающегося, такое контролирующее лицо несет риск возникшего неисполнения и будет лишено права на получение удовлетворения в той же очередности, что и независимые кредиторы.

Полагаем, что следующий этап развития института субсидиарной ответственности в нашей стране будет заключаться в поиске судебной практикой ответов на новые вопросы при рассмотрении конкретных дел.

В результате, субсидиарная ответственность должна работать не на бумаге, в виде многомиллионных убытков, подлежащих взысканию с контролирующих должника лиц за доведение его до банкротства, а трансформироваться в реальное возмещение ущерба, причиненного недобросовестными собственниками и руководством предприятий, в пользу законопослушных участников экономических отношений. При данных обстоятельствах процедура банкротства все чаще будет применяться для финансового оздоровления бизнеса, а не в целях юридического оформления его ликвидации и ухода от выполнения обязательств.

Отметим, что институт субсидиарной ответственности в настоящее время выходит из тени законодательства о банкротстве и становится важнейшим фактором экономического развития, так как он сдерживает экономические злоупотребления, являясь при этом инструментом возмещения причиненного ущерба.

В свою очередь, развитие института субсидиарной ответственности на законодательном уровне при рассмотрении судами дел о несостоятельности (банкротстве) направлено на защиту интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, а также, увеличение конкурсной массы должника, позволяющей удовлетворить требования кредиторов.

Более детальное и глубокое изучение проблем, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве, применение опыта зарубежных стран, развитие существующего законодательства с использованием теоретической базы, накопленной в научных трудах, выработка единообразия подходов к разрешению споров в судебной практике, несомненно, будет способствовать созданию в нашей стране надёжной и стабильной экономики, защите прав кредиторов, должников, добросовестных контролирующих лиц и стабильности гражданского оборота в целом.

Литература:

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон РФ от 26.10.2002 № 127-ФЗ // СЗ РФ. 28 октября 2002. № 43. Ст. 4190.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. *Чепрасов К.А.* Субсидиарная ответственность по обязательствам должника в процессе банкротства: вопросы правоприменения // Форум молодых ученых. 2019. № 4(32). С. 1163–1172.

4. *Богданова Е.Е.* Правовое регулирование субсидиарной ответственности // ЭЖ-юрист. 2014. № 8. С. 11–15.

5. *Храпунова Е.А.* Субсидиарная ответственность // Закон. 2014. № 2. С. 55–59.

Literature:

1. On insolvency (bankruptcy): Federal Law of the Russian Federation dated 26.10.2002 № 127-ФЗ // SZ of the Russian Federation. October 28, 2002. № 43. Art. 4190.

2. Civil code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 № 51-FZ (ed. from 18.07.2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

3. *Cheprasov K.A.* Subsidiary liability for the debtor's obligations in the bankruptcy process: law enforcement issues // Forum of young scientists. 2019. № 4(32). P. 1163–1172.

4. *Bogdanova E.E.* Legal regulation of subsidiary liability // Ezh-Yurist. 2014. № 8. P. 11–15.

5. *Khrapunova E.A.* Vicarious liability // Law. 2014. № 2. P. 55–59.

УДК 316
DOI 10.23672/l9668-2409-3981-w

Бандурин Александр Петрович
доктор философских наук,
профессор,
заведующий кафедрой
философии и педагогики,
Новочеркасский
инженерно-мелиоративного институт
имени А.К. Кортунова;
Донской государственный
аграрный университет
01111952@mail.ru

Самыгин Петр Сергеевич
доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78@yandex.ru

Сизова Наталья Мироновна
кандидат философских наук,
преподаватель кафедры
административного права,
Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
natasizo@mail.ru

Проблемы защиты конституционных прав и свобод граждан России в период пандемии

Аннотация. В статье анализируются проблемы защиты конституционных прав и свобод граждан России в период современного социально-экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Авторы отмечают, что в условиях пандемии имеют место многочисленные ограничения прав и свобод граждан, что сопровождается сложностями в практической реализации базовых конституционных прав. В работе проводится анализ обращений к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации в период введения ограничительных мер в связи с пандемией COVID-19, данных всероссийских социологических исследований, позволяющих сделать выводы относительно характера и частоты нарушений конституционных прав и свобод, сформулировать рекомендации, направленные на улучшение ситуации в данной сфере.

Ключевые слова: права, конституционные свободы, ограничение прав и свобод человека и гражданина,

Aleksandr P. Bandurin
Doctor of Philosophy,
Professor,
Head of Department
Philosophy and Pedagogy
Novocherkassk Institute
of Engineering and Reclamation
named after A.K. Kortunov;
Don State Agrarian University
01111952@mail.ru

Petr S. Samygin
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department of Theory
and the History of the State and Law,
Rostov State University of Economics
samygin78@yandex.ru

Natalya M. Sizova
Candidate of Philosophical Sciences,
Lecturer of the Department
Administrative Law,
Rostov Law Institute
Ministry of the Interior
of the Russian Federation
natasizo@mail.ru

Problems of protection of constitutional rights and freedoms of Russian citizens during the pandemic

Annotation. The article analyzes the problems of protecting the constitutional rights and freedoms of Russian citizens during the current socio-economic crisis caused by the COVID-19 pandemic. The authors note that in the context of the pandemic, there are numerous restrictions on the rights and freedoms of citizens, which is accompanied by difficulties in the practical implementation of basic constitutional rights. The paper analyzes appeals to the Commissioner for human rights in the Russian Federation during the period of introduction of restrictive measures in connection with the COVID-19 pandemic, data from all-Russian sociological studies that allow us to draw conclusions about the nature and frequency of violations of constitutional rights and freedoms, and formulate recommendations aimed at improving the situation in this area.

Keywords: constitutional rights, constitutional freedoms, restriction of human and civil rights and

правовое регулирование, правоприменение, чрезвычайное положение, чрезвычайная ситуация, режим повышенной готовности, пандемия.

freedoms, legal regulation, law enforcement, state of emergency, emergency situation, high alert, pandemic.

Права и свободы человека и гражданина, как следует из ст. 2 Конституции РФ, выступают в качестве высшей ценности в нашей стране, а признание, соблюдение и защита прав и свобод являются обязанностью государства [1]. Как справедливо утверждает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова, «степень защищенности прав и свобод является индикатором уровня цивилизованности и демократии в обществе» [2]. В то же время, в соответствующем докладе о деятельности российского омбудсмена, посвященного ситуации с защитой прав человека в России, отмечено, что в нашей стране наблюдается значительный разрыв между обязательствами государства по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина и их практическими воплощением в жизнь.

В соответствии с результатами опроса, проведенного в 2019 г. Фондом «Общественное мнение», на проблемы с соблюдением прав человека в Российской Федерации указали 54 % опрошенных, в то время, как противоположной точки зрения придерживаются всего 35 %. К числу самых «проблемных» и наименее защищенных в нашей стране являются право на охрану здоровья, право на жилье, право на социальное обеспечение и право на труд (соответственно, к числу наиболее острых тем россияне относят бедность, качество и доступность медицины, безопасную окружающую среду, жестокость и насилие в отношении обвиняемых и осужденных, использование недозволенных методов в отношении участниковуголовного процесса при собирании доказательств по уголовному делу, злоупотребление мерой пресечения в виде заключения под стражу к лицам, совершившим ненасильственные преступления, несоразмерное применение силы к участникам несанкционированных акций протестов). Необходимо отметить, что ситуация в сфере защиты конституционных прав и свобод человека в России остается перманентно сложной, о чем свидетельствуют общественные настроения в этой сфере, которые не претерпели существенных изменений по сравнению с предыдущими годами: так, к примеру, в 2018 г. 53 % опрошенных негативно оценивали качество соблюдения прав человека [2].

В 2020 г. Россия, как и другие страны мира, столкнулась с пандемией COVID-19, которая сопровождается многочисленными ограничениями прав и свобод граждан в различных национальных государствах. В целях сдерживания распространения новой коронавирусной инфекции в нашей стране, в частности, были введены ограничения таких конституционных прав, как свобода передвижения (запрет покидать места проживания), свобода предпринимательства (приостановление деятельности ряда организаций и предприятий), право на доступ к культурным ценностям и пользование учреждениями культуры (приостановление проведения культурных, досуговых и других мероприятий, деятельности ряда культурных учреждений), право на охрану здоровья (запрет на плановую госпитализацию), а также право на отдых, право на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления, свобода собраний, митингов, шествий и демонстраций [3]. Учитывая масштабы и широкую распространенность ограничений прав и свобод, можно сделать предположение, в соответствии с которым, ситуация в сфере защиты конституционных прав и свобод граждан РФ в этом году может быть значительно хуже, чем в предыдущие годы.

В докладе международной организации «Amnesty International», посвященном мерам реагирования на пандемии COVID-19 в странах Восточной Европы и Центральной Азии, отмечается, что в большинстве указанных стран были введены чрезвычайные законы для борьбы с указанной пандемией, которыми были ограничены свободы передвижения, ассоциации, выражения мнений и публичных собраний, право на частную и семейную жизнь, право на труд и т.д. [6]. В отношении России экспертами данной организации были отмечены сложности с реализацией права на охрану здоровья и получение качественной медицинской помощи (необходимо отметить, что право на получение бесплатной медицинской помощи традиционно занимает первое место в рейтинге прав и свобод, которые ранжируются по степени значимости в рамках всероссийских социологических исследований). В докладе, в частности, содержатся критические замечания в адрес проводимой в России с 2010 г., так называемой, оптимизационной реформы в сфере здравоохранения, которая сочетается с низкими бюджетными расходами на здравоохранение (в результате данной реформы произошло существенное сокращение медицинских учреждений, больниц и поликлиник). Все это отразилось на доступности медицинских услуг, а также, усугубило существовавшую ранее нехватку медицинского персонала. В соответствии с выводами, сделанными специалистами организации «Amnesty International», в Российской Федерации с самого начала пандемии COVID-19 ощущалась нехватка средств индивидуальной защиты (СИЗ) для медицинского персонала (так, в частности, десятки врачей и медсестер со всей страны публично жаловались на отсутствие СИЗ: во многих случаях тем, кто осмеливался жаловаться, угрожали дисциплинарными мерами и вызывали на допрос в прокуратуру).

К числу других проблем в сфере здравоохранения были отнесены имеющиеся случаи отказа в госпитализации для планового лечения онкологических и других заболеваний, закрытия на карантин медицинских учреждений после сообщений о

заражении персонала и пациентов (такие временные закрытия могут привести к дальнейшему сокращению предоставления качественной медицинской помощи при заболеваниях, не связанных с коронавирусной инфекцией) [6].

На многочисленные нарушения прав граждан в данной сфере указывают материалы международной организации «Amnesty International» [6]. Как указывается экспертами, представляющими данную организацию, в России адвокатам регулярно отказывают в посещении их клиентов в следственных изоляторах после введения соответствующих ограничений, установленных в целях противодействия COVID-19. Подобные запреты установлены и в отношении членов Общественных наблюдательных комиссий за местами лишения свободы (ОНК), выступающих в качестве независимых групп тюремного мониторинга: они также лишены возможности осуществлять проведение проверок в следственных изоляторах и исправительных колониях России. Ограничение или предотвращение рассматриваемых посещений непосредственно влияет на право задержанных на справедливое судебное разбирательство. Дело в том, что встречи заключенных с адвокатами и членами ОНК являются, своего рода, гарантией от нарушений прав человека, включая пытки или другие виды жестокого обращения с людьми, отбывающими наказания в исправительных учреждениях. Для того, чтобы права данных лиц не нарушались, уголовно-исполнительными органами должны быть приняты действенные меры, создающие возможность для беспрепятственного обращения адвокатов к своим клиентам, и одновременно не допускающие распространения коронавирусной инфекции. Помимо этого, должно быть обеспечено право на публичное слушание дел в судах, что может быть реализовано, в том числе, посредством создания возможности для общественности следить за ходом слушаний в прямом эфире через Интернет.

В целях установления конкретных нарушений конституционных прав и свобод граждан в условиях ограничительных мер, введенных в целях противодействия пандемии COVID-19, целесообразно обратиться к обращениям, поступающим в аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. В соответствии с замечанием, сделанным самим российским омбудсменом Т.Н. Москальковой, число таких обращений в период пандемии значительно возросло, что явно указывает на наличие проблем с соблюдением прав человека в рассматриваемый период. Значительная часть обращений, так или иначе, связана с медицинской помощью и системой здравоохранения, не справляющейся с вызовами, возникшими в результате распространения новой коронавирусной инфекции. Так, на ранних стадиях пандемии россияне часто жаловались на отсутствие в аптечных пунктах средств индивидуальной защиты, включающих маски, дезинфицирующие растворы и т.д. Ряд обращений, поступивших от граждан, касался отсутствия у последних возможности сдать тест на COVID-19 в шаговой доступности, либо на завышенную стоимость данной услуги. В период интенсивного развития пандемии стали поступать обращения в связи с отказом медицинских работников скорой помощи брать анализ на коронавирус у граждан с признаками ОРВИ, на задержки в посещении врачей, вызванных на дом и т.д. Что касается самих медицинских работников, то от них поступают обращения по вопросу не гарантированности повышения зарплаты в виде доплат к заработной плате в связи с участием в борьбе с коронавирусной инфекцией [8].

Нарушения прав граждан также имеют место в жилищной, трудовой сферах, в области социального обеспечения и социальной защиты граждан. Так, ряд обращений, поступивших в аппарат российского омбудсмена, касаются жилищных отношений (оплата съемного жилья, правомерность требования арендодателя освободить жилое помещение и другие). Что касается нарушений трудовых прав, то здесь жалобы россиян связаны преимущественно с лишением заработка по причине остановки деятельности работодателей, либо прекращением работы самих граждан, выступающих в качестве индивидуальных предпринимателей. Обращения по вопросам нарушения трудовых прав, в частности, касались невыплаты заработной платы, имеющихся случаев понуждения работников к увольнению, требований отказаться от выходных и работать под угрозой увольнения и т.д. От предпринимателей обращения касались сложностей, возникающих в процессе оплаты аренды помещений в условиях прекращения деятельности. Российские граждане, как следует из содержания рассматриваемых обращений, испытывают трудности в получении пособий по безработице, финансовой поддержки из бюджета и т.д. Как показывает анализ обращений, у получателей социальной помощи возникают проблемы в процессе обращения в соответствующие государственные учреждения. Так, ряд граждан испытали сложности при получении статуса безработного (необходимость получения справок от работодателей в условиях введенных ограничений, отсутствие технической возможности осуществить онлайн-регистрацию, невозможность получить статус безработного лицам, имеющим статус индивидуального предпринимателя, несмотря на остановку их деятельности, невозможность встать на учет в связи с отсутствием постоянной регистрации). Помимо этого, многие граждане из числа тех, кто смог зарегистрироваться в качестве безработных, жаловались на низкий размер получаемых выплат, не соответствующий суммам, озвученным властями [8].

Также, следует обратить внимание на то обстоятельство, что пандемия коронавируса имеет ряд негативных последствий социально-экономического характера, включающих приостановление деятельности ряда предприятий и организаций, сокращение доходов граждан, рост уровня безработицы и т.д. Как показывают результаты исследований социологического антикризисного центра, специалисты которого занимаются изучением социальных эффектов пандемии COVID-19, «сегодняшние страхи экономических последствий распространены шире, чем за страх за здоровье». Так, почти каждый второй россиянин, в соответствии с результатами проведенного опроса, опасается, что его семье «не на что будет жить».

Те или иные эффекты экономического кризиса, вызванного пандемией, в настоящее время затронули абсолютное большинство (68 %) населения страны. Около трети работающих (29 %) отметили, что кризис существенно отразился на доходе компании, четверть – что компания приостановила работу. Помимо этого, как следует из результатов данного исследования, многие отечественные компании в период пандемии практикуют различные стратегии оптимизации расходов – от отмены премий до неоплачиваемых отпусков и перевода на 4-дневную рабочую неделю. В качестве наиболее массового последствия кризиса выступает снижение дохода семьи, что характерно для половины (49 %) всех российских семей [9].

Несмотря на то, что в период пандемии COVID-19 российскими властями был анонсирован целый ряд мер поддержки населения из наиболее пострадавших в результате кризиса социальных групп, доля тех, кто получил какую-либо поддержку, является не очень большой и составляет всего 15 % от льготных категорий (данные Социологического антикризисного центра). Примерно каждый пятый гражданин из числа тех, кто получал выплаты, столкнулся с теми или иными сложностями при оформлении. Здесь наиболее распространенной проблемой явились трудности со сбором документов.

Среди тех, кто не получил выплат, наиболее распространенная причина та же – сложности при оформлении документов в ситуации, когда человек находится на самоизоляции, и не все учреждения продолжают работу. Нередко, в качестве причины указывались сбои в работе сайтов, через которые можно подать заявку дистанционно [9]. Существует изученный эффект: часто тем, кто сильнее всего нуждается в помощи, сложнее всего ее получить – это требует дополнительных усилий, юридической грамотности, времени. Стоит учитывать, что получение помощи сопряжено сегодня не только собычными барьерами, связанными с оформлением документов, но для ряда людей – и с необходимостью осваивать новые для них цифровые инструменты.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что для россиян особенно значимым является соблюдение социально-экономических прав, что стало еще более актуальным в период пандемии COVID-19, имеющей ряд негативных последствий социально-экономического характера. Анализ обращений граждан в аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации показывает, что российских граждан больше всего волнуют нарушения их прав в сфере труда и социальной защиты, а их жалобы связаны, соответственно, с незаконными увольнениями, невыплатой заработной платы, неполучением пособий и т.д. (интересно, что жалобы на составление протоколов и привлечение к административной ответственности граждан за нарушение самоизоляции не являются одной из частых тем для обращений граждан в связи с коронавирусом). В соответствии с данными экспертов, отраженными в докладе «Центра развития» НИУ ВШЭ, падение реальных доходов граждан во втором квартале 2020 г. может составить 21,8 % в годовом выражении, что обуславливает необходимость в государственной поддержке малообеспеченных категорий населения страны [10]. В настоящее время органам власти различных уровней необходимо усилить поддержку нуждающимся в ней лицам, оказывать необходимую помощь представителям льготных категорий граждан, минимизировав при этом сложности при оформлении документов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. (в последней ред. Законов РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 г. URL : ombudsmanrf.org (дата обращения 10.06.2020).

3. *Попов М.Ю.* К дискуссии об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии / М.Ю. Попов, П.С. Самыгин, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4.

4. Eastern Europe and Central Asia confronted with COVID-19 responses and responsibilities. AmnestyInternational. URL : https: //www. amnesty.org (date of application 10.06.2020).

5. Динамика обращений к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации в период введения ограничительных мер в связи с

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation of 1993 (in the last ed. Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 21.07.2014 № 11-FKZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.

2. Report of the Commissioner for human rights in the Russian Federation for 2019. URL : ombudsmanrf.org (date of application 10.06.2020).

3. *Popov M.Yu.* To the discussion on the restriction of human rights and freedoms in the context of a pandemic / M.Yu. Popov, P.S. Samygin, S.I. Samygin // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2020. № 4.

4. Eastern Europe and Central Asia confronted with COVID-19 responses and responsibilities. AmnestyInternational. URL : https: //www. amnesty.org (date of application 10.06.2020).

5. Dynamics of appeals to the Commissioner for human rights in the Russian Federation during the introduction of restrictive measures in connection with

пандемией COVID-19. URL : ombudsmanrf.org. (дата обращения 10.06.2020).

6. Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19. Сводка № 7. Дата выпуска 21.04.2020. Социологический антикризисный центр. URL : www.pitf.ru (дата обращения 10.06. 2020).

7. Сценарный прогноз макроэкономической динамики и доходов населения до 2024 г. (апрель 2020 г.). Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. URL : https://dcenter.hse.ru (дата обращения 10.06.2020).

the COVID-19 pandemic. URL : ombudsmanrf.org (date of application 10.06.2020).

6. Research on the social effects of the COVID-19 pandemic. Summary № 7. Date of issue 21.04.2020. Sociological anti-crisis center. URL : www.pitf.ru (date of application 10.06.2020).

7. Scenario forecast of macroeconomic dynamics and income of the population until 2024. (April 2020). Institute «Development Center» of the higher school of economics. URL : https://dcenter.hse.ru

УДК 340.1
DOI 10.23672/w1884-6980-5719-e

Баранов Александр Валентинович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского университета правосудия
lasta1971@mail.ru

Alexander V. Baranov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
General Theoretical Legal Disciplines,
North Caucasus branch
of the Russian University of Justice
lasta1971@mail.ru

Правовые традиции шумера

Аннотация. Шумер – это первое известное в истории человечества государство, во многом еще не исследованное, но в нем уже проявлялись определенные правовые традиции, напрямую связанные с государственностью. Статья посвящена исследованию первых известных в истории правовых актов Шумера (законы Уруинимгины (Урукагины) и Ур-Наммы). Анализируется содержание правовых норм, рассматриваются причины зарождения права и происхождения принципа талиона. В результате делается вывод о формировании ключевых правовых принципов, таких как справедливость и защита прав отдельных категорий людей, отраженных в правовой традиции Шумера.

Ключевые слова: законы Хаммурапи, законы Уруинимгины, законы Ур-Наммы, Шумер, принцип талиона, правовые традиции шумеров и амореев.

Schumer's legal traditions

Annotation. Schumer is the first known state in the history of mankind, largely unexplored, but it has already manifested certain legal traditions directly related to statehood. The article is devoted to the study of the first legal acts of Sumer known in history (the laws of Uruinimgina (Urukagina) and Ur-Namma). The content of legal norms is analyzed, the reasons for the origin of law and the origin of the Talion principle are considered. As a result, it is concluded that key legal principles, such as justice and protection of the rights of certain categories of people, are reflected in the legal tradition of Sumer.

Keywords: laws of Hammurabi, the laws of Uruinimgina, the laws of Ur-Nammu, Sumer, the talion principle, the legal traditions of the sumerians and amorites.

Традиционно, курс истории государства и права зарубежных стран для юристов – первокурсников начинается с изучения знаменитых Законов Хаммурапи, правителя древнего Вавилона. Но совершенно несправедливо в большинстве учебников отсутствует анализ шумерских законов, принятых ранее, поскольку, исследуя их, можно получить более полное представление о переходе от протогосударственных образований к государству и праву. Шумер – это первое известное в истории человечества государство, во многом еще не исследованное, но в нем уже проявлялись определенные правовые традиции, напрямую связанные с государственностью, которая появляется во второй половине IV тыс. до н.э. на юге Месопотамии в виде городов – государств.

Первыми, дошедшими до нас правовыми актами того времени, являются законы Уруинимгины (сегодня считается более точным прочтение Урукагина) (конец XXIV в. до н.э.) – царя Лагаша. В Лувре хранится надпись, сделанная на глиняном конусе, где говорится о том, что Уруинимгина отменил некоторые поборы и налоги, восстановил справедливость в судах, издал законы, избавляющие свободное население Лагаша от долговой кабалы, грабежей, убийств, разрушения домов. Он защитил вдову и сироту от сильного, а имущество бедноты от посягательства знати [1, с. 86].

Нельзя сказать, что законы Уруинимгины носили чисто правовой характер, поскольку большинство их устанавливало порядки в храмовом хозяйстве Лагаша, упорядочивало оплату чиновникам и храмовым служащим, гарантировало землевладельцам их права на землю на основе справедливости.

Как указывает С. Крамер, «В одной из версий документа Урукагины мы находим несколько правил, которые … представляют немалое значение для истории права. Там сказано, что особый упор делался в шумерских судах на необходимость оформления всех дел в письменной форме с указанием вины, за которую человек понес наказание» [2, с. 53]. И далее С. Крамер делает следующий вывод: «Как явствует из текста реформ Урукагины, издание законов и правовая регуляция со стороны правителей шумерских государств была обычным явлением в 2400 г. до н.э., а возможно, и значительно раньше» [3, с. 53]. Но в значительно лучшей сохранности до нас дошли законы представителя III династии Ура Ур-Наммы. Таблички с законами были обнаружены в 1899–1900 гг. при раскопках древнего города Ниппур, расшифрованы, переведены на английский язык и опубликованы в 1954 г. На русский язык данные законы перевела и опубликовала Е.Н. Трикоз [4, с. 21–27].

Важность судебно – правовой реформы Ур-Наммы заключается том, что, по мнению Е.Н. Трикоз, она представляла собой «первую попытку унификации правовой системы, обособления царской юрисдикции и попытку систематизации обычного (общинно-коммунального) и писаного (судебно-указного) права. Венцом этого юридического эксперимента стал старейший в мире «Кодекс Ур-Наммы»» [5, с. 228].

Структурно, Кодекс, по мнению немецкого шумеролога К. Вилке, состоит из:

– «посвятительной (вотивной) надписи царя (сразу же под горельефом в на вершине стелы);

– обосновании легитимности царя ссылкой на божественное избрание, а также его успехи во внешней и внутренней политике;

– факта принятия законодательного акта, по случаю которого царь объявляет начало праздника, введение равенства подданных на это время и освобождение (предоставление суверенной независимости) отдельным городам и поселениям;

– собственно законодательный текст с изложением отдельных судебных казусов; эпилог с проклятиями в адрес всех, кто нарушит предписания стелы, и для защиты ее от уничтожения» [6, с. 232].

Особенностью Кодекса является то, что в нем, в отличие от законов Хаммурапи и позднейших законов, отсутствует принцип талиона. Связано это с тем, что Хаммурапи был шестым царем первой аморейской династии. А амореи (сутии) были семитским народом. Принцип же «око за око», «зуб за зуб» – это библейский принцип, одно из основных религиозных правил семитов. Надо сказать, что на содержание данного принципа существует две противоположные точки зрения. Так, С. Крамер пишет: «… уже до 2000 г. до н.э. принципы «око за око» и «зуб за зуб» уступили место гораздо более гуманному подходу, когда в качестве наказания взимался денежный штраф» [7, с. 54]. Здесь следует говорить об ошибке, поскольку шумерам данный принцип не был известен, и в правовую традицию его ввели семиты позднее.

А вот и другая точка зрения: «По сравнению с былыми временами, в законах Хаммурапи почти исчезли наказания денежными штрафами, широко применявшиеся при III династии Ура; Хаммурапи и его подданные считали, что это несправедливо, так как дает возможность богачам откупиться от наказания» [8, с. 89].

Следует предположить, что по данному вопросу произошло столкновение двух правовых традиций – шумерской или шумеро – аккадской и аморейской. В Кодексе Ур-Намму (а принят он был за триста лет до Законов Хаммурапи) структура правовых норм носит следующий характер: «Если человек отсек… инструментом стопу другого человека… он платит 10 шекелей серебром; Если человек оружием повредил кости другого человека… он платит одну мину серебром» [9, с. 54]. В результате, аморейская традиция в древнем мире оказалась предпочтительнее, поскольку тюрем не было, деньги на штрафы были далеко не у всех, а реализация принципа талиона не представляла никаких сложностей.

Если характеризовать, в целом, право Шумера, то можно говорить о том, что оно носило в значительной степени ритуально – этический и морально – социальный характер. Нормы казуистичны, деление на частное и публичное право отсутствует.

В качестве заключения можно указать на то, что шумеры заложили мощные правовые традиции, отражая идеи справедливости и защиты прав отдельных категорий жителей государства. Право Шумера явилось фундаментом для дальнейшего развития права в целом.

Литература:

1. История политических и правовых учений. Древний мир / Отв. ред. В.С. Нерсенянц. М. : Юридическая литература, 1985.

2. *Крамер С.* Шумеры. Первая цивилизация на земле. М. : Центрполиграф, 2010.

3. История кодификации права. Вып. 1. Клинописные своды законов: «Кодекс Ур-Наммы». М. : Изд. РУДН, 2013.

4. *Трикоз Е.Н.* Кодекс Ур-Наммы: Особенности шумерской правовой традиции // Правоведение. 2013. № 1.

5. Всемирная история : в 6 т. Т. 1. Древний мир / Под ред. А.О. Чубарьян. М. : Изд. «Наука», 2011.

Literature:

1. History of political and legal doctrines. The ancient world / Rresp. editor V.S. Nersesyants. M. : Legal literature, 1985.

2. *Kramer S.* The Sumerians. The first civilization on earth. M. : Tsentrpoligraf, 2010.

3. History of law codification. Issue 1. Cuneiform codes of laws: «Code of Ur-Namma», M. : RUDN Publishing house, 2013.

4. *Trikoz E.N.* Code Of Ur-Namma: Features of the Sumerian legal tradition // Jurisprudence. 2013. № 1.

5. World history : in 6 vols. Vol. 1. The Ancient world / ed. A.O. Chubarian. M. : Nauka Publishing house, 2011.

УДК 376
DOI 10.23672/u5564-8096-0291-c

Басенко Иван Михайлович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
ivan_basenko@mail.ru

Ivan M. Basenko
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign
languages Languages,
North Caucasus branch
of the Russian state University of Justice
ivan_basenko@mail.ru

Изучение фразовых глаголов в юридических науках как перспективное направление исследования

Study of the phras in legal science as promising direction research

Аннотация. В статье представлены результаты исследования языкового статуса и функциональной роли фразовых глаголов в составе англоязычной юридической терминологии. Целью статьи является установление специфики использования фразовых глаголов в юридической терминологии. Задачи: установить рабочую дефиницию фразового глагола; на практическом материале выделить функциональные особенности их использования в юридической терминологии. Гипотеза: в нашей работе мы предполагали, что в рамках юридической терминологии фразовые глаголы выполняют особую жанрообразующую функцию. Методы: метод систематизации и обобщения, сплошной выборки примеров, лингвостилистического анализа. Результаты: в статье представлены результаты анализа функциональной специфики фразовых глаголов на материале юридических статей журнала «The Cambridge Law Journal». С функциональной точки зрения фразовые глаголы в составе юридического документа служат логичности и связности изложения, что соотносится с коммуникативным заданием текстов юридической тематики. Отмечено, что в тексте юридической тематики используются терминологические единицы, выраженные фразовыми глаголами, которые носят междисциплинарный характер.

Ключевые слова: фразовый глагол, юридическая терминология, юридический документ, функции фразовых глаголов.

Annotation. The article presents the study results of phrasal verbs language status and its functional role within the English law terminology. The purpose of the article is to establish the using specifics of phrasal verbs in law terminology. Objectives: to systematize approaches to the definition of a phrasal verb; on practical material highlight the features of their use in law terminology. Hypothesis: in our work, we assumed that in the framework of legal terminology, phrasal verbs perform a special genre-forming function. Methods: a systematization and generalization method, a continuous sample of examples, linguo-stylistic analysis. Results: the article presents the results of the analysis of the functional specificity of phrasal verbs on the material of legal articles in «The Cambridge Law Journal». From a functional point of view, phrasal verbs as part of a legal document serve the consistency and coherence of presentation, which correlates with the communicative task of legal texts. It is noted that the text of the legal subject uses terminological units expressed by phrasal verbs that are interdisciplinary in nature.

Keywords: phrasal verb, law terminology, law document, functions of phrasal verbs.

Фразовые глаголы находят в современном английском языке широкое употребление и несут в себе значительную коммуникативную ценность, поскольку предоставляют говорящему на английском языке неограниченные возможности для выражения практически любых понятий. В рамках юридической терминологии фразовые глаголы приобретают особый статус, что подтверждается исследованиями О.Г. Злобиной [1], Е.М. Марцинковской [2], Ж.М. Уматовой [4] и др. Юридическая коммуникация не допускает двусмысленности толкований и стремится к предельно точным формулировкам, в связи с чем отбор общеупотребительных лексических и терминологических единиц для составления документов юридического характера осуществляется с особой тщательностью.

Вопрос о статусе английских фразовых глаголов является важным для теоретического изучения

английского языка и его практического освоения в виду того, что они имеют в английском языке, который относится к аналитическому типу языков, особо широкое распространение. Однако дефиниция фразового глагола до сих пор является предметом многочисленных споров среди лингвистов. В самом общем понимании фразовый глагол – это сочетание глагола с постпозитивом, которое характеризуется единством семантического значения и используется в речи в готовой форме и подвергаясь синтаксическим трансформациям. В рамках нашей работы мы разделяем точку зрения А.И. Смирницкого, который относит фразовые глаголы к фразеологическим единицам и исследует специфику их использования в юридической терминологии именно в этом аспекте [1].

Обратимся к примерам из журнала «The Cambridge Law Journal» [5].

The settlor must indicate with certainty: (1) intention – that a trust was intended; (2) subject matter – **going into** *the details of property; and (3) objects – the identity of the beneficiary or beneficiaries.*

В тексте предельно подробно прописаны не только необходимые действия, но также и способ осуществления определенных операций. Так, фразовый глагол *to go into* в данном контексте выражает образ действия, который относится ко второму этапу принятия решения о создании траста. Юридический документ предписывает с особой тщательностью подойти к осмыслению интенций и оснований создания нового предприятия. Эта коннотативная информация выражается посредством фразового глагола *to go into,* семантическое значение которого «*тщательно рассматривать, вникать*».

Помимо этого, фразовые глаголы, будучи, как отмечалось ранее, разновидностью устойчивого словосочетания используются в текстах юридической направленности в качестве готовых речевых формул, что обеспечивает лаконичность и связность изложения текста:

Further, the caveat **is based on** *the false assumption that a clean division can be made between the executive and legislative branches of a foreign state.*

Используясь в рамках юридической терминологии, фразовый глагол *to be based on* выполняет функцию обеспечения логичности и связности изложения и по своему языковому статусу близок к фразеологическому сочетанию, которое характеризуется использованием в речи в готовой, устойчивой и неделимой форме. В данном примере использование фразового глагола делает повествование клишированным и служит лаконичности изложения материала.

However, after the Rome Convention **came into** *force, the point was rarely taken that Ralli Bros had been superseded by legislation.*

Являясь неделимым семантическим элементом, фразовый глагол *to come into* выражает значение «*вступить в силу*». Следующим продуктивным глаголом в рамках текстов юридической тематики является *intended to,* семантическое значение которого «*предназначаться для*».

As Pickford L.J. observed, «it was no concern of the buyers as to how the sellers **intended to** *get the timber there».*

Следующий пример демонстрирует использование фразового глагола *to confuse with*, который как терминологическая единица носит междисциплинарный характер и имеет значение «*перепутать, путать*». В данном контексте фразовый глагол выполняет номинативную функцию:

It is not to be **confused with** *reciprocity or deference.*

Пример ниже иллюстрирует использование фразового глагола для передачи слов судьи. В данном контексте фразовый глагол *to be turned into* используется в своем прямом семантическом значении «*превращать*» и выражает изменение статуса объекта – апелляция превратилась в спор.

The judge's point here was simply that the appeal **had turned into** *a dispute upon the terms of the partnership agreement between the litigants rather …*

В контексте ниже фразовый глагол *to be limited to* используется в значении «ограничиваться, сводиться к…» и обеспечивает сохранение жанровой стилистики текста юридической тематики, который стремится к лаконичности и однозначности в изложении материала:

It also ignores the approval of Dicey's rule in Ralli Bros itself, which is not expressed so as to **be limited to** *supervening illegality.*

Таким образом, являясь неотъемлемой частью юридической терминологии, фразовые глаголы имеют языковой статус фразеологических единиц, исходя из того, что характеризуются единством семантического значения всех компонентов, входящих в состав фразового глагола.

Приведенные примеры позволяют однозначно утверждать, что фразовые глаголы стали неотъемлемой частью юридической терминологии. Исследование позволило установить, что фразовые глаголы в контексте юридических документов позволяют транслировать коннотативные значения, избегая при этом многословности, что соответствует коммуникативному заданию текстов такого рода; обеспечивают связность и логичность изложения; служат средством связности юридической области со смежными дисциплинами, позволяя в лаконичной форме включать релевантные положения в контекст юридического документа. Помимо этого, в работе приведены примеры, иллюстрирующие актуализацию номинативной функции фразовых глаголов. Таким образом, широкое распространение фразовых глаголов в современных англоязычных юридических текстах делает это направление исследования перспективным.

Литература:

1. *Злобина О.Г.* Употребление фразовых глаголов в англоязычных юридических текстах // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. М. : Р-Пресс, 2019. С. 351–354.

2. *Марцинковская Е.М.* Фразеологизмы в правовой лексике английского языка (на материале текста конституции США) / Е.М. Марцинковская, Е.В. Семенова // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сборник научных статей. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2017. С. 330–336.

3. *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. М. : Новый век, 2019. 294 с.

4. *Уматова Ж.М.* Особенности перевода фразовых глаголов в юридической литературе // Языки. Культура. М. : Высшая школа перевода (факультет) Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2015. С. 283–290.

5. The Cambridge Law Journal URL : https://www.cambridge.org/core/journals/cambridge-law-journal (date of application 03.06.2020).

Literature:

1. *Zlobina O.G.* The use of phrasal verbs in English-language legal texts // The Russian legal system in the conditions of the fourth industrial revolution. M. : R-Press, 2019. P. 351–354.

2. *Marcinkovskaya E.M.* Phraseologisms in the legal vocabulary of the English language (based on the text of the US Constitution) / E.M. Martsinkovskaya, E.V. Semenova // Man and language in communicative space: a collection of scientific articles. Krasnoyarsk : Siberian Federal University, 2017. P. 330–336.

3. *Smirnickij A.I.* English syntax. M. : New Age, 2019. 294 p.

4. *Umatova ZH.M.* Features of translation of phrasal verbs in legal literature // Languages. Culture. M. : Higher School of Translation (Faculty) Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 2015. P. 283–290.

5. The Cambridge Law Journal URL : https://www.cambridge.org/core/journals/cambridge-law-journal (date of application 03.06.2020).

УДК 271.2(09)(075.8)
DOI 10.23672/k4274-7016-5311-b

Безик Юрий Иванович
кандидат военных наук,
докторант,
Общецерковная аспирантура
и докторантура им. святых
равноапостольных Кирилла и Мефодия
bezikgeorgii@mail.ru

Организационная структура и управление православным военным духовенством действующей армии в период Первой мировой войны

Аннотация. Статья посвящена особенностям организационной структуры и управления православным военным духовенством действующей армии в период Первой мировой войны. Автор, рассматривая характерные черты, присущие православному военному духовенству в годы Первой мировой войны, делает следующие выводы: управление православным военным духовенством действующей армии, которая являлась неотъемлемой частью Российской православной церкви, осуществлял Священный Синод, включенный в состав высших государственных органов. В рамках действующей армии управление православным духовенством осуществляли главные священники армий фронтов, которые назначались Священным Синодом по представлению протопресвитера военного и морского духовенства (протопресвитер). Для военного духовенства действующей армии независимо от конфессиональной принадлежности была характерна общая подчиненность военному командованию.

Ключевые слова: духовенство, священники, Первая мировая война, управление православным военным духовенством.

Yuri I. Bezik
Candidate of Military Sciences,
Doctoral Candidate,
General Church Postgraduate School
and Doctoral Studies named after saints
Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius
bezikgeorgii@mail.ru

Organizational structure and management of the Orthodox military clergy of the army during the first World War

Annotation. The article is devoted to the features of the organizational structure and management of the Orthodox military clergy of the army in the period of the First World War. The author, considering the characteristic features inherent in the Orthodox military clergy during the First World War, draws the following conclusions: the Holy Synod, included in the composition of the highest state bodies, controlled the Orthodox military clergy of the army, which was an integral part of the Russian Orthodox Church. Within the framework of the army, the Orthodox clergy were controlled by the main priests of the front armies, who were appointed by the Holy Synod on the proposal of the Protopresbyter of the military and naval clergy (Protopresbyter). For the military clergy of the army, regardless of confessional affiliation, a general subordination to the military command was characteristic.

Keywords: clergy, priests, World War I, the management of the Orthodox military clergy.

Столетие окончания Первой мировой войны привлекло внимание исследователей к ее основным событиям, которые, в свою очередь, привели к коренным изменениям в политических, культурных, экономических и общественных сферах не только участвовавших в ней государств, но и всего мира. В связи с этим, особый интерес вызывает институт военного духовенства, очерченный годами Первой мировой войны, его организационная структура и управление [3].

Военное духовенство России имеет долгую и славную историю. С момента события Крещения Руси духовенство всегда присутствовало в княжеских дружинах, сопровождая их в походах, разделяя все тяготы ратной службы и обеспечивая высокий моральный и боевой дух.

Присутствие священников в войске мыслилось всегда, как участие Воинства Небесного в воинстве земном, придавая тем самым глубокое духовное обоснование несения воинского подвига. Церковь всегда была со своим народом, благословляя его сынов на защиту Отечества с оружием в руках. Множество исторических примеров свидетельствуют об этом.

Процесс формирования института военного духовенства развивался сложно и нелинейно. Множество разнонаправленных церковных, церковно-государственных, политических, а порой и личностных факторов внесли лепту в формирование этой уникальной институции.

В 1647 году во втором военном уставе «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей»,

изданном в царствование Алексея Михайловича (адаптированный перевод Устава Карла V), в главе, определяющей жалование воинским чинам, значится полковой священник. Жалование полковому священнику тогда было положено 30 флоринов (10 рублей) в год.

На основании этого факта можно заключить, что начало штатного военного духовенства положено в царствование Алексея Михайловича.

К началу XX в. церковь в царской России была представлена практически во всех государственных структурах. На властном уровне управление религиозными организациями осуществлял Священный синод. В армии Российской империи действовало отдельное ведомство, возглавляемое протопресвитером военного и морского духовенства, которое отвечало за работу с православными священно- и церковнослужителями.

В действующей армии церковь была представлена организацией, интегрированной в ее структуру, но сохраняющей связь с полевыми, приходскими священно- и церковнослужителями православных и других конфессий. В ходе военных действий военное духовенство не только пополнялось за счет приходских священнослужителей, но и пользовалось их услугами и инфраструктурой в районах дислокации частей и ведения боевых действий.

Несмотря на то, что первые работы по истории военного духовенства действующей армии появились в середине 20-х гг. XX в., выводы, к которым приходили авторы, отличались тенденциозностью, так как исследования велись в рамках мероприятий по борьбе с религией. Характерным также являлось рассмотрение только православного военного духовенства, в то время, как о присутствии духовенства других конфессий в действующей армии только упоминалось.

Дальнейшего развития в советской историографии эта тематика не получила, хотя в 60-е гг. XX в. вышел ряд научно-популярных изданий, которые отражали видение участия военного духовенства и духовенства вообще в войне. С началом перестройки, когда не только расширилась тематика исторических исследований, но и изменились отношения между государством и религиозными организациями, в историографии начали появляться отдельные публикации по военному духовенству в годы Первой мировой войны. Одной из первых стала статья А.С. Сенина, вышедшая в 1990 г. в журнале «Вопросы истории», где фактически обзорно рассматривается история православного военного духовенства в годы Первой мировой войны, хотя автор и указывает на присутствие в «царской армии» мулл, ксендзов и раввинов [5, с. 159–165]. Однако этот перечень не отражает конфессионального состава военного духовенства ни накануне, ни в годы войны.

После распада СССР в суверенных государствах началось выстраивание взаимоотношений с религиозными организациями, действовавшими на их территории, что подтолкнуло ученых к исследованию истории военного духовенства. Так, одними из первых стали работы исследователей из среды военных, которых интересовал вопрос влияния военного духовенства на военнослужащих [2]. Так, православное военное духовенство составляло абсолютное большинство среди военного духовенства Российской империи, чем обосновывался его преимущественный выбор как объекта исследования, что объяснялось еще и наличием дореволюционной историографии.

На рубеже XX и XXI вв. среди работ по истории военного духовенства стали появляться исследования комплексного характера, в которых рассматривалась не только деятельность военного духовенства, но и его управление. При этом попрежнему сохраняется преобладание работ по истории православного военного духовенства. Не сложилось четкого представления о конфессиональном составе военного духовенства действующей армии Российской империи, а соответственно и обуправлении такого духовенства. По нашему мнению, объясняется это отсутствием в научном обороте широкого круга источников, основная масса которых сконцентрирована в архивах. Указанная тенденция характерна в целом для исследований по истории Первой мировой войны. В рамках заявленной темы интерес представляет рассмотрение становления и основных тенденций организационной структуры и развития системы управления военным духовенством действующей армии Российской империи.

Российская империя в период Первой мировой войны, несмотря на проведенные к этому времени отдельные реформы в области государственного управления, по сути оставалась самодержавной монархией. Все ответвления государственной власти (судебная, законодательная и исполнительная) находились под контролем императора. Управление внешней и внутренней политикой, страной, армией и флотом царь реализовывал напрямую через подчиненные ему министерства [4, с. 30–46].

Руководство в Российской империи в период Первой мировой войны осуществлялось через государственные и чрезвычайные органы и отдельные структуры. Высшими государственными учреждениями в России являлись имперская канцелярия, Священный синод, Правительствующий сенат, Совет министров и министерства, Государственная дума, Государственный совет.

Управление православным военным духовенством действующей армии, которая являлась неотъемлемой частьюРоссийской православной церкви, осуществлял Священный Синод, включенный в состав высших государственных органов. В рамках действующей армии управлениеправославным духовенством осуществляли главные священники армий фронтов, которые назначались Священным Синодом по представлению протопресвитера военного и морского духовенства (протопресвитер). Главные священники подчинялись протопресвитеру по религиозным и церковно-административным делам. Их управления, в состав каждого из которых входилиглавный священник, секретарь и церковник из

военнослужащих, были включены в канцелярии-главных начальников снабжений армий фронтов. Начальникам этих канцелярий они подчинялись в военно-административных вопросах. Так, с началом мобилизации протопресвитер обратился в Главное управление Генерального штаба с предложением о своем командировании вдействующую армию для общего руководства православным военным духовенством, входящимв состав ее учреждений, управлений и подразделений. В это время должность протопресвитера занимал Георгий Иванович Шавельский, который был участником русско-японскойвойны 1904–1905 гг. и имел необходимый опыт управления в военное время. В итоге он былкомандирован в штаб Верховного главнокомандующего, часть его полномочий по управлению штатным военным духовенством была им передана помощнику протопресвитера – протоиереюИоанну Мореву. Для организации деятельности протопресвитера при нем должны были состоять секретарь, дьякон и церковник. Обязанности секретаря были возложены на столоначальника первого стола канцелярии Духовного правления Ексакустодиана Махароблидзе, который, как и протопресвитер, числился прикомандированным к штабу Верховного главнокомандующего. После принятия Верховного главнокомандования Николаем II положение протопресвитера и состоящих при нем лиц изменилось: они были включены в штат Штаба Верховного главнокомандующего. Так, на время войны было создано управление протопресвитеравоенного и морского духовенства.

В 1916 г. последовали очередные изменения в организации работы протопресвитера: вместо управления была образована полевая канцелярия в составепротопресвитера, начальника канцелярии, помощника начальника канцелярии и трех писарей из нижних чинов. В приказе начальника штаба Верховного главнокомандующего отмечалось, что по военно-административным и исполнительным делам протопресвитер должен был руководствоваться его указаниями, а по особо важным делам «иметь, непосредственный доклад Верховному главнокомандующему» в присутствии начальника штаба. На время войны протопресвитер сохранял все права и обязанности мирного времени, получив разрешение передать «по своему усмотрению» часть обязанностей помощнику протопресвитера, за исключением дел, которые должны были рассматривать Священный Синод и Военный совет. Он продолжал находиться в ведении Священного Синода, членом которого он был с осени 1915 г.

Изменения 1916 г. затронули и главных священников с состоящими при них управлениями, и те были переведены в подчинение дежурных генералов штабов главнокомандующихармиями фронтов. Тем самым в управленческой иерархии действующей армии главныесвященники были повышены. Более того, численность главных священников и священников справами главных священников была увеличена.

В конце лета 1916 г. была введена должность представителя протопресвитера (с правами главного священника) при военном генерал-губернаторе Галиции, а осенью 1916 г. – должности главных священников Кавказской армиии армий Румынского фронта.

Управление православным военным духовенством действующей армии окончательно оформилось к осени 1916 г. Если в начале войны кроме протопресвитера и главных священников в ней действовали дивизионные и гарнизонные благочинные, то постепенно в управленческую структуру были привлечены священники при штабах главнокомандующих армиями фронтов и командующих армиями. Более того, круг обязанностей гарнизонных благочинных был расширен, а организация гарнизонного благочиннического надзора упорядочена. Первоначально священникам при штабах фронтов и армий предавался благочиннический надзор над духовенством госпиталей, не приданных дивизиям, и запасных госпиталей. С осени 1916 г. священники при штабах главнокомандующих армиями фронтов получили права заместителей главных священников, а на священников при штабах армий был возложен благочиннический надзор за военным духовенством госпиталей первоочередных и второочередных подразделений. Гарнизонные благочинные в свое введение получили все военное духовенство, находящееся в пределах гарнизона. Кроме отдельного управления в рамках действующей армии православное духовенство, включенное в ее штат, находилось в ведении и епархиальных преосвященных, на территории которых служило. В годы Первой мировой войны архиереи прифронтовых епархий посещали передовые позиции действующей армии (например, Минский епископ Митрофан). При необходимости гарнизонные благочинные могли обращаться к ним для привлечения за плату приходского духовенства к обслуживанию военнослужащих гарнизона. Все религиозные организации Российской империи, кроме Российской православной церкви, находились в ведении Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерствавнутренних дел (далее – ДДДИИ). По этой причине ДДДИИ участвовал в комплектовании военного духовенства и взаимодействовал с руководством религиозных организаций и мобилизационным отделом Главного управления Генерального штаба.

Как и православное военное духовенство действующей армии, военное духовенство другихxристианских конфессий являлось неотъемлемой частью духовенства своих конфессий и было включено в систему управления последнего. Однако в этом отношении выделялись капелланы действующей армии. Еще накануне Первой мировой войны вопросы комплектования штатного католического военного духовенства были переданы могилевскому римско-католическому архиепископу митрополиту, а в случае вакантной должности последнего - временно управляющему Могилевским архидиоцезом. Таким образом, ксендзы из других епархий получали назначение не от своих епископов, хотя и по согласованию с последними. В годы войны управляющим Могилевским архидиоцезом был епископ Ян Цепляк, чьи полномочия в отношении военных

капелланов действующей армии были весьма ограничены. Он мог оказывать влияние на последних через настоятелей приходов, находящихся в расположении действующей армии. В письме к настоятелю Слуцкого прихода ксендзу Станиславу Рокошу от 8 марта 1916 г. управляющий отмечает, что до него дошли сведения о непосещении лазаретов военными капелланами, находящимися в пределах этого прихода. В этой связи, управляющий поручил настоятелю от его имени внушать всем прибывающим в его приходе военным капелланам по возможности чаще посещать больных и раненых в лазаретах «для несения им духовной помощи». Однако и влияние руководителей местных приходов на военных капелланов было также незначительным. Например, когда католические священники, собравшись в Минске, решили через каноника Ранцана потребовать от ксендза Миодушевского, прикомандированного к штабу главнокомандующего Западным фронтом, вести себя «подобающим образом», это не возымело никакого эффекта. В рапорте военного капеллана X армии Франциска Рутковского от 19 августа1916 г. Миодушевскому вменялось в вину распущенное поведение (во время прогулок по саду «нахально засматривался в глаза каждой проходящей женщине», имел знакомство с «еврейками, известными в Минске, как женщинами, находящимися в домах терпимости») и пристрастие казартным играм. Более того, после посещения Петрограда и беседы с управляющим Миодушевский заявил, что из-за запрета гулять по саду и играть в азартные игры в гражданском платье будет делать это в сутане. В некоторых исторических источниках имеются свидетельства о существовании главных римско-католических священников (например, в официальной переписке себя так называл Георгий Зволинский. В то же время, капеллан при канцелярии главного начальника снабжений армий Северо-западного фронта Франциск Бильский в своей инструкции военным капелланам при штабах армий называл себя «их старшим товарищем». При этом обязанности и функции «главных капелланов» ничем не были регламентированы. После назначения вторых военных капелланов при штабах армий также возникли управленческие вопросы. Так, назначенный в I армию Вацлав Гедрис, направил управляющему письмо, в котором сообщил о своем прибытии и присутствии еще одного священника - Антония Буржинского. При этом Гедриса интересовал вопрос: должен ли кто-либо из них быть в подчинении у другого , или они обладают равными правами. В ответе управляющий сообщил, что для «общего блага» они должны вместе исполнять обязанности в «мире и согласии». Осенью 1916 г. на имя военного министра было направлено письмо товарища Министра иностранных дел, в котором сообщалось, что Святейший престол ввиду большого количества католиков в действующей армии и среди военнопленных желал бы учредить по примеру Италиии Бельгии на время войны должность главного военного католического духовника, которому подчинялись бы все военные капелланы действующей армии и капелланы, служащие в местах скопления военнопленных. В случае поддержки этого проекта Святейший престол предлагал назначить на эту должность управляющего, снабдив его особыми полномочиями, вызванными обстоятельствами военного времени. В комментарии к письму указывалось, что одной из основных причин обращения Святейшего Престола является желание контролировать пленных военных капелланов с правом их равномерного распределения по предварительному соглашению с военными властями среди военнопленных. По-видимому, данное предложение до начала Февральской революции осталось нереализованным. Тем более, что по существовавшим правилам, управляющему и так подчинялись военные капелланы. Положение военных пасторов в действующей армии в годы Первой мировой войны характеризовалось различными ограничениями. С 1915 г. они фактически присутствовали только на Юго-Западном фронте, где еще имелись подразделения с военнослужащими-лютеранами. В то же время, в Кавказскую армию военный пастор назначен не был, а штатный военный пастор Кавказского военного округа не допускался в нее решением военного командования. При этом военные пасторы продолжали находиться в подчинении у своих местных консисторий и Евангелическо-лютеранской Генеральной консистории, хотя в годы войны активно обсуждался закон о реформе управления Евангелическо-лютеранской церкви в Российской империи. Армяно-григорианское военное духовенство первоначально было назначено только в канцелярии главных начальников снабжений армий фронтов и штабе Кавказской армии. Если в штаб Кавказской армии армяно-григорианский священник был назначен по представлению Синода Святого Эчмиадзина, то к канцеляриям – по представлению руководителей армяно-григорианских епархий. Так, армяно-григорианский военный священник при канцелярии главного начальника снабжений армий Северного флота был представлен руководителем Астраханской армяно-григорианской епархии. При формировании армянских стрелковых батальонов в 1916 г. в их составе предполагалось введение должностей армяно-григорианских военных священников. При этом подбор кандидатов на эти должности должен был осуществить Рубен Бекгулянц – армяно-григорианский военный священник при штабе Кавказской армии. Более того, он становился благочинным для назначенных им же священников [6, с. 120–131]. Таким образом, на Кавказе в связи с увеличением численности армяно-григорианского военного духовенства действующей армии произошло усложнение системы церковного управления. Старообрядческое военное духовенство (8 человек) действующей армии, представленное священнослужителями Белокриницкого согласия, признавало церковную иерархию. В случае возникновения религиозных и организационных вопросов эти 8 назначенных священников связывались со своей иерархией. Военные муллы действующей армии Российской империи комплектовались как лицами, имеющими духовный сан, так и военнослужащими, обладающими необходимым образованием и соответствующими иным требованиям ДДДИИ. В этой связи, интересно, что ДДДИИ только согласовывал с Оренбургским магометанским духовным собранием (ОМДС) кандидатов на должности. Военные муллы, назначенные из военнослужащих,

подчинялись исключительно военному командованию, в подразделениях которых они действовали. В то же время, муллы из мусульманского духовенства должны были контролироваться ОМДС, однако, значительная часть из них действовала на территории, подведомственной Таврическому магометанскому духовному правлению. Таким образом, у ОМДС не было возможности осуществлять необходимый контроль. Кроме того, ставший с 1915 г. Оренбургским муфтием Мухаммед Баязитов, не пользовался авторитетом среди мусульманской интеллигенции и связанных с ней общественных организаций [1]. Именно последние пролоббировали увеличение количества должностей военных мулл в действующей армии, а иногда и продвигали своихкандидатов на них. В годы Первой мировой войны в структуру действующей армии Российской империи было включено военное духовенство, которое по всем военно-административным вопросам было подчинено командованию не только тех подразделений, в которых состояло, но и вышестоящему командованию. При этом назначенные на должности военных священнослужителей действующей армии представители духовного сословия сохраняли подведомственность своим религиозным центрам и лидерам, которые, чаще всего, участвовали в их комплектовании. Только у православного военного духовенства существовала разветвленная законодательно регламентированная система управления, которая согласовывалась с управлением и структурой действующей армии Российской империи. Среди католического военного духовенства, как и армяно-григорианского Кавказской армии, фактически сформировалась документально подтвержденная система благочиннического надзора, во главе которой стояли военные капелланы при канцеляриях главных начальников снабжений армий фронтов для первого и армяно-григорианский военный священник при штабе Кавказской армии для второго. Из-за отсутствия отдельной системы управления военных капелланов, пасторов, мулл, армяно-григорианских и старообрядческих священников религиозные центры не обладали полным контролем над ними.

Таким образом, для военного духовенства действующей армии независимо от конфессиональной принадлежности была характерна общая подчиненность военному командованию.

Литература:

1. Волго-Уральский регион в имперском пространстве XVIII–XX вв. / Под ред. Н. Наганава, Д.М. Усмановой, М. Хамамото. М. : Вост. лит., 2011. 343 с.

2. *Капков К.Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М. : Летопись, 2008. 752 с.

3. *Котков В.М.* Становление и развитие социально-культурной деятельности в русской армии, вторая половина XIX – начало XX в.: дис. … д-ра пед. наук. СПб., 2002. 630 с.

4. *Медушевский А.Н.* Конституционная монархия в России // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 30–46.

5. *Сенин А.С.* Армейское духовенство России в Первую мировую войну // Вопр. истории. 1990. № 10. С. 159–165.

6. *Степанянц С.М.* Участие армянского духовенства в Первой мировой войне на стороне России // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 81. С. 120–131.

Literature:

1. The Volga-Ural region in the Imperial space of the XVIII–XX centuries / Ed. by N. Naganava, D.M. Usmanova, M. Hamamoto. M. : East lit., 2011. 343 p.

2. *Kapkov K.G.* Memorial book of the Russian military and naval clergy of the XIX – early XX centuries. Reference materials. M. : Letopis, 2008. 752 p.

3. *Kotkov V.M.* Formation and development of socio-cultural activities in the Russian army, the second half of the XIX – early XX century: dis. ... doctor of ped. sciences, SPb., 2002. 630 p.

4. *Medushevsky A.N.* Constitutional monarchy in Russia // Question of history. 1994. № 8. P. 30–46.

5. *Senin A.S.* Army clergy of Russia in the First world war // Vopr. history. 1990. № 10. P. 159–165.

6. *Stepanyants S.M.* Participation of the Armenian clergy in the First world war on the side of Russia // Izv. RSPU namedafter A.I. Herzen. 2008. № 81. P. 120–131.

УДК 340
DOI 10.23672/t3537-4911-8539-k

Белова Светлана Леонидовна
аспирантка,
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
usk-belova@mail.ru

Расцветаева Оксана Анатольевна
аспирантка,
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
rastsvetaeva77@mail.ru

Чапурко Татьяна Михайловна
кандидат юридических наук,
доктор политических наук,
профессор,
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
chapurko@mail.ru

Сравнительно-правовой анализ законодательства России и зарубежных государств в сфере криминального банкротства и мошенничества

Аннотация. Авторами статьи проводится политико-правовой анализ основных критериев квалификации криминального банкротства и мошенничества в России и некоторых зарубежных государствах (Франции, Германии, Испании), в результате которого преступления в сфере банкротства должны быть детально дифференцированы, исходя из принципиальных различий объективной стороны. Предложения авторов также направлены на расширение субъектов криминального банкротства и конструирование норм уголовного закона о криминальном банкротстве по типу формальных.

Ключевые слова: криминальное банкротство, несостоятельность (банкротство), юридическое лицо, мошенничество в банкротстве, криминальные схемы в банкротстве.

Svetlana L. Belova
Graduate student,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
usk-belova@mail.ru

Oksana A. Rastsvetaeva
Graduate student,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
rastsvetaeva77@mail.ru

Tatyana M. Chapurko
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Political Science,
Professor,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
chapurko@mail.ru

Comparative legal analysis of legislation Russia and foreign states in the sphere criminal bankruptcy and fraud

Annotation. The authors propose a political and legal analysis of the main qualification criteria for criminal bankruptcy and fraud in Russia and some foreign states (France, Germany, Spain), as a result of which bankruptcy crimes should be differentiated in detail based on the fundamental differences of the objective side. The authors' proposals are also aimed at expanding the subjects of criminal bankruptcy and designing the norms of the criminal law on criminal bankruptcy as formal.

Keywords: criminal bankruptcy, insolvency (bankruptcy), legal entity, bankruptcy fraud, criminal schemes in bankruptcy.

Общая идея конкурсного производства, лежащая в основе законодательства в сфере экономических отношений, состоит в том, чтобы при дефиците средств для удовлетворения требований всех кредиторов борьбу за активы должника направить в цивилизованное русло и предотвратить возможность удовлетворения требований одних кредиторов против интересов других. Процедуры банкротства должны рассматриваться в качестве инструмента внешнего управления во избежание фатального кризиса должника и наступления убытков у его кредиторов. Так, исторический разрыв в формировании российского законодательства о банкротстве и проводимые в 1990-е годы социально-экономические и политико-правовые реформы в России имели не только положительный (как устранение дефицита товаров), но и отрицательный эффект, и в том числе, появление новых видов экономических преступлений. Но и теперь, по прошествии 20 лет, в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1]

признается наличие высокого уровня криминальной экономики и ее коррумпированности, когда теневая экономика стала частью экономики, в целом, оказывает негативное влияние на многие экономические процессы. Однако статистические данные не отражают истинной картины, поскольку недостаточна регламентация и определение четких категорийных и классифицирующих понятий, оценочных категорий для квалификации дифференцированных преступлений в сфере банкротства.

По нашему мнению, криминальное банкротство – это один из секторов теневой экономики, и Орлова Л.А. относит его к специфическому виду мошенничества, завуалированному под гражданское правонарушение [2].

До и в период подготовки Уголовного кодекса Российской Федерации (1996г.) [3] действовали гражданские нормы, содержащие ряд технико-юридических ошибок, казуистичных правовых предписаний. Существенным недостатком была явно прокредиторская политика законодателя, не нацеленная на оздоровление предприятия, а только – на смену собственника либо на далеко необъективный раздел активов между кредиторами, что достаточно часто приводило к фактическому противоправному захвату контроля над предприятием. Нередко сами руководители применяли механизм банкротства с целью незаконной приватизации предприятия, создавая для этого фиктивную задолженность. Реализация таких криминальных схем породила целый класс новых частных собственников, как ожидалось, призванных обновить активы предприятий, освободить их от долговых обязательств, что должно было способствовать созданию новых рабочих мест, развитию малого и среднего бизнеса. Но в результате такая деятельность привела к разорению промышленного комплекса, спаду производства и сокращению рабочих мест.

В современных социально-экономических и политико-правовых условиях действующее уголовное законодательство формулирует составы криминального банкротства за фиктивное и преднамеренное банкротство, а также за незаконные действия при банкротстве (ст. 195–197 УК РФ) по типу материальных, имеющих «бланкетный» характер, что в правоприменительной практике ведет к негативным процессуальным последствиям, поскольку проблематично установить причинно-следственную связь между наступлением имущественного ущерба и действиями, которые законодательно в Уголовном кодексе РФ четко не квалифицированы и не дифференцированы в условиях активного социально-экономического роста страны. Дискуссионным в правоприменительной практике остается вопрос разграничения преступлений, связанных с криминальным банкротством и с квалификацией мошенничества. Мошенничество предполагает причинение прямого ущерба имуществу собственника, но статьи криминального банкротства указывают на возникновение ущерба кредиторам, которые имеют только обязательственное право требования определенной доли имущества должника, при этом право собственности на имущество должника у них отсутствует. Также, ущерб возникает ввиду уменьшения имущественной массы должника, упущенной выгоды, в виде утраченных долей кредиторов, в уменьшении налоговой базы и т.д. – иными словами, любое корыстное извлечение субъектом преступления материальных выгод для себя или других лиц. На практике фиктивные и незаконные сделки уже имеют более или менее сформировавшиеся критерии для квалификации.

В отличие от российской правовой модели регулирования «криминального банкротства» в зарубежных странах действующие средства регулирования – это исторически сложившиеся, естественным образом сформулированные – продукты многовековой судебной практики. В основном все виды моделей банкротства можно разделить на: а) продолжниковые и б) прокредиторские. И большинство стран занимает промежуточную позицию между соотношением (балансом), между степенью ущемления интересов кредиторов и сохранением действующих предприятия.

Законодательство Франции регулирует отношения в сфере банкротства не только положениями Уголовного кодекса Франции, но и специальным Законом «О восстановлении предприятий и ликвидации их имущества в судебном порядке № 85–98» от 25 января 1985 г. [4]

Продолжниковая правовая концепция Франции сформировалась примерно в 70-е годы XX века под влиянием целого ряда экономических изменений, происшедших в Европейском Союзе. Конкурсное законодательство стало использоваться французским правительством как средство нейтрализации действий каждого нового вызова французской экономике: Великобритания и Германия вошли со своими инвестициями в сектор французского производства, а местные банки стали вытесняться более жесткими в своих требованиях и регламентах банками США и Великобритании. Эти обстоятельства привели к тому, что законодатель практически свел к нулю процессуальные возможности кредиторов в конкурсном производстве, поскольку проблемы иностранного капитала французское правительство мало интересовало. Российские специалисты называют такое банкротство «радикально продолжниковым» [5, с. 32].

Результатом реформы французского конкурсного законодательства в 2005 году стало введение новой процедуры, заимствованной в Главе 11 Кодекса о несостоятельности США, процедуры сохранения предприятия. В целом, законодательство Франции характеризуется хорошо регламентированными реабилитационными процедурами как на досудебной стадии (либо просить суд назначить поверенного ad hoc, либо ходатайствовать об открытии примирительного производства), так и на стадии судебного производства (процедура судебного восстановления предприятия). Таким образом, в регулировании конкурсного процесса наблюдается цель французского законодателя, обусловленная обеспечением условий для восстановления предприятия должника является. Все регламентированные

средства защиты являются естественными и закономерными продуктами судебной практики (например, требования к фигуре поверенного ad hoc, процедура сохранения предприятия).

Криминальные банкротства во Франции наказываются достаточно мягко – до трех лет лишения свободы, на практике отдается предпочтение наказанию в виде штрафных санкций, конфискации и афиширования приговора. Указанная категория преступлений ограничиваются одним составом «Организация фиктивной неплатежеспособности» («О присвоениях» - Главой 4 статьи 314-7 УК Франции, «Об искусственном создании неплатежеспособности» - отдел 3 статьи 314-7 УК Франции). Объективная сторона выражается в деяниях направленных на организацию или отягощение своей неплатежеспособности:

– путем увеличения пассивов или занижения активов своего имущества;

– путем занижения или сокрытия всех или части своих доходов;

– сокрытием какого-либо имущества [6, с. 44].

Указанная норма Уголовного кодекса Франции имеет формальный состав, даже в случае совершения преступных действий до признания судом задолженности должника.

Далее рассмотрим законодательство Германии – прокредиторское, нацелено на повышение эффективности удовлетворения требований кредиторов; при этом реабилитационные процедуры направлены на максимизацию активов должника для последующего распределения среди кредиторов.

Раздел 24 Уголовного кодекса ФРГ регламентирует ответственность за преступления, связанные с банкротством, с учетом социально-экономических особенностей Германии [7]. Так, УК ФРГ не разграничивает состав преднамеренного от состава фиктивного банкротства, но выделяет три вида уголовно-наказуемого банкротства: простое, злостное и особо тяжкий случай банкротства. Также, он выделяет отдельные составы:

– нарушение обязанности ведения бухгалтерских книг;

– способствование одному из кредиторов;

– способствование несостоятельному должнику.

Эти преступления представляют собой группу имущественных преступлений против отдельных имущественных благ, их специфика определяется тем, что они ставят в опасность отдельные имущественные права. Исходным понятием в квалификации является понятие «кризис» – состояние «сверхзадолженности либо грозящей или наступившей несостоятельности». Объективная сторона определяется рядом альтернативных деяний, совершенных при имущественной несостоятельности, либо при угрозе ее наступления [8, с. 57]. Особенностью Уголовного кодекса ФРГ является конструирование основных составов криминальных банкротств по типу формальных (как и в УК Испании, Италии, Франции). В уголовном законе ФРГ субъектом преступления предусмотрено как физическое лицо, так и представитель юридического лица – предусматривается суровое наказание, дифференцируемое в зависимости от вида совершенного преступления, сроком до десяти лет – злостное, до пяти лет – умышленное, за неосторожное – до двух лет или штраф.

Перейдем к рассмотрению уголовного законодательства Испании, которое не разграничивает на преднамеренное и фиктивное банкротство, но определяет достаточно широкий круг преступных деяний в сфере банкротства (ст. 257–261 УК Испании) [9, с. 124]. Законодатель относит к криминальным действиям по объявлению себя банкротом; по распоряжению имуществом или действия, порождающие обязательства, которые затягивают, осложняют или препятствуют осуществлению секвестра или исполнительного производства, либо судебного, внесудебного или административного обязательства, которое уже осуществляется или будет осуществляться, когда указанные деяния совершены во вред своим кредиторам.

Незаконное банкротство в соответствии с положениями УК Испании, представляет своей целью избежание исполнения гражданской ответственности, вытекающей из совершенного виновным лицом преступного деяния (ст. 258), в том числе за необоснованное объявление лица несостоятельным (ст. 261) [10, с. 17]. Ответственность предусмотрена суровая: тюремное заключение от двух до шести лет лишения свободы и штраф на сумму от восьми до двадцати четырех заработных плат, при этом учитывается сумма ущерба, причиненного кредиторам, их количество и экономическое состояние.

Подобные позиции в сфере экономических отношений российское законодательство начало регламентировать как ответственность за криминальное банкротство только в Уголовном кодексе РФ (1996 г.) статьями 195–197, которые до сих пор носят бланкетный характер – диспозиции норм не содержат легальное толкование терминов и понятий, в результате чего правоприменитель вынужден обращаться к положениям законодательства о несостоятельности (банкротства) и Гражданский кодекс РФ, которое далеко не всегда дает четкое понимание разграничения гражданской и уголовной ответственности, более того содержит противоречия между содержанием признаков составов криминальных банкротств и норм гражданского законодательства. Вместе с этим, важным профилактическим средством любого экономического преступления однозначно является наказание в виде конфискации имущества, добытого преступным путем. Данная же мера наказания (ст. 52 УК РФ) необоснованно исключена законодателем 08 декабря 2003 года из практики применения уголовного закона и введена 27 июня 2006 года в виде Главы 15/1 «Конфискация имущества», но до сих пор не сформировав практику применения.

В целом, преступления в сфере экономики, искажают механизмы конкуренции, ущемляют имущественные права, приводят к неэффективному использованию бюджетных средств и необоснованному повышению цен, сводят на нет принцип свободы экономической деятельности, все это в результате провоцирует рост теневой экономики, сдерживает поступление прямых иностранных инвестиций в российскую экономику при одновременном высоком показателе вывода капитала за рубеж.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. 2017.15.05.

2. *Орлова Л.А.* Криминальное банкротство – сектор теневой экономики // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. 07.04.2020г.) // СПС КонсультантПлюс. 2020.

4. Уголовный Кодекс Франции [электронный ресурс]: «Юридическая Россия» Федеральный правовой портал. URL : http:// law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018&subID=100104265, 100104266,100104299,100105280,100105342,100105345,100105351#text

5. *Карелина С.А.* Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М. : Волтес Клувер, 2008.

6. *Пивоварова Н.Н.* Криминальные банкротства: проблемы уголовно-правового регулирования : автореф… дис. канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2010.

7. Уголовный Кодекс ФРГ: «Юридическая Россия» Федеральный правовой портал. URL : http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102944#text

8. *Лемягов А.Н.* Ответственность за банкротство в законодательстве зарубежных стран // Российский следователь. 2006. № 6.

9. Уголовный кодекс Испании // Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М. Решетникова. М., 1998.

10. *Кокорев В.Г.* Экономические преступления в уголовном кодексе Испании // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 12.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 № 208 «On the Strategy for the Economic Security of the Russian Federation for the period until 2030» // Rossiyskaya Gazeta. 2017.15.05.

2. *Orlova L.A.* Criminal bankruptcy – a sector of the shadow economy // Gaps in Russian law. 2018. № 4.

3. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996. № 63-ФЗ (as amended on April 7, 2020) // ATP ConsultantPlus. 2020.

4. The French Criminal Code [electronic resource]: «Legal Russia» Federal legal portal. URL : http:// law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018&subID=100104265,100104266,100104299, 100105280,100105342,100105345,100105351#text

5. *Karelina S.A.* The mechanism of legal regulation of insolvency relations. M. : Voltes Kluver, 2008.

6. *Pivovarova N.N.* Criminal bankruptcies: problems of criminal law regulation : abstract ... dis. cand. of legal sciences. Rostov-on/D., 2010.

7. Criminal Code of Germany: «Legal Russia» Federal legal portal. URL : http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942, 100102944#text

8. *Lemyagov A.N.* Responsibility for bankruptcy in the legislation of foreign countries // Russian investigator. 2006. № 6.

9. The Criminal Code of Spain // Ed. by N.F. Kuznetsova, F.M. Reshetnikova. M., 1998.

10. *Kokorev V.G.* Economic crimes in the criminal code of Spain // Socio-economic phenomena and processes. № 12. 2012.

УДК 347.155.5
DOI 10.23672/q4431-1733-7589-r

Борисова Екатерина Константиновна
студентка 1 курса магистратуры,
Юридический институт
Томского государственного университета
katyshkin.2015@mail.ru

Исключительное право на изобретения в области фармацевтики: понятие, признаки

Аннотация. В современном мире изобретения в области фармацевтики постоянно развиваются, и на рынок попадает большинство новых лекарственных средств и медицинского оборудования. В данной статье рассмотрены подходы к толкованию понятия «исключительное право» относительно изобретения в сфере фармацевтики. Авторами проведен анализ правоприменительной практики, рассмотрены доктринальные подходы к толкованию данного понятия, выявлены различия, существующие между правом интеллектуальной собственности и правом собственности на вещь (материальный носитель), так как в первом случае отражается соответствующий результат интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: исключительное право, интеллектуальные права, изобретения, фармацевтика, лекарственные средства.

Ekaterina K. Borisova
Student of the 1st year of master's studies,
Law Institute
Tomsk State University
katyshkin.2015@mail.ru

The exclusive right to inventions in the pharmaceutical field: concept, features

Annotation. In today's world, pharmaceutical inventions are constantly evolving, and most new medicines and medical equipment are coming to market. This article discusses approaches to the interpretation of the concept of «exclusive rights» regarding an invention in the pharmaceutical field. The law enforcement practice is analyzed, doctrinal approaches to the interpretation of the concept are considered, differences in intellectual property rights and ownership of the thing (tangible medium), which expresses the corresponding result of intellectual activity, are revealed.

Keywords: exclusive law, intellectual rights, inventions, pharmaceuticals, medicines.

В современном мире изобретения в области фармацевтики постоянно развиваются, и на рынок попадает большинство новых лекарственных средств и медицинского оборудования. Со стороны государства необходимо урегулировать все вопросы, чтобы избежать причинения вреда обществу в случае обращения некачественных лекарственных средств.

Вопросы, связанные с понятием и сущностью исключительного права, в настоящее время являются дискуссионными. Проведя анализ различных подходов, мы можем выделить две группы исследователей.

Ученые, относящиеся к первой группе, полагают, что сущность права на изобретение состоит в праве на использование объекта патентных прав.

Например, В.А. Дозорцев выделял в содержании исключительного права два правомочия, а именно, использование и распоряжение [1]. А ученый А.А. Пиленко утверждал в своей работе, что «отрицательная власть изобретателя, власть запрещения, есть следствие положительной власти, а не отнюдь существо патентного права»[2].

Другая группа исследователей наоборот считает, что сущность исключительного права заключается в отрицательном праве запрещать абсолютно всем использовать объект патентных прав. Так, Г.Ф. Шершеневич писал, что «сущность права на промышленное изобретение заключается в запрещении всем, кроме изобретателя или его правопреемника, применять данное изобретение без дозволения субъекта права» [3].

Обращаясь к нормам Гражданского Кодекса РФ, содержанием исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, в соответствии с пунктом 1 статьи 1229, является использование правообладателем такого результата по своему усмотрению любым, не противоречащим закону способом, возможность правообладателя по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использования указанного результата [4].

Данный подход к пониманию исключительного права относится непосредственно к исключительному праву на изобретения в области фармацевтики.

По общему правилу, предусмотренному законодательством Российской Федерации, исключительное право на изобретение носит абсолютный характер, так как без согласия правообладателя

другие лица не могут использовать соответствующий объект патентных прав, в случае его использования оно будет являться незаконным.

Установление критериев различия между перечисленными способами приобретения исключительных прав затруднено из-за различного понимания их в доктрине и неодинаковой трактовке в законе.

Следует рассмотреть способы приобретения исключительных прав на изобретение в области фармацевтике. Так, они разделяются на первоначальные, то есть, без преемства прав и обязанностей и производные, то есть, с преемством прав и обязанностей.

В доктрине к первоначальным относятся:

– Создание указанных объектов в служебном порядке, влекущее возникновение в силу закона или факта получения патента первоначальных исключительных прав у работодателей;

– Уступка права на получение патента (патент может быть выдан не только автору, но и другому физическому или юридическому лицу, которое указано автором либо его правопреемником в заявке на выдачу патента, либо в заявлении, поданном в патентное ведомство до момента регистрации изобретения – ст. 1357 ГК РФ);

– В силу нормы статьи 1361 ГК РФ определяется право преждепользования. Лицо, которое до даты приоритета изобретения использовала на территории российской территории созданное независимо от автора тождественное решение или сделало необходимые к этому приготовления, сохраняют право на дальнейшее безвозмездное использование тождественного решения без расширения объема такого использования.

Следует отметить, что относительно изобретений в сфере фармацевтики возникновение права преждепользования на лекарственные средства или медицинское оборудование считается невозможным. Поскольку главная цель использования вышеназванных объектов является введение их в оборот, а это невозможно без проведения важных исследований, таких как доклинических и клинических, получения соответствующего разрешения на их применение и непосредственно регистрация. Данная процедура является не только сложной, но и затратной.

Право послепользования, закрепленное в статье 1400 ГК РФ, сохраняет за лицом права на дальнейшее безвозмездное использование охраняемого патентом изобретения. Данным правом обладает тот субъект, который в период между датой прекращения действия патента на изобретения (из-за неуплаты пошлины за его поддержание в силе) и датой публикации в официальном бюллетене Роспатента сведений о восстановлении действия патента начало использование данного объекта либо сделало в указанный период необходимые к этому приготовления, данное лицо сохраняет право его дальнейшего использования без расширения объема такого использования.

К производным способам приобретения исключительных прав относятся:

– Договор об отчуждении исключительного права;

– Лицензионный договор.

Моментом возникновения исключительного права на объекты патентного права признается государственная регистрация, которая подтверждается выдачей патента.

Также, норма пункта 1 статьи 1363 ГК РФ содержит положения о том, что защита исключительного права на изобретение осуществляется исключительно после государственной регистрации изобретения и выдачи патента.

Опираясь на нормы статьи 1354 ГК РФ, мы можем сделать вывод о том, что с момента выдачи патента у лица, который подал заявление на его выдачу, возникает возможность осуществлять все правомочия, составляющие содержание исключительного права:

– Распоряжаться исключительным правом.

Данное право направлено не на результат интеллектуальной деятельности, а на само исключительное право, то есть, правомочие разрешения на использование изобретения.

Осуществлять защиту исключительного права.

В случае нарушение исключительного права на изобретение у правообладателя есть монопольное право на защиту своего исключительного права в судебном порядке.

Но это не означает, что у автора или правообладателя не защищается его исключительное право на изобретение до выдачи патента: действующим гражданским законодательством РФ предусмотрена временная охрана, а именно, норма статьи 1392 ГК РФ закрепляет, что изобретению, на которое подана заявка в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности, со дня публикации сведений о заявке (пункт 1 статьи 1385) до даты публикации сведений о выдаче патента (статья 1394) предоставляется временная правовая охрана в объеме опубликованной формулы изобретения, но не более чем в объеме, определяемом формулой, содержащейся в решении указанного федерального органа о выдаче патента на изобретение.

По своей природе исключительное право на изобретение является имущественным правом, поскольку оно направлено на защиту имущественных интересов автора или другого правообладателя, хотя данное право возникает у автора изобретения и связано с его личностью.

Проведя анализ норм гражданского кодекса Российской Федерации, мы можем выделить несколько признаков исключительных прав на изобретения:

– Данное право является субъективным гражданским правом. Исходя из этого к нему могут быть

применены общие положения, предусмотренные Гражданским кодексом РФ в части осуществления гражданских прав, предусмотренное нормой статьи 9, пределов их осуществления – статья 10, судебной защиты – статьи 11, в том числе в случае пробелов норм части IV ГК РФ;

– Является абсолютным;

– Правообладатель может не только использовать интеллектуальную собственность по своему усмотрению, но и запрещать другим лицам использовать ее или каким-либо способом наносить вред правообладателю касательно его объекта собственности;

– В соответствии с нормой 1226 ГК РФ, является имущественным правом;

– В соответствии с Гражданским кодексом РФ, оно может переходить от одного лица к другому в результате заключения сделок и по другим основаниям, предусмотренным законодательством;

– В соответствии с нормой пункта 1 статьи 1230 ГК РФ, исключительное право является срочным, поскольку законодательством предусмотрены сроки охраны объектов патентных прав, в том числе и на изобретения в области фармацевтики, а также условие продления такой охраны.

Исходя из вышесказанного, исключительное право – это имущественное право, которое направлено на защиту имущественных интересов автора или правообладателя, является абсолютным и срочным.

Литература:

1. *Дозорцев В.А.* Интеллектуальные права: Понятие, система. Задачи кодификации: сборник статей. М. : Статут, 2003.

2. *Пиленко А.А.* Право изобретателя. М. : Статут, 2001. С. 650.

3. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Товар. Торговые сделки. М. : Статут, 2003. Т. II. С. 76.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 ноября 2006 г.; одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 декабря 2006 г.; введ. Федер. законом Рос. Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ; в ред. Федер. закона от 3 июля 2016 г. № 314-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52, ст. 5496; Рос. газ. 2096. 22 дек.

Literature:

1. *Dozortsev V.A.* Intellectual rights: concept, system. Codification tasks: collection of articles. M. : Statute, 2003.

2. *Pilenko A.A.* Inventor's right. M. : Statute, 2001. P. 650.

3. *Shershenevich G.F.* Commercial law course. Product. Trading deals. M. : Statute, 2003. Vol. II. P. 76.

4. Civil Code of the Russian Federation. Part Four of December 18, 2006 № 230-ФЗ: adopted by the State. Duma Feder. Sobr. Grew up. Federation November 24, 2006; approved Federation Council Federation. Sobr. Grew up. Federation December 8, 2006; enter Feder. The law grew. Federation of December 18, 2006 № 230-FZ; as amended Feder. Law of July 3, 2016 № 314-FZ // Sobr. Legislation Ros. Federation. 2006. № 52, Art. 5,496; Russian newspaper. 2096. Dec 22.

УДК 347.426.6
DOI 10.23672/j3568-1211-7641-m

Борисова Екатерина Константиновна
студентка 1 курса магистратуры,
Юридический институт
Томского государственного университета
katyshkin.2015@mail.ru

Голуб Елена Ивановна
студентка 1 курса магистратуры,
Юридический институт
Томского государственного университета
GolubElena97@mail.ru

К ВОПРОСУ О ДОГОВОРНОМ ОГРАНИЧЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОН ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В действующем отечественном гражданском законодательстве прямо не указывается на возможность сторон заключить соглашение об ограничении ответственности за нарушение обязательства, вместе с тем, возможность включения подобного условия в договор вытекает из принципа свободы договора В работе анализируются положения гражданского законодательства, регулирующие допустимость договорного ограничения ответственности сторон за нарушение обязательств. Приведена судебная практика, затрагивающая вопрос ограничения ответственности должника за ненадлежащее исполнение обязательств. Рассмотрен вопрос соотношения принципа свободы договора с принципом добросовестности и справедливости при согласовании исключительной оговорки.

Ключевые слова: ограничение ответственности, исключительная оговорка, исключение ответственности, пределы ответственности.

Ekaterina K. Borisova
Student of the 1st year of master's studies,
Law Institute
Tomsk State University
katyshkin.2015@mail.ru

Elena I. Golub
Student of the 1st year of master's studies,
Law Institute
Tomsk State University
GolubElena97@mail.ru

ON THE ISSUE OF CONTRACTUAL LIMITATION OF THE PARTIES LIABILITY FOR BREACH OF OBLIGATIONS

Annotation. The current domestic civil law does not explicitly indicate the ability of the parties to conclude an agreement to limit liability for breach of obligation, however, the possibility of including such a condition in the contract derives from the principle of freedom of contract. Analyzes the provisions of civil law affecting the admissibility of contractual limitations on the liability of parties for violation of obligations. Judicial practice regarding the possibility of limiting the debtor's liability for improper performance of an obligation is analyzed. The question of the correlation of the principle of freedom of contract with the principle of good faith and justice with the agreement of an exclusive reservation is considered.

Keywords: limitation of liability, exclusive disclaimer, exclusion of liability, limits of liability.

Статья 7.1.6 Принципов УНИДРУА [1] предусматривает возможность сторон включить в договор исключительную оговорку, которая ограничивает или исключает ответственность одной стороны за неисполнение договора.

В настоящий момент отечественное гражданское законодательство прямо не указывает на возможность сторон заключить соглашение об ограничении ответственности за нарушение обязательства, вместе с тем, возможность включения подобного условия в договор вытекает из принципа свободы договора (п. 4 ст. 421 ГК РФ [2]).

Допустимость ограничения ответственности должника в форме убытков следует из положений п. 1 ст. 15 ГК РФ, предусматривающих возможность сторон в договоре согласовать возмещение убытков в меньшем размере. Судебная практика подтверждает право сторон по соглашению отказаться от взыскания упущенной выгоды (Постановление АС ЗСО от 11.03.2016 № Ф04-16579/2015 по делу № А46-8419/2014).

Возможность включения исключительной оговорки в соглашение может быть ограничена законом или иными правовыми актами. Подобное ограничение предусмотрено, в частности, п. 4 ст. 400 ГК РФ, прямо запрещающим ограничивать размер ответственности должника в ряде случаев по договору присоединения или договору, в котором кредитором является гражданин, выступающий в качестве потребителя. Не допускается ограничение ответственности участников полного товарищества (п. 5 ст. 53.1 ГК РФ), лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица, лиц, определяющих действия юридического лица (п. 3 ст. 75 ГК РФ). Гражданское

законодательство предусматривает и иные случаи недопустимости согласования исключительной оговорки.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 6 Постановления от 24.03.2016 № 7 [3] расширительно толкует п. 4 ст. 400 ГК РФ, устанавливая, что ограничение ответственности должника недопустимо, если подобное ограничение противоречит существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства (например, ничтожными являются условия договора охраны или договора перевозки об ограничении ответственности профессионального исполнителя охранных услуг или перевозчика только случаями умышленного неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства).

Кроме того, в соответствии с п. 4 ст. 401 ГК РФ, устранить или ограничить ответственность за нарушение обязательства стороны вправе только в случае, **если отсутствует умысел**, в противном случае данное условие будет нарушать принцип добросовестности участников гражданского оборота и являться ничтожным. Вместе с тем, формулировка п. 4 ст. 401 ГК РФ ограничивает возможность сторон «заранее» заключить подобное соглашение, что не исключает право сторон договориться об ограничении ответственности после нарушения обязательства даже при наличии умысла, что подтверждается судебной практикой (Определение Верховного Суда РФ от 14.09.2015 № 306-ЭС15-10797).

Пленум Верховного Суда РФ отмечает, что отсутствие умысла доказывается лицом, нарушившим обязательство (п. 1, 2 ст. 401 ГК РФ). При этом должником могут быть представлены доказательства того, что им проявлена хотя бы *минимальная* степень заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7).

Представляется, что в данной формулировке происходит смешение понятия «умысел» и «вина». Под «виной», исходя из п. 1 ст. 401 ГК РФ, понимается проявление должной степени заботливости и осмотрительности. В литературе так же отмечается, что подобный подход размывает границу между умыслом и грубой неосторожностью [4]. Вопрос о допустимости ограничения ответственности в случае грубой неосторожности при причинении ущерба является спорным, поскольку подобный подход не в полной мере отвечает принципу справедливости.

Стоит отметить, что категория «**минимальная** степень» заботливости и осмотрительности в данном случае является оценочным понятием и не детализируется в законодательстве. Так, например, в качестве доказательств проявления **должной** степени заботливости и осмотрительности суды принимают во внимание своевременное уведомление другой стороны сделки о невозможности исполнить обязательства в срок, либо принятие мер к изменению контракта в целях поставки имеющегося на рынке аналога [5]. Вопрос о том, что в данном случае будет проявлением «минимальной» степени заботливости остается на усмотрение правоприменителя. В качестве примера «минимальной степени заботливости» Гусаков Ю. приводит ситуацию, при которой должник не смог исполнить обязанность по оплате цены договора по причине сбоя в системе [6].

До выхода ППВС № 7 суды придерживались позиции, что ограничение ответственности сторон по соглашению между ними не допускается по действующему законодательству (Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17.01.07 № Ф08-7094/2006, Определение ВАС РФ от 29.01.08 № 16780/07).

Вопрос же о **полном исключении** ответственности по-прежнему является спорным как в доктрине, так и в судебной практике. Ряд авторов полагает, что подобные действия должника будут являться отказом от осуществления права [7], что, исходя из положений статьи 9 ГК РФ, не влечет правовых последствий. Кроме того п. 1 ст. 15 ГК РФ предоставляет сторонам договора возможность только уменьшить размер убытков, но не полностью отказаться от их возмещения.

Суды также, в ряде случаев, приходят к выводу о недопустимости **полного исключения** ответственности при исполнении договорных обязательств, указывая на то, что стороны могут лишь уменьшить размер взыскиваемых убытков, но не полностью исключить их (п. 1 ст. 15 ГК РФ). При включении условия о полном освобождении от ответственности, оно будет признанно недействительным на основании ст. 168 ГК РФ как нарушающее требования закона (Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда № 18АП-7221/2009 от 11 сентября 2009 г. по делу № А47-2610/2009).

Так, ВАС РФ в своем Определении от 08.08.2012 № ВАС-9002/12 по делу А14-5965/2011 указал, что размер ответственности в виде убытков не может устанавливаться сторонами при заключении договора, возможно только ограничение верхнего предела ответственности [8].

Вместе с тем, в ряде случаев ограничение сторонами ответственности практически равноценно ее полному исключению, в связи с чем, нам целесообразным представляется не запрещать сторонам включать в соглашение положение, ограничивающее их ответственность, а в случае возникновения спора, оценивать данное соглашение на соответствие принципам разумности и добросовестности, а так же на предмет наличия злоупотребления правом.

Интересным, в контексте рассмотрения данного вопроса, нам представляется Постановление ФАС Поволжского округа от 26.02.2010 по делу № А06-2797/2009. Суд пришел к выводу о том, что стороны вправе были согласовать условие, по которому ответственность заказчика ограничивалась возмещением фактически понесенного ущерба в пределах 500 руб. Суд в данном случае не исследовал разумность и справедливость подобного договорного условия, а так же не принял

во внимание возможное злоупотребление правом одной из сторон.

Целесообразным в данном случае представляется включение в действующее гражданское законодательство нормы, аналогичной статье 7.1.6 Принципов УНИДРУА, не допускающей использование исключительной оговорки, если ее использование приводит к явной несправедливости, принимая во внимание цель договора. Согласно п.п. 1 и 6 комментария к ст. 7.1.6 акта международной унификации, это означает опосредованный судебный контроль – суд игнорирует такие оговорки, и потерпевший кредитор может получить полную компенсацию за неисполнение [9].

Введение подобного положения в отечественное законодательство позволит судам привлекать сторону к ответственности в соответствии с нормами законодательства, не учитывая соглашение сторон, в случае, если явно нарушен принцип справедливости, либо ущемляются права слабой стороны договора. На учет принципа добросовестности и честной деловой практики при формулировании исключительных оговорок ориентирует так же и статья 8:109 Принципов европейского договорного права [10].

Литература:

1. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 г.) // СПС КонсультантПлюс. 2020.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ : (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // СПС КонсультантПлюс. 2020.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС КонсультантПлюс. 2020.

4. *Байбак В.В.* Общие условия ответственности за нарушение обязательств в ст. 401 ГК РФ: старые правила в новом контексте // Закон. 2016. № 10. С. 132–143.

5. *Скрипилев Г.* Как сохранить добросовестность // ЭЖ-Юрист. 2016. № 42. С. 4.

6. *Гусаков Ю.* Подводные камни Постановления номер 7 // ЭЖ-Юрист. 2016. № 14. С. 4–5.

7. *Монастырский Ю.Э.* Некоторые особенности применения ст. 15 и 393 ГК РФ в вопросе присуждения убытков арбитражем в Российской Федерации // Третейский суд. 2018. № 1/2. С. 239–250.

8. *Зимнева С.В.* Соглашения об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательств: теория и правоприменительная практика // Юридические исследования. 2017. № 3. С. 39–51.

9. *Красноярова Н.* Защита от несправедливых оговорок // ЭЖ-Юрист. 2007. № 11. С. 3.

10. Принципы европейского договорного права. Ч. I, II, 1999; Ч. III, 2003 / Пер. с англ. Б.И. Пугинскою, Л.Т. Лмирова // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2005. № 3–4.

Literature:

1. Principles of international commercial agreements (Unidroit Principles) (1994) // ConsultantPlus. 2020.

2. Civil Code of the Russian Federation. Part 1: November 30, 1994 № 51-FZ: (as amended on December 16, 2019, as amended on May 12, 2020) // ConsultantPlus. 2020.

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016 № 7 (as amended on February 7, 2017) «On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations» // Consultant Plus. 2020.

4. *Baibak V.V.* General conditions of liability for violation of obligations in Art. 401 of the Civil Code of the Russian Federation: old rules in a new context // Law. 2016. № 10. P. 132–143.

5. *Skripilev G.* How to maintain good faith // EJ-Lawyer. 2016. № 42. P. 4.

6. *Gusakov Yu.* Pitfalls of Decree number 7 // EJ-Lawyer. 2016. № 14. P. 4–5.

7. *Monastic Yu.E.* Some features of the application of Art. 15 and 393 of the Civil Code of the Russian Federation regarding the award of losses by arbitration in the Russian Federation // Arbitration court. 2018. № 1/2. P. 239–250.

8. *Zimneva S.V.* Agreements on the elimination or limitation of liability for intentional violation of obligations: theory and law enforcement practice // Legal Studies. 2017. № 3. P. 39–51.

9. *Krasnoyarova N.* Protection from unfair reservations / N. Krasnoyarova // EJ-Lawyer. 2007. № 11. P. 3.

10. Principles of European treaty law. Parts I, II, 1999; Part III, 2003 / Per. from English B.I. Puginsky L.T. Lmirova // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2005. № 3–4.

УДК 340
DOI 10.23672/n0545-3216-0681-s

Васильева Яна Юрьевна
кандидат юридических наук,
доцент,
Иркутский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации
consul50@mail.ru

Актуальные проблемы назначения и исполнения кратного штрафа по делам о коррупционных преступлениях

Аннотация. В связи с принятием Национального плана противодействия коррупции на 2018-2020 годы, которым предусмотрен ряд мер, направленных на совершенствование нормативно-правовой базы в данной сфере, актуальной в настоящее время остаётся проблема назначения справедливого уголовного наказания в виде кратного штрафа лицам, осуждённым за коррупционные преступления, а также его исполнения.
В статье рассматривается проблематика назначения кратного штрафа как вида уголовного наказания по делам, связанным с коррупционными преступлениями. Изучаются меры по совершенствованию правоприменительной практики по назначению и исполнению назначенного судом данного вида наказания. Автором анализируется замена лишением свободы штрафа в случае злостного уклонения от его уплаты как один из эффективных способов борьбы с коррупционными преступлениями в России.

Ключевые слова: модернизация образования, аграрная сфера, штраф, кратный способ исчисления, взяточничество, коррупционные преступления, назначение наказания, замена штрафа, борьба с коррупционерами, противодействие коррупции.

Yana Yu. Vasilieva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Irkutsk Law Institute
(branch) of the Prosecutor's office
of the Russian Federation
consul50@mail.ru

Current problems of appointment and execution of multiple fine in cases of corruption crimes

Annotation. In connection with the adoption of the National Anti-Corruption Plan for 2018-2020, which provides for a number of measures aimed at improving the regulatory framework in this area, the issue of imposing a fair criminal penalty in the form of multiple fines to persons convicted of corruption crimes, as well as its execution, remains relevant.The article deals with the problem of assigning a multiple fine as a type of criminal punishment in cases related to corruption crimes. Measures are being studied to improve law enforcement practice for the purpose and execution of this type of punishment imposed by the court. The author analyzes the replacement of a fine with imprisonment in the case of malicious evasion of its payment as one of the effective ways to combat corruption crimes in Russia.

Keywords: fine, multiple method of calculation, bribery, corruption crimes, sentencing, replacement of the fine, fight against corrupt officials, anti-corruption.

В связи с принятием Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 гг., утвержденного Указом Президента России от 26.08.2018 № 378, которым предусмотрен ряд мер, направленных на совершенствование нормативно-правовой базы в данной сфере, актуальной в настоящее время остаётся проблема назначения справедливого уголовного наказания в виде кратного штрафа лицам, осуждённым за коррупционные преступления, а также его исполнения.

Возникает вопрос, каких целей хотел достичь законодатель, введя в действующее законодательство «кратный штраф»?

Обратившись к истории отечественного уголовного права, мы видим, что в нашей стране и до принятия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) 13.11.1996 года штраф являлся одним из распространенных видов наказания.

В соответствии со ст. 44 действующего Уголовного Кодекса РФ, штраф является видом уголовного наказания, с которого начинается, так называемая, «лестница» наказаний. Известнейший русский ученый-юрист Н.С. Таганцев называл систему наказаний, закрепленную в законе, «лестницей наказаний» [1, с. 124], значительно облегчавшей суду выбор предусмотренных законодателем наказаний. Безусловно, штраф является уголовным наказанием имущественного характера, которое должным образом может скорректировать поведение лиц, склонных к совершению преступлений коррупционной направленности. И до введения понятия «кратный штраф» сам по себе штраф считался одним из самых мягких

видов наказания. Он назначается в качестве основного и в качестве дополнительного наказания. Уровень назначения штрафа, в определенной мере всегда находится в зависимости от социально-экономических условий жизни людей и их платежеспособности, а в ряде случаев и от характера совершенного преступления [2, с. 10].

Возможности применения штрафа как вида уголовного наказания позволяют достаточно эффективно усилить борьбу с преступностью.

В 2010 году был принят закон, предусматривающий кратные штрафы за взятки и коммерческий подкуп. Законодатель установил штраф от 25 тысяч до 500 миллионов рублей за взяточничество с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Первоначально предполагалось, что система кратных штрафов будет эффективным средством борьбы против мелких взяточников, поскольку максимальный штраф в 100 раз превышал сумму взятки.

Однако уже через год Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев в интервью, опубликованном в газете «Коммерсант», отмечал, что «в 2011 году штраф как основное наказание по уголовным делам был назначен почти 120 000 осужденных на общую сумму 1,826 миллиарда рублей, из нее не было исполнено наказаний на сумму 1,161 миллиарда рублей, или 63,6 %. Судебные приставы-исполнители обратились в суды с требованием о замене штрафа лишением свободы в отношении каждого второго осужденного к штрафу за взяточничество. Суды удовлетворили примерно четверть таких обращений. По-видимому, людям просто нечем платить назначенные судами штрафы» [3].

Мероприятия, предусмотренные Национальным планом противодействия коррупции на 2018–2020 годы, направлены на решение таких основных задач по борьбе с коррупционерами как систематизация и актуализация нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции. Так, в пункте 38 Плана Верховному Суду Российской Федерации рекомендовано подготовить обзоры судебной практики по уголовным делам, в ходе которых рассматриваются ходатайства следователей следственных органов о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) «Наложение ареста на имущество».

В частях 1, 2, 7 статьи 115 УПК РФ законодателем предусмотрен механизм наложение ареста на имущество коррупционеров, за счёт которого возможно взыскание штрафа. То есть, для обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа следователь либо дознаватель в установленном порядке возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого. Суд, рассматривая ходатайство, должен установить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом (ч. 1 ст. 115 УПК РФ). Наложение ареста на имущество состоит в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение (ч. 2 ст. 115 УПК РФ). При наложении ареста на денежные средства и иные ценности, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях, операции по данному счету прекращаются полностью или частично в пределах денежных средств и иных ценностей, на которые наложен арест (ч. 7 ст. 115 УПК РФ).

Такая же позиция о необходимости реального взыскания предметов преступной деятельности содержится и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве». В пункте 4 Постановления разъяснено, что по делам о коррупционных преступлениях деньги, ценности и иное имущество, переданные в виде взятки или предмета коммерческого подкупа, подлежат конфискации и не могут быть возвращены взяткодателю либо лицу, совершившему коммерческий подкуп, в том числе, в тех случаях, когда они освобождены от уголовной ответственности на основании соответственно примечания к статье 291 УК РФ, примечания к статье 2912 УК РФ или пункта 2 примечаний к статье 204 УК РФ, примечания к статье 2042 УК РФ.

Поскольку уголовная политика нашего государства направлена на усиление уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности путём назначения кратного взятке или сумме коммерческого подкупа штрафа, то в итоге, получается достаточно жёсткое наказание для осуждённых за такие деяния.

При этом судами в полной мере должно учитываться указание Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данное в п. 36 Постановления от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее – Постановление № 24). В этом пункте обращено внимание судей на необходимость исполнять требования закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания лицам, совершившим коррупционные преступления с использованием своего служебного положения [4, с. 5]. При оценке степени общественной опасности содеянного рекомендовано учитывать содержание мотивов и целей, значимость обязанностей, которые были нарушены, продолжительность преступных действий (бездействия), характер и тяжесть причиненного вреда, а также другие фактические обстоятельства и данные о личности виновного.

Важный аспект назначения наказания по уголовным делам данной категории разъяснён и в п. 36.1 Постановления № 24: при разрешении вопроса о том, какое наказание должно быть

назначено осужденному, совершившему коррупционное преступление, в случае наличия в санкции статьи наказания в виде штрафа, суду необходимо обсуждать *возможность его исполнения(курсив мой – Я.В.).* Таким образом, уже на стадии назначения наказания, при выборе штрафа в качестве вида наказания, если он (штраф) содержится в санкции статьи, по которой виновное лицо привлечено к ответственности, суд должен обсудить реальную возможность осуждённого его исполнить.

Назначая штраф, определяя его размер и решая вопрос о рассрочке его выплаты, необходимо учитывать не только тяжесть совершенного преступления, но и имущественное положение осужденного и его семьи, а также возможность получения им заработной платы или иного дохода (ч. 3 ст. 46 УК РФ). В этих целях следует иметь в виду наличие или отсутствие у осужденного основного места работы, размер его заработной платы или иного дохода, возможность трудоустройства, наличие имущества, иждивенцев и т.п. Следовательно, при рассмотрении вышеуказанных вопросов имеется в виду именно реальная возможность исполнения штрафа осуждённым.

Идея же стимулирования добровольной уплаты кратных штрафов за коррупционные преступления законодателем была реализована в Федеральном законе от 04.05.2011 № 97-ФЗ при построении санкций за взяточничество.

Вместе с тем, в ходе правоприменения суды пришли к выводу о том, что реализация этой идеи возможна лишь при неотвратимости замены кратного штрафа лишением свободы на определённый срок в случае злостного уклонения от его уплаты.

Если проанализировать статистические данные за прошедшие пять лет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по лицам, осуждённым, к примеру, по ч. 3 ст. 290 УК РФ, можно проследить соотношение видов наказаний, самых часто применяемых за совершение этих преступлений. Так, в 2015 году всего осуждено 1038 лиц, из них к реальному лишению свободы – 144, к условному лишению свободы – 289, к штрафу – 603. В 2016 году всего осуждено 753 лиц, из них к реальному лишению свободы – 128, к условному лишению свободы – 177, к штрафу – 446. В 2017 году всего осуждено – 403 лица, из них к реальному лишению свободы – 103, к условному лишению свободы – 180, к штрафу – 120. В 2018 году всего осуждено – 463 лиц, из них к реальному лишению свободы – 124, к условному лишению свободы – 206, к штрафу – 131. В 1 полугодии 2019 года всего осуждено – 223 лиц, из них к реальному лишению свободы – 69, к условному лишению свободы – 106, к штрафу – 48 [5].

Таким образом, из вышеприведенных данных видно, что только в 2015 и 2016 годах штраф применялся чаще, чем лишение свободы (реальное или условное), и, следовательно, тем самым штраф фактически, в определённом смысле, заменил условное лишение свободы, а в 2017–2018 годах и в 1-ом полугодии 2019 года судами Российской Федерации уже чаще применялось в качестве вида наказания за данные преступления лишение свободы с применением ст. 73 УК РФ.

Следует отметить, что в настоящее время суды чаще стали заменять лишением свободы штраф в случае злостного уклонения от его уплаты. Отметим, что первым взяточником, который не смог уплатить государству назначенный ему приговором суда кратный штраф, стал бывший глава Вернеуслонского района Республики Татарстан Александр Тимофеев. В 2012 году он был осуждён за взятку в сумме 5 миллионов рублей к штрафу в 300 миллионов рублей. Осуждённый уплатил только часть этой суммы. Тогда штраф ему суд заменил лишением свободы сроком на 4 года. В колонии, где Тимофеев работал заведующим библиотекой он, получив 14 поощрений, был освобождён условно досрочно в 2015 году [6].

А бывший губернатор Кировской области Никита Белых, который отбывает в настоящее время лишение свободы сроком 8 лет в колонии строгого режима со штрафом в 48,2 миллиона рублей, выплачивает ежемесячно 4 800 рублей из своей заработной платы библиотекаря в счёт погашения государству указанной суммы штрафа. В апреле текущего года ему было отказано в отсрочке на 5 лет выплаты штрафа. Имущества, на которое может быть обращено взыскание, у него фактически нет, поэтому уплатить назначенный судом кратный штраф этому осужденному не представляется возможным.

Приведенные примеры наглядно показывают, как работает в современных условиях уголовное законодательство о кратных штрафах в отношении коррупционеров.

Учитывая изложенное, полагаю:

– необходимым корректировать не только санкции статей о преступлениях коррупционной направленности, но и уголовно-исполнительное законодательство в целях более эффективного противодействия коррупции в нашей стране;

– Прокуратуре Российской Федерации совместно с Верховным Судом Российской Федерации необходимо активнее работать с Федеральной службой судебных приставов России по совершенствованию предпринимаемых ими мер по исполнению такого уголовного наказания как штраф.

Литература:

1. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть общая. Тула, 2001. Т. 2. 360 с.

Literature:

1. *Tagantsev N.S.* Russian criminal law. The General part. Tula, 2001. Vol. 2. 360 p.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2010. 458 с.

3. Газета Коммерсантъ: официальный сайт. URL : https://www.kommersant.ru/doc/2092193 (дата обращения 09.06.2020).

4. Российская газета. 2013.17.07. № 154.

5. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. URL : http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 09.06.2020).

6. Аргументы и факты : официальный сайт. URL : https://aif.ru/ (дата обращения 07.06.2020).

2. Comment to the Criminal code of the Russian Federation / Ed. by A.V. Brilliantov. M., 2010. 458 p.

3. Kommersant Newspaper: official website. URL : https://www.kommersant.ru/doc/2092193 (date of application 09.06.2020).

4. Russian newspaper. 2013.17.07. № 154.

5. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: official website. URL : http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (date of application 09.06.2020).

6. Arguments and facts: official website. URL : https://aif.ru/ (date of application 07.06.2020).

УДК 347.191
DOI 10.23672/x1249-8904-9343-q

Вильская Екатерина Сергеевна
студентка 4 курса
Юридического факультета,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
catewil7@gmail.com

Злоупотребление правом как общеправовая категория

Аннотация. Развитие рыночной экономики, демократизация общества ведут к увеличению прав и свобод человека и гражданина, но в тоже время к возрастанию случаев злоупотреблений этими правами и свободами, что в свою очередь ставят под угрозу развитие российского общества и построению правового государства. Данная статья посвящена одной из наиболее значимых и спорных проблем в юридической науке и практике – злоупотреблению правом. В ходе проведенного исследования автором сделаны выводы о том, что не выработано единого, общего подхода к его определению понятия «злоупотребление правом», что затрудняет юридическую квалификацию этого явления.

Ключевые слова: злоупотребление правом, Конституция, права и свободы, человек, гражданин, законодательство, принцип права.

Ekaterina S. Vilskaya
4th year student
of the Faculty of Law,
Financial University under
the Governmen of the Russian Federation
catewil7@gmail.com

Abuse of law as a general legal category

Annotation. The development of a market economy, the democratization of society leads to an increase in the rights and freedoms of man and citizen, but at the same time, to an increase in cases of abuse of these rights and freedoms, which in turn threaten the development of Russian society and the construction of a legal state gifts. This article is devoted to one of the most significant and controversial issues in legal science and practice – abuse of law. In the course of the study, the author made conclusions that a single, general approach to its definition of the concept of «abuse of law» was not developed, which complicates the legal qualification of this phenomenon.

Keywords: abuse of law, Constitution, rights and freedoms, person, citizen, legislation, principle of law.

Категория злоупотребление правом была известна ещё с древних времен. Например, данное явление было упомянуто в Институциях Гая и Дигестах Юстиниана, Каролине. Юрист Гай отмечал, что «никому из подданных римского народа не дозволено безмерно жестоко поступать со своими рабами без законной причины» [1]. В Российском законодательстве упоминается решение Сената Российской империи 1902 года, которое гласило: «Никто не свободен пользоваться его правом. Положить точно определенную грань между свободой пользоваться своим правом и обязанностью уважать право соседа теоретически нельзя; грань эта в каждом спорном случае должна быть определена судом» [2, с. 79].

В современном законодательстве Российской Федерации нет точного определения понятия злоупотребления правом, несмотря на то что, данный термин используется во многих нормативно правовых актах. Российское законодательство запрещает злоупотребление правом в различных правовых отраслях и институтах. Данные запреты выражены в разных нормативно правовых актах Российской Федерации. Так, например, семейным законодательством запрещено злоупотребление родительскими правами [3], гражданским законодательством в целом, запрещено злоупотребление правом [4], трудовым законодательством запрещено злоупотребление правами работников [5], процессуальными правами в арбитражном законодательстве [6] и в иных отраслях права, институтах. Согласно ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Иными словами, это запрет на злоупотребления правом, который, в том числе, имеет общеправовой, межотраслевой характер.

Исследование понятия «злоупотребление правом» невозможно без анализа его структуры. Структура представляет собой организацию между подсистемами и элементами системы, а также собственно состав этих подсистем и элементов, каждому из которых обычно соответствует определённая функция. Одной из важной составляющей структуры является целесообразность между связями элементами системы. Анализ научных источников, законодательства, судебных и иных практик указывает на то, что не существует на данный момент точного представления о структуре феномена «злоупотребление правами». В связи с этим правовое регулирование данной сферы носит сумбурный характер. Однако, в этой области правового регулирования преуспели цивилисты.

Благодаря анализу законодательства, можно прийти к выводу, что в зависимости от способа

осуществления, в ГК Российской Федерации злоупотребление правом имеет структуру в следующих видах:

Использование гражданских прав в качестве ограничения конкуренции. Согласно 10 статье ГК Российской Федерации, а также 2 пункту статьи 10 и 1 пункту статьи 13 Федерального Закона «О защите конкуренции» [7] суд постановил, что организация, занимавшая доминирующее положение, на предложенных её условиях договора, злоупотребляет своим положением в виде принуждения абонента к данным условиям договора, не соответствующим законодательству [8]. Данный закон не определяет понятие злоупотребление свободы конкуренции. Однако, Высший Арбитражный Суд РФ установил рамки «вредоносного» банкротства, определив, что процедура банкротства может использоваться в целях передела собственности, устранения конкурента в связи, с чем необходимо тщательно исследовать конкретные обстоятельства по делу с учетом требований [9, с. 112].

Недобросовестное осуществление гражданских прав. Так, строительство дома на земельном участке, часть которого входит в состав земельного фонда, вопреки возражению ответственного должностного лица. С момента стройки дома и до обращения с иском в суд государственные органы, отвечающие за контроль лесного фонда, не предпринимали действий по пресечению строительства. Вследствие этого контроль за землями лесного фонда осуществлялся недобросовестно [10]. Последние десятилетия, с развитием компьютерных сетей и технологий возрастает необходимость правового регулирования регистрации доменного имени. Очень часто встречаются случаи, когда зарегистрированный домен очень похож на домены известных товарных знаков. Здесь можно говорить о недобросовестном использовании доменного имени. Благодаря усилиям международных организаций действует Унифицированная (единая) политика разрешения споров о доменных именах, обязательность следования которой включается в договор о регистрации домена [11].

Обход закона. Например, исковое дело по переводу жилого помещения в нежилое помещение истцом имеет цель, которая заключается в сохранении образованного нежилого помещения в перепланированном состоянии [12]. Данное действие является обходом закона.

Шикана. Одна из форм злоупотреблений правом, выступающее как результат противоправного действие лица, совершаемого с прямым умыслом. Анализируя понятие шиканы, в статье 10 Гражданского Кодекса Российской Федерации указано, что под данным понятием подразумевается действие, осуществляемое для причинения вреда другому лицу. Под противоправностью шиканы определяют нарушение управомоченного лица, установленной обязанности в пункте 1 статьи 10 ГК Российской Федерации – не совершать действия по осуществлению своих прав, направленных на нанесение вреда другим лицам. Например, публикация клеветы в СМИ, в которой лицо по чьей инициативе данные материалы опубликованы, хочет нанести вред репутации другого лица, при том, что инициатор выгоды от этого не получает.

Злоупотреблению правом как явлению характерно изменение, образование новых подходов, которые могут быть обусловлены не только новыми тенденциями, исходящими от естественного хода развития, но и могут предполагать дополнение нового материала на существующую нормативную базу, учитывая изменяющиеся потребности общественных отношений. Так, например, Федеральным Законом были внесены поправки в ряд статей ГК Российской Федерации, включая в статьи о злоупотреблении правом. Законодатель установил норму о недопущении реализации гражданских прав только с намерением нанесения ущерба другому лицу, действия в обход закона, и иное недобросовестное злоупотребление гражданскими правами. Таким образом, злоупотребление правом представляет собой постоянно меняющееся структурное явление, выраженное в многообразии способов недобросовестного поведения субъектов: ограничение конкуренции, шикана, обход закона и иные недобросовестные действия.

Сегодня четкое представление о злоупотреблении не структурировано. В связи с этим существует необходимость в разработке и изучении специфических особенностей, которые бы давали понять, чем вредоносные злоупотребления отличаются от правонарушений. Злоупотребление правом не является правонарушением, если при этом не затрагиваются права других лиц. Однако, осуществление права, совершённое вредоносным способом и затрагивающее личные интересы других лиц, является правонарушением. Важно отметить, что реализация права в предусмотренных законом формах и способах не должна послужить причиной нарушения законных интересов других лиц. Наряду с законными и противозаконными интересами также выделяют незаконные интересы, суть которых состоит в том, что право к ним относится индифферентно, равнодушно; достижение такого интереса не противоречит праву [13, с. 69]. При злоупотреблении правоотношениями могут нарушаться только законные интересы других лиц, а в случае его пересечения – противозаконные интересы злоупотребителя правом или такие интересы, не учитывающие интересы других лиц. Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что вредоносное злоупотребление правом всегда сопряжено с нарушением законных интересов индивида (частные интересы); тогда как по законодательству, для правонарушения, не требуется такого признака. Так, например, Суд по интеллектуальным правам (суд первой инстанции) отказал в удовлетворении исковых требований в связи с тем, что владелец товарного знака не имеет право запрещать использовать спорное обозначение лицу, которое добросовестно его применяло для индивидуализации своей музыкальной группы и музыкальной деятельности и которое стало известно в обороте до даты приоритета товарного знака; с учетом обстоятельств дела действия истца по регистрации обозначения «Do-Up» в качестве

товарного знака являются злоупотреблением правом; регистрация товарного знака «Do-Up» только на одно лицо непосредственно нарушает законные интересы других лиц, пользовавшихся этим обозначением на протяжении почти четырех лет коллективно» [14, с. 56]. Таким образом, в данном случае злоупотребление правом затрагивает законные интересы других лиц, а его пресечение приводит к нарушению незаконного или противозаконного интереса самого лица, который злоупотребил в данном случае правом.Также, стоит принять во внимание отличие вредоносного злоупотребления от правонарушения, предложенное Е.А. Одегнал. По её мнению, одним из принципов правонарушения является неотвратимость наказания, тогда как злоупотребление правом может остаться безнаказанным [15, с. 198].

Так же, значимую роль имеет совокупность следующих свойств: решение судьи по усмотрению, особенности реализации тех или иных прав, было ли обращение потерпевшего в суд, злоупотребление правом субъектами судебного разбирательства и т.д. Конституционный Суд РФ указал, что судья имеет право давать своё толкование нормы, может принимать решения в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения. Но зачастую судья оценивает обстоятельства, не имея достаточно фактов, которые могут быть скрыты от него [16]. Судебная практика всегда имела большую роль в других странах. Так, например во Франции благодаря усмотрению судьи пресекались определённые случаи злоупотребления: «если суд усмотрит в осуществлении этих прав злоупотребление (abus du droit), то это приведет к принятию им решения о возмещении ущерба или прекращении соответствующих действий или бездействия», несмотря на то что формально запрещались лишь виновные действия [17, с. 134].

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод, что норма, содержащая запрет на злоупотребление правом, в то числе, обусловлена некоторыми особенностями средств обеспечения и соблюдения законности, поскольку речь идёт об устранении отрицательных явлений, о том, чтобы данные нормы как можно меньше воплощались в правоотношениях в результате предохранительного воспитательного воздействия. Так, в соответствии с седьмым пунктом постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон» арбитражным судам нужно принять во внимание , что, в случае если после вынесения определения об отложении проведения предварительного судебного заседания, определения об отложении судебного разбирательства в связи с обращением сторон за содействием к суду или посреднику, в том числе к медиатору, в целях урегулирования спора, поведение стороны, обратившееся с ходатайством об отложении в связи с указанными обстоятельствами, с свидетельствует о том, что она отказывается или уклоняется от участия в примирительной процедуре, арбитражный суд применительно к ч. 2 ст. 111 АПК РФ вправе отнести на такую сторону все судебные расходы по делу, если признает причины такого отказа или уклонения неуважительными, направленными исключительно на затягивание судебного разбирательства, либо свидетельствующими об ином злоупотреблении процессуальными правами.

Отсюда следует, что обязанности по отнесению судебных расходов на сторону, которая злоупотребляет процессуальными правами, у суда не имеется.

Таким образом, для правонарушения характерно противоправное деяние, которое запрещено законодательством; при вредоносном злоупотреблении правом – субъект правоотношения реализует свои субъективные права запрещенным способом.

Вредоносное злоупотребление правом, нарушает важные принципы осуществления права, но не конкретную норму права. Одним из важных принципов правонарушения является неотвратимость наказания, тогда как злоупотребление правом может оставаться безнаказанным. Наконец, вредоносное злоупотребление правом всегда сопряжено с нарушением законных интересов индивида (частные интересы); тогда как по законодательству, для правонарушения, не требуется такого признака.

Литература:

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : в 2 т. / Под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. М. : Проспект, 2011. Т. 1. С. 323.

2. *Крусс В.И.* Злоупотребление правом : учеб. пособие. М., 2010. 176 с.

3. Статья 56 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации ст. 10 (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

Literature:

1. A reader on the history of the state and law of foreign countries : in 2 vol. / Ed. K.I. Batyr and E.V. Polycarpova. M. : Prospect, 2011. Vol. 1. P. 323.

2. *Kruss V.I.* Abuse of law: a training manual. M., 2010. 176 p.

3. Article 56 of the Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 № 223-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 01/01/1996, № 1. Art. 16

4. Civil Code of the Russian Federation Art. 10 (part one) of November 30.11.1994 № 51-ФЗ // Collection of the legislation of the Russian Federation. 12/05/1994, № 32. Art. 3301.

5. Так, после принятия Трудового кодекса Российской Федерации запрет злоупотребления правом распространился и на трудовые отношения. В частности, например, пункт 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 31.12.2006. № 297.

6. Часть 2 статьи 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Парламентская газета. № 140–141. 27.07.2002.

7. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. № 162. 27.07.2006.

8. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.01.2012 № 18АП-13340/2011 по делу № А34-3427/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

9. *Моргунов С.* Злоупотребление не установлено // Эж-Юрист. 2003. № 12. С. 3.

10. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 26.08.2010 по делу № А31-1415/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Унифицированная (единая) политика разрешения споров о доменных именах. URL : https://www.icann.org/resources/pages/dndr-2012-02-25-ru

12. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 31.05.2010 № Ф03-3580/2010 по делу № А73-13425/2009: В удовлетворении иска о признании права собственности на функциональное нежилое помещение отказано правомерно, поскольку фактически требования истца, который произвел переустройство двухкомнатной квартиры и функционального нежилого помещения в единый новый объект недвижимости, сводятся к сохранению вновь образованного нежилого помещения в перепланированном состоянии, осуществленном в самовольном порядке без получения необходимого разрешения // СПС «КонсультантПлюс».

13. *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М. : Норма : ИНФРА-М. 2012. С. 119.

14. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.12.2013 по делу № А60-41938/2012 «О пресечении нарушения исключительных прав на товарный знак и взыскании компенсации» // СПС «КонсультантПлюс».

15. *Одегнал Е.А.* Злоупотребление правом как явление правовой действительности. С. 89.

16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.01.2001 № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».

5. So, after the adoption of the Labor Code of the Russian Federation, the prohibition of misuse of the right extended to labor relations. In particular, for example, paragraph 27 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 17, 2004 № 2 «On the application by the courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation» // Russian newspaper. 12/31/2006. № 297.

6. Part 2 of Article 41 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation № 95-FZ of July 24, 2002 // Parliamentary Newspaper. № 140–141. 07.27.2002.

7. Federal Law of July 26, 2006 № 135-ФЗ «On Protection of Competition» // Rossiyskaya Gazeta. № 162. 07.27.2006.

8. The decision of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal dated 01.31.2012 № 18AP-13340/2011 in the case № A34-3427 // 2011 // ATP «Consultant Plus».

9. *Morgunov S.* Abuse not found // hedgehog. 2003. № 12. P. 3.

10. Decision of the Federal Antimonopoly Service of the Volga-Vyatka District dated August 26, 2010 in the case № A31-1415 / 2009 // ATP «Consultant Plus».

11. Unified (uniform) domain name dispute resolution policy. URL : https://www.icann.org/resources/pages/dndr-2012-02-25-ru

12. Resolution of the FAS of the Far Eastern District dated May 31, 2010 № F03-3580/2010 in the case № A73-13425/2009: The claim for the recognition of the right of ownership of a functional non-residential premises was rejected lawfully, since in fact the claimant who made the the device of a two-room apartment and functional non-residential premises into a single new real estate property, is reduced to the preservation of the newly formed non-residential premises in a redeveloped state, carried out without authorization without obtaining the necessary permission. // ATP «Consultant Plus».

13. *Cherdantsev A.F.* Logical and linguistic phenomena in jurisprudence : monograph. M. : Norma : INFRA-M. 2012. P. 119.

14. The judgment of the Intellectual Property Rights Court dated 12/26/2013 in case № A60-41938/2012 «On the suppression of the violation of exclusive rights to a trademark and the recovery of compensation» // ATP «ConsultantPlus».

15. *Odegnal E.A.* Abuse of law as a phenomenon of legal validity. P. 89.

16. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.25.2001 № 1-P // ATP «ConsultantPlus».

17. Статья 1382: «Какое бы то ни было действие человека, которое причиняет другому ущерб, обязывает того, по вине кого ущерб произошел, к возмещению ущерба» (Цит. по: Французский гражданский кодекс / Пер. А.А. Жуковой, Г.А. Пашковской. СПб., 2004. С. 745.

17. Article 1382: «Any action by a person that causes harm to another, obliges the person responsible for the damage to compensation for the damage» (Quoted from: French Civil Code / Trans. A.A. Zhukova, G.A. Pashkovskaya. SPb., 2004. P. 745.

УДК 340
DOI 10.23672/x6746-3046-7793-n

Вишневецкий Кирилл Валерьевич
доктор юридических наук,
профессор,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
kvishnevecky@mail.ru

Доев Виталий Александрович
преподаватель кафедры
гражданского права и процесса,
Краснодарский университет МВД России
kvishnevecky@mail.ru

Kirill V. Vishnevetskiy
Doctor of Law,
Professor,
Head of the Department
Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishnevecky@mail.ru

Vitaly A. Doev
Lecturer of the Department
Civil Law and Process,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishnevecky@mail.ru

Виктимологическая характеристика личности жертвы доведения до самоубийства

Victimological characteristics of the personality of the victim of being driven to suicide

Аннотация. Статья посвящена вопросам виктимологической характеристики личности жертвы доведения до самоубийства. Кроме того, в ней рассмотрены факторы, которые изучает, анализирует и исследует эксперт при проведении психологической экспертизы самоубийств, учитывая черты, характерные для суицидентов как индивидов, субъектов, личностей и индивидуальностей.

Ключевые слова: криминология, виктимология, психология, социология, виктимность, личность жертвы, доведение до самоубийства.

Annotation. The Article is devoted to the issues of victimological characteristics of the victim of suicide. In addition, it examines the factors that the expert studies, analyzes and explores when conducting a psychological examination of suicides, taking into account the features characteristic of suicides as individuals, subjects, individuals and individuals.

Keywords: criminology, victimology, psychology, sociology, victimization, identity of the victim, incitement to suicide.

Самоубийство – это социальное явление, которое существовало в обществе всегда. Под данным понятием понимается неадекватная реакция индивида на внешние обстоятельства, проявляющаяся в виде крушения ценностных ориентаций, которые являются социально значимыми именно для потенциального суицидента. Под влиянием различных факторов (материальные трудности, идеологические убеждения, религиозные обычаи) лицо тем или иным способом пытается прекратить свое существование. Со стороны общества в некоторых случаях такие действия осуждались (в большинстве религий и теперь самоубийство считается грехом), а в других даже поощрялись (в Индии распространенным остается обычай сати – самосожжение вдовы вместе с телом умершего мужа).

В современных условиях распространяется гуманистическое отношение к случаям самоубийства и самоубийцам, в целом. В подавляющем большинстве случаев законодательство не предусматривает уголовную ответственность за действия суицидального характера. Зато инкриминируются действия, имеющие характер доведения до самоубийства. Законодатель пытается создать безопасные и стабильные условия для существования в обществе и выработать наиболее эффективные способы противодействия распространению негативных явлений, которые могут нарушить установленный порядок взаимоотношений между людьми. Одним из таких способов является всестороннее, объективное изучение лиц, которым свойственна склонность к определенным деструктивным действиям.

Поскольку самоубийство является деструктивным действием, а доведение до него по законодательству признается преступлением, то для выработки путей противодействия данным противоправным деянием предлагаем провести исследование самоубийцы как жертвы доведения до самоубийства. Так, самоубийцей является лицо, совершившее определенные суицидальные действия, имеющих целью лишить себя жизни. Кроме этого, для обозначения такого лица, учитывая

степень интенсивности и характер суицидальных действий, используют понятие «суицидент» и «суицидант». Суицидантом называют лицо, которое осталось живым после попытки самоубийства; а суицидентом лицо, умершее в результате совершения самоубийства [1]. Используя данное разграничение, можно полнее раскрыть все особенности виктимности лица, для поведения которого характерны суицидальные черты. В случае доведения до самоубийства подобные суицидальные действия обусловлены невозможностью, как правило, терпеть насильственные действия, совершаемые в отношении него преступником. То есть, такое лицо совершает самоубийство, испытывая чувство безнадежности и отчаяния, рассматривая суицид как единственный способ решения всех своих проблем. Но не всегда совершению человеком самоубийства предшествуют определенные насильственные действия, направленные против него. Да, ч. 1 ст. 178 УПК РФ в каждом конкретном деле при обнаружении мертвого тела для установления причин смерти назначается судебно-медицинская экспертиза по факту смерти. Ведь внешняя похожесть на суицид еще не означает обязательного в ходе следствия подтверждения этой версии смерти человека. Смерть на самом деле может наступить в результате нескольких различных вариантов:

1) самоубийство (самоубийство по собственному желанию, самоубийство по неосторожности);

2) имитация самоубийства (опосредованное убийство: самоубийство по принуждению, доведение до самоубийства; демонстрация самоубийства с целью провокации или шантажа);

3) естественная смерть, имеющая признаки самоубийства по независящим от умершего причинам (смерть в результате несчастного случая; естественная смерть в результате других причин);

4) убийство (убийство, замаскированное под самоубийство; убийство, которое имеет признаки самоубийства по независящим от убийцы причинам) [2].

Кроме судебно-медицинской экспертизы, в случае самоубийства дополнительно назначается психологическая экспертиза самоубийцы, которая еще имеет название психологической аутопсии. Данный вид судебно-психологической экспертизы (заочная форма) является наиболее сложным. Ведь человека уже нет среди живых, а перед экспертом стоит задача воссоздать «психологический портрет», особенности личности, устойчивые мотивы поведения, интересы, ценностные ориентиры, охарактеризовать эмоционально-волевую сферу и возможности интеллекта, рассмотреть грани межличностных взаимоотношений и способы разрешения конфликтов, которые возникали при жизни.

Чтобы понять мотивацию суицидального поведения, эксперту нужно установить:

1) почему человек совершил или пытается совершить суицид (проводится анализ объективных условий существования исследуемого лица: условия существования деятельности, положение в микросоциальном окружении, в семье, на месте работы/учебы, состояние здоровья, психический статус)?;

2) почему возникло желание совершить суицид (устанавливается, как сам суицидент оценивал сложившуюся ситуацию; как, по его мнению, эта ситуация выглядела в глазах окружающих и чего он пытался добиться в результате реализации суицида. То есть определяются цели, внутренние побуждения, достаточно хорошо осознанные намерения – психологические основания для принятия суицидального решения)? [3].

По результатам психологической экспертизы эксперт составляет заключение, в котором указываются данные:

– об индивидуально-психологических особенностях, чертах характера;

– качествах личности;

– мотивировочных факторах жизни и поведения;

– эмоциональных реакциях и состояниях;

– закономерности протекания психических процессов, уровне их развития и индивидуальных признаках.

Таким образом, экспертное заключение, составленное в результате психологической аутопсии, является единственным достоверным источником, который может ответить на вопрос, почему лицо совершило суицид? И имел ли место акт добровольного ухода из жизни? Такое экспертное заключение приобщается к материалам дела как доказательство и, в свою очередь, может быть причиной прекращения дела (самоубийство, несчастный случай), или основанием составления обвинительного заключения и направления дела прокурору, а затем и в суд (убийство, доведение до самоубийства).

Аверин В.А. утверждал, что для понимания человека и его поведения как целостного образования необходимо исследовать его с позиции индивида, субъекта, личности и индивидуальности. Если проигнорировать хотя бы одну из этих составляющих, представление о психологии человека как целостное образование будет деформированным [4].

Поэтому, рассматривая факторы, которые изучает, анализирует и исследует эксперт при проведении психологической экспертизы самоубийств, учитываются черты, характерные для суицидентов как индивидов, субъектов, личностей и индивидуальностей.

Поскольку категории «индивид», «индивидуальность» и «личность» не являются предметом исследования уголовно-правовой науки, а лишь используются учеными в данной сфере, считаем необходимым обратиться к знаниям таких наук, как социология, психология, антропология, философия.

Прежде всего, любой человек, будь то преступник или жертва – является живым существом – индивидом. Антропологи индивидом считают единичное природное существо, представителя вида homo sapiens, обладающего определенными биологическими особенностями, устойчивостью психических процессов и свойств, активностью и гибкостью в реализации этих своих свойств применительно к конкретной ситуации.

Общими характеристиками индивида являются:

– целостность психофизиологической организации (системный характер связей между многообразными функциями и механизмами, реализующими жизненные отношения индивида);

– устойчивость взаимодействия с окружающей средой, в определенной степени благодаря гибкости и вариативности;

– активность, которая проявляется в способности к самосознанию, диалектически сочетая зависимость от ситуации с определением ее непосредственного влияния [5].

Достаточно важным признаком индивида является то, что он может выступать носителем определенных черт. Например, в психологии – носителем индивидуальных качеств (уровень интеллектуального развития, памяти, воображения); в социологии – носителем социальности (социальных свойств); в юриспруденции – носителем определенных прав и обязанностей (гражданских свойств). При этом понятие «индивид» в каждом отдельном случае рассматривается абстрактно.

В свою очередь, в психологии индивид определяется как представитель человеческого рода, наделенный определенными психофизиологическими особенностями, устойчивостью психических процессов и свойств, собственной мерой активности и гибкости в реализации этих свойств в повседневной жизни. Понятие «индивид» в психологии, в определенной степени, совпадает с понятием «индивидуальность» в социологии, которое понимается как неповторимая совокупность природных (психофизиологических) и социальных свойств индивида [6].

Психологическое определение индивидуальности как совокупности психических и социальных особенностей, присущих каждому отдельному индивиду с точки зрения уникальности, своеобразия и неповторимости, в разрезе нашей темы, шире раскрывает данное понятие [7].

В процессе социализации под влиянием определенных субъективных (навыки, нравственность) и объективных (воспитание) факторов у индивида проявляются черты индивидуальности, личности и субъекта. Во время проведения аутопсии эксперт пытается исследовать самоубийцу, прежде всего, как личность. И именно поэтому, по нашему мнению, жертву доведения до самоубийства необходимо рассматривать как личность. Ведь определенные свойства (виктимность), присущие жертве, оказываются именно в социуме (конфликт), уже, когда индивид в процессе социализации превратился в личность. В свою очередь, личность может рассматриваться только через призму определенной совокупности присущих ей свойств: структуру, развитие, мотивацию поведения, его психическое здоровье и наличие психопатологий.

Само понятие «личность» как философская категория предоставляет возможность определить врожденные и приобретенные качества, присущие каждому конкретному индивиду. При этом среди ученых нет единого общего определения данного понятия. Каждый из них предлагает делать акцент на определенную составляющую, присущую каждой конкретной личности, или их совокупности – группе личностей.

Психологический словарь определяет личность как социальную сторону, социальное качество. Это конкретный человек, представитель определенных социальных общностей, который занимается определенным видом деятельности, осознающий свое отношение к окружающей среде, а также носитель своих индивидуальных особенностей [8][1].

Б.Г. Ананьев рассматривает личность как индивида, являющегося субъектом социальных отношений и сознательной деятельности[9].

По мнению А. Н. Леонтьева, личностью является психологическое образование особого типа, которое порождается существованием человека в обществе[10].

При этом существуют и другие определения понятия «личность»: это конкретный человек, который рассматривается в системе его устойчивых социально обусловленных психологических характеристик, которые проявляются в общественных связях и отношениях, определяют его нравственные поступки и имеют существенное значение для него самого и окружающих [11].

По нашему мнению, точка зрения Л.Д. Столяренко о том, что «личность» – это социально-психологическая сущность человека, формирующаяся как результат усвоения человеком общественных форм сознания и поведения, общественно-исторического опыта человечества [12], является самой полной. Поэтому для исследования личности как жертвы доведения до самоубийства необходимо установить, из каких именно особенностей состоит социально-психологическая сущность человека и под влиянием каких внешних факторов формируется сознание такого лица. При этом необходимо определить, почему одни личности, в отличие от других, реагируют на определенные проявления насилия путем самоубийства и какие именно особенности, присущие их личности, влияющие на такое решение.

[1] Психологический словарь / Под. ред. В.В. Давыдова и др. М. : Педагогика, 1983.

Отвечая на данный вопрос, необходимо обратить внимание на такую особенность, присущую личности, как виктимность.

Так, В.А. Туляков определяет виктимность, как поведение, отклоняющееся от безопасной нормы активности личности, способствующее повышению уязвимости, доступности и привлекательности жертвы социально опасных проявлений [13]. При этом виктимными признаются и те действия, которые отличаются от «обычного» поведения большинства лиц в подобных ситуациях. Такое поведение жертвы повышает вероятность совершения преступления в отношении лица, которое допускает виктимные поступки [14].

В случае доведения до самоубийства суицидальные действия осуществляются, как правило, в связи с невозможностью терпеть насильственные действия со стороны преступника. То есть, лицо совершает самоубийство, чувствуя безнадежность и отчаяние, рассматривая суицид как единственный способ решение всех своих проблем. Поэтому можно утверждать, что в случае доведения до самоубийства виктимные особенности, которые отличают жертву именно этого противоправного деяния, проявляются через ее неспособность адекватно противостоять насилию, которое совершается в отношении нее, в виде жестокого обращения, шантажа, принуждения к противоправным действиям и систематическому унижению человеческого достоинства. При этом, выбирая способ противодействия преступным посягательствам, останавливает свой выбор не на самозащите, а на самоуничтожении. Таким образом, эмоционально-волевая деятельность, социально-ролевая модель поведения и мотивация данного поступка (самоубийства) и являются теми виктимными особенностями, которые отличают жертву доведение до самоубийства от других лиц, в отношении которых чинилось определенного рода насилие, однако они противостояли этому другими способами.

Исходя из сказанного, предлагаем жертвой доведения до самоубийства признавать личность, которая является носителем виктимных свойств, совершившую самоубийство (попытку самоубийства) в виду невозможности противодействия совершаемых в отношении ее насильственных действий (жестокое обращение, шантаж, принуждение к противоправным действиям или систематического унижения человеческого достоинства и др.).

При доведении до самоубийства жертве свойственно одна из разновидностей виктимности – индивидуальная или ролевая.

Индивидуальной виктимностью считается объективно существующее у конкретного человека особое личностное качество, проявляющееся в субъективной способности определенного индивидуума вследствие совокупности психических черт, образовавшейся у него, стать жертвой определенного вида преступлений в условиях, когда существовала реальная и явная для повседневного сознания возможность избежать этого.

В.И. Полубинский, в свою очередь, определяет индивидуальную виктимность как способность определенного лица, обусловленное его социальными, психологическими и биофизическими качествами, которые способствуют в определенной жизненной ситуации возникновению условий, при которых возникает возможность причинения ему вреда определенными противоправными действиями [15].

Например, при систематическом унижении человеческого достоинства путем неоднократного выражения оскорбления, травли, распространения клеветнических выдумок, явно несправедливой критики или унизительного обращения с потерпевшим большое значение может играть чувствительность личности в отношении негативных высказываний и действий, затрагивающих ее самоуважение или репутацию в глазах окружающих. Наличие такой уязвимости у лица и является признаком ее индивидуальной виктимности.

Во время семейно-бытовых конфликтов, которые сопровождаются жестоким обращением мужа с женой путем систематических побоев или причинения иных психических или физических страданий, у такой женщины может сформироваться виктимность другого вида – ролевая.

Она определяется как объективно существующая в определенных условиях жизнедеятельности характеристика некоторых социальных ролей, которая выражается в опасности для лиц их исполняющих, независимо от своих личностных качеств, подвергнуться определенному виду преступных посягательств лишь через выполнение данной роли.

Индивидуальная и ролевая виктимность относятся к психолого-социальной характеристике лица. При этом проявляться она может под влиянием внешних факторов. Как справедливо отмечал Д.В. Ривман, лицо может обладать определенным сочетанием социальных и психологических качеств, которые в определенной степени могут определить негативное и опасное для него поведение. И тем самым приблизить его к роли потерпевшего, поставив в положение элемента ситуации», которая будет способствовать совершению преступления [16].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наличие виктимных признаков зависит от определенных психофизиологических особенностей личности, а их реализация – от социально-демографических, морально-правовых признаков. При этом ученые соглашаются с утверждением, согласно которому личность необходимо рассматривать как целостное образование, состоящее из нескольких элементов, совокупность которых формирует ее структуру.

Подытоживая изложенное, можно сделать вывод о том, что хотя определения личности носят разноаспектный характер, общим для них является идея о способности человека реализовывать определенные личностные свойства и качества через социализацию.

Именно через выявление определенных признаков индивида и индивидуальности при общении с другими лицами путем существования по определенным законам природы (нормам права, морали) человек становится личностью.

Литература:

1. *Альмухановап А.Б.* Большая психологическая энциклопедия: самое полное современное издание: более 5000 психологических терминов и понятий / А.Б. Альмухановап, [др.]. М. : Эксмо, 2007.

2. *Волков В.Н.* Судебная медицина: Учеб.пособие для вузов / В.Н. Волков, А.В. Датий; Под ред. проф. А.Ф. Волынского. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000.

3. *Берман А.* Суицид-общие теории и предупреждение / А. Берман; Пер. К. Брежнева. URL : www.psihdocs.ru

4. *Аверин В.А.* Психология личности : учеб. пособие. СПб. : Изд. Михайлова В.А., 1999.

5. *Андрущенко И.* Философский словарь / И. Андрущенко, О. Вусатюк, С. Линецкий, А. Шуба. АСК, 2006.

6. *Хьелл Д.* Тории личности / Д. Хьелл, Д. Зиглер. МПб. : Питер Пресс, 1997.

7. *Слотина Т.В.* Психология личности : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2008.

8. Давыдов В.В. Психологический словарь / Под. ред. В.В. Давыдова, [др]. М. : Педагогика, 1983.

9. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб. : Питер, 2001.

10. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М. : Политиздат, 1977.

11. *Слотина Т.В.* Психология личности : учеб. пособие. ЛитРес, 2008.

12. *Столяренко Л.Д.* Основы психологии. 3-е изд. перераб. и доп. Ростов-н/Д. : Феникс, 2000.

13. *Туляков В.А.* Виктимология (социальные и криминологические проблемы) : монография. Одесса, 2000.

14. *Антонов-Романовский Г.В.* Виктимность и нравственность / Г.В. Антонов-Романовский, А.А. Лютов // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1980. Вып. 33.

15. *Полубинский В.И.* Правовое учение о жертве. М. : Наука, 1985.

16. *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. СПб. : Питер, 2002.

Literature:

1. *Almukhanovap A.B.* Big Psychological Encyclopedia: the most complete modern edition: more than 5000 psychological terms and concepts / A.B. Almukhanovap, [etc.]. M. : Exmo, 2007.

2. *Volkov V.N.* Forensic Medicine: Edum.benefit for universities / V.N. Volkov, A.V. Dathyi; under Ed. prof. A.F. Volynsky. M. : UNITY-DANA, Law and Law, 2000.

3. *Berman A.* Suicide-general theories and warning / A. Berman; Trans. by K. Brezhnev). URL : www.psihdocs.ru

4. *Averin V.A.* Psychology of Personality : manual. SPb. : Mikhailova V.A., 1999.

5. *Andruschenko I.* Philosophical Dictionary / I. Andruschenko, O. Vusatyuk, S. Linetsky, A. Shuba. ASC, 2006.

6. Hjell D., Siegler D. Torii personality. MP: Peter Press, 1997

7. *Slotina T.V.* Psychology of Personality : manual. SPb. : Peter, 2008.

8. *Davydov V.V.* Psychological Dictionary / under. Red. V.V. Davydova, [etc.]. M. : Educators, 1983.

9. *Ananyev B.G.* Man as the subject of cognition. SPb. : Peter, 2001.

10. *Leontiev A.N.* Activity, Consciousness, Personality. M. : Politizdat, 1977.

11. *Slotina T.V.* Personality Psychology. Tutorial. Lit Res, 2008.

12. *Stolyarenko L.D.* Basics of Psychology. 3rd I'm going to get over it. And the dope. Rostov-on/D. : Phoenix, 2000.

13. *Tulyakov V.A.* Victimology (social and criminological problems) : monograph. Odessa, 2000.

14. *Antonov-Romanovsky G.V.* Victim and Morality / G.V. Antonov-Romanovsky, A.A. Lutov // Issues of fighting crime. M., 1980. Iss. 33.

15. *Polubinsky V.I.* Legal doctrine of the victim / Semibinsky V.I. M. : Science, 1985

16. *Rivman D.V.* Criminal Victimology. SPb. : Peter, 2002.

УДК 340
DOI 10.23672/y4209-3017-6302-v

Гарбовская Надежда Брониславовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
языкознания и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
garbovskii@yandex.ru

Землякова Нинель Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
языкознания и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
ukka777@yandex.ru

Трудности употребления синтаксических единиц в юридических документах

Аннотация. Специалист в области права наряду с высоким профессионализмом должен владеть принципами речевой коммуникации, релевантно использовать морфологические, синтаксические и другие единицы в юридических документах, применять нормы русского литературного языка. В настоящей статье предпринята попытка совмещения в одном пространстве юридического и лингвистического взгляда выявления проблем, связанных с трудностями употребления синтаксических единиц в правовых документах их адресатом. В фокусе рассмотрения находится выявление грамматических неточностей в текстах юридических документов и причин, по которым они возникают.

Ключевые слова: язык права, юридический документ, синтаксические единицы, согласование, управление, нормы литературного языка.

Nadezhda B. Garbovskaya
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus branch
Russian State
University of Justice
garbovskii@yandex.ru

Ninel V. Zemlaykova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus branch
Russian State
University of Justice
ukka777@yandex.ru

Difficulties of using syntax units in legal documents

Annotation. A specialist in the field of law, along with high professionalism, should know the principles of speech communication, use morphological, syntax and other units in legal documents, apply the norms of the Russian literary language. This article attempts to combine in one space the legal and linguistic view of identifying the problems associated with the difficulties of using syntax units in legal documents by their recipient. The focus is to identify grammatical inaccuracies in the texts of legal documents and the reasons why they arise.

Keywords: language of law, legal document, syntax units, coordination, management, norms of literary language.

По отношению каждого человека к своему языку
можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне,
но и о его гражданской ценности.

Н.М. Карамзин, русский литератор, историк

Специалист в области права наряду с высоким профессионализмом должен владеть принципами речевой коммуникации, релевантно использовать морфологические, синтаксические и другие единицы в юридических документах, применять нормы русского литературного языка.

Синтаксис деловой юридической речи имеет свои конкретные особенности и свои значительные индивидуальности, поэтому нарушение норм языка может привести к неточному толкованию закона, а также к непоправимым ошибкам.

Одной из распространённых синтаксических ошибок, которые можно обнаружить в юридическом документе или деловой бумаге, является использование моделей и конструкций разговорного стиля.

Речевые формулы, которые многократно повторяются в административно-производственной коммуникации, приобретают устойчивый характер и по своим функциям приближаются к фразеологизмам: допустить нарушение, ошибку, просчет, но нельзя использовать следующие обороты: допустить дефект, брак, поломки.

Примеры использования устойчивых словосочетаний

Неправильно	Правильно
Оказать заботу	Проявить заботу/оказать внимание
Предпринимать меры	Принимать меры
Повысить успеваемость	Улучшить успеваемость
Предоставить неудобства	Доставлять неудобства/предоставить информацию
Сорвать овации	Сорвать аплодисменты/вызвать овации
Взыскать ущерб	Возместить ущерб

Заметим, что ошибки, связанные с нарушением сочетаемости тех или иных языковых единиц, распространены в деловом письме, поэтому составителю документа необходимо чаще обращаться к специальным лингвистическим словарям и справочникам.

В нашей работе мы хотим рассмотреть употребление синтаксических единиц в юридических текстах на примере согласования и управления, варианты их форм и трудности употребления в письменной речи.

Подчинительная связь делится на три вида – согласование, управление и примыкание и пересекается с разграничением связей по типу обязательности/факультативности. Появляется обязательность в том случае, если стержневое слово характеризуется лексической, лексико-грамматической дефицитностью, тогда возникает необходимость в зависимом компоненте для восполнения структурной и семантической неполноты: *оказаться свидетелем, наткнуться на препятствие, держаться благопристойно.* При факультативной связи стержневое слово является достаточным для выражения понятия и зависимый компонент возможен, но не обязателен: *река, спать, промокнуть.*

Понятие обязательной/факультативной сочетаемости легло в основу разграничения сильной и слабой связи. Известный учёный-лингвист А.М. Пешковский впервые разработал эту теорию по отношению такой подчинительной связи, как управление [4; 285] Сильным управлением принято считать связь, которая необходима между падежной формой имени и словарной или грамматической стороной глагола: *наедине с собой, съехать с горы*. Слабым управлением является связь не необходимая, при ней наличие косвенного падежа не является обязательным и не предсказывается лексическими или грамматическими свойствами управляющего слова: *приехать за вещами, вред здоровью, приглашение на обед.*

Впоследствии понятие сильной и слабой связи было распространено на согласование и примыкание.

В вопросах о видах подчинительной связи существует и другой подход, отражённый в концепции Н.Ю. Шведовой: среди зависимых падежно-косвенных форм, которые традиционно относят к управляемым, выделено не два, а три вида подчинительных связей: сильное управление, слабое управление и падежное примыкание [6, с. 20]. На основе семантического фактора строится такое разграничение.

Итак, одним из видов подчинительной связи является согласование, при котором форма зависимого слова уподобляется форме стержневого слова в роде, числе и падеже, при изменении ключевого слова изменяется и зависимое: *гражданский кодекс, в гражданском кодексе*. Следует отметить, что особенностью словосочетания, как синтаксической единицы, является закреплённый порядок слов в отличие от предложения, где он может быть относительно свободным [7, с. 273]. Наиболее употребительным и грамматически верным является грамматическое согласование [4, с. 307]. *Допрошено свыше двухсот свидетелей.* Смысловое согласование, по В.В. Виноградову, – это «употребление глагольной формы множественного числа в таких случаях, когда действие приписывается собирательному лицу, реже предмету, облечённому в форму имени существительного» [1, с. 377]. *Часть помещений с материальными ценностями сгорели.* Смысловое согласование подчёркивает людей как производителей действия, а также указывает на раздельное действие каждого лица.

Согласование – связь присубстантивная, потому что в качестве стержневого слова выступает имя существительное (*украденная вещь*) или субстантивированное слово (*несовершеннолетний потерпевший*). На первый взгляд может показаться, что в этой теме нет ничего сложного, однако из-за небрежного отношения к речи в ней могут появиться ошибки, связанные с нарушением форм согласования. Например, *«…Ветров и Измайлов* не довели до конца свой преступный умысел по причинам, от него не зависящих». Нарушение форм согласования создаёт неясность или двусмысленность: *«На протяжении многих лет ряд шахт недопустимо затягивают освоение проектных мощностей».*

Согласование – уподобление по грамматическим признакам – требуется в формах подлежащего и сказуемого, определяемого слова и определения. Главные члены предложения находятся между

собой в особых, предикативных отношениях, однако связь между ними часто называют согласованием. Обратим внимание на трудности сочетания сказуемого с подлежащим, в состав которого входят существительные *большинство, ряд, числительные столько, сколько, много*, и другие случаи, и на условия выбора формы единственного или множественного числа сказуемого. Подлежащее не имеет управляемых слов, либо управляет формой родительного падежа единственного числа: *Большинство голосовало «за». Большинство бойцов ударило с тыла…* Если между подлежащим и сказуемым стоят второстепенные члены, сказуемое будет в форме множественного числа: *Большинство свидетелей по делу о хищении посылок показали…*

Иногда подлежащее представляет собой количественно-именное сочетание: трое потерпевших, одиннадцать студентов. Сказуемые в таких случаях могут иметь форму и множественного, и единственного числа, однако при этом нужно учитывать, что на выбор формы числа сказуемого влияет ряд условий. Сказуемое в форме единственного числа подчёркивает единство предметов, совместность и целостность их общего действия, а форма множественного числа связана с представлением об отдельности предметов, самостоятельности или даже разрозненности предметов. *Пять специалистов помогали расследованию (каждый отдельно). Девять замков направлено на экспертизу (все вместе).*

На выбор формы числа сказуемого влияют следующие условия: конкретность или неконкретность действия, выраженного сказуемым, лексическое значение глагола-сказуемого (глагол бытия, состояния, активного действия), порядок слов. Рассмотрим некоторые случаи.

1. При словах *один, тысяча, миллион* сказуемое обычно ставится в форме единственного числе и согласуется в роде: *Отпущен миллион рублей для благоустройства детской площадки.*

2. При подлежащем, выраженном сочетанием собирательного существительного (ряд, большинство, меньшинство, часть), сказуемое употребляется в форме единственного числа, если подлежащее обозначает неодушевлённые предметы: *За последнее время в стране принят ряд важных законов, направленных на усиление борьбы с уголовной преступностью.*

3. При подлежащем, включающем слова много, мало, немного, немало, сколько, столько, сказуемое предпочтительно ставится в форме единственного числа: *Мало книг поступило в библиотеку.*

4. При числительных два, три, четыре сказуемое обычно ставится в форме единственного числа: *За их спиной щёлкнули три выстрела.*

5. Если подлежащее выражено сложным существительным с первой частью пол-, то сказуемое при нём ставится в единственном числе: *Ему досталось полдома в наследство.* Но, если при таком подлежащем есть определение в форме множественного числа, то сказуемое тоже ставится во множественном числе: *Последние полчаса показались участникам заседания бесконечными.*

6. При сочетании в подлежащем существительных в формах именительного и творительного падежей сказуемое ставится в форме множественного числа: *Муратов с Соломатиным подошли к дому и взломали дверь…* В данном случае оба предмета или лица выступают как равноправные производители действия. Сказуемое в форме единственного числа указывает, что второй предмет или лицо только сопутствует основному производителю действия и является дополнением: *Отец с сыном уехал из станицы.*

7. Вызывает трудности выбор формы числа сказуемого при однородных подлежащих. Как правило, сказуемое ставится в форме множественного числа: *Преступность и наказуемость деяния определяются законом*. (Уголовный кодекс РФ).

8. В форме множественного числа сказуемое употребляется в случае, когда стоит после однородных подлежащих: *Условно-досрочное освобождение от наказания и замена неотбытой части наказания более мягким наказанием применяются судом.*

9. При наличии имени собственного лица, при котором название профессии выступает в роли приложения, сказуемое согласуется с собственным именем, а не с приложением: *Дознание провела следователь Фёдорова.*

Обратим внимание на согласование определения с определяемым словом, согласуется так же, как сказуемое: *участвовавшая в экспертизе врач Миронова.*

Если определение относится к словам общего рода, то согласуется по смыслу, т.е. принимает род в зависимости от пола названного лица: *Бедный сирота Миша. Светлова круглая сирота.*

Трудности согласования возникают, если определения, в состав которых входят числительные, обозначают лиц мужского пола, употребляются в форме родительного падежа множественного числа: Два допрошенных свидетеля, а при словах, обозначающих лиц женского пола, – в именительном падеже множественного числа: *Две допрошенные свидетельницы рассказали...*

Для построения предложения, его смысловой нагрузки необходим правильный выбор падежа и предлога. Часто допускаемая ошибка в документах – употребление предложного сочетания вместо беспредложной конструкции: *оперировать с точными фактами (правильно – оперировать точными фактами), разъяснение о допущенных ошибках (правильно – разъяснение допущенных ошибок).*

Особенности согласования подлежащего и сказуемого

Правило	Пример
Ряд, большинство, меньшинство + собир. сущ. одуш. – сказуемое во мн. ч., неодуш. – в ед. ч.	Большинство участников процесса сдали документы. Ряд строений стоял в конце улицы.
То же для счетных слов	Десять росгвардейцев бросились в атаку. Засеяно 30 гектаров пашни
Колич числ. на один – сказуемое в ед. ч.	Университет окончил сорок один студент
Колич. числ. на 2, 3, 4 – сказуемое во мн. ч.	Три книги лежат на столе
Тысяча, миллион, миллиард – сказуемое в ед. ч. (согл. в роде)	Получена тысяча книг
Все, эти + счетный оборот – сказуемое во мн. ч.	Все три подозреваемых сидели молча
Число + дней, месяцев, лет – сказуемое в ед. ч.	Прошло пять дней
Пол- +сущ. – сказуемое в ср. р.	Полдела еще осталось
НО! Если + соглас. опред. – сказуемое во мн. ч.	Полгода, проведенные в деревне, восстановили его здоровье
Пара, тройка, уйма, сотня, масса, много + сущ. – сказуемое в ед.ч.	Пара лошадей мчалась по дороге
Профессия, должность, звание – сказуемое в муж.р.	Адвокат сделал доклад. НО! Адвокат Иванова сделала доклад
Названия произведений – сказуемое по опорному слову	«Герой нашего времени» написан Лермонтовым
НО! Иногда следует добавить слово «роман», «поэма»	Поэма «Руслан и Людмила» написана Пушкиным
При сложных словах сказуемые в роде наиболее широкого по значению слова	Плащ-палатка лежала на столе. Книга-справочник полезна. Кресло-кровать стояло у окна
Род аббревиатур: если склоняется – по облику, не склоняется – по опорному слову	Вуз объявил набор. РГУП объявил конкурс. Гороно разослал инструкцию
«Брат с сестрой» – сказуемое во мн. ч., только если они равноправные производители действия	Брат с сестрой пришли в клуб. Мама с маленькой дочкой пришла тоже
Два подлежащих разного рода – сказуемое во мн. ч.	Промышленность и сельское хозяйство развиваются
НО! Если сказуемое впереди, то согласуется с ближайшим существительным	Развивалась промышленность и сельское хозяйство

Юристу следует быть особо внимательным при выборе форм управления. В речи судебных ораторов можно услышать: *уточнили о том, согласно объяснений, видно о том, контролировать о его поведении.* В этих примерах нарушены нормы управления.

Управление – вид подчинительной связи, которая выражается присоединением к стержневому слову существительного в косвенном падеже с предлогом или без него [7, с. 274]: *предусмотренное (чем?) статьёй; совершить (что?) ограбление; втихомолку (от кого?) от родителей*. В качестве зависимых слов кроме существительных могут выступать субстантивированные слова и местоимения. Стержневое слово может быть выражено любой частью речи. При управлении, как и при любой синтаксической связи, между двумя словами устанавливаются смысловые отношения, однако обратим внимание на особенность управления – за каждым смысловым отношением при данном главном слове закрепляется строго определённая форма зависимого слова. Выбор падежа управляемого существительного бывает затруднён в тех случаях, когда возможны варианты. Как правило, основным является один из них. В таких случаях юристу необходимо обращаться к словарю-справочнику Д.Э. Розенталя «Управление в русском языке».

Управление может быть беспредложным и может осуществляться конструкциями с предлогом: *уклонение от призыва по мобилизации, привлечение к ответственности*. Возможны варианты предложного и беспредложного управления, но различия между ними носят стилистический характер: *признать особо опасным рецидивистом – признать за особо опасного рецидивиста*. К сожалению, в юридической речи всё чаще употребляются варианты, присущие разговорной речи: стоимостью в 2000 рублей (книжн.) – стоимостью 2000 рублей (разг.).

Особого внимания требует использование в языке права так называемых производных предлогов, которые характерны для письменной разновидности литературной речи: *благодаря, вследствие, в силу, в соответствии, в связи, по истечении, во исполнение и др*. Составитель юридического документа при выборе этих предлогов должен учитывать характерные для них оттенки значения. Например, для выражения причинно-следственных отношений употребляются синонимичные предлоги *в связи, по причине, вследствие, ввиду. Вследствие прошедших дождей, а не ввиду прошедших дождей, ввиду предстоящего отъезда, а не вследствие предстоящего отъезда.*

Предлоги *согласно, благодаря, вопреки* употребляются с существительными в дательном падеже: согласно статье, договору, расписанию.

Юридической письменной речи официальный характер придают такие предлоги, как *в целях, с целью*. Юрист должен знать, что предлог *с целью* употребляется с неопределённой формой глагола: *с целью скрыть, уклониться от*, предлог *в целях* используется в сочетании с отглагольными существительными: *в целях обеспечения, выяснения, захоронения*. Заметим, что в языке уголовного и уголовно-процессуального законов наблюдается отступление от нормы: *с целью провокации, наживы, подрыва, нападения…*

Особенностью функционирования производных предлогов является то, что, несмотря на их служебную роль, они не утратили лексического значения и сохраняют смысловую связь со словами, от которых образованы, и это ограничивает их употребление.

Например, предлог благодаря сохраняет связь с глаголом благодарить, поэтому употребляется в случаях с положительным результатом: *лишь благодаря мастерству водителя не произошло катастрофы.*

Очень активно используется предлог по в уголовном и уголовно-процессуальном законах: *деятельность по охране порядка, действия по раскрытию преступления.*

Отдельного разговора заслуживают две пары предлогов *в – на* и *из – с.* Предлог *в* с винительным падежом имеет значение «направление внутрь чего-либо»: *в протокол внесены новые данные*; с предложным – «нахождение внутри чего-либо»: *в местах лишения свободы.* Предлог на с винительным падежом обозначает «направление на поверхность»: *прибыв на место происшествия*; с предложным – «нахождение на поверхности»: *отметка на постановлении.*

Предлоги *в – на* образуют антонимичные пары с предлогами *из – с: в – из*, *на – с* (*вернулся из мест лишения свободы, с гауптвахты*). Законодатель руководствовался этим правилом при написании данных словосочетаний: *освободившийся из мест лишения свободы, побег из мест заключения.* На выбор предлога может указывать приставка в управляющем слове: *надругательство над памятником, вовлечены в преступную деятельность, отказ от поручительства…*

В тексте закона нормы управления не соблюдаются в результате нарушения сочетаемости слов: *назначить дело к слушанию, отложить дело слушанием, дело производством прекратить.* Здесь налицо речевые штампы, которые появляются из-за невнимательного отношения к слову. В данных примерах перепутаны управляющие и управляемые слова: назначается не дело, а его слушание; откладывается не дело, а его слушание, прекращается не дело, а его производство. Правильными будут варианты: *назначить слушание дела, отложить слушание дела, производство дела прекратить.*

В нашей статье мы хотим обратить внимание на то, что язык юриспруденции представляет собой своеобразное явление, поэтому студентам юридических вузов и юристам – практическим работникам – необходимо изучать особенности языка права, процессуальных документов, нормы судебной речи, заниматься самообразованием, повышать речевую культуру, использовать возможности стилистического выбора при создании юридических текстов.

Литература:

1. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. 640 с.

2. *Косоногова О.В.* Специальный юридический язык как инструмент взаимодействия языка и права / О.В. Косоногова, М.В. Малащенко // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2014. № 7(9). URL : http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1456 (дата обращения 25.05.2020).

3. *Матенов Р.Б.* Синтаксическая организация юридического текста. Текст: непосредственный // Образование и воспитание. 2015. № 5(5). С. 3–4. URL : https://moluch.ru/th/4/archive/18/475/ (дата обращения 24.05.2020).

4. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский; Предисл. проф. А.Б. Шапиро). Изд. 7-е. М., 1956. 511 с.

5. *Ивакина Н.Н.* Профессиональная речь юриста : учеб. пособие М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. 448 с.

6. *Шведова Н.Ю.* Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. II: Синтаксис. 714 с.

7. *Бабайцева В.В.* Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / В.В. Бабайцева, Н.А. Николина, Л.Д. Чеснокова и [др.]; Под ред. Е.И. Дибровой. М. : Издательский центр «Академия», 2002. 704 с.

Literature:

1. *Vinogradov V.V.* Russian language (grammatical teaching about the word). M., 1972. 640 p.

2. *Kosonomyova O.V.* Special Legal Language as a tool of interaction between language and law / O.V. Kosonomyova, M.V. Malashchenko // Universum: Philology and Art Studies : Electron. Scientific. It's jurn. 2014. № 7(9). URL : http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1456 (address date May 25, 2020).

3. *Matenov R.B.* Syntax Legal Text Organization. Text: direct // Education and education. 2015. № 5(5). P. 3–4. URL : https://moluch.ru/th/4/archive/18/475/ (address date May 24, 2020).

4. *Peshkovsky A.M.* Russian syntax in scientific light / A.M. Peshkovsky; Pre-Professional Prof. A.B. Shapiro; Ed. 7th. M., 1956. 511 p.

5. *Ivakina N.N.* Professional speech of a lawyer: study. Allowance. M. : Norma : INFRA-M, 2017. 448 p.

6. *Shvedova N.Y.* Russian Grammar / Editor-in-chief N.Y. Shvedova. M. : Science, 1980. Vol. II: Syntax. 714 p.

7. *Babayeva V.V.* Modern Russian: Theory. Analysis of language units: Weeche. For the student. It's a long time. I'm studying. Institutions : in 2 parts. Part 2: Morphology. Syntax / V.V. Babayeva, N.A. Nikolina, L.D. Chesnokova et [al.]; Edited by E.I. Dibrova. M. : Academy Publishing Center, 2002. 704 p.

УДК 340
DOI 10.23672/u5864-4601-2148-v

Гербеков Ислам Исхакович
судья,
Верховный суд
Карачаево-Черкесской Республики
mila77list@yahoo.com

Профилактика коррупции на государственной службе

Аннотация. В статье отмечается, что действующим законодательством предусмотрено применение различных средств профилактики коррупционных правонарушений на государственной службе. Однако отдельные направления профилактики коррупции на государственной службе все же остаются «неотработанными». Автор обращает внимание на правовую неурегулированость вопроса предоставления мер защиты государственным служащим, раскрывшим информацию о коррупционном правонарушении; сложности в применении утраты доверия как основания расторжения служебного контракта. Установлено, что ротация государственных служащих можно рассматривать в качестве эффективной меры профилактики коррупции и всестороннего развития государственного служащего. Однако этот инструмент государственной политики все же требует своего совершенствования.

Ключевые слова: коррупция, профилактика, государственная служба, защита государственных служащих, коррупционное правонарушение, увольнение, утрата доверия, ротация кадров.

Islam I. Gerbekov
Judge,
Supreme Court
Karachay-Cherkess Republic
mila77list@yahoo.com

Prophylaxis of corruption in the public service

Annotation. The article notes that the current legislation provides for the use of various means of prophylaxis corruption offenses in the public service. However, certain areas of corruption prophylaxis in the public service still remain "unworked." The author draws attention to the legal unresolved issue of providing protection measures to public servants who disclosed information about a corruption offense; difficulties in applying the loss of trust as the basis for termination of the employment contract. It has been established that the rotation of public servants can be considered as an effective measure for the prophylaxis of corruption and the comprehensive development of public servants. However, this instrument of public policy still requires improvement.

Keywords: corruption, prophylaxis, public service, protection of public servants, corruption offense, dismissal, loss of trust, staff rotation.

Коррупция на государственной службе остается актуальной проблемой государства и общества ни один десяток лет. Для профилактики, предупреждения, пресечения и борьбы с этим социальным явлением был законодательно разработан комплекс мер, направленных на снижение уровня коррупции и обеспечение эффективного осуществления государственными служащими своих должностных обязанностей. Несмотря на предпринимаемые меры, коррумпированность российских чиновников не снижается.

Статьей 6 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1] закреплены основные направления деятельности по профилактике коррупционных правонарушений. Таковыми являются формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов, развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции и др. Помимо этих мер законодатель предусматривает применение иных средств воздействия по своему содержанию являющиеся профилактическими. В частности, к средствам профилактики коррупционных правонарушений на государственной службе относятся:

– технология урегулирования конфликта интересов;

– запрет открывать и иметь отдельным должностным лицам счета в банках, находящихся за рубежом, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами;

– обязанность служащих уведомлять об обращении в целях склонения их к совершению коррупционного правонарушения;

– обязанность декларировать сведения о доходах и расходах и многие другие.

Однако отдельные направления профилактики коррупции на государственной службе все же остаются «неотработанными». Прежде всего, речь идет о правовом не урегулировании вопроса предоставления мер защиты государственным

служащим, раскрывшим информацию о коррупционном правонарушении. Россия, присоединившись к Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, взяла на себя обязательство законодательно закрепить гарантии защиты лиц, сообщивших о коррупционных правонарушениях. Поэтому еще в октябре 2017 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ был внесен соответствующий Законопроект № 286313-7 [2], которым предусматривалось предоставление таких мер защиты лицам, сообщившим о коррупционных правонарушениях, как:

– применение мер дисциплинарной ответственности только по итогам рассмотрения на заседании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов;

– оказание бесплатной юридической помощи в подготовке сообщений о фактах коррупции;

– предоставление защиты в течение 2 лет от неправомерного увольнения и ущемления прав и законных интересов субъекта, сообщившего о коррупционном противоправном деянии;

– обеспечение конфиденциальности сведений, содержащихся в уведомлении лица, уведомившем о неправомерном поведении коррупционного характера.

Предлагаемые меры защиты должны были показать свою действенность и эффективность. Однако в июне 2019 года данный законопроект был отклонен в связи с внесением 5 декабря 2018 года в Государственную Думу пакета законопроектов, направленных на комплексное совершенствование антикоррупционного законодательства, которыми регламентируются вопросы защиты лиц, уведомивших о коррупционных правонарушениях.

Между тем, внимательный анализ содержания законопроекта № 601000-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования государственной политики в области противодействия коррупции» [3] показал, что документом не предусмотрены вышеуказанные меры защиты лиц, сообщивших о коррупционных правонарушениях. В этой связи, по-прежнему остается актуальной проблема нормативного урегулирования положений, направленных на защиту лиц, уведомивших о коррупционных правонарушениях.

Кроме того, на практике механизм реализации отдельных профилактических мер, применяемых к системе государственной службы, работает не полностью. Так, Закон «О противодействии коррупции» называет профилактической мерой установление в качестве основания для увольнения для лиц, замещающих государственную должность, должность государственной службы, включенной в перечень, с замещаемой должности в случае совершения коррупционного правонарушения, утрату доверия. Законодатель не раскрывает содержание последнего понятия.

Вместе с тем, в юридической литературе под таковым понимается утрата со стороны представителя нанимателя уверенности в дальнейшем правомерном поведении государственного служащего, если в рамках служебного контракта последнего предусмотрено выполнение полномочий, требующих доверительных отношений с руководителем государственного органа [4]. Из приведенного определения вытекает оценочный характер данного понятия, а, следовательно, последствия применения этого основания для расторжения служебного контракта зависят от усмотрения конкретного представителя нанимателя органа государственной власти. Подобное положение дел свидетельствует о том, что государственный служащий будет находиться не на службе у государства и общества, а на службе у конкретного руководителя государственного органа, что только усугубит коррупционную среду, где представитель нанимателя может покрыть определенных подчиненных должностных лиц, находящихся в «доверительных» отношениях с ним.

Важно отметить, что применение утраты доверия как основания расторжения служебного контракта возможно при совершении коррупционных правонарушений, перечень которых содержится в статье 59.2 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Закон о государственной гражданской службе) [5]. В то же время анализ положений ст. 59.1 названного нормативного правового акта позволяет сделать вывод об определенной схожести коррупционных правонарушений, перечисленных в ст. 59.2 этого закона. В частности, согласно ст. 59.1 Закона о государственной гражданской службе, за несоблюдение правил урегулирования конфликта интересов государственным служащим, последнему могут быть объявлены замечание, выговор или предупреждение о неполном служебном соответствии. А ст. 59.2 этого же закона предусматривает для государственного служащего увольнение в случае непринятия мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов.

Вместе с тем, разграничить эти два коррупционных правонарушения можно в зависимости от того, является ли государственный служащий стороной конфликта интересов или нет. Между тем, «нерадивый» подчиненный может избежать применения дисциплинарного взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия, если представитель нанимателя учтет ряд условий, к числу которых относятся характер, степень тяжести и обстоятельства совершения коррупционного противоправного деяния; соблюдение государственным служащим антикорруцпионного стандарта служебного поведения и т.д. Конечно, это не говорит о возможности руководителя органа государственной власти покрывать безнаказанно своего сотрудника, поскольку это повлечет для представителя нанимателя ответственность в виде увольнения. Однако не ясно до сих пор, кто и каким образом будет доказывать обстоятельства осведомленности руководителя органа государственной власти о конфликте интересов, возникшего у его подчиненного?

Важной мерой профилактики коррупционных правонарушений на государственной службе является ротация государственных служащих. Данная мера профилактики коррупционных правонарушений известна со времен Советского Союза и предусмотрена нормативными правовыми актами ряда зарубежных стран.

Система ротации трактуется как гарантия всестороннего развития государственного служащего и повышения квалификации. Это создает основу для должностного роста и успешной карьеры управленческих кадров. Однако в российском Законе о государственной гражданской службе данная мера рассматривается как способ профилактики, предупреждения, пресечения и борьбы с коррупцией, предполагающий механическое перемещение государственного служащего из одного органа государственной власти в другой или в пределах одной и той же государственной структуры. Однако такое понимание ротации кадров может привести к неправильному использованию данной меры и как следствие наступлению негативных результатов, выражающихся в текучести кадров, снижению авторитета руководителя органа государственной власти.

Правильно проведенная ротация государственных служащих способна повысить эффективность государственной службы за счет создания условий для служебного роста, развития карьеры, поддержания возрастного баланса в системе органов исполнительной власти, предотвращения конфликтов в коллективе, предупреждения принятия ошибочных решений, связанных с продвижением по служебной лестнице определенных государственных служащих. Ротация государственных служащих позволяет «держать» коллектив в тонусе и освободиться от тех кадров, которые являются не столько профессионалами, сколько подходили руководителю органа государственной власти по каким-либо личным мотивам.

Вместе с тем, ротация государственных служащих имеет ряд «подводных» камней. Данная мера профилактики коррупции сопровождается повышением расходов из государственного бюджета на обеспечение семей государственного служащего жилым помещением, местами в образовательных учреждениях, возмещением расходов, связанных с переездом.

Смена региона может привести к падению производительности государственного служащего. Это может быть связано с особенностями государственной службы в определенной местности. Многие чиновники, длительное время проработавшие в определенном месте, в совершенстве знают те аспекты работы, с которыми сталкивались они изо дня в день. Однако на новом месте им может потребоваться время для адаптации к новой должности и коллективу, поэтому за рубежом функционируют кадровые службы (агентства), которые с учетом знаний, умений, достижений и способностей (в т.ч., психоэмоциальных) государственного служащего, определяют места потенциальной ротации. Но в России таких служб нет и, в перспективе, не представляется возможным их формирование.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что ротацию государственных служащих можно рассматривать в качестве эффективной меры профилактики коррупции и всестороннего развития государственного служащего. Однако этот инструмент государственной политики все же требует своего совершенствования. Во-первых, представляется целесообразным в Законе о государственной гражданской службе закрепить нормативное определение ротации государственных служащих, ее цели, виды и условия. Во-вторых, ротация государственных служащих осуществляется каждые 3-5 лет. В то же время, законодательством не установлена зависимость между сроком нахождения в должности и ее уровнем, что делает необходимым внесение соответствующих дополнений в действующее законодательство.

Литература:

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (Ч. I). Ст. 6228.

2. Законопроект № 286313-7 «О внесении изменения в Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии коррупции» в части защиты лиц, уведомивших о коррупционных правонарушениях». Система обеспечения законодательной деятельности. URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/286313-7 (дата обращения 06.05.2020).

3. Законопроект № 601000-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования государственной политики в области противодействия коррупции». Система обеспечения законодательной деятельности. URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/601000-7#bh_histras (дата обращения 05.05.2020).

Literature:

1. Federal Law of December 25, 2008 № 273-ФЗ «On Combating Corruption» (as amended on April 24, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. № 52 (Part I). Art. 6228.

2. Draft law № 286313-7 «On Amending the Federal Law» On Amending the Federal Law «On Combating Corruption» with regard to the protection of persons who have reported corruption offenses». System for ensuring legislative activity. URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/286313-7 (accessed 05.06.2020).

3. Draft law № 601000-7 «On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to Improve State Policy in the Field of Combating Corruption». System of legislative activity support. URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/601000-7#bh_histras (accessed 05.05.2020)

4. *Избиенова Т.* Утрата доверия как основание увольнения с государственной гражданской службы // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2013. № 3. URL : http://hr-portal.ru/article/utrata-doveriya-kak-osnovanie-uvolneniya-s-gosudarstvennoy-grazhdanskoy-sluzhby (дата обращения 29.04.2020).

5. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

4. *Izbienova T.* Loss of trust as the basis for dismissal from the state civil service // Personnel. Labor law for the personnel officer. 2013. № 3. URL : http://hr-portal.ru/article/utrata-doveriya-kak-osnovanie-uvolneniya-s-gosudarstvennoy-grazhdanskoy-sluzhby (accessed 04.29.2020).

5. Federal law of July 27, 2004 № 79-ФЗ «On the state civil service of the Russian Federation» (as amended on December 16, 2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2004. № 31. Art. 3215.

УДК 347.965.73
DOI 10.23672/x0285-8421-6808-x

Голуб Елена Ивановна
студентка 1 курса магистратуры,
Юридический институт
Томского государственного университета
GolubElena97@mail.ru

Обусловленное вознаграждение в соглашении об оказании юридической помощи

Аннотация. 1 марта 2020 года статья 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» была дополнена п. 4.1, который допускает включение в договор оказания юридической помощи условия, обуславливающего выплату адвокату вознаграждения результатом оказания юридической помощи. В данной публикации автором рассмотрены подходы, сложившиеся в судебной практике до внесения данных изменений, приведены ключевые положения Постановления Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П, проанализированы правила, установленные Советом Федеральной палаты адвокатов.

Ключевые слова: гонорар успеха, обусловленное вознаграждение, юридическая помощь, вознаграждение адвоката.

Elena I. Golub
Student of the 1st year
of master's studies,
Law Institute
Tomsk State University
GolubElena97@mail.ru

Success fee in the agreement on legal assistance

Annotation. On March 1, 2020, article 25 of the Federal Law «On advocacy and advocacy in the Russian Federation» was supplemented by paragraph 4.1. This clause allowed the inclusion in the contract of a condition for the payment of remuneration to a lawyer, depending on the result of the provision of legal assistance. The article examines the judicial practice on this issue, presents the main provisions of the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 23, 2007, and analyzes the rules established by the Council of the Federal Chamber of Lawyers.

Keywords: success fee, conditional fee, legal assistance, lawyer's fee.

1 марта 2020 года статья 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» была дополнена п. 4.1, в соответствии с которым размер выплаты адвокату вознаграждения может быть обусловлен результатом оказания юридической помощи. Во исполнение положений данного пункта Совет Федеральной палаты адвокатов 2 апреля 2020 года утвердил «Правила включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи».

Вопрос о законодательном закреплении «гонорара успеха» уже обсуждался ранее. В феврале 2007 года член Совета Федерации Ю.А. Шарандин внес в Государственную Думу законопроект [1], в котором предложил в соответствии с правилами, принимаемыми Всероссийским съездом адвокатов, допустить возможность определения размера вознаграждения адвоката пропорционально размеру полученной доверителем материальной выгоды вследствие восстановления его законных прав.

Правительство РФ данный проект не поддержало, указав на отсутствие правил, определяющих условия применения предлагаемого порядка исчисления размера вознаграждения, а так же отсутствие компетенции Всероссийского съезда адвокатов на регулирование указанных в законопроекте вопросов. В дальнейшем законопроект не прошел первое чтение, а вопрос о возможности взыскания обусловленного вознаграждения остался неурегулированным и породил следующие подходы в судебной практике:

1) условие о гонораре успеха недействительно, и, как следствие, гонорар не подлежит выплате (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 3 декабря 2019 г. № Ф06-54400/2019 по делу № А12-727/2019; Постановление ФАС Поволжского округа от 21 января 2010 г. по делу № А12-4960/2009);

2) обусловленное вознаграждение может быть включено в договор, но не подлежит принудительному взысканию с заказчика (Постановление КС РФ от 23 января 2007 г. № 1-П [2]; Определение ВС РФ от 30 сентября 2019 г. по делу № 78-КГ19-32);

3) «гонорар успеха» подлежит выплате заказчиком исполнителю, но не может быть взыскан с проигравшей стороны (Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.02.2015 № 309-ЭС14-3167 по делу № А60-11353/2013);

4) условие об обусловленном вознаграждении правомерно, подлежит выплате исполнителю и

может быть взыскано с процессуального оппонента (Пункт 6 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 05.12.2007 № 121; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.02.2017 № Ф05-17388/15).

Г.А. Гаджиев отметил, что проблема включения в соглашение условия о «гонораре успеха» не имеет идеального разрешения. В качестве социальных издержек отрицательного подхода судья указал на следующие аспекты: исчезает один из критериев, позволяющих оценить качество оказанной услуги; исполнитель лишается возможности получить дополнительное вознаграждение; возникает стимул увести «в тень» договоренности [3].

Следует отметить, что внесенные в 2020 году в статью 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» поправки, допускающие условия о «гонораре успеха», не противоречат Постановлению КС РФ от 23.01.2007 № 1-П. Судья Н.С. Бондарь в своем мнении к данному постановлению [4] разъяснил, что правовая позиция Конституционного Суда не может быть истолкована как абсолютный запрет «гонорара успеха», законодатель вправе предусмотреть возможность использования института условного вознаграждения, принимая во внимание конкретные условия развития правовой и судебной системы, а так же конституционные принципы правосудия.

В Пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [5] основной целью законодательного закрепления гонорара успеха было названо повышение доступности помощи адвокатов для населения.

Рассмотрим подробнее п. 4.1 статьи 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Законодатель прямо установил, что условие о «гонораре успеха» не может включаться в соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении. Представляется, что есть иные категории дел, по которым включение обусловленного вознаграждения в договор может быть поставлено под сомнение. Например, ряд дел, рассматриваемых судом в порядке особого производства (об усыновлении ребенка, о признании гражданина безвестно отсутствующим, об установлении фактов, имеющих юридическое значение), дела, вытекающие из семейных правоотношений. Так, в частности, п. 3 ст. 16 «Кодекса профессиональной этики адвоката» допускает включение в соглашение условия о «гонораре успеха», но ограничивает его установление спорами имущественного характера. Ограничение на установление гонорара успеха по некоторым семейным спорам (расторжение брака, взыскание алиментов, раздел общего имущества супругов) принято в некоторых штатах США (Rule 1.5(d) of the Model Rules of Professional Conduct of the American Bar Association).

Пункт 5 Правил, утвержденных Советом ФПА РФ, закрепляет, что «соглашение должно ясно и недвусмысленно определять результат оказания адвокатом юридической помощи». Положительный для клиента результат оказания юридической помощи может выражаться в различных последствиях: принятие судебного решения полностью либо частично в пользу клиента, утверждение мирового соглашения на выгодных условиях, урегулирование спора в ходе примирительных процедур, прекращение производства по делу, отказ от исковых требований, отмена или изменение решения суда первой инстанции в апелляционном порядке и др. Стороны в соглашении могут закрепить различный процент обусловленного вознаграждения в зависимости от результата либо стадии рассмотрения спора.

Актуальным в данном контексте является вопрос о возврате адвокатом полученного вознаграждения в случае отмены судебного акта. Совет Федеральной палаты адвокатов оставил данный вопрос на усмотрение сторон, не предусмотрев какого-либо общего правила на случай, если стороны не урегулируют данный аспект соглашением. Учитывая, что возможность включения в соглашение об оказании юридической помощи обусловленного вознаграждения получила законодательное закрепление, вопрос о возврате гонорара успеха в случае отмены либо изменения судебного акта, будет возникать все чаще. Законодательное регулирование позволило бы устранить правовую неопределенность в отношениях сторон, сбалансировать интересы заказчика и исполнителя. Немногочисленная судебная практика свидетельствует о том, что при повороте исполнения судебного акта, на стороне исполнителя образуется неосновательное обогащение (Определение ВС РФ от 15 марта 2017 г. по делу № 305-ЭС16-20063) [6].

Справедливым в таком случае представляется сохранение за адвокатом лишь заранее определенной доли полученного вознаграждения либо фактической стоимости оказанных юридических услуг. Следует отметить, что стороны не лишены возможности привязать срок, по истечении которого на заказчике лежит обязанность по оплате гонорара успеха, к истечению процессуальных сроков на обжалование судебного акта [6].

Кроме того, представляется нецелесообразным ограничивать право лиц, не обладающих статусом адвоката, включать в договор условие о «гонораре успеха». Во-первых, законодательное допущение подобного обусловленного вознаграждения свидетельствует о его правомерности, в связи с чем, признавать данное условие законным только лишь для адвокатов и ограничивать данное право для иных лиц нет оснований. Во-вторых, возможность включения подобного условия в договор предусмотрена не только специальным ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», но и допускается положениями статьи 327.1 ГК РФ. Глава 22 ГК РФ «Исполнение обязательств», так же как и глава 39 «Возмездное оказание услуг» распространяется на любые договоры оказания юридических услуг, независимо от их субъектного состава. Таким образом, нет оснований для предоставления данного права исключительно адвокатам.

Обратимся к пункту 8 Правил, утвержденных Советом ФПА РФ, который прямо указывает, что не допускается включение в соглашение положения о выплате обусловленного вознаграждения авансом. Данное положение отвечает основной цели рассматриваемого института – обеспечение доступа к юридической помощи лицам, которые на момент обращения к адвокату не могут оплатить его услуги. Вместе с тем принятие решения в пользу доверителя, далеко не всегда означает, что исполнительное производство завершится фактическим исполнением требований, в связи с чем, адвокат может лишиться реальной возможности получить вознаграждение за выполненную работу.

В таком случае представляется целесообразным в соглашении об оказании юридической помощи отделять фактически понесенные расходы адвоката, произведенные в ходе оказания юридической помощи от «гонорара успеха». Подобные расходы должны возмещаться заказчиком, независимо от формы выплаты гонорара, в том числе авансом.

Законодатель, безусловно, сделал значительный шаг в пользу правовой определенности отношений сторон, включающих в соглашение условие о выплате обусловленного вознаграждения. Вместе с тем решены не все проблемы, касающиеся данного института.

Литература:

1. Законопроект № 392336-4 «О внесении изменения в статью 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. 2020.

2. Постановление КС РФ от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева» // СПС КонсультантПлюс. 2020.

3. Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 ГК РФ // СПС КонсультантПлюс. 2020.

4. Мнение судьи Конституционного Суда РФ Н.С. Бондаря по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 ГК РФ // СПС КонсультантПлюс. 2020.

5. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 469485-7 О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (не действует) // СПС КонсультантПлюс. 2020.

6. *Постильга А.* Гонорар успеха при повороте исполнения судебного акта. Анализ судебной практики и правовой природы явления. URL : zakon.ru : справ.-информ. портал. Электрон. дан. М., 2020. URL : https://zakon.ru/blog/2020/02/28/gonorar_uspeha_pri_povorote_ispolneniya_sudebnogo_aktaanaliz_sudebnoj_praktiki_i_pravovoj_prirody_ya (дата обращения 15.06.2020).

Literature:

1. Bill № 392336-4 «On Amending Article 25 of the Federal Law «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation» // Consultant Plus. 2020.

2. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 23, 2007 № 1-P «On the case of the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 779 and paragraph 1 of Article 781 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints of LLC Corporate Security Agency and citizen V. AT. Makeeva» // ConsultantPlus. 2020.

3. Opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation G.A. Gadzhieva in the case of the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 779 and paragraph 1 of Article 781 of the Civil Code // Consultant Plus 2020.

4. Opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation N.S. Cooper in the case of the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 779 and paragraph 1 of Article 781 of the Civil Code // Consultant Plus 2020.

5. Explanatory note to the draft federal law № 469485-7 On amendments to the Federal law «On advocacy and advocacy in the Russian Federation» (not valid) // Consultant Plus. 2020.

6. *Postilga A.* Fee for success in turning enforcement of a judicial act. Analysis of judicial practice and the legal nature of the phenomenon. URL : zakon.ru: sprav.-inform. portal. The electron. Dan. M., 2020. URL : https://zakon.ru/blog/2020/02/28/ gonorar_uspeha_pri_povorote_ispolneniya_sudebnogo_aktaanaliz_sudebnoj_praktiki_i_pravovoj_prirody_ya (date of application 15.06.2020).

УДК 343
DOI 10.23672/m5706-1041-9651-s

Гончаров Дмитрий Константинович
адъюнкт кафедры криминалистики,
Краснодарский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
Dmitrij.goncharov.2016@mail.ru

Криминалистическая характеристика личности азартного игрока

Аннотация. В современном мире азартные игры имеют множество видов, самыми распространенными из которых являются компьютерные игры. Доступ к различным Интернет-приложениям дает возможность недобросовестным организаторам зарабатывать огромные суммы денежных средств с минимальными затратами за относительно непродолжительное время. В статье рассмотрены характеризующие признаки личности азартного игрока, виды игроков, причины возникновения игорной зависимости. Проанализированы виды последствий девиантного поведения азартных игроков. Рассмотрены некоторые вопросы предупреждения игромании в Российской Федерации.

Ключевые слова: азартная игорная деятельность, игрок, игромания, криминалистическая характеристика, личность, борьба.

Dmitry K. Goncharov
Adjunct of the Department
of Forensic Science,
Krasnodar University
Ministry of the Interior
of the Russian Federation
Dmitrij.goncharov.2016@mail.ru

Forensic characteristics of a gambler's personality

Annotation. In today's world, gambling has many kinds, the most common of which are computer games. Access to various Internet applications allows unscrupulous organizers to earn huge sums of money with minimal costs in a relatively short time.The article describes the characterizing characteristics of the personality of a gambler, types of players, the causes of gambling addiction. The types of consequences of the deviant behavior of gambling players are analyzed. Some issues of the prevention of gambling in the Russian Federation are considered.

Keywords: gambling activity, gambler, gambling, forensic characteristics, personality, combating.

Азартная игорная деятельность служит способом заработка для одних лиц – организаторов и увлечением для других лиц – игроков. В современном мире азартные игры имеют множество видов, самыми распространенными из которых являются компьютерные игры. Доступ к различным Интернет-приложениям дает возможность недобросовестным организаторам зарабатывать огромные суммы денежных средств с минимальными затратами за относительно непродолжительное время. Незаконная азартная игорная деятельность набирает обороты наряду с такими видами преступлений, как торговля оружием и сбыт наркотиков, поэтому данная деятельность оказывает негативное влияние на экономические отношения и порождает ряд других преступлений, начиная от банальных краж, заканчивая должностными преступлениями.

В соответствии с п. 1 ст. 4 Федерального закона от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», «азартной игрой признается основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры» [1, ст. 4].

Организаторы незаконной азартной игорной деятельности пользуются слабостью игрозависимых лиц. У многих азартных игроков возникает психологическая зависимость, так называемая «игромания». Паталогическую тягу к азартной игре можно рассматривать как психическое расстройство. Паталогическое влечение к азартной игре относится к «поведенческой» зависимости. В современном обществе набирает обороты такой вид поведенческой зависимости к азартным играм, как «паталогический гемблинг» [2, с. 65]. Он оказывает негативное влияние на материальное благополучие человека. Азартные игры притягивают большое количество игроков, которые во время игорного процесса начинают терять ощущение времени. Постепенно такие лица теряют семьи, работу и друзей, что очень часто приводит к деградации личности и депрессии. Паталогический гемблинг в настоящее время считается одной из значимых социальных и самое страшное, медицинских, проблем российского общества [3, с. 53].

Данное заболевание возникает тогда, когда азартные игры становятся для игромана смыслом жизни. У такого человека начинаются семейные скандалы из-за его нездорового увлечения, приводящие, как правило, к распаду семьи и глубокой депрессии. Он пытается доказать себе и окружающим, что он может выиграть достаточную сумму денежных средств, чтобы вернуться к прежней жизни. Однако, чаще всего, растут только проигрыши. По статистике, 15 % браков на Западе распадаются по причине игромании. Доля разводов из-за азартных игр в России достигает 5 % от общего числа расторгнутых браков.

Любые азартные игры, такие как игровые автоматы, лотереи, рулетка, тотализатор, в которых можно очень быстро получить выигрыш с определенный вероятностью, становятся началом игровой зависимости для лиц, подвергнутых чувству азарта. Иногда для появления зависимости достаточно провести в игорном заведении не более часа. По статистическим данным одних источников игроманией страдают от 0,5 до 1,5 % населения всего мира, а других – от 1 до 3 %. При этом хотя бы один раз в год игорные заведения посещают около 60 % населения.

Так, Национальной ассоциацией США по проблемам азартных игр отмечается, что «любой житель планеты может стать игроголиком с вероятностью 48 %». При этом вероятность стать алкогольно-зависимым составляет 34 %, а преступником – 6 % [4, с. 36]. Это объясняется тем, что человек, получив определенную сумму «легких денег», захочет получить еще больше.

Причиной разрастания гемблинга служит широкое распространение игровых автоматов и отсутствие должного контроля за этим негативным явлением со стороны власти.

Азартные игры существуют во всем мире. Наибольшее распространение они получили в США. Не безызвестный Лас-Вегас является крупнейшим мировым центром игорного бизнеса. Игорный бизнес в США легализован в большинстве штатов и является одним из основных источников пополнения бюджета. Это, безусловно, является положительным результатом государственной политики, однако имеет и свои минусы. Так, в местах проведения азартных игр растет и уровень преступности.

В России игровые автоматы появились относительно недавно, но, несмотря на это, игровая зависимость поглощает население нашей страны с невероятной скоростью.

Игромания охватывает практически все возрастные группы населения, начиная от школьников и заканчивая пенсионерами. Растущая патологическая зависимость от азартных игр приводит большинство игроков к нищете, и, как следствие, подталкивает их на совершение ряда корыстных преступлений.

Государством приняты меры законодательного регулирования деятельности по организации и проведению азартных игр, выразившиеся в принятии 29 декабря 2006 года Федерального закона № 244-ФЗ. Согласно данному закону, в Российской Федерации азартная игорная деятельность является незаконной. Однако существуют исключения, внесенные данным законом, которые говорят о том, что с 01 июля 2009 года определены четыре зоны, в которых разрешено расположение игровых территорий. Данные объекты располагаются в Алтайском Крае, в Калининградской области, в Краснодарском и в Приморском краях.

В соответствии с диспозицией ст. 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, к уголовно наказуемым деяниям относятся «организация», а также «проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны». Кроме того, данная статья предусматривает уголовную ответственность за преступления, совершаемые на территории игорной зоны, а именно: за организацию и проведение игр «без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне» [5, ст. 171.2].

Законодательством Российской Федерации не предусмотрена ответственность за участие в азартной игре. Поэтому каждый может прийти в игорное заведение и играть в азартные игры без каких-либо юридических последствий. Возможность выиграть деньги без особых умственных и физических усилий привлекает большое количество людей посещать данные заведения.

Лица, которые стали игроманами и вложили большие суммы личных сбережений на посещение игорных заведений, желая отыграть потраченные денежные средства, продолжают играть с большим азартом, тем самым загоняют себя и свои семьи в долги. Такие лица зачастую обращаются к знакомым с просьбой дать взаймы, оформляют потребительские кредиты, сдают имущество в ломбарды, чтобы утолить психологическую жажду игры.

При этом они теряют чувство меры и отвлекаются от повседневных проблем. Азартная игра так увлекает игроманов, что они, находясь в игорном заведении, забывают обо всем, эмоциональная эйфория от ожидания выигрыша придает им силы и надежду на светлое будущее. У них появляется ощущение, что они все делают правильно и нужно только немного подождать, и обязательно выпадет «джек-пот».

Зачастую, игроманами становятся безработные лица либо лица тех профессий, в которых не требуется постоянное нахождение на рабочем месте. Игорные заведения, как правило, размещаются в людных местах, на автовокзалах, рынках, портах. Клиентами таких заведений являются таксисты, водители маршрутных такси, охранники, которые в свободное от работы время хотят увеличить свое благосостояние, но, как правило, проигрывают большую часть своего заработка [6, с. 112].

Существуют профессиональные игроки, которые, по их мнению, точно просчитывают свои шансы получить прибыль. Они играют в азартные игры не ради забавы, а ради выигрыша. Во многих случаях им удается выиграть, при этом главное вовремя остановиться, потому что основной целью игорных заведений, как известно, является получение прибыли. К игре они относятся как к науке просчетов, вероятности прогнозов. Но даже у самых лучших и везучих профессиональных игроков бывают проигрыши и неудачи.

Многие играют в азартные игры просто ради удовольствия и почему они это делают, сами не знают. Возможно, они просто хотят отвлечься от повседневных проблем, на время забыть о трудностях на работе и в семье. Игра становится частью их досуга и вряд ли приведет их к паталогической зависимости, потому что такие люди в силах контролировать себя и знают, когда нужно остановиться.

Есть также категория людей, которые не представляют без игры своей жизни. Это наиболее опасные игроки, которые вовлечены в игру на уровне подсознания. Они играют до последней копейки и это их не останавливает. Их зависимость к игре может привести к тяжким последствиям и психическим заболеваниям. Изначально такие игроки ведут себя так, как будто они контролируют себя и свои эмоции. Они идут в игорные заведения, чтобы разрядить эмоциональное напряжение, пообщаться с другими игроками. Пока они контролируют игру, получают определенное внутреннее удовольствие, эмоциональную свободу, то могут возвращаться домой с хорошим настроением, даже если не удается выиграть. Но как только они теряют волю, поглощенные игрой, перестают здраво оценивать происходящее, не могут адекватно отвечать за последствия, которые могут наступить в случае проигрыша, они становятся жертвами игромании. Уходя из игорного заведения без выигрыша, они говорят себе, что в следующий раз обязательно повезет, и раз за разом возвращаются к игре с одной мыслью отыграться. Игра входит в их ежедневную привычку и своеобразный ритуал их жизни. Такие люди начинают деградировать, становятся агрессивными, их зависимость от игры становится патологической.

Рядом со многими игорными заведениями располагаются ломбарды и микрофинансовые организации, выдающие потребительские кредиты по одному или двум документам. Проигравшиеся игроки, выходя из игрового зала, обращают внимание на указанные объекты, которые дают им возможность быстро получить деньги и мнимую надежду отыграться.

Известны случаи, когда игроманы продавали свое единственное жилье, закладывали автомобили, золотые украшения, чтобы вернуть долги, однако, вырученные денежные средства не возвращали организаторам игорных заведений, а пытались безуспешно отыграться. Зачастую, игроманы от безвыходности заканчивают жизнь самоубийством.

Кроме того, азартные игроки являются потенциальными преступниками. Проиграв все деньги и дойдя до крайности, игроманы начинают добывать денежные средства мошенническим путем, совершают кражи, грабежи, разбойные нападения. Они попадают в поле зрения правоохранительных органов, после чего безобидная, казалось бы, игра, приводит, в конечном счете, к лишению их свободы.

Таким образом, криминалистическая характеристика личности азартного игрока не ограничивается его отношением к игре и его ролью в игровом процессе. Азартных игроков следует ставить на отдельные учеты в системе МВД и обращать внимание на то, что они могут быть причастны к совершению экономических и общеуголовных корыстных преступлений на территории их проживания и пребывания.

Можно предположить, что одной из задач криминалистики является разработка и последующее совершенствование рекомендаций по вопросам изучения личности азартного игрока как одной из составляющей латентной преступности. Чтобы предотвратить негативные последствия игорной зависимости и минимизировать риски их проявления, необходимо, в первую очередь, проводить беседы с игроманами, членам их семей, а в случае отсутствия положительных результатов от таких бесед, – отправлять игрозависимых лиц к квалифицированным психологам, психиатрам и психотерапевтам.

Как показывает практика, выявление, расследование, направление в суд уголовных дел в сфере незаконной азартной игорной деятельности и привлечение к уголовной ответственности организаторов незаконных игорных заведений, безусловно, приносит положительные плоды в борьбе с данным негативным явлением. При этом, на месте старых открываются новые игорные заведения, которые посещают одни и те же лица. Поэтому одной из действенных мер будет проведение профилактической работы среди населения по поводу негативных последствий игромании [7, с. 24]. Например, в США существует целая государственная программа, направленная на освещение для молодежи негативных последствий гемблинга. Что касается нашей страны, то проблемам патологического гебмлинга внимание практически не уделяется, хотя количество игрозависимых граждан неуклонно растет. Поэтому, наряду с пропагандой здорового образа жизни, борьбы с алкогольной и наркотической зависимостью, в учебных заведениях среднего и высшего образования необходимо освещать проблему игровой зависимости. Нужно приводить примеры из жизни проигравшихся игроков, сведения о лицах, понесших административную и уголовную ответственность за организацию и проведение незаконных азартных игр.

Безусловно, полностью искоренить незаконные организацию и проведение азартных игр вряд ли

удастся, однако, использование в комплексе криминалистических методов борьбы и профилактики с данным видом преступлений и правонарушений, снизит их количество и поможет контролировать рост и распространение других видов преступлений в обществе.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (в редакции от 26.07.2019) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/babe5b69a3c031bfb8d485891bf8077d6809a94/ (дата обращения 26.11.2019).

2. *Егоров А.Ю.* Нехимические (поведенческие) аддикции (обзор) // Аддиктология. 2005. № 1. С. 65–77.

3. *Зайцев В.В.* Патологическая склонность к азартным играм – новая проблема российской психиатрии // Социальная и клиническая психиатрия, 2000. № 1. С. 52–56.

4. *Старшенбаум Г.В.* Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей // Журнал практической психологии и психоанализа, 2005. № 1. С. 36–38.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019 г.) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL : http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_10699/b20820739fab5a2c2645f2c2dba2d73e9025f6e4/ (дата обращения 28.11.2019).

6. *Лимарь А.С.* Криминологическая характеристика лиц, участвующих в незаконной организации и проведении азартных игр // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 110–112.

7. *Стебенева Е.В.* Анализ современного состояния противодействия незаконной игорной деятельности / Е.В. Стебенева, Ю.А. Грачев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. № 1(73).

Literature:

1. Federal Law of December 29, 2006 № 244-FZ (as amended on July 26, 2019) «On State Regulation of the Organization and Holding of Gambling and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Access from the consultant Plus legal system. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/baabe5b69a3c031bfb8d485891bf8077d6809a94/ (accessed 11.26.2019).

2. *Egorov A.Y.* Non-chemical (behavioral) addictions (review) // Addictology. 2005. № 1. P. 65–77.

3. *Zaitsev V.V.* Pathological addiction to gambling is a new problem in Russian psychiatry // Social and Clinical Psychiatry, 2000. № 1. P. 52–56.

4. *Starshenbaum G.V.* Addictology: Psychology and Psychotherapy of Dependencies // Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis, 2005. № 1. P. 36–38.

5. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ (as amended on November 4, 2019) // Access from the consultant Plus legal system. URL : http://www.consultant.ru/ document / cons_doc_LAW_10699/b20820739fab5a2c2645f2c2dba2d73e9025f6e4/ (accessed 11.28.2019).

6. *Limar A.S.* Criminological characteristics of persons participating in the illegal organization and conduct of gambling // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2. P. 110–112.

7. *Stebeneva E.V.* Analysis of the current state of combating illegal gambling / E.V. Stebeneva, Y.A. Grachev // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. № 1(73).

УДК 340
DOI 10.23672/a6379-8477-5190-e

Домарецкая Александра Станиславовна
руководитель,
Сочинский Судебно-Экспертный
Криминалистический Центр
sochi-expert@mail.ru

Актуальные направления реформирования механизма разграничения полномочий между федеральными и региональными органами власти в Российской Федерации

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены основные направления трансформации механизмов разграничения полномочий между федеральным центром и субъектами Российской Федерации, актуальные для обеспечения стабильного функционирования государственных институтов и динамичного развития социально-экономической системы современной России.
Необходимость использования системы федеративного устройства в случае России обусловлена, прежде всего, двумя основными факторами – обладание самой большой государственной территорией, а также историческое формирование российского государства путем объединения, присоединения и слияния территорий, не только имевших титульные этносы (например, Чукотка), но и вполне оформленную государственность (Казанское ханство) или ее зачатки (Дагестан).
Кроме того, «размерный фактор» является и причиной наличия в составе страны территорий с абсолютно разными географическими и климатическими условиями, разнящимися социально-культурными и историческими особенностями, что не позволяет применять каких-либо унифицированных стратегий и алгоритмов управления, одинаково эффективных на всех территориях страны, в вязи с чем, возникает необходимость делегировать на региональный уровень часть государственных полномочий для обеспечения устойчивости всей конструкции государственной власти. Однако такая система нуждается и в постоянной ревизии эффективности существующих механизмов распределения властных полномочий между центром и субъектами, поскольку постоянно изменяющиеся внутренние и внешние условия требуют гибкой и своевременной адаптации государственного управления целом.

Ключевые слова: Российская федерация, федеральное устройство, распределение полномочий, государственная власть субъектов Российской Федерации.

Aleksandra S. Domaratskay
Head,
Sochi Forensic Forensic Center
sochi-expert@mail.ru

Current areas of reform of the mechanism of separation of authorities between federal and regional authorities in the Russian Federation

Annotation. This article considers the main directions of transformation of mechanisms of demarcation of powers between the federal center and subjects of the Russian Federation, relevant for ensuring the stable functioning of state institutions and the dynamic development of the socio-economic system of modern Russia.
The need to use the system of federal structure in the case of Russia is primarily due to two main factors – the possession of the largest state territory, as well as the historical formation of the Russian state through the unification, accession and merger of territories that not only had title ethnic groups (for example, Chukotka), but also quite formalized statehood (Kazan Khanate) or its beginnings (Dagestan).
In addition, the «dimensional factor» is also the reason for the presence in the country of territories with completely different geographical and climatic conditions, different socio-cultural and historical characteristics, which do not allow the application of any unified management strategies and algorithms, equally effective in all territories of the country, and therefore it is necessary to delegate to the regional level part of the state authority in order to ensure the sustainability of the entire structure of state power. However, such a system also requires a continuous audit of the effectiveness of existing power-sharing mechanisms between the centre and the entities, as the ever-changing internal and external environment requires a flexible and timely adaptation of public administration as a whole.

Keywords: Russian Federation, federal structure, distribution of powers, state power of constituent entities of the Russian Federation.

Как показывает история цивилизации, эффективное управление государством, обладающим значительными территориями, даже при условии населения этих территорий преимущественно одним этносом, исповедующим единые ценности, оформленные государственной идеологией или религией, возможно в абсолютном большинстве случаев лишь при условии федерального государственного устройства.

В тех же случаях, когда на территории государства компактно проживают исторически сложившиеся культурно-этнические и (или) религиозные сообщества, федеральное устройство становится едва ли не ключевым инструментом удержания территориальной целостности и нивелирования потенциальных внутренних противоречий.

По сути, первые зачатки федерального устройства можно наблюдать уже в ряде древневосточных государств, ярким примером среди которых является Древний Египет, состоявший из септов (в эллинистический период получивших название – номы) – административно-территориальных единиц, по сути, являвшихся субъектами федерации: каждый септ имел установленные границы, политический и религиозный центр, армию, специфических богов-покровителей и свой символ, или герб. При этом септы одновременно являлись политическими организациями оседлого населения и представляли собой древние государственные территории небольших племенных групп, изначально, до вхождения в состав Египетского царства, обладавших полной политической самостоятельностью. В септах имелись свои урбанистические центры со святилищами местных богов, а во главе таких субъектов стояли подчиненные общему фараону египетского царства правители, должность которых, как правило, являлась наследственной [1].

Нельзя не упомянуть и наиболее успешный пример использования принципов федерализма в построении эффективного государства, коим являлась Римская империя, которая исторически формировалась как федерация, и на всех этапах своего существования было федеративным, хотя при этом и проявлялась конституционная несимметричность выражавшаяся в неравенстве субъектов, как между собой, так и по отношению к Риму, что стало следствием полисной структуры древнеримской федеративности [2]. Основной особенностью древнеримского федерализма стал его полисный характер, поскольку Римская империя, по сути, представляла собой договорной союз полисов (само слово «федерализм» происходит от латинского «feodus» - «договор», или «союз»).

Сами полисы могли обладать неравным статусом, что заключалось в различной степени внутреннего самоуправления и степени участия в выборах римских магистратов. Полисы, по сути, являлись субъектами Римской федерации. При этом необходимо отметить, что полисный федерализм был основным, но не единственным элементом древнеримской федеративной структуры, поскольку в диалектическом взаимодействии с ним находился институт наместничества в провинциях [3], также, являвшийся элементом именно федеративного устройства.

Таким образом, уже Римская империя, существовавшая довольно длительное время, представляла собой несимметричную федерацию. Более того, именно по причине своего федеративного устройства, Римская империя, как государство не до конца прекратило свое существование, а правильнее будет сказать – трансформировалась в ряд последующих государственных образований, в т.ч. объединявшихся в конфедеративные союзы, как раз во многом благодаря общему римскому прошлому.

Очевидно, что эффективность федерального устройства в случае крупных государственных образований обусловлена тем простым фактом, что непосредственное прямое управление большими территориями из единого центра не позволяет их размерный фактор:

– во-первых, скорость передачи и прохождения команд на места обратно пропорциональна масштабу управляемой территории;

– во-вторых, адекватность и эффективность таких команд для каждой конкретной территориальной единицы будет абсолютно разной, а подчас, и вовсе приводить к противоположным эффектам на различных территориях.

Например, в случае Российской Федерации, невозможно применять абсолютно одинаковые схемы и решения для территорий Краснодарского края и побережья Карского моря в силу различных климата, рельефа местности, населенности, коммуникаций и множества других факторов. Федеральное же устройство предполагает определенную степень автономии региональных властей, которые в отношении подведомственных территорий имеют возможность вырабатывать и реализовывать адаптированные к региональным условиям команды и директивы, лежащие в фарватера общефедеральных стратегий, а также, нести ответственность за принятые решения, что позволяет равномерно перераспределить нагрузку властных полномочий по всей системе государственного управления, обеспечив ее оптимальную устойчивость.

Соответственно в любой стране с федеральным устройством встаёт вопрос регламентирования механизмов распределения полномочий, между центром и субъектами федерации, причем механизм этот может претерпевать изменения в зависимости от конкретной политической и ситуации в соответствующем государстве.

Федеративное устройство России закреплено в действующей Конституцией страны с 1993 года, однако Федерацией страна стала значительно раньше – вскоре после распада Российской Империи, когда в Конституции 1918 года было закреплено название, Российская, Социалистическая Федеративная Республика, которая вошла в состав СССР в 1922 году, уже как Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

Менее чем через год после распада Советского Союза, в 1992 году Верховным советом России был одобрен подписанный практически всеми субъектами Федеративный договор, разграничивающий предметы ведения между Центром и регионами, и фактически закреплявший разноуровнность российских субъектов, подразделив их на:

– суверенные республики в составе Российской Федерации;

– республики, края, области и города федерального значения;

– автономные области и округа.

Принятой на референдуме уже в следующем 1993 году Конституцией, было установлено верховенство конституционных норм над нормами Федеративного договора 1992 года, однако, своим п. 3 ст. 11, Конституция подтвердила действие данного договора в сфере регулирования федеративных отношений. Таким образом, Россия стала не договорной, а конституционной федерацией, т.к. высшую юридическую силу имеет именно Конституция, а не сам Федеративный договор, который не является государствообразующим.

Необходимо отметить, что разработка и Федеративного договора, и проекта действующей Российской Конституции осуществлялись в начале 1990-х годов, вскоре после распада Советского Союза, когда центробежные устремления стали набирать популярность и в субъектах Российской Федерации. Соответственно, осуществляя конституционную реформу 1993 года, ослабленный экономическими и политическими потрясениями федеральный центр был вынужден предлагать региональным элитам определенные льготы и гарантии, причем, каждому конкретному региону было необходимо дать наиболее привлекательный именно для него набор. Поскольку адресно прописать все разнообразие особенностей взаимоотношений каждого региона с центром было физически невозможно, в статье 11 Конституции заложен такой инструмент, как Договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между отдельными субъектами и Федеральным центром, позволявшие некоторым субъектам получить ряд льгот и преференций. К середине 1998 года центральная власть подписала 42 таких индивидуальных договора с 46 субъектами Федерации из 89 тогда существовавших.

Особенностью данных договоров была их срочность, составлявшая, как правило, 10 лет, и к настоящему времени практически все эти индивидуальные договоры прекратили сое юридическое действие.

Иными словами, по мере социально-экономической стабилизации в стране и усиления федеральной государственной власти наряду с ростом благосостояния населения, федеральный центр начал реализовывать фактическую политику мягкой денонсации ранее заключенных с отдельными регионами особых соглашений о разграничении предметов ведения, что позволило не только усилить роль федерального центра, но и минимизировать различия в статусе субъектов внутри федерации.

Однако нельзя констатировать как факт и стремление федеральной власти минимизировать полномочия регионов. В частности, как показала ситуация, связанная с противодействием распространения коронавирусной инфекции COVID 19, значительный пласт полномочий в части принятия решений по вопросам ограничительных мероприятий, задевающих, в первую очередь, экономическую активность и возможность беспрепятственного передвижения и т.д., были публично делегированы региональным властям.

Кроме того, достаточно большой спектр полномочий, относящихся к органам федеральной власти, систематически на дифференцированной основе делегируется на региональный уровень вместе с финансированием.

Таким образом, механизмы разграничения полномочий между федеральной властью и субъектами федерации в России претерпевают постепенную эволюцию в соответствии с изменяющимися политическими и экономическими условиями, и в настоящее время можно выделить следующие основные направления их реформирования:

– постепенную, мягкую унификацию статуса субъектов;

– завершение процесса мягкого нивелирования индивидуальных договоров о распределении полномочий между центром и субъектами;

– делегирование субъектам ряда полномочий федерального центра, при закреплении контроля за реализацией таких полномочий в федеральном центре;

– делегирование большей самостоятельности в экономической сфере, а также, в сфере жизнеобеспечения, безопасности и обеспечения санитарного благополучия.

Литература:

1. *Кареев Н.И.* Монархии Древнего Востока и греко-римского мира: очерк политической, экономической и культурной эволюции Древнего мира под господством универсальных монархий / Н.И. Кареев, Пред., примеч. А.В. Сазонова; Гос. публ. Ист. б-ка России. М., 2015.

Literature:

1. *Kareev N.I.* Monarchies of the Ancient East and the Greco-Roman world: an essay on the political, economic and cultural evolution of the Ancient world under the domination of universal monarchies / N.I. Kareev, foretold., Note. A.V. Sazonova; State. publication east. Hist. Library of Russia. M, 2015.

2. *Эзри Г.К.* Римский федерализм и институт наместничества в провинциях // Электронный научный журнал «Apriori. Серия: Гуманитарные науки». URL : www.Apriori-journal.ru. 2015. № 6. С. 1–16.

3. *Эзри Г.К.* Особенности Древнеримского федерализма // NAUKA-RASTUDENT.RU: электронный научно-практический журнал. 2015. ноябрь.

2. *Ezri G.K.* Roman Federalism and Provincial Governorate Institute // Electronic Scientific Journal «Apriori. Series: Humanities».URL : www. Apriori-journal.ru. 2015. № 6. P. 1–16.

3. *Ezri G.K.* Features of Ancient Roman Federalism // NAUKA-RASTUDENT.RU: electronic scientific and practical journal. 2015. November.

УДК 343
DOI 10.23672/b5486-4156-4576-w

Дубровина Екатерина Сергеевна
аспирантка кафедры уголовного права,
Институт экономики, управления и права,
Московский государственный
областной университет
dubrovina.katerina@inbox.ru

Гуманизация уголовного законодательства в РФ

Аннотация. В настоящее время гуманизация выступает объективной потребностью развития российского общества и является основным направлением реформы уголовно-правовой системы. Гуманизация определяет необходимость реформирования уголовного закона и правоприменительной практики с учетом повышения безопасности человека, обеспечения равенства и справедливости в сфере правоприменения, соразмерности наказания и преступных деяний. На сегодняшний день в России активно осуществляется процесс совершенствования уголовного закона и практики его применения, затрагивающий базовые уголовно-правовые институты, реализуемый для усиления степени криминальной защищенности каждого человека, установления принципов законности, равенства, справедливости, гуманизма, который имеет огромное значение для эволюционирования законодательства в правовом государстве и реализации общепризнанных гуманистических идей.

Ключевые слова: уголовное право РФ, Уголовный кодекс РФ, модернизация законодательства, принцип гуманизма, справедливое наказание, безопасность человека, гуманизация уголовного законодательства.

Ekaterina S. Dubrovina
Graduate student
of the Department of Criminal Law,
Institute of Economics, Management and Law,
Moscow State Region University
dubrovina.katerina@inbox.ru

Humanization of criminal legislation in the Russian Federation

Annotation. Currently, humanization is an objective need for development of Russian society and is the main direction of the reform of the criminal legal system. Humanization determines the need to reform criminal law and practice given the increase in human security, equality and justice in law enforcement, proportionality of punishment and criminal acts. Today in Russian Federation is actively engaged in the process of improving the criminal law and its application, affecting the basic criminal law institutions, implemented to strengthen the degree of criminal protection of each person, establish the principles of legality, equality, justice and humanism, which is of great importance for the evolution of legislation in a legal state and the implementation of generally recognized humanistic ideas.

Keywords: criminal law of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation, modernization of legislation, the principle of humanity, just punishment, the safety of people, the humanization of criminal legislation.

Принцип гуманизма закреплен в ст. 7 УК РФ, в соответствии с которой можно заключить, что гуманизм в российском уголовном праве понимается:

– во-первых, в аспекте обеспечения подчинения иерархии интересов, охраняемых нормами уголовного закона, гуманистическим ценностям, полного отражения приоритета прав и свобод человека и гражданина в этих нормах;

– во-вторых, в аспекте обеспечения гуманного отношения к виновным лицам при реализации норм, которые предусматривают ответственность за совершенные преступные деяния.

Гуманизм предполагает взвешенный, гармоничный подход к человеку как объекту и уголовно-правового воздействия, и уголовно-правовой охраны. Гуманизм в философском аспекте понимается как принцип мироздания, в основе которого лежит убеждение в безграничной возможности человека и его способности к совершенству, требование защиты достоинства личности и ее свободы, идея о праве человека на счастье и о том, что удовлетворение его потребностей и интересов должно быть конечной целью общества [4]. Гуманизм – один из принципов права в демократическом государстве, гарантия основных прав человека как условия сохранения гуманных оснований его бытия.

Уголовное законодательство должно быть справедливым, но современным и гуманным; жестким, но не жестоким; должно содержать компромиссы и обеспечивать такую среду обитания, где всем ее обитателям комфортно, и даже если конкретный человек совершает преступление, то за это следует наказание поучительное, которое направлено на предотвращение совершения

новых преступлений. Достижение такого идеального состояния является целью гуманизации уголовного законодательства, именно в этом заключается ее важность и необходимость для российской действительности. При этом гуманизация ни в коем случае не предполагает безнаказанности лиц, преступивших уголовный закон. Гуманизация направлена на обеспечение защищенности всех членов общества, как пострадавших или могущих пострадать в результате преступления, так и совершивших преступление. Гуманизация обладает количественным признаком, который отражает состояние репрессивности системы наказаний, а также качественным признаком, который отражает согласованность деятельности государственных и негосударственных структур по воплощению в жизнь уголовной политики государства, критериями [5]. Таким образом, параллельно с созданием совершенного законодательства необходимо создавать систему, обеспечивающую эффективное исполнение законов.

В уголовной правоприменительной практике России исторически сложилась проблема несбалансированности карательной государственной политики и чрезмерной криминализации. В связи с этим, гуманизация российского уголовного законодательства осуществляется по следующим основным направлениям:

– улучшение правового положения личности в рамках уголовного права; декриминализация отдельных видов преступлений;

– совершенствование и смягчение системы уголовных наказаний, модернизация уголовно-исполнительных норм.

Разрешить названные проблемы способно помочь расширение практики назначения наказаний, не связанных с лишением свободы. Лишение свободы должно рассматриваться судами как вынужденная мера и только за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Органы, реализующие функции уголовного судопроизводства, должны быть ориентированы на применение к лицам, подозреваемым и виновным в совершении преступлений, минимума принудительных мер, которые необходимы для защиты интересов личности, общества и государства от общественно-опасных посягательств, предупреждения новых преступлений, восстановления социальной справедливости и правопорядка, исправления осужденного. Государство должно стремиться к тому, чтобы исключить случаи попадания в места лишения свободы лиц, осужденных за преступления, не представляющие большой общественной опасности.

Вместе с тем, в попытках решения проблемы излишней криминализации, нередко возникают противоречия между осуществляемыми мерами гуманизации уголовного законодательства и требованиями общества, что способствует росту неудовлетворенности граждан существующими законами либо вносимыми в них изменениями. При реализации декриминализации некоторых деяний, переводе их из разряда уголовных преступлений в разряд административных правонарушений, результаты таких изменений могут нарушать положения справедливости криминализации деяний, равенства граждан, единства правовой защиты от преступлений, а также – противоречить принципу гуманизма. Для реального воплощения конституционных прав человека и исключения подобных ситуаций, когда гуманизация законодательства провоцирует ослабление криминальной безопасности граждан, необходимо усиленное и обдуманное совершенствование современного российского законодательства и создание единой системы обеспечения безопасности личности на основе комплексного анализа международно-правовых норм [3]. Осуществляя декриминализацию, законодатель всегда должен учитывать, что разгрузка правоохранительной системы, решение экономических и кадровых проблем не могут и не должны осуществляться за счет снижения уголовно-правовой защиты потерпевших от преступлений. Также, реализуя уголовно-правовой принцип гуманизма и обеспечивая безопасность в 21 веке, законодатель должен обращать пристальное внимание на киберпространство, искусственный интеллект, область цифровой экономики, а также на такие проблемы, как коррупция, организованная преступность, незаконная миграция, межэтническое и межконфессиональное противостояние, нерешенность которых приводит к чувству незащищенности у граждан [1].

Правовое обеспечение прав и свобод человека и гражданина посредством правосудия требует не только наполнения массива уголовного законодательства новыми нормами, но и расширения сферы уголовно-правового воздействия для предупреждения и пресечения общественно опасных деяний, а также – модернизации правоприменительной правоохранительной деятельности, направленной на эффективную реализацию основ, которые провозглашены Конституцией России. Гуманная уголовная политика должна иметь своим содержанием и итоговым результатом создание надлежащего механизма защиты каждого потерпевшего, преступника и общества в целом. Такой механизм должен быть основан на принципе максимально возможной защищенности объектов правоохраны при минимально допустимом ограничении прав и свобод правонарушителя [2].

Литература:

1. *Агаев Г.А.* Уголовное право. Общая часть : краткий курс лекций. Гатчина : Изд-во ГИЭФПТ. 2015.

2. *Бабаев М.М.* Проблемы российской уголовной политики : монография / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин М. : Изд-во Проспект. 2019. 296 с.

Literature:

1. *Agaev G.A.* Criminal law. General part: a short course of lectures / G.A. Agaev, T.O. Bosiev. Gatchina : Publishing house GIFT. 2015.

2. *Babaev M.M.* Problems of Russian criminal policy : monograph / M.M. Babaev, Yu.E. Pudovochkin M. : Prospect Publishing house. 2019. 296 p.

3. *Кашепов В.П.* Гуманизация современного уголовного законодательства : монография / В.П. Кашепов, А.А. Гравина, Т.О. Кошаева; Под ред. В.П. Кашепова. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М. 2015.

4. *Некрасова Н.А.* Тематический философский словарь : учебное пособие / Н.А. Некрасова, С.И. Некрасов, О.Г. Садикова. М. : МГУ ПС (МИИТ). 2008.

5. *Сеидов В.Г.* Модернизация уголовной политики: проблемы и перспективы (российский и зарубежный опыт) / В.Г. Сеидов, Н.В. Макеева // Регионология Regionology. 2017. № 1(98). С. 23–32.

3. *Kashepov V.P.* Humanization of modern criminal legislation : monograph / V.P. Kashepov, A.A. Gravina, T.O. Koshaeva; Ed. by V.P. Kashepov, M. : Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation : INFRA-M. 2015.

4. *Nekrasova N.A.* Thematic philosophical dictionary : textbook / N.A. Nekrasova, S.I. Nekrasov, O.G. Sadikova. M. : MSU PS (MIIT). 2008.

5. *Seidov V.G.* Modernization of criminal policy: problems and prospects (russian and foreign experience) / V.G. Seidov, N.V. Makeeva // Regionology Regionology. 2017. № 1(98). P. 23–32.

УДК 341.238
DOI 10.23672/g5759-4327-7611-i

Дудченко Анна Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
бухгалтерского учёта и анализа,
Краснодарский филиал
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
A-dyd4enko@yandex.ru

Колкарева Инна Николаевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
бухгалтерского учёта и анализа,
Краснодарский филиал
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
innakolkareva@yandex.ru

Еремеева Алена Александровна
кандидат филологических наук,
кафедра бухгалтерского учёта и анализа,
Краснодарский филиал
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
allo_14@mail.ru

Современные трудности охраны российских памятников и захоронений за рубежом

Аннотация. В статье анализируется проблемы сохранения и охраны российских памятников и захоронений за рубежом в условиях современной тенденции пересмотра итогов Второй мировой войны в ряде европейских и мировых держав. Авторы на многочисленных примерах действий западных стран иллюстрируют актуальность исследуемой проблемы. Акцентируется внимание на причинах, порождающих акты вандализма и демонстрации беспамятства ряда государств, а также, на внутригосударственных проблемах обеспечения сохранности захоронений российских солдат за рубежом. Авторами высказывается тезис о целесообразности формирования кадрового потенциала дипломатических структур РФ, обеспечивающих реализацию основ международных гуманитарных конвенций в сфере сохранности захоронений и памятников героям войн.

Ключевые слова: братские могилы, вандализм, военно-мемориальные объекты, демонтаж, герои, захоронения, памятники, международные соглашения, фальсификация исторических событий, фашизм.

Anna V. Dudchenko
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Accounting and Analysis,
Krasnodar branch
Russian Economic University
named after G.V. Plekhanov
A-dyd4enko@yandex.ru

Inna N. Kolkareva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Accounting and Analysis,
Krasnodar branch
Russian Economic University
named after G.V. Plekhanov
innakolkareva@yandex.ru

Alena A. Eremeeva
Candidate of Philological Sciences,
Department of Accounting and Analysis,
Krasnodar branch
Russian Economic University
named after G.V. Plekhanov
allo_14@mail.ru

Current difficulties of the protection of Russian monuments and buries abroad

Annotation. The article analyzes the problems of preservation and protection of Russian monuments and burials abroad in the current trend of revising the outcome of the Second World War in a number of European and world powers. The authors on numerous examples of the actions of Western countries illustrate the relevance of the studied problem. Attention is focused on the causes of acts of vandalism and a demonstration of unconsciousness of a number of states, as well as on domestic problems of ensuring the safety of burial places of Russian soldiers abroad. The authors express the thesis about the advisability of forming the personnel potential of the diplomatic structures of the Russian Federation, ensuring the implementation of the foundations of international humanitarian conventions in the field of preservation of burials and monuments to war heroes.

Keywords: mass graves, vandalism, military memorial objects, dismantling, heroes, burials, monuments, international agreements, falsification of historical events, fascism.

В современном и развитом мире у каждого государства присутствуют собственные различные особенности, отличающие их друг от друга. При всем этом прослеживается одна важная объединяющая черта – это уважение к своим предкам и их подвигам, которые были совершены на благо обществу. Почитание их памяти и бережное обращение с военно-мемориальными объектами является единственной данью, которую человек может отдать за их самопожертвования, из чего можно сделать вывод о том, что на текущем этапе развития общества главной и общей задачей, а также, ответственностью различных органов власти РФ выступает осуществление качественного надзора и заботы о российских памятниках и захоронениях, как внутри государства, так и за его границами.

Военно-мемориальная работа состоит из огромной целостной системы мероприятий по отдаче различного долга памяти героев, защищавших отечество ценой собственной жизни. Она служит основной частью вне государственной деятельности Министерства иностранных дел России и других федеральных ведомств.

Установлено в соответствии с аналитическими данными, что в 51 странах расположены 22637 российских, а также, советских захоронений, на которых развеян прах около пяти с половиной миллиона людей, воевавших за свободу своего государства и стран союзников. Воинские памятники и захоронения, связанные с различными сражениями и войнами, примерами которых служит Первая и Вторая мировая, расположены в различных точках мира и поддержание их сохранности является очень труднореализуемым делом в современных политических и экономических реалиях.

Среди всех памятников культурного наследия выделяются братские могилы, а также одиночные могилы солдат, воевавших во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., часть которых размещена в основном в Европейской части, где было захоронено свыше двух с половиной миллионов воинов [4, с. 4].

Учет в РФ о состоянии и наличии захоронений за рубежом осуществляется российскими дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями. Примером может служить созданный в 2010 году отдел по увековечению памяти погибших при защите Отечества при Посольстве России в Федеративной Республике Германия, основной задачей которого выступает паспортизация воинских захоронений, необходимая для составления списков с полным перечнем захороненных защитников отечества и предоставления родственникам информации об их нахождении и состоянии.

Так, масштабная реализация деятельности МИД по охране военно-мемориальных объектов за рубежом основана на Федеральном законе от 14.01.1993 г. № 4292-I «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». Также, для осуществления надлежащего содержания и их сохранности, МИД РФ применяются меры по подписанию межправительственных соглашений, устанавливающих должностные и финансовые обязательства между участниками договоров. Так, на данном этапе были заключены 16 соглашений, в которых определен порядок ухода, охраны и финансового содержания за счет иностранных государств военно-мемориальных объектов РФ. Такие договоры были подписаны со странами, имеющими большое количество российских захоронений и памятников на их территории. К сожалению, стоит констатировать, что уже очень долго ведутся по проектам соглашений между Россией и Украиной, странами Прибалтики, Великобританией и другими [2]. Что же касается содержания и поддержания надлежащего вида памятников культурного наследия и захоронений в странах, соглашение с которыми не было подписано, то оно реализовывается с помощью финансирования из федерального бюджета РФ.

При всем этом, со многими странами, с которыми заключены межправительственные соглашения, происходят проблемы с финансированием, необходимым для реконструкции и содержания военно-мемориальных объектов. В основном, это связано с объективными бюджетными ограничениями внутри иностранных государств, в большинстве случаев, в странах Восточной Европы.

К сожалению, многие государства не всегда проявляют свое отношение к памятникам культуры и захоронениям в соответствии с международными нормами и положениями Женевских гуманитарных конвенции. С каждым годом увеличивается количество актов осквернения вандалами могил советских солдат, а также памятников культурного наследия в таких странах как Польша, Латвия, Эстония, Чехия и Украина. В связи с этим, был сделан вывод на государственном уровне, что РФ легко и беспрепятственно заключила соглашения по охране советских памятников и захоронений с государствами, осуществляющими военные действия в годы Великой Отечественной войны на стороне Германии, чем со странами, входившими когда-то в состав СССР.

На данном этапе развития мира выделяются такие политические трудности, как неправильное отношение некоторых стран к историческим вопросам и постыдное явление – вандализм военных захоронений. Но самой главной проблемой является то, что противоправные действия, в виде вандализма, даже не пресекаются законно уполномоченными органами, а также власть не устанавливает эту тему значимой для всемирного обсуждения и не находит должного осуждения, по факту чего поощряет действия вандалов.

В соответствии с Федеральным законом от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», ответственными лицами по благоустройству и охране военно-мемориальных объектов являются все уровни исполнительной власти РФ, а также органы местного самоуправления. Из этого следует, что на финансовое содержание этих объектов выделяются средства всех уровней бюджетного финансирования. Но в

связи с различиями возможности финансирования в регионах, большинство мемориалов не поддерживаются нужным образом в связи с нехваткой денежных средств. Кроме всего прочего, в существующем законодательстве о погребении старыми военными и ранее неизвестными захоронениями считаются захоронения погибших в боевых действиях на территории Российской Федерации. Очевидно, что при обнаружении подобных захоронений в иностранных государствах, у них не будет соответствующего статуса [1].

При рассмотрении в 2019 году комитетами Совета Федерации по обороне и безопасности и по международным делам охраны и поддержания в надлежащем состоянии российских памятников и захоронений вне территории государства, были выделено большое количество проблем, такие как:

– отсутствие систематизированного финансового выделения денежных средств из бюджетной системы РФ;

– вандализм в Эстонии, Латвии, Чехии, Польше и Украине;

– нехватка кадрового состава, необходимого для осуществления качественного надзора за сохранностью мемориалов и захоронений;

– отсутствие единой государственной военно-мемориальной политики.

При всем происходящем часть европейских стран, а также страны Прибалтики не рассматривают проблему вандализма захоронений советских солдат особой проблемой, в связи, с чем вандализм начинает выступать как часть государственной политики. К сожалению, можем утверждать, что сегодня уже становится чем-то обыденным очередная новость об очередном акте вандализма и демонтаже памятников реальным героям военных сражений.

В ходе выявления фактов вандализма совершаются предписанные действия по направлению нот протеста в органы общественного и государственного значения соответствующих государств. Опыт последних лет свидетельствует, что только в некоторых, например, в Польше присутствует нетерпимость органов власти к правонарушениям, связанным с осквернением военно-мемориальных объектов [5, с. 15].

Но при этом есть и недостатки по охране мемориалов в Польше, так как подписанное с Россией соглашение действует только на кладбища и захоронения, а также мемориалы на этих территориях, что же касается памятников культуры, находящихся за пределами кладбища, правительство считает их объектами, символизирующими коммунизм.

Основными документами по охране памятников культуры и захоронений советских солдат между Россией и Болгарией являются Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве от 1992 года и Совместная декларация президентов двух стран об углублении дружественных отношений и партнерства от 2003 года. При всем этом, проблема с охраной военно-мемориальных объектов в Болгарии выступает в последнее время стоит очень остро.

Данная проблема вызвана тем, что оценка происходящего на период 1944 года, когда советская власть помогла Болгарии, в современном болгарском обществе расходится. Так, большая часть политических деятелей считает это событие оккупацией советскими солдатами страны, что влечет за собой ненависть к военно-мемориальным объектам, почитавшим Красную армию. Когда же другая часть чтит память освободителям своей страны и отмечает 9 сентября 1944 года как день свободы от фашизма.

Примером может служить памятник культуры Советской армии -освободительнице, на который часто происходят нападения вандалов, хотя он находится в самом центре столицы Болгарии. На этот памятник зачастую надевали всевозможные маски, разукрашивали его как героев фильмов, приписывали оскорбительные надписи и многое другое. В соответствии с законодательством, его охрану должны осуществлять органы испытательной власти, которые не предпринимают никаких способов защиты монумента от вандалов, при всем этом администрация города не хочет учувствовать в борьбе с эксцессами и правонарушениями. В итоге, данный памятник обеспечивается нужным уходом только благодаря общественным организациям, которые повсеместно осуществляют сбор денежных средств. Однако для его очистки и установки видеонаблюдения необходимы огромные денежные средства, которых нет.

Также, наряду с представленными странами, острой проблемой по охране российских памятников и захоронений является деятельность политических элит Эстонии, Латвии, Литвы, а также Украины. В них определённая часть людей пытаются демонстрировать показную игру в демократию и защиту прав человека, уничтожая памятники истории и культуры Великой Отечественной войны, не задумываясь о том, что солдаты, отдавшие свою жизнь за мир, также имеют права, например, право на уважение и достойное состояние захоронения. Ведь отношение людей к захоронениям в современном мире представляет собой меру культурного уровня в обществе. Примером высокого уровня культуры и уважения человеческих ценностей могут выступать такие страны, как Австрия, Венгрия, Сербия и Норвегия где к российским памятникам культуры и захоронениям относятся очень бережно, отдавая честь и уважения защитникам и освободителям от фашизма.

Из заявления министра Чехии на период 2020 года можно сделать вывод, что большинство проблем по охране военно-мемориальных объектов в иностранных государствах связанно с нынешними политическими разногласиями между Россией и другими странами. Так, чиновники некоторых стран с нарастающей частотой пытаются осквернить память о подвигах советских солдат, фальсифицируя исторические события,

связанные с огромным вкладом СССР в окончании борьбы с фашизмом. В качестве примера он приводит демонтированный памятник 3 апреля в столице Чехии маршалу Ивану Коневу. Уполномоченный представитель главы этого района обосновал свое распоряжение по сносу памятника культурного наследия в социальных сетях следующим образом «У него не было маски. Правила применяются ко всем одинаково». Данное преступление уже будет классифицироваться в соответствии с новой частью статьи 243.4 «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также, памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России» УК РФ от 07.04.2020 [3]. В связи с этим, чиновнику грозит либо лишение свободы до 5 лет, либо штраф, либо исправительные работы. Внесённая в УК РФ в 2020 году статья, распространяет свое действие на преступления, совершённые как в России, так и в зарубежных странах.

Также, к основным проблемам по охране российских захоронений на правовом уровне, как в России, так и в других странах относятся:

– определение видовой принадлежности;

– определение границ территории;

– проблема их содержания;

– проблема разграничения полномочий.

Следует констатировать, что в данной сфере отсутствуют четкие разграничения полномочий между военкоматами и исполнительными органами государственной власти по вопросу государственной охраны объектов культурного наследия. Также, имеются проблемы материального содержания и охраны этих объектов, в связи с неточным определением полномочий различных органов. Неточное определение военно-мемориальной политики в различных государствах, приводит к ужасным последствиям вандализма, а также государственных установок по разрушению российских памятников и захоронений.

В связи с вышеизложенным, мы считаем наиболее приемлемой мерой борьбы с вандализмом и переписыванием истории легитимацию в нормах основополагающих актов ООН неприязни к актам вандализма памятников культуры и захоронений с имплементацией в законодательство всех государств мира. Общеизвестно, что большинство правонарушений происходят в связи с безнаказанностью.

Также, необходимо продвигать развитие межгосударственных соглашений между Россией и другими странами, в частности Украиной и странами Прибалтики. Но самым действенным способом предотвращения трудностей в охране российских памятников и захоронений может выступать не простое улучшение базы нормативно-правовых актов в этой сфере, а увеличение кадров, для обеспечения их исполнения.

Литература:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 19.05.1995 № 80-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 122. С. 432.

2. Федеральный закон Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 (ред. от 01.04.2020) «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 179. С.256.

3. Федеральный закон от 07.04.2020 № 112-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50. С. 4848.

4. *Мохов М.* Российские воинские захоронения за границей России обсудили в Госдуме // КСОРС газета. 2017. С. 4.

5. *Абрамова Л.* От принятия до отрицания: как в Европе относятся к советским военным мемориалам / Л. Абрамова // Реальное время. 2019. С. 15 URL : https://realnoevremya.ru/articles/156806-v-evrope-snosyat-sovetskie-pamyatniki

Literature:

1. Federal Law of the Russian Federation of 05.19.1995 № 80-ФЗ (as amended on 02.12.2019) «On perpetuating the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. № 122. P. 432.

2. Federal Law of the Russian Federation of 01/14/1993 № 4292-1 (as amended on 01/01/2020) «On perpetuating the memory of those who died while protecting the Fatherland» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 179. P. 256.

3. Federal Law of 07.04.2020 № 112-FZ «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 50. P. 4848.

4. *Mokhov M.* Russian military graves abroad of Russia were discussed in the State Duma // KSORS newspaper. 2017. P. 4.

5. Abramova L. From acceptance to denial: how in Europe they relate to Soviet war memorials // Realnoe Vremya. 2019. P. 15. URL : https://realnoevremya.ru/articles/156806-v-evrope-snosyat-sovetskie-pamyatniki

УДК 342.922
DOI 10.23672/r9677-8417-7410-h

Зыков Андрей Павлович
старший преподаватель
кафедры кадрового
и морально-психологического обеспечения
деятельности органов внутренних дел,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России
Zykov65@yndex.ru

Дисциплинарное производство в органах внутренних дел

Аннотация. Дисциплинарная ответственность реализуется через один из видов юрисдикционных производств, предусмотренных административно-процессуальным правом – дисциплинарное производство, которое имеет общие черты, присущие всем видам таких производств и имеет определенные особенности. Статья посвящена особенностям одного из видов юрисдикционных производств – дисциплинарному производству. Автором дана характеристика стадий дисциплинарного производства, в рамках которого осуществляется реализация дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел, выделены основные формы изучения обстоятельств совершения дисциплинарного проступка, основные элементы каждой стадии.

Ключевые слова: служебная проверка, служебная дисциплина, вина, дисциплинарная ответственность, дисциплинарное производство.

Andrey P. Zykov
Senior lecturer
Department of Personnel
and Moral and Psychological Support
Activities of Internal Affairs Bodies,
Tyumen Institute Advanced Training
Employees of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Zykov65@yndex.ru

Disciplinary production in internal affairs

Annotation. Disciplinary responsibility is exercised through one of the types of jurisdictional proceedings provided by administrative and procedural law – disciplinary proceedings, which have common features inherent in all types of such proceedings and has certain characteristics. The article is devoted to the features of one of the types of jurisdictional proceedings – disciplinary proceedings. The author gives a description of the stages of disciplinary proceedings, within the framework of which disciplinary responsibility is implemented in the internal affairs bodies, the main forms of studying the circumstances of the commission of a disciplinary offense are highlighted; basic elements of each stage.

Keywords: internal audit, official discipline, guilt, disciplinary responsibility, disciplinary proceedings.

Дисциплинарная ответственность реализуется через один из видов юрисдикционных производств, предусмотренных административно-процессуальным правом – дисциплинарное производство, которое имеет общие черты, присущие всем видам таких производств и имеет определенные особенности. Их необходимо учитывать должностным лицам, уполномоченным его осуществлять.

Дисциплинарное производство в органах внутренних дел (далее – ОВД) структурно состоит из следующих стадий:

1) возбуждение дисциплинарного дела;

2) изучение обстоятельств совершения дисциплинарных проступков (расследование);

3) рассмотрение дисциплинарных дел;

4) привлечение сотрудников ОВД к дисциплинарной ответственности.

Возбуждение дела о дисциплинарном проступке состоит в обнаружении дисциплинарного проступка и принятии решения руководителем о необходимости изучения обстоятельств и причин, которые побудили сотрудника к совершению дисциплинарного проступка, для разрешения в дальнейшем вопросов о привлечении сотрудника к дисциплинарной ответственности и выбора конкретного вида дисциплинарного наказания виновному лицу. Основанием для возбуждения дисциплинарного производства является поступившие непосредственному руководителю соответствующего территориального органа МВД России сведений о совершении сотрудником дисциплинарного проступка, которые должны быть оформлены соответствующим образом. При поступлении таких сведений руководитель, который имеет право наложения дисциплинарных взысканий, должен принять одно из решений: о необходимости изучения обстоятельств совершения дисциплинарного проступка (процесса возбуждения дисциплинарного производства) в обычном порядке без осуществления служебной проверки; о проведении служебной проверки.

В соответствии с ч. 6 ст. 51 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в

органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе) [1], дисциплинарное взыскание должно налагаться не позже, чем через 14 дней со дня, когда непосредственному руководителю становится известно о совершении сотрудниками ОВД дисциплинарного проступка [2]. Соответственно, решение по делам о дисциплинарных проступках должно быть принято при учете общих сроков, а также при учете потребности установления обстоятельств совершенного проступка, выбора и применения дисциплинарного взыскания с соответствующим оформлением.

Второй этап дисциплинарного производства в ОВД – это изучение обстоятельств совершения дисциплинарного проступка. Согласно п. 39 Дисциплинарного устава ОВД [3], сотрудник должен привлекаться к дисциплинарной ответственности только за те нарушения служебной дисциплины, в отношении которых установлена его вина. При определении вида дисциплинарного взыскания необходимо принять во внимание: характер проступка, обстоятельств, при котором он был совершен и прочие обстоятельства (п. 40 Дисциплинарного устава ОВД).

Традиционно, стадия дисциплинарного производства, в рамках которой осуществляют изучение обстоятельства совершений дисциплинарных проступков, именуется в трудовом и административном праве как служебное расследование, которое представляет собой общность проводимых соответствующими лицами на основе нормативно-правовых актов организационных правовых действий в границах дисциплинарных производств по своевременному, всестороннему, полному и объективному сбору и анализу материалов по факту дисциплинарного проступка сотрудника ОВД, либо невыполнения (ненадлежащего выполнения) ими должностных регламентов.

Изучение обстоятельств совершения дисциплинарного проступка может осуществляться в двух основных формах:

1) простая, которая предполагает истребование объяснений от сотрудников, совершивших дисциплинарные проступки, и оформление прочих документов (рапорт, докладная записка, справка);

2) служебная проверка – осуществление комплекса мероприятий в ситуации необходимости выявления причин, характера и обстоятельств совершения дисциплинарного проступка, наличия подтверждения, либо отсутствия обстоятельств, которые связанны с выполнением сотрудником обязанности, соблюдения запретов и ограничений.

Простой вид анализа дисциплинарного правонарушения производится в ситуации, когда вина сотрудников и обстоятельства совершения дисциплинарных проступков очевидны и не требуют дополнительного доказывания, сотрудники признают свою вину, последствия дисциплинарных проступков являются незначительными, либо совсем отсутствуют. Обязательным элементом данной формы является изучения обстоятельства при совершении дисциплинарных проступков объяснение сотрудника ОВД, допустившего нарушение служебной дисциплины.

Как правило, изучение обстоятельств совершения дисциплинарных проступков в ОВД проводятся в виде служебных проверок. В учебно-научной литературе по трудовому и административному праву сформировано общее представление о служебных проверках как о совокупности мероприятий, которые проводятся соответствующим должностным лицом для своевременного, всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств совершения дисциплинарного проступка или для опровержения сведений, которые угрожают чести и достоинству сотрудника.

Порядок проведения служебной проверки в ОВД определен в ст. 52 Закона о службе, Порядком проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденным приказом МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 [4] (далее – Порядок) и иными нормативными правовыми актами МВД России.

Служебную проверку проводят по решению руководителя при необходимости выявления причины, характера и обстоятельства осуществленного сотрудниками дисциплинарных проступков, подтверждения присутствия или отсутствия обстоятельства, которое связанно с ограничением, обязанностью и запретом, которые обусловлены службой в органах внутренних дел, а также по заявлениям сотрудников, одним из следующих способов:

– осуществление служебных проверок конкретными сотрудниками;

– осуществление служебных проверок комиссиями (в составе трех и больше сотрудников, которые обладают требуемыми знаниями и опытом).

Поручение сотрудникам о проведении служебных проверок оформляют:

– резолюцией на свободном месте от текста документа, который содержит сведения о присутствии основания для ее осуществления. Допускается оформление резолюции на отдельных листах или на особых бланках с приведением регистрационных номеров и дат документов, к которым она относится;

– изданием приказа об осуществлении служебных проверок в случае ее осуществления комиссией. Приказ о назначении служебной проверки должен состоять из: оснований для ее осуществления; даты назначений; состава комиссии.

Поручение сотрудникам проводить служебные проверки (назначение председателя комиссии) производится с учетом замещаемых должностей и присвоенных специальных званий сотрудников, относительно которых проводят служебную проверку. Решения об осуществлении служебной проверки должно приниматься не позже двух

недель со дня получения соответствующими руководителями информации, которая является основанием для ее осуществления. Для установления и изучения обстоятельств совершения сотрудниками органами внутренних дел дисциплинарных проступков на стадиях изучения обстоятельств его совершения допустимо участие комиссии органа внутренних дел по служебной дисциплине и профессиональной этике (дальше комиссия по служебной дисциплине). Комиссия по служебной дисциплине – это совещательный орган при руководителе, она создается в отделах центрального аппарата МВД России, органах внутренних дел, отделах, организациях и учреждениях МВД России на соответствующих уровнях.

По итогам рассмотрения вопроса о нарушении сотрудником ОВД служебной дисциплины и законности или норм профессиональной этики комиссия может принять одно из следующих решений, установить, что:

1) не содержится признаков нарушения сотрудником ОВД служебной дисциплины и законности, норм профессиональной этики;

2) сотрудник ОВД допустил нарушение служебной дисциплины и законности, норм профессиональной этики.

На стадии рассмотрения дисциплинарного дела руководитель исследует все материалы дела и вправе принять следующее решение:

– признать сотрудника невиновным в совершении дисциплинарного проступка;

– ограничиться напоминанием о необходимости выполнять обязанности, предупреждением, строгим указанием и иными средствами воздействия, которые не являются взысканиями;

– направить материал на рассмотрение коллективных формирований (комиссия по служебной дисциплине и профессиональной этике);

– направить материалы вышестоящему руководителю для решения вопроса об ответственности в случае недостаточных дисциплинарных прав;

– направить материалы в орган, который вправе возбудить уголовное производство или производство об административном правонарушении, при наличии в действиях виновного признаков соответственно преступления или административного правонарушения;

– наложить на виновного дисциплинарное взыскание, соответствующее тяжести дисциплинарного проступка [5, с. 2–5].

В случае принятия решения о применении к сотруднику органов внутренних дел дисциплинарного взыскания заключительной стадией дисциплинарного производства является привлечение к дисциплинарной ответственности. Привлечение сотрудника органов внутренних дел к дисциплинарной ответственности предусматривает следующие этапы:

1) издание приказа о наложении (применении) дисциплинарного взыскания;

2) издание приказа или иного распорядительного документа, направленного на непосредственное исполнение дисциплинарного взыскания, и наступление последствий дисциплинарного взыскания;

3) учет дисциплинарных взысканий.

Заключительным этапом дисциплинарного производства является учет дисциплинарных взысканий, которые за исключением объявленных устно, подлежат учету, при этом отдельно от мер поощрения. Согласно Закону о службе в ОВД дисциплинарные взыскания, налагаемые на сотрудника органов внутренних дел в письменной форме, заносятся в материалы его личного дела [6].

Таким образом, дисциплинарная ответственность должна реализовываться строго в рамках нормативно-урегулированного дисциплинарного производства с соблюдением предъявляемых требований, что в целом направленно на соблюдение законности, а также прав и интересов сотрудников органов внутренних дел, привлекаемых к дисциплинарной ответственности.

Литература:

1. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49. Ст. 7020.

2. О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063.

3. Указ Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» // Офици-

Literature:

1. On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to individual legislative acts of the Russian Federation: feder. Law of Nov 30. 2011 № 342 // Sobr. legislation grew up. Federations. 2011. № 49. Art. 7020.

2. On the public service system of the Russian Federation: feder. Law of May 27, 2003 № 58-FZ // Sobr. legislation grew up. Federations. 2003. № 22. Art. 2063.

3. Decree of the President of the Russian Federation of October 14, 2012 № 1377 «On the Disciplinary Charter of the Internal Affairs Bodies of the Russian

альный интернет-портал правовой информации. URL : http://www.pravo.gov.ru (16.10.2012).

4. Порядок проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации, утв. приказом МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 // Рос. газ. 2013. 14 июня.

5. *Бахрах Д.Н.* Юридическая ответственность по административному праву // Административное право и процесс. 2010. № 1. С. 2–5.

6. Порядок внесения сведений о применении дисциплинарных взысканий в личное дело сотрудника и их учет, утв. приказом МВД России от 28 апреля 2014 г. № 381 «О некоторых вопросах централизованного учета персональных данных сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» // Рос. газ. 2014. 6 августа.

Federation» // Official Internet portal of legal information. URL : http://www.pravo.gov.ru (16.10.2012).

4. Procedure for performance checks in bodies, organizations and subdivisions of the Mini-Department of Internal Affairs of the Russian Federation by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 26, 2013 № 161 // Ros. gas. 2013. June 14th.

5. *Bahrah D.N.* Legal responsibility in administrative law // Administrative law and process. 2010. № 1. P. 2–5.

6. Procedure for the introduction of information on the application of disciplinary sanctions in the personal case of the employee and their accounting, deed. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 381 of 28 April 2014 «On Certain Issues of Centralized Accounting of Personal Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» // Ros. gas. 2014. August 6.

УДК 340
DOI 10.23672/h2990-2561-2755-t

Кисс Оксана Сергеевна
старший преподаватель кафедры
языкознания и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
kissboss@yandex.ru

Барсегян Каринэ Робертовна
старший преподаватель кафедры
языкознания и иностранных языков,
Российский государственный
университет правосудия,
Северо-Кавказский филиал
kissboss@yandex.ru

Oksana S. Kiss
Senior lecturer of the Department
of Linguistics and foreign languages,
North Caucasus branch
of the Russian State University of Justice
kissboss@yandex.ru

Karine R. Barseghyan
Senior lecturer of the Department
linguistics and Foreign Languages,
Russian State University of Justice,
North Caucasus branch
kissboss@yandex.ru

Пропедевтика как средство профессионализации студента-юриста при обучении иностранному языку

Propaedeutics as a means of a law student professionalization in teaching a foreign language

Аннотация. Статья посвящена исследованию пропедевтики при обучении иностранному языку как средства успешной профессионализации студента-юриста. В работе анализируется история возникновения и современное понимание пропедевтики, а также возможности данной дидактической категории в профессионализации будущего юриста. Представленные результаты исследования будут положены в основу дальнейшего изучения средств формирования профессиональной компетентности будущего специалиста в сфере правоприменения.

Ключевые слова: пропедевтика, профессионализация, компетентность, межпредметные связи.

Annotation. The article is devoted to the study of propedevtics in the teaching of a foreign language as a means of successful professionalization of a law student. The paper analyzes the history of the origin and modern understanding of propedevtics, as well as the possibilities of this didactic category in the professionalization of the future lawyer. The results of the study will form the basis of further study of the means of forming the professional competence of a future law enforcement specialist.

Keywords: propedevtics, professionalization, competence, inter-subject connections.

Базовые современные принципы, на основе которых осуществляется подготовка будущего юриста, сформулированы общим требованием актуальности получаемой базы знаний и ее соответствия современным требованиям к специалисту. Достижения человечества привнесли характер допустимости и вероятности использования искусственного интеллекта в различных сферах, не исключая и сферу деятельности юриста. Сегодня стала возможной цифровая обработка данных, что освобождает специалистов от рутины даже в области правоприменения. Однако востребованность узкого специалиста на юридическом рынке не снизится даже при усилении внедрения обработки информации с помощью цифровых операций. Поэтому качественная подготовка юриста, получение студентом во время обучения возможности приобрести систему знаний и навыков, отвечающую потребностям сфер правоприменительной деятельности, а также способность быстрой адаптации к требованиям отрасли остаются актуальными.

Качество получаемого будущим юристом образования определяет его профессиональную компетентность, и квалификация является лишь составным компонентом наряду со спектром личностных и социальных качеств.

Профессиональная языковая культура и речь юриста являют собой фундамент компетентности специалиста юридической сферы деятельности. Профессиональная значимость иностранного языка в обучении юриста неоспорима и обусловлена интернационализацией права, необходимостью овладения навыками межкультурной коммуникации. Языковая подготовка будущего юриста должна иметь характер профессиональной направленности, как и другие дисциплины программ подготовки специалистов. Однако

иностранный язык как дисциплина не относится к предметам прямой профессиональной направленности и ограничен программой. Преодолению ограничений на пути реализации потенциала данной дисциплины в отношении вклада в активную профессионализацию будущего юриста способствуют межпредметные связи. Процесс обучения иностранному языку открывает широкие возможности внедрения принципа межпредметной интеграции. Междисциплинарная интеграция запускает механизм взаимодействия дисциплин в областях «соприкосновения разнородных, на первый взгляд, явлений» [4]. Осознание понятий, терминов и явлений, познаваемых в рамках предметов профессиональной направленности, при изучении иностранного языка есть инструмент и условие возможности расширения профессионального кругозора будущего специалиста, формирования его профессиональной компетентности. Изучение иностранного языка формирует как общекультурные, так и профессиональные компетенции будущего специалиста.

Интеллектуальные возможности и мировоззренческие позиции будущего специалиста раскрываются в процессе обучения, постепенно формируя его профессиональную пригодность. Формирование компетентности являет собой совокупность компонентов и поэтапную реализацию методов и приемов. Одним из приемов, способствующих активизации профессионализации студента-юриста – пропедевтика. Пропедевтика, согласно толковому словарю русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, – это «введение в какую-нибудь науку, сообщение о предварительных знаниях о чем-либо» [6, т. 4, с. 132].

Обратимся к истокам пропедевтики для понимания ее роли в профессионализации студента-юриста с позиций педагогической философии, идея о создании которой принадлежит известным мыслителям М. Монтеню и Я.А. Коменскому. Педагогическая философия, в отличие от педагогики, нацеленной на изучение особенностей воспитания личности в рамках учебно-воспитательного процесса, формирует профессиональное мировоззрение специалистов, воплощая свое воздействие через ряд функций. Актуальной для понимания сущности пропедевтики является пропедевтическая функция педагогической философии. В кратком изложении, пропедевтическая функция заключается в подготовке к познанию основного, введении в общий курс с подачей информации в сжатом, упрощенном виде. Рассуждения Аристотеля о философии как «науке о некоторых причинах и началах» приводят его к заключению, что для познания науки (философии) нужны первичные знания, что «всякое изучение происходит через предварительное знание или всех исходных данных… Они должны быть нам понятны заранее» [1]. На современном этапе развития пропедевтического обучения идеи пропедевтики, претерпевшей значительные преобразования, приобретают все большую актуальность. В современной научной литературе нет однозначного определения пропедевтики как дидактической категории. Если на ранних этапах становления пропедевтика определялась как вводный курс к дисциплине, сегодня понятия вводного курса и пропедевтического курса не считаются эквивалентными. Одним из основных отличий пропедевтических включений является их полная интеграция в учебный процесс, тогда как вводный курс - самостоятельная учебная дисциплина [7]. Пропедевтика не является отдельным сегментом процесса обучения, элементы пропедевтики не образуют теоретических блоков, а целенаправленно вводимые сложности усваиваются в практической деятельности.

В рамках обучения иностранному языку пропедевтику можно рассматривать как одно из средств межпредметной и внутрипредметной интеграции в подготовке студента-юриста, как условие непрерывности усвоения материала. Междисциплинарная интеграция дает синтез научных знаний, такую систему знаний, которая способствует постепенной общей профессионализации студента.

Пропедевтика в обучении будущего юриста иностранному языку предполагает имплицитное введение на каждом текущем этапе элементов следующей ступени обучения для обеспечения преемственности, как на уровне содержания, так и видов деятельности. Таким образом, реализуется не только междисциплинарная, но и внутридисциплинарная интеграция, создавая, таким образом, благоприятные условия успешной профессионализации будущего специалиста. Пропедевтические меры могут способствовать систематизации имеющихся базовых знаний и путем скрытой подачи более сложного материала мотивировать обучающихся к усвоению новых знаний.

Одним из примеров пропедевтического включения является подбор слов специальной юридической направленности для отработки звуков иностранного языка в рамках вводного фонетического курса, который занимает стартовые позиции в программах обучения иностранному языку. Повторение и углубление знаний в области фонетического строя иностранного языка на примере слов правового тезауруса практически готовит студента к восприятию специальной терминологии. Звуковой ряд термина как лексического ядра в рамках фонетического вводного курса не обязательно сопровождается переводом.

При повторении в рамках фонетического курса типов слога в английском языке рекомендуется подбор правовых терминов для демонстрации каждого типа. Образец упражнения представлен в таблице 1.

Восприятие специфического характера термина как «первоэлемента языка права» является условием преемственности усвоения юридической терминологии [8, с. 50]. Знакомство с термином осуществляется в работе со специальным текстом. Специфика юридического текста как одной из основных форм выражения права заключается в юридической терминологии с ее структурой, стилистикой и семантикой. Включение упражнений на словообразование, основанных на работе со структурой юридических терминов на занятиях по обучению будущего юриста иностранному языку есть пропедевтический элемент усвоения

терминологии. Большие словообразовательные возможности в английском языке присущи имени существительному. Объяснение и закрепление способов образования производных терминов, состоящих из одной корневой и одной или нескольких аффиксальных морфем в пропедевтических целях можно осуществлять на примере тщательно отобранных юридических терминов. Например, демонстрация образования имени существительного с помощью суффикса *-ment.* Суффикс *-ment* в большинстве случаев добавляется к глаголам и образует существительные, которые выражают результат действия или действие (абстрактное существительное), а также могут указывать на состояние или качество. В таблице 2 представлен образец подбора лексических единиц, являющихся юридическими терминами, для демонстрации одного из способов словообразования.

Таблица 1

Фонетическое упражнение на закрепление типов слога в английском языке

I	II	III	IV
estate	sanction	discharge	care
female	arrest	reversion	severe
crime	prison	affirmed	hire
vote	robbery	order	bore
accuse	punish	burglar	secure

Таблица 2

Демонстрация получения нового термина при аффиксации
(на примере образования имени существительного с помощью суффикса *-ment*)

to abandon – abandonment	to imprison – imprisonment
to abolish – abolishment	to judge – judgement
to assign – assignment	to require – requirement
to enforce – enforcement	to state – statement

Изучение каждого случая образования отглагольного существительного следует сопровождать семантизацией исходного и производного термина. В результате подобной пропедевтической меры усвоение юридической терминологии на каждом последующем этапе обучения будет более успешным.

Оценка условий успешного процесса профессионализации в рамках предмета «Иностранный язык» в программе подготовки специалиста в правовой сфере приводит к возможности применения пропедевтических мер, способствующих реализации межпредметной и внутрипредметной интеграции, систематизации знаний и успешному становлению профессиональных компетенций. Пропедевтика как способ профессионализации может реализовать свои дидактические возможности при условии корректного подбора учебного материала профессиональной значимости, интеграции и имплицитности подачи опережающего знания, совокупно нацеленных на совершенствование знаний, умений и навыков, формирующих будущего юриста

Литература:

1. *Аристотель.* Метафизика. М. : Эксмо, 2006.

2. *Викулина М.А.* К вопросу о ранней профессионализации студентов-юристов при обучении иностранному языку//Актуальные вопросы лингводидактических исследований в сфере межкультурной профессиональной коммуникации. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2015. С. 63–69. (Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 16 (727). Сер. Образование и педагогические науки).

3. *Гербекова Л.Х.* Профессиональная подготовка студентов юридических вузов на основе компетентностного подхода // Педагогическое мастерство: материалы VIII междунар. науч. конф. г. Москва, июнь 2016 г.). М. : Буки-Веди, 2016. С. 4–8.

4. *Машарова Т.В.* Метапредметность: возможности ее реализации в образовательной

Literature:

1. *Aristotle.* Metaphysics. M. : Eksmo, 2006.

2. *Vikulina M.A.* On the issue of early professionalization of law students when teaching a foreign language // Actual issues of linguodidactic research in the field of intercultural professional communication. Moscow: fgbou V MGLU, 2015. P. 63–69. (Bulletin of the Moscow state linguistic University. Iss. 16 (727). Ser. Education and pedagogical Sciences).

3. *Gerbekova L.H.* Professional training of law students based on the competence approach // Pedagogical skills: materials of the VIII international conference. Moscow, June 2016). M. : Buki-Vedi, 2016. P. 4–8.

4. *Masharova T.V.* Metapredmetnost: opportunities for its implementation in educational activities /

деятельности / Т.В. Машарова, Т.В. Малова, А.А. Пивоваров. КНОРУС, 2017. 182 с.

5. *Павлова И.П.* О ранней профессионализации обучения иностранному языку // Обучение межкультурному общению в профессиональной среде. С. 47–54. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 26 (632). Серия Педагогические науки).

6. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1996. Т. 4.

7. *Фалькович Ю.В.* Пропедевтический курс как педагогическое условие развития профессиональной компетенции студентов-регионоведов в курсе языковой подготовки // Молодой ученый. 2011. № 5(28). Т. 2. С. 168–171.

8. *Шепелев А.Н.* Терминосистема и роль терминов в языке права // Вестник ТГУ. 2003. № 2. С. 50–52.

T.V. Masharova, T.V. Malova, A.A. Pivovarov. KNORUS, 2017. 182 p.

5. *Pavlova I.P.* On early professionalization of foreign language teaching//Teaching intercultural communication in a professional environment. P. 47–54. (Vestn. Moscow state linguist. UN-TA. Iss. 26 (632). A series of Pedagogical science).

6. Explanatory dictionary of the Russian language / ed. D.N. Ushakova. M., 1996. T. 4.

7. *Falkovich Yu. V.* Propaedeutic course as a pedagogical condition for the development of professional competence of students of regional studies in the course of language training // Young scientist. 2011. № 5(28). Vol. 2. P. 168–171.

8. *Shepelev A.N.* term System and the role of terms in the language of law // Bulletin of TSU, 2003. № 2. P. 50–52.

УДК 340
DOI 10.23672/x2791-1818-5430-k

Ламсков Даниил Сергеевич
ведущий консультант отдела
по управлению акционерным капиталом,
ООО «Единые
транспортные энергосистемы»
lamsk@list.ru

Актуальные направления развития гражданско-правового законодательства в области обеспечения прав учредителей и кредиторов в процессе реорганизации акционерных обществ

Аннотация. Настоящая статья анализирует отечественный механизм нормативно-правового регулирования реорганизации акционерных обществ. Правовые нормы, преобразование акционерных обществ формулируются множеством нормативных актов, и в комплексе представляют собой целостный правовой институт.

Именно значительно количество нормативных актов, регулирующих данную сферу порождает в качестве актуальной задачи необходимость выявления пробелов и противоречий в данной регламентирующей документации, и в первую очередь с позиции обеспечения прав учредителей и кредиторов в случае инициирования реорганизации акционерного общества.

Необходимо понимать, что результат реорганизации может оказаться негативным для добросовестных учредителей или контрагентов, в том случае, если такое преобразование общества связано с нарушением законодательных норм, злоупотреблением правом, или вовсе преследует своей целью: преднамеренное банкротство, враждебное поглощение, оптимизация ответственности и обязательств, а значит, законодательная деятельность и правоприменительная практика должны быть ориентированы на недопущение злонамеренных манипуляций при реорганизации акционерных обществ.

Поскольку реорганизация акционерного общества как хозяйствующего субъекта затрагивает права и законные интересы всех лиц, имеющих какое-либо к нему отношение, в т.ч. персонал, учредители, контрагенты и даже государство в лице фискальных органов, правовые нормы должны детально регламентировать процесс реорганизации, максимально обеспечивая защиту прав заинтересованных лиц.

Ключевые слова: акционерное общество, реорганизация, права, интересы, бенефициары, законодательство.

Daniil S. Lamskov
Lead Department Consultant
Share Capital Management,
OOO «Edinye
transportnye energosistemy»
lamsk@list.ru

Current directions of development of civil law law in the field of ensuring rights of founders and creditors in the process of reorganization of joint-stock companies

Annotation. This article analyzes the domestic mechanism of regulatory regulation of the reorganization of joint stock companies. Legal norms, the transformation of joint-stock companies are formulated by many normative acts, and together they represent a holistic legal institution.

It is significantly the number of regulations regulating this area that gives rise as an urgent task to the need to identify gaps and contradictions in this regulatory documentation, and primarily from the point of view of securing the rights of founders and creditors in the event of the initiation of a reorganization of the joint-stock company.

It is necessary to understand that the result of the reorganization may be negative for bona fide founders or counterparties if such a transformation of the company is associated with a violation of legislative norms, abuse of law, or even pursues its goal: deliberate bankruptcy, hostile absorption, optimization of liability and obligations, and therefore, legislative activity and law enforcement practice should be focused on preventing malicious manipulation in the reorganization of joint-stock companies.

Since the reorganization of the joint-stock company as an economic entity affects the rights and legitimate interests of all persons who have any relation to it, including personnel, founders, counterparties and even the state represented by fiscal bodies, legal norms should regulate the reorganization process in detail, ensuring the maximum protection of the rights of interested persons.

Keywords: joint-stock company, reorganization, rights, interests, beneficiaries, legislation.

В рамках российского правового поля реорганизация юридических лиц представляет собой относительно новый инструмент, потребность в котором сформировалась в постперестроечный период кризисных 1990-х годов, поскольку масштабная приватизация государственной собственности, в т.ч. предприятий а также бурное развитие предпринимательской деятельности привели к чисто утилитарной необходимости регламентирования процессов преобразования хозяйствующих субъектов. Соответственно, именно в указанный период были нормативно закреплены такие типы реорганизации хозяйствующих субъектов, как выделение и преобразование.

Большинство исследователей рассматривают реорганизацию не как самостоятельное явление, а как способ завершения существования того или иного юридического лица, что на наш взгляд не может являться до конца объективным подходом, поскольку он не обеспечивает объективного рассмотрения того обстоятельства, что де-факто, прошедшие процедуру реорганизации юридические субъекты в большинстве своем продолжают функционировать в той же экономической нише, под другим названием, в другом статусе, либо в виде элементов уже сложившихся экономических цепочек.

Необходимо отметить, что инициирование реорганизации, как правило, само по себе является ярким индикатором наличия весьма серьезных проблем, в частности связанных с порядком распределения прав, обязательств, имущественного комплекса преобразуемого лица между его преемниками; защита интересов кредиторов, участников и работников реорганизуемого предприятия и т.д.

На сегодняшний день исторически сложились пять типов реорганизации юридического лица:

1. Преобразование;

2. Разделение;

3. Выделение;

4. Слияние;

5. Присоединение.

Кроме того эти пять типов на практике подразделяются на различные группы по следующим основаниям:

1. Субъект, непосредственно выступающий в качестве инициатора реорганизации, имеет в качестве оснований для принятия такого решения случаи предусмотренные пунктами 2 и 3 57-й статьи российского Гражданского кодекса, т.е. случаи:

– выделения и разделения;

– присоединения, слияния и преобразования.

2. Судьба имущественной массы:

– присоединение и слияние – имущественная масса, соответственно, увеличивается;

– выделение, разделение – имущественная масса соответствующим образом уменьшается;

– преобразование – на объем общую характеристику и объем имущественной массы хозсубъекта не влияет, хотя абсолютное, количественное выражение активов может претерпевать некоторые изменения.

3. Фактор сохранения/НЕсохранения ранее существовавшего юридического лица:

– выделение, присоединение, преобразование (сохраняется);

– разделение, слияние (не сохраняется).

4. Акт, оформляющий реорганизацию хозсубъекта (юрлица):

– передаточный акт в случаях слияния, присоединения, преобразования;

– разделительный баланс в случаях разделения, или выделения.

5. Момент реорганизации:

– С момента государственной регистрации вновь создаваемых в результате реорганизации юридических лиц – в случаях слияния, разделения, выделения, или преобразования;

– С момента внесения в единый госреестр юридических лиц записи о прекращении деятельности присоединенного юридического лица – для случаев присоединения.

Ключевой проблемой осуществления реорганизации является отсутствие единой процедуры, которая не привязана к юридическим формам хозяйствующих субъектов, а сами этапы процесса реорганизации зависят от специфики субъектов, включенных в данный процесс. При этом среди основных особенностей реорганизации можно выделить следующие моменты.

1. Слияние – в результате такой формы реорганизации два, или более юридических лица замещаются одним новым юридическим лицом – приемником, а все права, и обязанности прежних юридических лиц, переставших в итоге такой реорганизации существовать, переходят к нему.

Такая реорганизация всегда, по крайней мере номинально, происходит по юридической инициативе самих хозяйствующих субъектов, и, соответственно, с юридической точки зрения по общему правилу считается добровольной.

В ситуации, когда объединяются организации различных организационно-правовых форм, слияние необходимо проводить в два этапа: на первом из которых объединяющиеся компании преобразуются в одну и ту же правовую форму, (например, ЗАО, объединяющееся с ПАО, предварительно так же преобразуется в ПАО) и только потом объединяются в единое юрлицо.

2. Присоединение, когда одно или несколько юридических лиц присоединяются к другому, аффилированное юридическое лицо (лица) прекращает свое существование, и лицо, к которому оно присоединяется, в дополнение к своим правам и обязанностям приобретает права и обязанности аффилированного лица (лиц).

Присоединение, как и слияние, с юридической точки зрения номинально может быть осуществлено только на добровольной основе, и с юридической точки зрения по общему правилу также считается процедурой добровольной. Кроме того, присоединяемые хозсубъекты также должны иметь одинаковую юридическую форму с организацией к которой они присоединяются.

3. Выделение – процедура при которой из состава юридического лица «выходят» одно или несколько новых юридических лиц. В то же время «исходное» юридическое лицо продолжает существовать. Объем прав и обязанностей юридических лиц, возникающих в процессе выделения, и «исходного» юридического лица устанавливается в разделительном балансе.

В зависимости от причин и целей, выделение может быть добровольным или обязательным, но на практике, как правило, является принудительной и обычно обоснована инициативой регулирующих антимонопольных органов с целью ограничения монополистической деятельности экономических субъектов. При этом принудительное выделение возможно лишь в ситуации, когда совпадает ряд условий, в том числе:

– принудительное выделение приведет к стимулированию конкуренции;

– существует возможность организационно-территориального разделения структурных подразделений организации;

– отсутствует тесная технологическая взаимосвязь между структурными подразделениями организации;

– юридические лица имеют возможность в результате реорганизации самостоятельно работать на рынке определенного товара.

Выделение на добровольной основе происходит точно так же, как и при других формах реорганизации, т.е. по решению учредителей (участников) юридического лица либо его органа, уполномоченного учредительными документами.

Таким образом, все перечисленные типы преобразования, за исключением выделения, связаны с прекращением деятельности как минимум одного юридического лица, права и обязанности которого согласно закону не прекращаются, а перетекают к правопреемникам, в чем и заключается принципиальное отличие реорганизации от ликвидации.

Очевидно, что поскольку реорганизация всегда неразрывно связана с перераспределением собственности, одним из ключевых моментов данной процедуры априори является определение объема прав и обязанностей, переходящих к правопреемникам.

Даже поверхностный анализ показывает, что реорганизации права и обязанности реорганизованных юридических лиц могут переходить:

– в полном объеме лишь одному правопреемнику (слияние, присоединение и преобразование);

– в полном объеме нескольким правопреемникам в соответствующих долях (разделение);

– частично одному, или нескольким правопреемникам (выделение).

Необходимо обратить внимание, на тот факт, что все случаи реорганизации, исключая присоединение, ведут к формированию новых юридических лиц, в связи с чем реорганизация должна рассматриваться не только в качестве способа прекращения деятельности юридических лиц, но и как причина зарождения новых юридических лиц.

Иными словами реорганизация представляет собой процессы:

– либо прекращения юридического лица (присоединение);

– либо формирование юридических лиц (выделение);

– либо одновременно и то и другое (слияние, разделение, преобразование).

Каких либо способов реорганизации, при которой бы юридические лица не прекращали своего существования и (или) не возникали бы заново, в законодательстве не усматривается [2, с. 228].

Реорганизация юридического лица на территории России, возможна лишь в рамках Российского Гражданского кодекса на основании решения учредителей, или уполномоченного органа. Если дынные условия не выполнены, решение о реорганизации или ликвидации юридического лица, также как и акт о регистрации нового юридического лица, появившегося в результате такой реорганизации лица, должны быть признаны не действительными в судебном порядке.

Согласно ст. 60.1 российского Гражданского кодекса, требовать признания решения о реорганизации недействительным в судебном порядке могут участники реорганизуемого юридического лица и иные лица, обладающие таким правом в силу закона – например, антимонопольные органы.

Срок исковой давности по таким требованиям в российском правовом поле существенно снижен в сравнении с общим сроком исковой давности и представляет собой период не позднее 3-х месяцев после внесения записи в ЕГРЮЛ о начале процедуры реорганизации, если иное не предусмотрено законодательной базой.

При этом необходимо отметить, что в настоящее время Гражданский кодекс России не содержит

четкого перечня таких оснований, в следствии чего представляется целесообразным руководствоваться общими критериями оспоримости решения собраний, перечисленными в статье 181.4 Гражданского кодекса, однако, принимая в овнимание сложную правовую природу реорганизации, нормы о решениях не в состоянии охватить все возможные на практике нарушения, допускаемые при реорганизации хозяйствующих субъектов.

Необходимо отметить, что российское законодательство достаточно либерально по отношению ко вновь создаваемым в результате реорганизации юридическим лицам, в случаях, когда само решение о реорганизации признается недействительной. В частности:

– созданное в результате оспоренной реорганизации юридическое лицо не ликвидируется, и основания для обжалования заключенных им сделок не возникает;

– если реорганизация прервана до своей завершающей фазы, когда часть вновь создаваемых юридических лиц уже зарегистрированы, а следовательно – успели стать полноценными участниками гражданского оборота, а другая часть – еще нет, то правопреемство возникает только в отношении уже зарегистрированных на момент признания недействительным решения о реорганизации юридических лиц.

Вместе с тем, российское законодательство предусматривает солидарную имущественную ответственность созданных в результате незаконной реорганизации компаний и лиц, недобросовестно способствовавших принятию обжалуемого решения о реорганизации, перед голосовавшим против или отсутствующим на собрании участником и перед кредиторами, а также ответственность членов коллегиального органа (совета директоров, наблюдательного совета), голосовавших за недобросовестную реорганизацию, если решение данного вопроса относилось к их компетенции.

Решение о реорганизации может быть принято учредителями (участниками) или соответствующим органом юридического лица. При этом сама реорганизация может быть добровольной, либо принудительной.

Как уже было отмечено, правовое регулирование процесса реорганизации проистекает из норм Гражданского кодекса, положений специальных законов об организационно-правовых формах юридических лиц, законов о различных видах деятельности и других источников права. Результатом, такого положения дел, является фактическое отсутствие универсального представления о концепции реорганизации, ее формах, порядке и последствиях.

Рассмотрим особенности отдельных видов реорганизации. В первую очередь здесь, безусловно, стоит обратить внимание, что на основании положений десятой статьи Гражданского кодекса не позволяющей злоупотребления правом, в том числе указывающей на недопустимость злоупотребления доминирующим положением на рынке [1], разделение и выделение как форма реорганизации юридических лиц могут осуществляться не только в добровольном, но и в принудительном порядке, что отличает данные процедуры от других форм реорганизации.

Сами же порядок и основания принудительного разделения (выделения) по инициативе не юридического лица, его бенефициаров и органов управления, а на основании судебных решений по иску антимонопольного органа прописаны в статье 38 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Ключевым вопросом, проистекающим из любой конкретной процедуры разделения (выделения), естественным образом становится пропорциональность распределения прав и обязанностей преобразуемого субъекта между его вновь образуемыми правопреемниками. Каких-либо жестко установленных законодательных критериев здесь не установлено, и в каждом конкретном случае, решение принимается соответствующим судом исходя из необходимости соблюдения общих требований выше указанной статьи 38 Закона «О защите конкуренции».

Для случаев же добровольного разделения и (или) выделения вообще никаких критериев не установлено, кроме экономической целесообразности, которую в каждом конкретном случае можно трактовать как угодно, а также за исключением общих положений уже упомянутой статьи десятой Гражданского кодекса, требующей от участников гражданско-правовых отношений добросовестности, наличие или отсутствие которой в большинстве случаев подтвердить или опровергнуть можно исключительно в судебном порядке.

Соответственно вопрос распределения прав и обязанностей при реорганизации юридического лица в форме разделения и выделения затрагивает интересы кредиторов реорганизуемого общества, а также его миноритарных акционеров, тем более, что на практике разделении и выделения довольно часто применяются для перераспределения активов и пассивов таким образом, чтобы большая часть его обязанностей оказывалась у субъекта, акционеры которого представляли меньшинство при рассмотрении вопроса о реорганизации и не могли защитить свои интересы [3, с. 30].

Очевидно, что решение проблемы пропорционального распределения прав и обязанностей при разделении и выделении в законодательном порядке необходимо установление критериев, согласно которым должна определяться степень недостаточности передаваемого при разделении (выделении) лицу-правопреемнику активов и имущества, для исполнения перешедших к нему обязанностей и привлечения в таком случае к субсидиарной ответственности остальных правопреемников. Иными словами, необходимо законодательное закрепление пропорциональности и солидарности ответственности по обязательствам материнской компании всех хозяйствующих

субъектов, образуемых в результате ее реорганизации, в независимости от решений акционеров, бенефициаров и управляющих органов.

Также необходимо отметить, что в настоящее время законодательство об акционерных обществах не содержит четких указаний о возможности совмещения при реорганизации в форме выделения трех способов размещения акций (конвертации, распределения акций среди акционеров реорганизуемого общества и их приобретения самим реорганизуемым обществом).

Весьма важным моментом проведения процедуры реорганизации акционерного общества, или иного хозяйствующего субъекта является право кредиторов на получение информации о начале реорганизации.

В настоящее время законодательно установлено, что начиная процедуру реорганизации, юридическое лицо обязано дважды подать соответствующее объявление в средствах массовой информации, что при современном обилии последних при снижении популярности бумажных носителей в пользу электронных версий, практически не дает шансов своевременно получить информацию о начале реорганизации заинтересованными лицами. Кроме того, Закон «О государственной регистрации юридических лиц…», требует уведомление органа, регистрирующего юридические лица и предпринимателей, а также устанавливает требование последующего, в течение пяти дней, письменного уведомления «всех известных кредиторов». Данное требование все же оставляет небольшую лазейку в случае недобросовестности реорганизуемого лица – например письменное уведомление можно направит по юридическому адресу, а не по фактическому, если с момента возникновения взаимоотношений фактический адрес кредитора изменился, о чем официального извещения кредитуемая организация не получила и т.п.

Очевидно, что данный аспект правоотношений нуждается в дальнейшем законодательном регламентировании. В частности, что наиболее адекватной санкцией за неуведомление или не своевременное уведомление кредитора о реорганизации могло бы стать предоставление данному соответствующему кредитору права требовать от образующихся в результате реорганизации юридических лиц досрочного исполнения обязательств материнской организации. А поскольку при разделении и выделении не получивший уведомления кредитор не может установить правопреемника по обязательству реорганизованного субъекта, представляется целесообразным законодательное установление правила, согласно которым в указанных случаях юридические лица-правопреемники являются субсидиарными должниками по обязательствам перед кредиторами, которые не были надлежащим образом уведомлены о реорганизации.

Что касается права право кредиторов требовать от реорганизуемого юридического лица досрочного прекращения или исполнения обязательств и возмещения убытков, необходимо отметить, что изменения Гражданского кодекса, действующие с 2014 года с одной стороны закрепили права требовать досрочного погашения обязательств реорганизуемого лица, лишь в случае направления данных требований ранее, чем само реорганизуемое юридическое лицо уведомило регистрирующий орган о начале своей реорганизации, и только в случае, если кредитору не предоставлено обеспечение, гарантирующее исполнение обязательств правопреемниками. С другой стороны, п. 3 ст. 60 Гражданского кодекса устанавливает, что если требования о досрочном прекращении обязательств, поданные в срок и надлежащим образом не выполнены реорганизуемым юридическим лицом, то солидарную ответственность перед кредитором наряду с юридическими лицами, созданными в результате реорганизации, несут лица, имеющие фактическую возможность определять действия реорганизованных юридических лиц (бенефициары), если они своими действиями (бездействием) способствовали наступлению соответствующих последствий для кредитора, а при реорганизации в форме выделения солидарную ответственность перед кредитором наряду с указанными лицами несет также реорганизованное юридическое лицо [1].

Введение указанных норм, безусловно? способствует повышению степени защищенности интересов кредиторов, поскольку во многом данные нормы исключают возможность ухода от исполнения обязательств путем реорганизации юридического лица.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL : http://base.consultant.ru

2. *Шелковая А.Н.* Проблемы реорганизации юридических лиц // Синергия Наук. 2020. № 47. С. 227–250.

3. *Рудинский В.А.* Некоторые проблемы защиты прав кредиторов недобросовестно реорганизованных юридических лиц // Альманах молодого исследователя. 2016. № 1. С. 29–32.

Literature:

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL : http://base.consultant.ru

2. *Silkovaya A.N.* Problems of reorganization of legal entities // Synergy of Sciences. 2020. № 47. P. 227–250.

3. *Rudinsky V.A.* Some problems of protecting the rights of creditors of unscrupulously reorganized legal entities // Almanac of a young researcher. 2016. № 1. P. 29–32.

УДК 340
DOI 10.23672/h9991-5911-3329-z

Людкевич Юрий Николаевич
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
ev-grishay@mail.ru

Афаунов Анзор Зурабович
кандидат социологических наук,
заместитель начальника кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
майор полиции
anzor.afaunov@list.ru

Татлок Адам Казбекович
преподаватель кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
подполковник полиции
anzor.afaunov@list.ru

Специфика и динамика сообщений, упоминающих преступления коррупционной направленности (по результатам анализа социальных сетей с 01.03.2020 по 01.05.2020)

Аннотация. В современном обществе одним из важнейших оснований стабильности является доверие населения по отношению к основным государственным институтам. В этом плане одной из серьезных проблем становится проблема коррупции и ее укоренение в сфере общественного сознания. В статье анализируются: основные аспекты освещения проблемы коррупции в сфере сетевой коммуникации; количественный и качественный аспекты публикуемых сообщений; основные социальные характеристики авторов информационных сообщений, посвященных теме коррупции. Исследуется востребованность данных сообщений сетевой аудиторией. Изучаются социальные характеристики аудитории информационных сообщений, посвященных тематике коррупции.

Ключевые слова: общество, государственные институты, коррупция, общественное мнение, сетевая коммуникация, социальные сети, стереотипы, информационные сообщения.

Yuri N. Lyudkevich
Candidate of Legal Sciences,
Deputy head of the Department
Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
ev-grishay@mail.ru

Anzor Z. Afaunov
Candidate of Sociological Sciences,
Deputy head of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Police Major
anzor.afaunov@list.ru

Adam K. Tatlock
Teacher of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Lieutenant Colonel of Police
anzor.afaunov@list.ru

Specificity and dynamics of messages mentioning corruption-related crimes (based on the analysis of social networks from 01.03.2020 to 01.05.2020)

Annotation. In modern society, one of the most important foundations of stability is the trust of the population in relation to the main state institutions. In this regard, one of the serious problems is the problem of corruption and its rooting in the sphere of public consciousness. The article analyzes the main aspects of highlighting the problem of corruption in the field of network communication. Quantitative and qualitative aspects of published messages are analyzed. The main social characteristics of the authors of information messages on corruption are analyzed. The demand for these messages by a network audience is being investigated. The social characteristics of the audience of information messages on corruption are studied.

Keywords: society, state institutions, corruption, public opinion, network communication, social networks, stereotypes, information messages.

Государство стремится к установлению и сохранению стабильности в обществе, что реализуется в рамках деятельности целого ряда государственных институтов, регулирующих различные области общественной жизни. Существует множество работ, посвященных проблемам и сложностям политического регулирования, связанным с состоянием общественной системы. Вместе с тем, существуют деструктивные факторы, связанные с внутренними нарушениями в ряде государственных институтов, которые задают существенное снижение эффективности регулятивной деятельности, а также, определяют нарушение взаимодействия между государством и гражданским населением. Одной из наиболее острых проблем подобного плана является проблема коррупции, сущность которой состоит в неправомерном распоряжении носителей властных полномочий своими служебными возможностями, с целью получения личной выгоды (что, несомненно, сказывается на эффективности регулирования социальных процессов, определяет некорректное распределение государственных ресурсов, включая материальные, определяет нарушение механизмов социальной саморегуляции через вмешательство «нечистых на руку» носителей власти и т.д.). Одним из серьезных негативных последствий такого рода явления становится нарушение доверия к власти в гражданской среде [2], связанное с личным или заочным столкновением граждан с фактами коррупционной деятельности. В крайней своей форме данная тенденция выражается в открытом недоверии и отношению к власти, в частности, с негативной стереотипизацией носителей властных полномочий [4]. При этом если поставить вопрос о том, какова природа источников негативного отношения населения к носителям власти, можно заключить о комплексном характере процесса возникновения подобного рода мировоззренческих установок. С одной стороны, серьезным основанием для формирования негативных представлений о носителях властных полномочий выступает отрицательный личный опыт членов общества, а также, личный опыт представителей их ближайшего окружения, которое, как отмечает А. Шютц, выступает в качестве одного из ключевых источников сведений об окружающем мире [5]. Подобного рода личный опыт (прямой и опосредованный) имеет определенную фактическую обусловленность, что позволяет хотя бы на базовом уровне оценивать достоверность и обоснованность воспринимаемых суждений. Вместе с тем, в условиях современного развития информационных технологий получение социального опыта опосредованно приобретает доминирующее значение. Как отмечает известный исследователь в сфере коммуникативистики М. Маклюэн, современные средства цифрового взаимодействия выступают в роли «внешних расширений органов чувств человека» [3], то есть, по сути, являются инструментом познавательной деятельности, применяемым повсеместно. Благодаря обширному распространению сетевой коммуникации и возникновению огромного количества средств массовой информации, реализуется интенсивная по своему характеру тенденция перехода от самостоятельного познания к познанию через средства коммуникации. При этом, если хотя бы на уровне ближнего круга людей, с которыми человек вступает во взаимодействие, он обладает возможностью оценки достоверности и объективности того или иного рассказа (на основании рассмотрения личностных качеств субъекта коммуникации), то в ситуации, когда происходит многократная репрезентация информационного сообщения, крайне проблематичным становится определение подлинности информационного сообщения ввиду того, что его источник неизвестен. При этом, что немаловажно, даже переложение очевидцем событий, в которых он участвовал, может быть несвободно от элементов интерпретации и «достраивания» личного опыта [1], в то время как процесс многократной репрезентации определенной истории может сопровождаться ее многократным искажением, в результате которого смысл исходного события в существенной степени меняется.

Итак, мы уже обратили внимание на риски, связанные с опосредованным социальным познанием в сфере цифровой коммуникации, связанные с искажением ситуаций, имевших место в обществе, однако, не менее опасным является то, что область социально-коммуникативного взаимодействия превращает отдельные социальные явления и смыслы в фактически самостоятельные информационные блоки, существующие уже независимо от своего исходного основания. Это - самостоятельное существования элементов мировоззрения в социально-коммуникативной среде определяет возможность устойчивого развития даже тех представлений, которые далеки от реальности. И в этом кроются очень серьезные социальные риски, связанные с репрезентацией негативных социальных установок, как активно действующего социального механизма, существующего независимо от реального положения дел. Главной проблемой, в данном случае, является то, что даже в условиях преодоления определенного социального нарушения, его «след» в общественном сознании сохраняется, продолжая оказывать деструктивное воздействие на область общественного сознания и те процессы, которые оно определяет. В этом плане мы не случайно затронули тематику коррупции, выступающей в качестве одной из наиболее острых проблем государственного регулирования. Помимо того, что явления коррупции серьезно снижают эффективность государственной деятельности, они также задают комплекс серьезных последствий на уровне общественного сознания, связанных с формированием устойчивых негативных представлений о различных государственных институтах. И в данном случае одним из важных вопросов становится то, насколько обширными и интенсивными по своей представленности являются негативные процессы репрезентации элементов социального мировоззрения, отражающие моменты коррупционной активности.

Интенсивность репрезентации тематической сферы коррупции в социально-коммуникативном процессе имеет значение по двум основаниям. С одной стороны, речь идет об актуализации проблемы коррупции в общественном сознании, с другой – уровень отражения тематики коррупции в социально-коммуникативной сфере определяет степень остроты проблемы. Причем, мы говорим

в данном случае не столько о проблеме реального присутствия коррупции в социальной среде, сколько о проблеме убежденности населения в коррупционном характере ряда государственных сфер.

С целью определения характера ситуации нами было осуществлено аналитическое исследование уровня освещения тематики коррупции в сфере сетевой коммуникации, что включает в себя размещение информационной продукции, тематическим содержанием которой является коррупционная деятельность, на уровне ключевых информационных ресурсов. Наибольшее внимание нами уделяется характеру освещения тематики коррупционной деятельности на уровне социальных сетей, субъектами коммуникации в которых выступают рядовые члены общества. Анализ характера представленности тематики коррупции в данной сфере позволяет сформировать вывод о том, насколько интенсивным является упоминание коррупции в сетевой коммуникации, каковы социальные характеристики авторов информационных сообщений, посвященных коррупционной деятельности, какова качественная определенность публикуемых информационных сообщений, насколько востребованными они являются в сетевой сфере и т.д.

В рамках проведенного исследования нами были проанализированы информационные сообщения, посвященные тематике коррупции, за период с 01.03.2020 по 01.05.2020 на уровне ведущих электронных ресурсов (включая популярные блоги и социальные сети). По результатам исследования были получены следующие результаты. В течение обозначенного периода было опубликовано 907 тыс. информационных сообщений, затрагивающих в какой-либо форме тематику коррупционной деятельности. Ниже представлена таблица, характеризующая тональность представленных сообщений по критерию оценки происходящего и характера отношения к властным структурам.

Тональность сообщений	Всего сообщений	%
Негативные	152932	16,86 %
Нейтральные	747718	82,44 %
Позитивные	6322	0,70 %
Итого	906972	100,0 %

Таким образом, как мы видим из приведенной таблицы, среди информационных сообщений, посвященных тематике коррупции, лишь 0,7 % (6322 сообщения) носят позитивный окрас. В основном, речь идет о ситуациях, когда, вопреки ожиданиям, не имело место факта коррупционной деятельности, либо имел место факт успешной борьбы с коррупцией. При этом подавляющее большинство информационных сообщений носит либо нейтральный (82,44 %), либо негативный характер.

В данном случае следует акцентировать внимание на двух важных показателях. С одной стороны, уровень негативных упоминаний тематики коррупции в более чем 24 раза выше, нежели уровень позитивных, что характеризует настораживающую тенденцию в социально-информационной сфере, связанную с подавляющим перевесом отрицательных форм социального опыта, активно репрезентируемого в коммуникативной среде. С другой стороны, наибольший удельный процент сообщений, затрагивающих тематику коррупции, имеет все же нейтральный характер. Это свидетельствует о том, что, несмотря на высокую интенсивность репрезентации негативных установок социального мировоззрения, связанных с тематикой коррупции, все же, в основной своей массе обсуждение коррупционной тематики носит информирующий, нейтральный характер, что свидетельствует о возможности выправления ситуации и, в частности, свидетельствует о том, что данная проблема еще не перешла в свое пиковое состояние.

Анализ представленности информационных сообщений, посвященных тематике коррупции, по основным информационным ресурсам (включая социальные сети), привел к следующим результатам.

Тип соцмедиа	Всего сообщений	%
Соцсеть	743571	81,98 %
Блог	68321	7,53 %
СМИ	63711	7,02 %
Messenger	17964	1,98 %
Форумы	12909	1,42 %
Другое	467	0,05 %
TOR	19	0,00 %
Итого	906962	100,0 %

Таким образом, как видно из приведенной таблицы, подавляющее большинство информационных сообщений, посвященных тематике коррупции (81.98%), представлено на уровне социальных сетей. Это означает, что основными субъектами репрезентации социального дискурса, посвященного коррупционной деятельности, являются рядовые пользователи. На втором месте по распространенности упоминаний коррупционной деятельности находятся популярные блоги, и лишь на третьем – сетевые СМИ. Рассмотрим подробнее такой аспект, как охват аудитории сообщений, упоминающих коррупционную тематику. Аудитория данных сообщения составляет 6.945 млн. человек, в то время как число авторов данных сообщений составляет 445 тыс. человек.

Таким образом, на одного автора информационного сообщения, посвященного коррупции приходится чуть более 15 человек, воспринявших его в сетевой сфере. Показательным в данном отношении является такой аспект, как уровень вовлеченности аудитории, рассчитываемый по числу лайков и репостов информационных сообщений, посвященных коррупционной тематике. Здесь мы наблюдаем следующие цифры: на почти 7 млн. человек активной аудитории приходится свыше 16 млн. лайков и репостов, что свидетельствует о существенном потенциале распространения данных сообщений в сетевой сфере.

Отдельно следует проанализировать такой аспект, как социальные характеристики авторов информационных сообщений, посвященных коррупции, а также наиболее активной их аудитории. В ходе исследования был проанализирован возраст авторов публикаций, посвященных коррупционной деятельности

Возраст	%	Количество
< 18	4,05 %	4294
18–24	6,42 %	6800
25–39	24,08 %	25519
40–60	36,67 %	38851
➢ 60	28,78 %	30492

Как становится видно из приведенной таблицы, подавляющее большинство авторов подобного рода сообщений относятся к возрастной группе старше 24 лет. При этом наибольшая активность наблюдается в среде членов общества, возраст которых колеблется в диапазоне от 40 до 60 лет (36.67 %). Среди аудитории информационных сообщений, посвященных коррупции, статистика несколько иная.

Возраст	%
< 18	10,9 %
18–24	26,8 %
25–39	44,6 %
40–60	13,1 %
> 60	4,6 %

Здесь, как мы видим, молодые люди проявляют существенно большую активность. При этом преобладающей группой среди аудитории является возрастная группа в диапазоне от 25 до 39 лет, на которую приходится 44,6 % прочтений. Отдельного внимания заслуживает такой показатель, как материальное положение аудитории.

Диапазон доходов	%
< 20000	55,1 %
20000–40000	25,1 %
40000–70000	16,4 %
70000–120000	4,2 %
> 120000	1,4 %

Таким образом, интерес к тематике коррупции проявляют, преимущественно, члены общества с низким и средним доходом, на которых приходится 55,1 % и 25,1 % соответственно. Отчасти это объясняется повышенной заинтересованностью данных групп населения в адекватной поддержке со стороны государства и обеспечении социальной справедливости. При этом справедливо и суждение о том, что члены общества, ущемленные в материальном плане, значительно более расположены к осмыслению коррупционных проблем, а также объяснению собственных проблем материального плана неудовлетворительным состоянием власти.

Подводя итоги, отметим, что в настоящее время тематика коррупции активно поднимается в информационно-коммуникативной сфере, при этом наибольшую востребованность она имеет в среде социально уязвимых членов общества. Немаловажно и то, что основной аудиторией таких сообщений являются наиболее социально и политически активные члены общества (представители молодежи и средней возрастной группы), что подчеркивает важность и актуальность проблемы.

Литература:

1. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. М. : «Медиум», 1995.

2. *Кофанова Е.Н.* Общественное мнение о коррупции в России / Е.Н. Кофанова, В.В. Петухов // Мониторинг. 2005. № 1. С. 4–16.

Literature:

1. *Berger P.* Social design of reality / P. Berger, T. Lukman. M. : «Medium», 1995.

2. *Kofanova E.N.* Public opinion on corruption in Russia / E.N. Kofanova, V.V. Petukhov // Monitoring. 2005. № 1. P. 4–16.

3. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.

4. *Михеев В.А.* Власть и гражданские институты: к проблеме доверия и недоверия // Власть. 2017. № 5. С. 162–167.

5. *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шюц; Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

3. *Macluen M.* Understanding media: external extensions of a person. M., 2003.

4. *Mikheev V.A.* Power and civil institutions: to the problem of trust and mistrust // Power. 2017. № 5. P. 162–167.

5. *Schütz A.* Sense structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology / A. Schütz; Comp. A.Ya. Alkhasov; translate from the English A.Ya. Alkhasova, N.Ya. Mazlumyanova; Scientific editor of translation G.S. Batygin. M. : Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. 336 p.

УДК 614.251
DOI 10.23672/u0480-7585-0896-z

Ковелина Татьяна Афанасьевна
доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
психологии и педагогики,
Кубанский государственный
медицинский университет
Kovelina.56@mail.ru

Марухно Василиса Михайловна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры философии,
психологии и педагогики,
Кубанский государственный
медицинский университет
vasilisa_amg@mail.ru

Собянин Андрей Викторович
студент,
педиатрический факультет,
Кубанский государственный
медицинский университет
andress.007@yandex.ru

Новеллы законодательства в сфере здравоохранения

Аннотация. Авторами проведен сравнительно-правовой анализ текста поправок, вносимых в действующую Конституцию, инорматив-но-правовых актов в сфере здравоохранения субъектов РФ с целью научно обосновать необходимость унификации законодательства в области медицинской и фармацевтической деятельности путем внесения поправок в статьи 71 и 72 Конституции РФ для создания единообразия правового регулирования в области здравоохранения с учетом особенностей отдельных регионов. В ходе исследованияобыли обозначены особенности правового регулирования медицинской деятельности в Краснодарском крае, Санкт-Петербурге и Республике Саха (Якутия).

Ключевые слова: охрана здоровья, здравоохранение, правовое регулирование, медицинская деятельность, поправки к Конституции РФ, унификация законодательства.

Tatiana A. Kovelina
Doctor of Philosophical Science,
Professor of the Department of Philosophy,
Psychology and Pedagogics,
Kuban State Medical University
Kovelina.56@mail.ru

Vasilisa M. Marukhno
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Psychology and Pedagogy,
Kuban State Medical University
vasilisa_amg@mail.ru

Andrey V. Sobyanin
Student,
Faculty of Pediatrics,
Kuban State Medical University
andress.007@yandex.ru

Legislative innovation in the field of healthcare

Annotation. The authors conducted a comparative legal analysis of the text of amendments to the current Constitution and legal acts in the field of healthcare in the Russian Federation in order to scientifically substantiate the need to unify legislation in the field of medical and pharmaceutical activities by amending articles 71 and 72 of the Constitution of the Russian Federation to create uniformity of legal regulation in the field of healthcare, taking into account the peculiarities of individual regions. During the research, the features of legal regulation of medical activity in the Krasnodar territory, St. Petersburg and the Republic of Sakha (Yakutia) were identified.

Keywords: health protection, healthcare, legal regulation, medical activity, amendments to the Constitution of the Russian Federation, unification of legislation.

Введение. Поправки, вносимые в Конституцию РФ, затрагивают различные сферы общественной жизни и деятельности, включая здравоохранение. Опыт издания федеральных нормативно-правовых актов в области здравоохранения, а именно ФЗ-323 «Об основе охраны здоровья граждан Российской Федерации» от 21 ноября 2011 года, показал, что активное и масштабное обсуждение как на государственном уровне, так и на уровне профессиональных групп (врачей-специалистов и их ассоциаций) и элементов гражданского общества (организации пациентов) приводит к эффективному совершенствованию правового регулирования медицинской деятельности в области охраны здоровья населения. Предложения медицинской общественности и граждан РФ по вопросам изменения Конституции, поступившие в Рабочую группу по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации, а также, результаты обсуждений проекта Закона РФ«О совершенствовании регулирования отдельных вопросов

организации и функционирования публичной власти» в регионах, были учтены и представлены в конечном тексте законопроекта. Поправки направлены на унификацию правового регулирования в здравоохранении. Однако существуют некоторые особенности соответствующих правовых актов в регионах.

Предложения Национальной медицинской палаты по внесению изменений в Конституцию РФ были озвучены президентом Национальной медицинской палаты Л.М. Рошалем на встрече Президента РФ Владимира Путина с Рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. В настоящее время система здравоохранения России уже не может довольствоваться единственной 41 статьей Конституции, посвященной здравоохранению, основам оказания медицинской помощи [1]. Поэтому было предложено внести изменения в статью 71 (включение в ведение Российской Федерации установление единых правовых основ организации оказания медицинской помощи) и статью 72 (передать в ведение субъектов Российской Федерации координацию вопросов здравоохранения, включая создание условий для ведения здорового образа жизни, обеспечение доступной и качественной медицинской помощи), а также, пункт «в» части 1 статьи 114 дополнить положением о единстве социально ориентированной государственной политике, дополнить 131-ю статью положением о полномочиях органах местного самоуправления по обеспечению доступности медицинской помощи [1]. Указанные изменения призваны создать вертикаль управления в здравоохранении, направленную на соблюдение единого подхода к организации медицинской и фармацевтической деятельности в сфере охраны здоровья граждан [1]. Законопроект «О поправке к Конституции РФ» одобрен Государственной думой РФ 11.03.2020, одобрен Советом Федерации 14.03.2020 и подписан Президентом РФ 14.03.2020, полный список поправок опубликован на сайте Госдумы.

Цель исследования: в связи с внесением поправок в действующую Конституцию мы считаем необходимым провести сравнительно-правовой анализ нормативно-правовых актов, действующих на различных уровнях здравоохранения, и сделать выводы о необходимости унификации законодательства в сфере медицинской и фармацевтической деятельности для создания единообразия правового регулирования в области здравоохранения с учетом особенностей отдельных регионов.

Материалы и методы. В ходе изучения поставленной проблемы были использованы методы сравнительно-правового анализа текста законопроекта в динамике от внесения в Государственную думу РФ до подписания Президентом РФ; монографически – описательный метод, а также, в качестве методологических установок – деятельностный и региональный подходы. Информационными источниками послужили законодательства в сфере здравоохранения общефедерального и регионального уровня, а именно Краснодарского края, города Санкт-Петербурга, республики Саха.

Результаты и обсуждение. Согласно положениям статьи 71 действующей Конституции, в ведении Российской Федерации находится установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации [2; 4]. Поправки, вносимые в эту статью, предполагают, что вопросы установления единых правовых основ системы здравоохранения передаются в ведение Российской Федерации [3, 4]. Ранее правовое регулирование в здравоохранении находилось в совместном ведении РФ и ее субъектов.

Создание единой правовой системы в области здравоохранения должно обеспечивать совершенствование правового регулирования медицинской и фармацевтической деятельности. Возникает вопрос об учете особенностей правового регулирования на уровне субъекта. Нормативно-правовые акты субъектов РФ, как правило, отражают социально-экономические, медицинские, климатические, географические, исторические, демографические и иные особенности регионов. Они определяют развитие здравоохранения, исходя из наиболее значимых проблем, решение которых первостепенно в данном регионе.

Рассмотрим некоторые положения нормативно-правовых актов субъектов РФ. В Законе Краснодарского края от 19 июня 1997 года № 90-КЗ «Об охране здоровья населения Краснодарского края» особое внимание уделяется вопросам санаторно-курортного лечения, установлены цели и задачи этой сферы деятельности, поскольку на территории Краснодарского края располагается значительное количество курортов, соответствующих профилакториев, санаториев, деятельность которых направлена на поддержание и укрепление здоровья граждан (г. Горячий ключ, Черноморское побережье) [5]. Наряду с санаторно-курортным лечением, определено понятие «медицинская реабилитация» с уточнением комплексного характера мер и сферы применения. Отдельная глава посвящена правовому регулированию реализации образовательных программ медицинского и фармацевтического образования, где определена практическая направленность подготовки будущих специалистов и принципы организации медицинского и фармацевтического профессионального образования на территории края.

Закон Санкт-Петербурга от 20 июня 2012 года № 367-63«Об основах организации охраны здоровья граждан в Санкт-Петербурге» начинается преамбулой, в которой определены основные направления правового регулирования в области здравоохранения, среди которых особое место занимает охрана здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака [6]. В тексте закона неоднократно подчеркивается необходимость борьбы с воздействием табачного дыма на организм человека и его здоровье, что указывает на актуальность этой в Санкт-Петербурге и на приоритет ее решения. Особое внимание в данном Законе уделяется оказанию гериатрической помощи

населению, что связано с демографическими особенностями территории. По данным статистического бюллетеня Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (ПЕТРОСТАТ)на 1 января 2019 года в Санкт-Петербурге проживает 5383890 чел., из них 3070231 чел. (57 %) трудоспособного возраста,1467472 чел. старше трудоспособного возраста (27 %), 846187 чел. (16 %) моложе трудоспособного возраста [7].

В преамбуле Закона Республики Саха (Якутия) от 19 мая 1993 года № 1488-XII «Об охране здоровья населения в Республике Саха (Якутия)» отражены идеалы гармоничного существования личности в природной и социальной среде [8]. С учетом специфики жизни населения в Республике Саха (Якутия), Закон (статьи 5 и 24)предусматривает обеспечение жизненного уровня гражданами для обеспечения их права на охрану здоровья с учетом климатических и природных условий проживания [8].

Для сохранения генофонда населения Республики Саха (Якутия), предотвращения демографического кризиса, минимизации и устранения действия факторов, влияющих на генетический материал человека, для сохранения здоровья будущих поколений и уменьшения распространенности наследственной патологии Закон устанавливает комплексный пакет мер по обеспечению здоровья малочисленных народов Севера. В частности, статья 6 устанавливает обязанность родителей соблюдать интергенетические интервалы и иные правила, способствующие рождению полноценных здоровых детей, что обусловлено популяционными и генетическими особенностями населения, распространенностью близкородственных браков [8]. Статья 22 гарантирует право на бесплатные консультации по вопросам планирования семьи по медицинским показаниям [8].

Статья 13 Закона Республики Саха (Якутия) № 1488-XII «Об охране здоровья населения в Республике Саха (Якутия)» закрепляет право малочисленных народов Севера на получение всех видов медицинской и социальной помощи за счет целевых государственных программ независимо от характера ведения ими своего хозяйства путем целевой подготовки медицинских и фармацевтических кадров, организации системы медицинской и медико-санитарной помощи, которые учитывают специфику их жизнедеятельности [8].

С учетом факта, что вилюйский энцефаломиелит является краевой патологией Республики Саха (Якутия), Закон определяет приоритет в реализации научно-исследовательских, медицинских и фармацевтических программ по данной патологии, устанавливает право граждан, страдающих этим заболеванием, на государственную медико-социальную помощь [8].

Неотъемлемой частью духовной культуры народов Севера является экологическая культура [8]. Окружающая природная среда, которая является одной из предпосылок формирования и укрепления здоровья человека, охраняется государством и Республикой Саха Якутия.

В статье 72 Конституции РФ содержится положение о том, что в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находится координация вопросов здравоохранения [2, 4]. В пункт «ж» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации вносятся изменения, согласно которым Российская Федерация и субъекты Российской Федерации совместно будут обеспечивать доступность и качество медицинской помощи, что учитывает особенности различных регионов страны и одновременно способствует объединению и укреплению правовой системы в области медицинской деятельности [3; 4]. Повышение эффективности правового регулирования в сфере здравоохранения создает четкую вертикальную модель управления в отрасли.

Важно отметить, что теперь в Основном законе РФ поправками в статье 72 закрепляется факт ответственности граждан за отношение к своему здоровью и передается в совместное ведение РФ и субъектов [3; 4]. Обязанность граждан заботиться о личном здоровье закреплена в Федеральном законе № 323 от 21 ноября 2011 года «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», однако ответственность за ее неисполнение не предусмотрена [9]. Внесение в статью 72 Конституции Российской Федерации положения о совместном ведении субъектов и РФ в вопросах формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью показывает серьезные намерения установления четкого государственного контроля исполнения гражданами обязанности по заботе о личном здоровье, а также создает и укрепляет иерархию правового регулирования в области личного и общественного здоровья. Совместное ведение РФ и субъектов в создании условий для ведения гражданами здорового образа жизни призвано обеспечить эффективность мероприятий, проводимых в области охраны здоровья граждан, и поддерживает приоритет профилактического направления в сфере здравоохранения.

Заключение. Исходя из результатов проведенного исследования, следует вывод о необходимости и своевременности вносимых в Конституцию Российской Федерации поправок, касающихся сферы здравоохранения. Создание единой правовой системы в области охраны здоровья граждан, переданное в исключительное ведение Российской Федерации, несомненно, обеспечивает повышение эффективности правового регулирования медицинской деятельности. Объединение системы правового регулирования на федеральном уровне должно учитывать социально-экономические, климатические, географические, исторические, демографические, медицинские, популяционно-видовые и иныеособенности регионов. Эти особенности помогают учесть поправки, вносимые в статью 72, в соответствии с которыми теперь Российская Федерация и субъекты совместно решают вопросы доступности и качества оказания медицинской помощи населению. Решение этих задач возможно только при учете специфики жизни и организации оказания медицинской помощигражданам в субъектах. Формируя культуру ответственного отношения граждан к своему здоровью, государство открывает новое

направление для сохранения и укрепления как личного, так и общественного здоровья.

В заключение хотелось бы отметить, что поправки, вносимые в Конституцию, неизбежно влекут за собой изменения других законодательных актов, что приводит к укреплению иерархии нормативно-правовых актов в области медицинской и фармацевтической деятельности и формирует вертикаль управления в здравоохранении.

Литература:

1. Стенографический отчёт о встрече с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию.

2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Российская газета. 1993. 25 декабря.

3. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. 2020. Федеральный выпуск № 55 (8109).

4. Государственная Дума Российской Федерации. Сравнительная таблица действующей Конституции Российской Федерации с учетом одобренного закона Российской Федерации «О поправке к Конституции Российской Федерации» «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

5. Закон Краснодарского края от 30.06.1993 № 90-КЗ «Об охране здоровья населения Краснодарского края» (принят Законодательным СобраниемКраснодарского края19 июня 1997 // Кубанские новости. 1997. № 197.

6. Закон Санкт-Петербурга от 03.07.2012 № 367-63 «Об основах организации охраны здоровья граждан в Санкт-Петербурге» // Санкт-Петербургские ведомости. 2012. № 154.

7. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (ПЕТРОСТАТ). Статистический бюллетень. Возрастно-половой состав населения Санкт-Петербурга на 1 января 2019 года. Исх. № ВС-140/1448 от 20.12.2019 г. Санкт-Петербург 2019. Статистический бюллетень.

8. Закон Республики Саха (Якутия) от 19.05.1993 № 1487-XII «Об охране здоровья населения в Республике Саха (Якутия)» (принят постановлениемВерховного СоветаРеспублики Саха (Якутия) от 19.05.1993) // Якутские ведомости. 1993. № 12.

9. Федеральный закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (принят Государственной Думой 1 ноября 2011 года, одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 года) // Российская газета. 2011. № 263.

Literature:

1. Excerpts from transcript of meeting with the working group on preparation of proposals on introducing amendments to the Constitution.

2. Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 // Russian newspaper. 1993. December 25.

3. The Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 № 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public power» // Rossiyskaya Gazeta. 2020. Federal issue № 55(8109).

4. The State Duma Of The Russian Federation. Comparative table of the current Constitution of the Russian Federation, taking into account the approved law of the Russian Federation «On amendments to the Constitution of the Russian Federation» «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power».

5. The Law of Krasnodar territory of 30.06.1993 № 90-KZ «On health protection of the population of Krasnodar territory» (adopted By the legislative Assembly of the Krasnodar region on June 19, 1997 // The Kuban news, 1997. № 197.

6. Law of Saint Petersburg from 03.07.2012 № 367-63 «on the basics of organization of health protection of citizens in Saint Petersburg» // Saint Petersburg Vedomosti. 2012. № 154.

7. Department of the Federal state statistics service for Saint Petersburg and the Leningrad region (PETROSTAT). Statistical bulletin. Age and gender composition of the population of Saint Petersburg as of January 1, 2019. № VS-140/1448 of 20.12.2019 Saint Petersburg 2019. Statistical Bulletin.

8. The Law of the Republic of Sakha (Yakutia) of 19.05.1993 № 1487-XII «On public health protection in the Republic of Sakha (Yakutia)» (adopted by the decree of the Supreme Soviet of the Republic of Sakha (Yakutia)from 19.05.1993) // Yakut Vedomosti.1993. № 12.

9. Federal law № 323-FZ of 21.11.2011 «On the basics of health protection of citizens in the Russian Federation» (adopted by the State Duma on November 1, 2011, approved by the Federation Council on November 9, 2011) // Rossiyskaya Gazeta. 2011. № 263.

УДК 343.2
DOI 10.23672/d0981-9229-3204-n

Коргулев Александр Геннадьевич
аспирант кафедры уголовного права,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
korguley@mail.ru

Понятие и признаки потерпевшего в уголовном праве

Аннотация. Наряду с предметом преступления в теории и практике уголовного права большое значение имеет потерпевший. Понятию и юридически значимым признакам потерпевшего в уголовно-правовой науке уделялось и уделяется большое внимание. Но в силу многогранности данного вопроса, к единому мнению ученые так и не пришли. В рамках состава преступления потерпевший играет большое значение, поскольку его признаки учитываются в процессе квалификации. В теории уголовного права до сих пор идет дискуссия о понятии, месте и признаках потерпевшего. В данной работе предпринята попытка решения данных проблем и сформулировано авторское определение потерпевшего в уголовном правые.

Ключевые слова: состав преступления, общественные отношения, потерпевший в уголовном праве, объект преступления, признаки, содержание.

Alexander G. Korgulyev
Postgraduate student
of the Department of Criminal Law,
Kuban State Univesity Agricultural University
named after I.T. Trubilin
korguley@mail.ru

Concept and features of the victim in criminal law

Annotation. In addition to the subject of the crime, the victim is of great importance in the theory and practice of criminal law. The concept and legally significant features of the victim in the criminal-legal science were given and paid great attention. But because of the versatility of this issue, scientists have not come to a consensus. As part of the crime, the victim plays a great role, since its characteristics are taken into account in the qualification process. In the theory of criminal law, there is still a discussion about the concept, place and characteristics of the victim. In this paper, an attempt is made to solve these problems and the author's definition of the victim in criminal law is formulated.

Keywords: composition of the crime, social relations, the victim in criminal law, the object of the crime, signs, content.

Наряду с предметом преступления в теории и практике уголовного права большое значение имеет потерпевший. Понятию и юридически значимым признакам потерпевшего в уголовно-правовой науке уделялось и уделяется большое внимание. Но в силу многогранности данного вопроса, к единому мнению ученые так и не пришли. Постараемся выявить наиболее проблемные вопросы в данном направлении и предложить пути их разрешения.

Так, еще Таганцев Н.С. указывал: «Потерпевшим от преступного деяния является прежде всего обладатель того правоохраняемого интереса, которому непосредственно повредил или которого поставил в опасность преступник, все равно, будет ли таким обладателем единичное лицо, совокупность лиц, составляющая или не составляющая юридическое лицо, включая сюда и самое государство, как многообразный держатель прав и обладатель интересов» [20].

Таким образом, понятие «потерпевший» изначально трактуется широко, включает не только отдельных физических лиц, но и юридических лиц, а также, иные формы объединения хозяйствующих субъектов, не являющихся юридическими лицами и государство в целом.

Такое предложение было поддержано и в более поздних учениях о потерпевшем от преступления [13, 17]. Так, Дагель П.С. указывает, что потерпевший – это физическое или юридическое лицо, которому причинен физический, имущественный (материальный) или моральный вред преступлением [8].

На основе данных определений современные ученые также разрабатывают свои определения потерпевшего от преступления, включая туда не только физических, но и юридических лиц [14; 12; 4]. Так, Фаргиев И.А. также, помимо юридических лиц, относит к потерпевшему государство и общество, в целом [23].

Мы согласны с такой широкой формулировкой потерпевшего в части его субъектного состава. Действительно, кого, например, необходимо считать потерпевшим от преступления при совершении шпионажа, когда из архива похищаются какие-либо документы, содержащие государственную тайну? Ответ очевиден – государство.

Согласно мнению Б.А. Протченко, под потерпевшим понимается «гражданин, которому преступлением причинен моральный, физический или материальный вред» [15]. Тем самым сужается

понятие «потерпевший» до «гражданин», что, на наш взгляд, является ущербным. Получается, что если преступление совершено в отношении лица без гражданства, то его нельзя будет признать потерпевшим от преступления.

По мнению Анощенковой С.В., также, «потерпевший в уголовном праве – это субъект общественных отношений, охраняемых уголовным законом, чьи права были нарушены и подлежат восстановлению в рамках уголовных правоотношений» [2]. Положительным дополнением данного определения потерпевшего, по сравнению с другими, является, на наш взгляд, то, что потерпевший определен как субъект отношений, охраняемых уголовным законом. То есть, как и предмет преступления, потерпевший признается элементом объекта преступления. Это также подтверждает наш вывод о том, что и предмет преступления является предметом общественных отношений, охраняемых уголовным законом.

Однако в уголовно-правовой науке есть и иная точка зрения, отрицающая участие потерпевшего в уголовно-правовых отношениях. Так, Ю.Е. Пудовочкин указывает на то, что к предмету уголовного права относятся «… возникающие с момента совершения преступления и на основе уголовно-правовых норм общественные отношения, складывающиеся между государством в лице его компетентных органов и лицом, совершившим преступление» [16]. Также, Ю.Е. Пудовочкин указывает, что в рамках уголовно-правового отношения у потерпевшего не обнаруживается прав и обязанностей: «… потерпевший в любом случае лишен возможности категорично влиять на объем прав и обязанностей государства и преступника, возникающих в связи с совершением преступления, и не наделен по отношению к ним какими-либо правами и обязанностями (за исключением процессуальных)» [16].

Позволим себе не согласиться с такой точкой зрения.

Во-первых, уголовно-правовые отношения, образующие предмет уголовного права, включают более широкий спектр общественных отношений, связанных не только с совершением преступления (и возникающих, соответственно, не только между государством в лице правоохранительных органов и лицом совершившим преступление). Например, в предмет уголовного права входят также общественные отношения по поводу издания уголовно-правовых норм [5; 6; 21].

Во-вторых, потерпевший, все же, может быть наделен правами и обязанностями как участник уголовно-правовых отношений. Так, исходя из содержания вышеназванных общественных отношений по изданию уголовно-правовых норм, граждане имеют право требовать от государства режима защищенности своих интересов путем издания уголовно-правовых норм (а государство обязано обеспечить такой режим, и имеет право привлечения к уголовной ответственности). А в случае совершения преступления в отношении таких граждан, они трансформируются в потерпевшего от преступления. Поэтому потерпевшие, априори. имеют права на защиту своих интересов от преступных посягательств. Особенно ярко выражено наличие прав и обязанностей у потерпевшего, если потерпевшим от преступления является государство. Так, по справедливому замечанию Анощенковой С.В.: «Если преступление направлено против интересов государства, то оно от своего имени защищает свои интересы и восстанавливает свои права; происходит совпадение потерпевшей стороны и стороны, осуществляющей право на привлечение к уголовной ответственности» [1].

Кроме того, потерпевший обладает правами и как участник уголовно-правовых отношений, возникших в связи с совершением преступления. Так, потерпевший имеет право прекратить уголовно-правовое отношение путем примирения с потерявшим на основании ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим», ст. 761 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности», на основании примечания к ст. 122 УК РФ «Заражение ВИЧ-инфекцией», примечания 1 к ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» и др. Невозможно прекратить уголовно-правовое отношение, не будучи его участником. Поэтому права Т.В. Кленова, отмечающая: «Потерпевший имеет право на примирение с преступником и обязанность, в случае принятия возмещения вреда, согласиться с освобождением от уголовной ответственности или смягчением наказания» [11]. Справедливы и слова А.В. Сумачева: «Следуя логике учения о правоотношении, можно констатировать, что законодатель, закрепив в Уголовном кодексе РФ норму, предусматривающую факт примирения преступник с потерпевшим (ст. 76 УК), тем самым объективно признает пострадавшего субъектом охранительного уголовно-правового отношения» [19].

Рассматривая вопросы определения признаков потерпевшего в уголовном праве, примечательно определение потерпевшего, которое дает в своих трудах Н.А. Фаргиев, который указывает: «Потерпевший от преступления – это лицо, выступающее субъектом отношений, охраняемых уголовным законом, причиненный которому вред предусмотрен уголовным кодексом и входит в преступные последствия деяния, совершенного виновным» [23]. Однако такое отнесение потерпевшего к субъекту отношений, охраняемых уголовным законом, причиненный которому вред предусмотрен уголовным кодексом и входит в преступные последствия деяния, совершенного виновным, на наш взгляд, является не совсем полным. Дело в том, что если следовать такой логике, то к потерпевшему следует относить лицо, которому причинен вред в результате, например, необходимой обороны или крайней необходимости.

Кроме того, в структуру общественных отношений, охраняемых уголовным законом входят и иные субъекты, у которых имеются и права, и обязанности и права которых могут быть нарушены, правоохранительные органы или виновные в

совершении преступления (например, виновный, которому вынесен законный, но необоснованно суровый приговор, измененный впоследствии вышестоящей судебной инстанцией). Поэтому, на наш взгляд, потерпевший в уголовном праве – это не любой субъект общественных отношений, охраняемых уголовным правом, чьи права были нарушены, а субъект, права которого были нарушены именно совершенным в отношении него преступлением.

П.С. Дагель отмечал, что раскрытие потерпевшего посредством причиненного ему вреда свидетельствует об отнесении потерпевшего к объективной стороне и о тесной его связи с объектом преступления [8].

Таким образом, потерпевший, по мнению ученых, одновременно может относиться и к признакам объекта преступления и объективной стороны преступления, так как определяется через призму общественно опасных последствий. На наш взгляд, это неверная позиция и характеристика потерпевшего через призму общественно опасных последствий не дает основание относить его к объективной стороне преступления. Так, например, при определении цели преступления, относящейся к субъективной стороне преступления, также указывается на преступный результат – преступные последствия. Но от этого ни у кого не возникает мысли относить цель преступления к объективной стороне состава. То же самое можно сказать и об определении форм вины в уголовном праве (умысла и его видов, неосторожности), где при формулировании волевого момента указывается на отношение виновного к вредным последствиям (например, при определении прямого умысла указывается, что виновный желает наступления вредных последствий – ст. 25 УК РФ). Определение того или иного элемента состава преступления с использованием признаков другого элемента свидетельствует лишь о их взаимосвязи.

Таким образом, потерпевший является признаком объекта преступления, а не его объективной стороны.

Сумачев А.В. в дополнение к уже используемым признакам потерпевшего (а точнее, по его мнению, пострадавшего) точно подмечает, что вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, не может считаться пострадавшим, если уголовно-значимый вред причиняется с его добровольного согласия [18]. Также, П.С. Дагель указывал на то, что, если имеется согласие на причинение вреда (на совершение преступления), то в таких случаях не будет потерпевшего ни в уголовно-правовом нив уголовно-процессуальном порядке. Другими словами, если потерпевший имеет место, то он не мог давать согласия на совершение в отношении него преступления [7].

Таким образом, еще одним признаком потерпевшего должно быть осознание вредоносности причиняемого ему вреда и отсутствие согласия на причинение такого вреда (не добровольно).

Общие и специальные признаки потерпевшего от преступления указаны в уголовном законе (прямо закреплены или вытекают из него), поэтому можно сказать, что потерпевший от преступления – это не любой субъект, а только тот, признаки которого либо специально закреплены в уголовном законе (специальные признаки потерпевшего), либо вытекают из характеристики охраняемых уголовным законом общественных отношений, участником которых он является (общие признаки потерпевшего).

При характеристике потерпевшего также уместно вспомнить тот факт, что причинение вреда самому себе не является уголовно наказуемым (если конечно при этом не страдает иной объект уголовно-правовой охраны). Поэтому потерпевший – это всегда лицо, которому вред причиняется другим лицом.

Анализируя признаки потерпевшего, ученые зачастую указывают на то, что таковым является лицо, пострадавшее именно от совершенного в отношении него преступления, а не любого неправомерного деяния. Так, Дагель П.С. утверждал, что потерпевший и преступление являются соотносительными понятиями в уголовном праве. Другими словами, если нет преступления, то не существует и потерпевшего. Так, по его словам, указывать на потерпевшего в случае причинения смерти в результате акта необходимой обороны, либо же причинения смерти, совершенного невменяемым, а равно – при невиновном причинении вреда (казусе) следует лишь условно [8]. Фаргиев И.А. также указывает, что не может быть потерпевшего от такого деяния, которое совершено лицом, не могущим быть субъектом уголовно-правовых отношений [22].

К подобной точке зрения присоединяется и Анощенкова С.В., указывающая: «С точки зрения уголовного права лицо, в отношении которого совершено не преступление, а иное деяние, предусмотренное уголовным законом, не может рассматриваться потерпевшим в его уголовно-правовом значении. … Потерпевший появляется там, где нарушитель действует виновно. Его виновность определяет юридические последствия – уголовную ответственность. Потерпевший на этом основании приобретает определенные права, которые реализуются именно в рамках уголовных правоотношений ответственности. Пострадавший от деяния лиц, не относящихся к субъектам уголовной ответственности, не обладает теми правами и обязанностями, коими наделяется потерпевший: он не имеет права требовать привлечения причинителя вреда к уголовной ответственности, примириться с ним. … Отсюда представляется обоснованным использование в уголовном праве термина «потерпевший от преступления», что придает определенность данному понятию» [3].

На наш взгляд, данное мнение не вполне верно. Во-первых, права требовать привлечения причинителя вреда к уголовной ответственности, примириться с ним, относятся в большей степени к

уголовно-процессуальным аспектам. Тем самым, не следует смешивать понятия «потерпевший» в уголовном праве и уголовном процессе. Во-вторых, эти аспекты являются не главными при определении признаков потерпевшего. Главное то, что потерпевшему причинен вред, нарушены его интересы (ценности), охраняемые уголовным законом. А нарушить права потерпевшего можно не только в результате преступления, но и любых других деяний, влекущих наступление вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Таким образом, потерпевшим следует признавать лиц не только в связи с совершенным в отношении них преступлений, но и иных общественно опасных деяний, поэтому использование термина «потерпевший от преступления» является ограничительным и следует оперировать понятием «потерпевший в уголовном праве».

Итак, потерпевший в уголовном праве как признак объекта преступления – это субъект уголовно-правовых отношений, признаки которого либо специально закреплены в уголовном законе, либо вытекают из характеристики охраняемых уголовным законом общественных отношений, чьи права были нарушены совершенным в отношении него как оконченным, так и неоконченным преступлением или иным общественно опасным деянием другим лицом и тем самым вопреки его воле, либо помимо его сознания, причинен вред либо создается угроза причинения вредаохраняемым уголовным законом интересам.

Литература:

1. *Анощенкова С.В.* Потерпевший и его уголовно-правовое значение / С.В. Анощенкова; Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко // В кн.: Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Объект преступления. Объективная сторона преступления. М. : Юрлитинформ, 2016. Т. VI. С. 215.

2. *Анощенкова С.В.* Потерпевший и его уголовно-правовое значение. С. 193.

3. *Анощенкова С.В.* Уголовно-правовое учение о потерпевшем / С.В. Анощенкова; Отв. ред. Н.А. Лопашенко. М. : ВолтерсКлувер, 2006. С. 45.

4. *Батюкова Е.В.* Потерпевший в уголовном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1995. С. 11.

5. *Галиакбаров Р.Р.* Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 99.

6. *Галиакбаров Р.Р.* Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 2005. С. 112.

7. *Дагель П.С.* Имеет ли «согласие потерпевшего» уголовно-правовое значение? // Советская юстиция. 1972. № 3. С. 25–27.

8. *Дагель П.С.* Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. С. 18–20.

9. *Дагель П.С.* Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления: сб. науч. трудов. Владивосток, 1974. С. 19–20.

10. *Дагель П.С.* Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. С. 20.

11. *Кленова Т.В.* Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 17.

12. *Кленова Т.В.* Уголовно-правовые гарантии прав потерпевшего // Российский следователь. 2001. № 2. С. 15.

Literature:

1. *Anoshchenkova S.V.* The Victim and its criminal-legal significance / S.V. Anoshchenkova; Ed. doct. the faculty of law. N.A. lopashenko // In the book: Criminal law. Common part. Crime. Academic course : in 10 vol. Object of the crime. Objective side of the crime. M. : Yurlitinform, 2016. Vol. VI. P. 215.

2. *Anoshchenkova S.V.* The Victim and his criminal-legal significance. P. 193.

3. *Anoshchenkova S.V.* Criminal law doctrine of the victim / S.V. Anoshchenkova; Ed. N.A. lopashenko. M. : Voltersklu ver, 2006. P. 45.

4. *Batyukova E.V.* The Victim in criminal law: autoref. dis. ... candidate of legal sciences. M., 1995. P. 11.

5. *Galiakbarov R.R.* Criminal law. Common part. Krasnodar, 1999. P. 99.

6. *Galiakbarov R.R.* Criminal law. Common part. Krasnodar, 2005. P. 112.

7. *Dagel P.S.* Does «consent of the victim» have a criminal legal meaning? // The Soviet justice. 1972. № 3. P. 25–27.

8. *Dagel P.S.* The Victim in the Soviet criminal law // The victim of a crime. Vladivostok, 1974. P. 18–20.

9. *Dagel P.S.* Victim in Soviet criminal law // A victim of crimes: collection of scientific works. labours. Vladivostok, 1974. P. 19–20.

10. *Dagel P.S.* Victim in Soviet criminal law // Potter-the victim of a crime. Vladivostok, 1974. P. 20.

11. *Klenova T.V.* Fundamentals of the theory of codification of criminal law norms. Samara: Samara University publishing House, 2001. P. 17.

12. *Klenova T.V.* Criminal law guarantees of the rights of the victim // Russian investigator. 2001. № 2. P. 15.

13. *Кокарев Л.Д.* Потерпевший от преступления. Воронеж, 1964. С. 6.

14. *Мамичева С.В.* Права жертв преступлений и злоупотреблений властью // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 96.

15. *Протченко Б.А.* Потерпевший как субъект уголовных правоотношений // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 82.

16. *Пудовочкин Ю.Е.* Уголовное право: понятие, предмет, метод, система и задачи / Энциклопедия уголовного права. Понятие уголовного права. СПб. : Издание проф. Малинина – ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2008. Т. 1. С. 184, 190.

17. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 256–257.

18. *Сумачев А.В.* Пострадавший как субъект уголовного правоотношения : учеб. пособие. Тюмень, 1999. С. 39.

19. *Сумачев А.В.* Потерпевший как субъект уголовного правоотношения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 1997. С. 18.

20. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть Общая : в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 13.

21. Уголовное право России. Часть общая / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. С. 116.

22. *Фаргиев И.А.* Потерпевший от преступления (уголовно-правовые вопросы) : учеб. пособие. Хабаровск, 2001. С. 14–15.

23. *Фаргиев И.А.* Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. С. 88, 100.

13. *Kokarev L.D.* Victim of a crime. Voronezh, 1964. P. 6.

14. *Mamicheva S.V.* Rights of victims of crimes and abuse of power // Journal of Russian law. 2001. № 7. P. 96.

15. *Protchenko B.A.* The Victim as a subject of criminal legal relations // The Soviet state and law. 1989. № 11. P. 82.

16. *Pudovochkin Yu.E.* Criminal law: concept, subject, method, system and tasks / encyclopedia of criminal law. The concept of criminal law. Saint Petersburg: prof. Malinina – LGU named after A.S. Pushkin, 2008. Vol. 1. P. 184, 190.

17. *Strogovich M.S.* Course of the Soviet criminal process : In 2 vol. M., 1968. Vol. 1. P. 256–257.

18. *Sumachev A.V.* The Victim as a subject of criminal law: studies. Stipend. Tyumen, 1999. P. 39.

19. *Sumachev A.V.* The Victim as a subject of criminal law : author. dis. ... cand. the faculty of law. Sciences. Ryazan, 1997. P. 18.

20. Tagantsev N. S. Russian criminal law: lectures. The General Part : in 2 t. M., 1994. T. 2. P. 13.

21. Criminal law of Russia. Part of the General / Ed. L. L. Kruglikov. M., 1999. P. 116.

22. *Fargiev I.A.* Victim of a crime (criminal law issues) : studies'. stipend. Khabarovsk, 2001. P. 14–15.

23. *Fargiev I.A.* Criminal law and criminological foundations of the doctrine of the victim. SPb. : LawcenterPress, 2009. P. 88, 100.

УДК 340
DOI 10.23672/k3732-8525-0790-j

Матвеева Елена Юрьевна
кандидат юридических наук,
доцент Департамента
правового регулирования,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
eyumatveeva@fa.ru

Специальная договорная конструкция предварительного договора в странах германской правовой группы (Германия, Швейцария, Австрия, Венгрия)

Аннотация. Статья посвящена исследованию положений о предварительном договоре в правопорядках германской правовой группы. Анализ проводился на примере правовых систем Германии, Швейцарии, Австрии и Венгрии. Дана общая характеристика предварительному договору как специальной договорной конструкции, входящей в группу «организационно-предварительных договоров» - договоров, предваряющих заключение основных договоров. Предварительный договор является договорной конструкцией, востребованной гражданско-правовым оборотом, позволяющей сторонам создать обязательство в условиях отсутствия возможности заключить основной договор. В статье рассмотрены подходы различных правовых систем к требованиям, регламентирующим форму предварительного договора, устанавливающим сроки заключения основного договора, порядку прекращения обязательств, возникающих из предварительного договора и др. Автором сделан вывод о сходном понимании места и роли предварительного договора в отечественном праве и в праве стран германской правовой группы.

Ключевые слова: предварительный договор, специальная договорная конструкция, германская правовая группа.

Elena Yu. Matveeva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department Legal Regulation,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
eyumatveeva@fa.ru

Special contractual design of the preliminary contract in the countries of the German legal group (Germany, Switzerland, Austria, Hungary)

Annotation. The article is devoted to the study of the provisions on the preliminary contract in the law and order of the German legal group. The analysis was carried out on the example of the legal systems of Germany, Switzerland, Austria and Hungary. A general description is given of the preliminary contract as a special contractual structure included in the group of «organizational-preliminary contracts» – contracts preceding the conclusion of the main contracts. The preliminary contract is a contractual construction, demanded by the civil law turnover, allowing the parties to create an obligation in the absence of the opportunity to conclude the main contract. The article discusses the approaches of various legal systems to the requirements governing the form of a preliminary contract, setting the terms for concluding a main contract, the procedure for terminating obligations arising from a preliminary contract, etc. The author concludes that there is a similar understanding of the place and role of a preliminary contract in domestic law and in country law of German legal group.

Keywords: preliminary contract, special contractual design, German legal group.

Предварительный договор относится к специальным договорным конструкциям, имеющим общее назначение. В структуре ГК РФ специальные договорные конструкции обособлены и помещены над отдельными видами обязательств: в части первой ГК (раздел III «Общая часть обязательственного права», подраздел 2 «Общие положения о договоре»). Главным признаком специальных договорных конструкций является возможность реализации в периметре той или иной конструкции различных договоров части второй ГК РФ. Большинство цивилистов приходит к мнению о том, что специальные договорные конструкции являются особым институтом гражданского права.

В.В. Витрянский признал очевидным, что специальные договорные конструкции не относятся к числу рядовых видов (разновидностей) гражданско-правовых договоров, и по этой причине они не «вписываются» в традиционные классификации гражданско-правовых договоров [4]. На то, что специальные договорные конструкции не входят в систему основных гражданско-правовых договоров указывает и К.К. Лебедев: «Эти правовые формы названы в ГК РФ договорами, но они ими не являются. Эти правовые формы могут быть

признаны специальными договорными конструкциями, которые только проявляют себя в каких-либо основных или вспомогательных договорах» [5, с. 284]. Если говорить о предварительном договоре, то использование данной специальной конструкции наделяет основной договор признаком обязательности заключения.

М.К. Сулейменов предлагает называть специальные договорные конструкции «общими договорами», т.к. они расположены в общей части обязательственного права и реализуются во всех или в большинстве договоров особенной части обязательственного права, то есть, в основных договорах [9].

Из состава группы «общие договоры» М.К. Сулейменов предлагает выделить подгруппу «организационно-предварительные договоры» – договоры, предваряющие заключение основных договоров. Предварительный договор (наряду с рамочным договором и опционом на заключение договора) относится именно к этой группе. Г.Н. Орлов также отмечает, что указанные специальные договорные конструкции выступают предпосылками к возникновению договора или основного обязательства [6, с. 12].

В теории гражданского права предварительный договор используется и как основание для деления договоров методом дихотомии на предварительные и основные. Такое деление основано на различии целей основных и предварительных договоров [5]. Необходимо обратить внимание на то, что классификация договоров на предварительные и основные была подвергнута критике В.В. Витрянским, который отмечал, «деление всех гражданско-правовых договоров на основные и предварительные имеет серьезный методологический дефект: об основном договоре мы можем говорить лишь в том случае, если ему предшествовало заключение сторонами предварительного договора. При дихотомической классификации всех гражданско-правовых договоров предварительному договору должны противостоять все остальные (обычные) договоры, что еще раз подчеркивает отсутствие научного и практического смысла такой классификации договоров» [4]. Соглашаясь в целом с указанной позицией, в рамках настоящей работы использование классификации на предварительный и основной договор связано с удобством анализа предварительного договора как специальной договорной конструкции.

Предварительный договор регламентирован положениями ст. 429 ГК РФ. Предварительный договор определяет условия, на которых стороны обязуются заключить в установленные сроки (либо в течение года с момента заключения предварительного договора) основной договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг. Таким образом, предварительный договор проявляет себя как специальная договорная конструкция, в рамках которой могут быть реализованы различные по своей направленности договоры. Следует отметить, что перечень договоров в отношении которых может быть заключен предварительный договор, не исчерпывается поименованными в ст. 429 ГК РФ. Если сторона предварительного договора уклоняется от заключения основного договора другая сторона вправе в течение шести месяцев с момента неисполнения обязательства по заключению договора обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор.

Россию традиционно относят к романо-германской системе права. Романо-германская правовая семья объединяет правовые системы всех континентальной Европы и противопоставляется англосаксонскому праву. В рамках сравнительного правоведения безусловный теоретический интерес представляет вопрос о наличии в зарубежных правопорядках типов договоров, аналогичных закрепленных в ГК РФ специальных договорных конструкций. В настоящей статье автор ставит перед собой задачу оценки использования конструкции предварительного договора в правовых системах стран германской правовой группы на примере Германии, Швейцарии, Австрии и Венгрии.

Конструкция предварительного договора зародилась и получила свое развитие во времена Древнего Рима в виде соглашения, предоставляющего право требования заключения основного договора лишь одной стороне предварительного договора [3, с. 6]. С.В. Бахин отмечает, что идеи и теоретические конструкции распространяются свободно, не зная государственных границ, поэтому в истории международного и внутригосударственного права нередки случаи, когда те или иные концепции, родившись в недрах одной правовой системы, затем получали прописку и в других государствах [1, с. 60]. Это в полной мере относится к предварительному договору, модель которого в ходе рецепции римского права была использована многими правовыми системами.

Проводя исследование специальных договорных конструкций романо-германской правовой семьи, необходимо учитывать ее особенности, главная из которых – выделение внутри семьи романской и германской групп. Традиционно к романской группе относят правовые системы стран Бенилюкса, Голландии, Испании, Италии, Франции, а к германской группе – правовые системы Австрии, Германии, Швейцарии и др.

В романо-германских странах сложилась традиция четко разделять типы гражданско-правовых договоров (хотя смешанные договоры не запрещены), тогда как в странах общего права, как правило, не уделяют внимание классификации и более гибко относятся к формальностям при заключении договоров» [8, с. 25].

Германия.

Основным источником гражданского права Германии является Германское гражданское уложение (ГГУ) – Bürgerliches Gesetzbuch (BGB), которое вступило в действие с 1 января 1900 года, вторая книга «Обязательственное право» (состоит из 8 частей и §§ 241–853) регламентирует обязательственные отношения.

Германское гражданское законодательство специально не регулирует отношения, основанные на предварительном договоре. Данное понятие не используется в законодательстве, как в ГК РФ. Вместе с тем, по аналогии с большинством европейских стран, для которых характерно действие в настоящее время принятых на рубеже XIX–XX веков гражданских кодексов и уложений, в практике регулирования правоприменители руководствуются правовыми принципами, например, принципом свободы договора [11, с. 17–18], общеправовым принципом определенности [12, с. 34], а также, общими положениями о сделках и договорах. Заметим, что это – общая тенденция, характерная для законодательств немецкоговорящих стран, в частности, Австрии и Швейцарии.

Учитывая универсальный характер предварительного договора как правового средства, использование которого позволяет достигать желаемого результата, предварительный договор широко используется в юридической практике Германии, например, допускается заключение предварительного договора между соискателем на работу и работодателем (Arbeitsvorvertrag). Предварительный договор (Vorgruendungsgesellschaft) используется при создании общества, он предшествует заключению учредительного договора (Gesellschaftsvertrag) и др.

Исследованию предварительного договора в гражданском праве Германии уделяется пристальное внимание, а учитывая, что стороны, заключая предварительный договор, создают для себя обязательства на будущее, не имея возможности заключить в настоящий момент основной договор, теоретическое значение имеют обстоятельства, способствующие необходимости заключения предварительного договора [13, с. 11–13]. Следует особо обратить внимание на то, что необходимость заключения предварительного договора, как указывал Б. Вабниц, свидетельствует об отсутствии возможности заключения основного договора [13, с. 83]. Иначе заключение предварительного договора потеряло бы всякий правовой смысл. Действительно, следует согласиться с В.В. Витрянским «если уже на стадии оформления предварительного договора стороны в состоянии согласовать все существенные условия основного договора, то, что им мешает заключить сразу и непосредственно указанный основной договор, не отягощая свои отношения предварительными договоренностями» [4, с. 335].

По мнению В.Э. Поляковой, в Германии решения судов по конкретным делам и доктрина не являются источниками права, вместе с тем, стороны и правоприменители принимают во внимание и придают большое значение позиции судебных органов и доктринально сформулированным выводам». Возможность заключения предварительного договора обусловлена следующими основаниями: «правовыми принципами, общими положениями ГГУ о сделках (например, нормы §§ 126, 126a, 126b, 128, 129 ГГУ о форме сделки), а также – доктриной гражданского права» [7,с. 4–5, 21–23].

Швейцария.

Федеральным законом от 30 марта 1911 года, касающимся дополнения Гражданского кодекса Швейцарии (Книга пятая: Обязательственное право) были внесены дополнения в Гражданский Кодекс Швейцарии от 10 декабря 1907 г. (нем. Schweizerisches Zivilgesetzbuch – ZGB). Изменения вступили в действие с 1 января 1912 г. (используется официальный перевод текста кодекса с немецкого языка). (С учетом трех официальных языков, используемых в Швейцарии, официальными текстами являются французский Code civil Suisse и итальянский Codice Civile Svizzero).

В соответствии со ст. 22 ZGB «Предварительный договор», обязательство заключить будущий договор может возникнуть из договора. Когда для защиты сторон закон ставит действительность будущего договора в зависимость от соблюдения определенной формы, эта форма должна быть соблюдена также при заключении предварительного договора. Закрепленное ст. 22 ZGB правило о необходимости соблюдения формы основного договора при заключении предварительного договора применяется и в российском гражданском законодательстве, в частности, п. 2. ст. 429 ГК РФ устанавливает, что предварительный договор заключается в форме, установленной для основного договора, а если форма основного договора не установлена, то в письменной форме.

Австрия.

В Австрии формирование институтов специальных договорных конструкций прошло по сравнимому с Германией образцу [10, с. 90]. Как отмечал Эннекцерус Л., «в основу закона положено общегерманское право, но под влиянием немецких правовых и естественно правовых течений оно во многом от него отклоняется». Второй раздел Всеобщего гражданского кодекса Австрии (ABGB) «О личных правах на вещи» содержит семнадцатый отдел «О договорах и сделках вообще. Основание личных прав на вещи», в котором регламентированы некоторые специальные договорные конструкции. Заметим, что, учитывая период принятия ABGB, и относительную стабильность норм европейских гражданских кодексов, в нем находят закрепление лишь классические специальные договорные конструкции, характерные для указанного периода, в частности, отдельные нормы о договоре в пользу третьего лица, а также соглашение о будущем договоре.

Регламентация соглашения о будущем договоре в ABGB основана на необходимости сторон определить время заключения будущего договора, а также - его существенные условия. Важным условием является сохранение цели его заключения и доверия между сторонами.

Основной договор, в силу закона, необходимо заключить в течение года со дня заключения соглашения о намерении заключить договор в будущем, по истечении годичного срока требование о заключении договора прекращается. § 936. ABGB

Соглашение о намерении заключить договор лишь в будущем обязывает только тогда, когда определены как время заключения будущего договора, так и его существенные условия, а обстоятельства не изменились таким образом, что, тем самым, определенно установленная или вытекающая из обстоятельств цель расстроена или утрачено доверие одной или другой стороны. В целом, на исполнении такого обещания (заключить в будущем договор) следует настаивать не позднее одного года с обусловленного момента времени; в противном случае право (требовать заключения договора) прекращается.

В данном случае можно провести аналогию с абз. 2 п. 4 ст. 429 ГК РФ, устанавливающим срок, в течение которого должен быть заключен основной договор, если срок заключения основного договора в предварительном договоре не определен, «основной договор подлежит заключению в течение года с момента заключения предварительного договора», а также п. 6 указанной статьи, в соответствии с которым «обязательства, предусмотренные предварительным договором, прекращаются, если до окончания срока, в который стороны должны заключить основной договор, он не будет заключен либо одна из сторон не направит другой стороне предложение заключить этот договор».

Венгрия.

В соответствии с Гражданским кодексом Венгрии 2013 года (в Венгрии аббревиатура гражданского кодекса – ПТК), который заменил Гражданский кодекс Венгерской народной республики 1959 года, регулирование договоров осуществляется нормами, закрепленными в книге шестой ПТК «Обязательство», которая содержит параграфы § 6.1–6.592.

Следует отметить, что ПТК не уделяет достаточно большого внимания регулированию специальных договорных конструкций, вместе с тем, в ПТК закреплены некоторые виды специальных договорных конструкций, которые были восприняты новым гражданским кодексом Венгрии в рамках устоявшихся правовых традиций. Заметим, что ГК Венгерской народной республики содержал правовую регламентацию предварительного договора (Глава XVIII. Заключение договора. § 208 Предварительный договор), а также регламентировал договор в пользу третьего лица (Глава XX. Содержание и предмет договора. § 233 Договор в пользу третьего лица).

Закрепленная в новом ПТК конструкция основных и предварительных договоров, предусматривает, в соответствии с § 6:73, возможность достижения соглашения между сторонами заключить договор друг с другом в более поздний срок и устанавливают существенные условия этого договора. При отказе стороны от заключения договора, суд может на указанных в предварительном договоре условиях заключить договор по просьбе любой из сторон.

Исходя из сложившейся практики заключения договоров, в предварительном договоре стороны указывают его наименование, предмет договора, существенные и другие условия, цену договора, срок его заключения и иные имеющие значение обстоятельства для основного договора.

Форма предварительного договора должна соответствовать форме, предусмотренной для основного договора.

Таким образом, заключение предварительного договора регулируется правилами основного договора, заключаемого в соответствии с ним, т.е., условия, предусмотренные основным договором, должны быть определены в предварительном договоре.

ПТК предусмотрены правила, позволяющие любой из сторон отказаться от заключения основного договора при наличии установленных п. 3. § 6:73. условий.

Так, в заключении договора может быть отказано любой из сторон, если она докажет, что:

«a) в результате обстоятельств, возникающих после заключения предварительного договора, исполнение предварительного договора на тех же условиях нанесло бы ущерб его существенному юридическому интересу;

b) возможность изменения обстоятельств не предусматривалась в момент заключения предварительного договора;

c) изменение обстоятельств не было вызвано им;

d) изменение обстоятельств не является нормальным коммерческим риском».

Заключение.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что конструкция предварительного договора активно используется в законодательствах германской правовой группы. При этом, если в систему Российского права конструкция предварительного договора была включена сравнительно недавно (ст. 60 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.), то для стран романской правовой группы предварительный договор является традиционным институтом, используемым с начала XX века. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о сходном понимании места и роли предварительного договора в рассмотренных правопорядках.

Литература:

1. *Бахин С.В.* Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем :

Literature:

1. *Bakhin S.V.* Cooperation of states on approximation of national legal systems: Unification and

Унификация и гармонизация права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10. СПб., 2003. 360 с.

2. *Брагинский М.И.* Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М. : Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.

3. *Васильев А.В.* Предварительный договор в праве России и США : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Васильев Алексей Владимирович; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад.]. М., 2007. 299 с.

4. *Витрянский В.В.* Некоторые аспекты учения о гражданско-правовом договоре в условиях реформирования гражданского законодательства. Проблемы развития гражданского права : сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема / В.В. Витрянский; Отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлов. М. : Статут. 2011. 878 с.

5. *Лебедев К.К.* Развитие системы договоров в России на современном этапе. Гражданское право: вызовы времени: Матер. Межд. науч. конф., посвящ. 70-летнему юбилею д-ра юрид.наук профессора А.Г. Диденко / К.К. Лебедев; Отв. ред. Е.В. Нестерова. Алматы : ИК «Раритет», 2014.

6. *Орлов Г.Н.* Опционные договорные конструкции в Гражданском кодексе Российской Федерации и их дальнейшее развитие : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2018.

7. *Полякова В.Э.* Предварительный договор в праве России и Германии : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

8. *Рябчикова Н.Н.* Особенности романо-германской правовой семьи (на примере кодифицированных актов Франции и Германии) // История государства и права. 2013. № 15.

9. *Сулейменов М.К.* Специальные договорные конструкции (общие договоры) и их место в системе права.

10. *Эннекцерус Л.* Курс германского гражданского права / Л. Эннекцерус; Пер. с нем. под ред. Д.М. Генкина и И.Б. Новицкого. М., 1949. Т. I, полутом 1. 429 с.

11. *Herzog N.* Der Vorvertrag im schweizerischen und deutschen Schuldrecht. Zuerich, 1999.

12. *Markesinis B.* The German Law of Contract: A Comparative Treatise / B. Markesinis, H. Unberath, A.S. Johnston. Oxford, 2006.

13. *Wabnitz B.* Der Vorvertrag in rechtsgeschichte und rechtsvergleichender Betrachtung. Muenster, 1962.

harmonization of law : dis. … of doctor of Law: 12.00.10: SPb., 2003. 360 p.

2. *Braginsky M.I.* Contract law. General Provisions. 3rd edition, Stereotyped / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. M. : Statute, 2001. Book. 1. 848 p.

3. *Vasiliev A.V.* Preliminary contract in the law of Russia and the USA: the thesis of the candidate of law: 12.00.03 / Vasiliev Aleksey Vladimirovich; [Place of protection: Moscow State Law Academy]. M., 2007. 299 p.

4. *Vitryansky V.V.* Some aspects of the doctrine of a civil contract in the context of civil law reform. - Problems of civil law development: Collection of articles for the anniversary of Vladimir Saurseevich Ema / Ed. E.A. Sukhanov, N.V. Kozlov. M. : Statute. 2011. 878 p.

5. *Lebedev K.K.* Development of a system of contracts in Russia at the present stage. Civil law: challenges of the time: Mater. Int. scientific Conf. 70th anniversary of Dr. of law Professor A.G. Didenko / K.K. Lebedev; Res. editor E.V. Nesterova. Almaty: IR Raritet, 2014.

6. *Orlov G.N.* Optional contractual constructions in the Civil Code of the Russian Federation and their further development : dis. … cand. of law. SPb., 2018.

7. *Polyakova V.E.* Preliminary contract in the law of Russia and Germany : dis. … of a candidate of law. M., 2015.

8. *Ryabchikova N.N.* Features of the Romano-German legal family (on the example of codified acts of France and Germany) // History of state and law. 2013. № 15.

9. *Suleimenov M.K.* Special contractual constructions (general contracts) and their place in the legal system.

10. *Ennekzerus L.* The course of German civil law / L. Ennekzerus; Trans. under editorship of D.M. Genkina and I.B. Novitsky. M., 1949. T. I. Vol. 1. 429 p.

11. *Herzog N.* Der Vorvertrag im schweizerischen und deutschen Schuldrecht. Zuerich, 1999.

12. *Markesinis B.* The German Law of Contract: A Comparative Treatise / B. Markesinis, H. Unberath, A.S. Johnston. Oxford, 2006.

13. *Wabnitz B.* Der Vorvertrag in rechtsgeschichte und rechtsvergleichender Betrachtung. Muenster, 1962.

УДК 349.2
DOI 10.23672/d7104-8148-3640-r

Оспичев Игорь Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Югорский государственный университет
iospichev@mail.ru

Проблемы вахтового метода работы в современных условиях

Аннотация. В районах Крайнего Севера и приравненных к данному региону местностям, система дополнительных гарантий работникам, осуществляющим свою деятельность, производится в рамках действующего трудового законодательства. Эта система направлена, прежде всего, на соблюдения принципа справедливости, поскольку позволяет компенсировать повышенные физиологические и финансовые затраты, а также иные потери социально-экономического характера, влияющие на работников вышеуказанных местностей в отличие от трудящихся других регионов Российской Федерации. В статье рассматриваются проблемы работы вахтовым методом в современных условиях, проводится анализ трудового законодательства в этой сфере, приводится ряд предложений по совершенствованию нормативного регулирования.

Ключевые слова: вахтовый метод, трудовое законодательство, значительное удаление места работы.

Igor M. Ospichev
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of State and Law Disciplines,
oYugra State University
iospichev@mail.ru

The problems of the shift method of work in modern conditions

Annotation. In the Far North and the areas that are equivalent to the region, the system of additional guarantees for workers operating is carried out within the framework of the current labour legislation. This system is aimed primarily at the principle of fairness, as it allows to compensate for increased physiological and financial costs, as well as other losses of a socio-economic nature, affecting workers of the above areas, unlike workers in other regions of the Russian Federation. The article considers the problems of working on a rotational basis in modern conditions, analyzes labor laws in this area, and provides a number of proposals for improving regulatory regulation.

Keywords: shift method, labor legislation, significant removal of the place of work.

Регламентации особенностей регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом, посвящена глава 47 Трудового кодекса Российской Федерации [1].

В соответствии со ст. 297 ТК РФ, вахтовый метод – особая форма осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено ежедневное их возвращение к месту постоянного проживания. Такое легальное определение вахтового метода, в силу определенных причин, стало предметом споров ввиду схожести такого метода работы со служебной командировкой. Это важно, поскольку работодатели в целях снижения социальных гарантий, как в трудовом праве, так и в праве социального обеспечения, в зависимости от финансовых выгод каждого варианта, то маскируют модели организации трудовых отношений под вахтовый метод, то, наоборот, избегают его оформления, фактически применяя его [6, с. 429]. Таким образом, недоработки в регламентации института вахтового метода просматриваются с самого начала, то есть с его дефиниции.

Если такой признак вахтового метода, как «осуществление работы вне места постоянного проживания работников», не вызывает резких споров, то признак «невозможности обеспечения ежедневного возвращения работников к месту постоянного проживания» не совсем точно отражает современные реалии, поскольку средства передвижения (авиация, скоростные поезда и т.д.) в настоящее время позволяют возвратиться работнику к месту жительства в тот же день. Также, норма ст. 297 ТК РФ не учитывает расстояние между постоянным местом жительства работника и его работой (которое может исчисляться сотнями, а то и тысячами километров).

Выделяется также такой признак (условие), характеризующий вахтовый метод, как необходимость обеспечения сокращения сроков строительства объектов в необжитых и отдаленных районах; достижения высокого темпа работ при необеспеченности данного района соответствующими трудовыми ресурсами [8, с. 154].

В районах Крайнего Севера и приравненных к данному региону местностям, система дополнительных гарантий работникам, осуществляющим свою деятельность, производится в рамках

действующего трудового законодательства. Эта система направлена прежде всего на соблюдения принципа справедливости, поскольку позволяет компенсировать повышенные физиологические и финансовые затраты, а также иные потери социально-экономического характера, влияющие на работников вышеуказанных местностей в отличие от трудящихся других регионов Российской Федерации [10, с. 65–67]. Нормативное регулирование работы вахтовым методом берет свое начало с момента формирования советского законодательства еще в СССР. Несмотря на это, в том числе, на наличие целой базы теоретического и практического характера, а также судебной практики, в настоящее время существует ряд проблемных вопросов в сфере регулирования вахтового метода работ.

В ст. 298 ТК РФ установлены категории лиц, которые не могут быть привлечены к работе по вахте: несовершеннолетние, беременные женщины (в том числе имеющие детей до 3-х лет), иные лица (по медицинским признакам). На самом деле, работа вахтовым методом – действительно удел молодых кадров, здесь люди набираются огромного опыта, как в сфере трудовой деятельности, так и межличностного общения с коллегами по вахте. Но также вахтовый метод работы предполагает огромные нагрузки на организм (постоянные авиаперелеты на большие расстояния, смена климатических поясов, а также временных поясов, нагрузка на сердечно-сосудистую систему, особенно у работников мужского пола и т.д.).

Наличие института организации работы вахтовым методом во многом обусловлено климатическими особенностями различных регионов нашей необъятной страны, когда в результате организации на определенной территории нескольких вахтовых точек в дальнейшем появляются целые вахтовые поселки, а потом – и города. Это свойственно, в особенности, для районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к таким районам. Такая специфическая организация труда определенных категорий работников свойственна, можно сказать, только для Российской Федерации.

По общим правилам, порядок применения вахтового метода утверждается работодателем с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации в порядке, установленном ст. 372 ТК РФ для принятия локальных нормативных актов.

Так, руководствуясь приведенными положениями, рассмотрев дело по существу, суд пришел к выводу, что трудовое законодательство наделяет работодателя правом организовать производственный процесс, применяя по своему выбору тот или иной метод работы, но не делегирует ему полномочий устанавливать критерии для отнесения работ к тому или иному из предусмотренных законом способов организации труда, это - прерогатива законодателя [5].

Указанное положение дел присуще отечественному трудовому законодательству в том числе и благодаря Основным положения о вахтовом методе организации работ [4]. Основные положения, в свою очередь, применяются в части, не противоречащей Трудовому кодексу РФ, а также они становились предметом проверки высших судебных инстанций.

В настоящее время, в связи с пандемией, Правительство РФ разработало и утвердило Временные правила работы вахтовым методом, устанавливающие особенности порядка применения вахтового метода работы в условиях реализации мероприятий по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции и распространяются на организации, применяющие вахтовый метод работы [2]. Все поставлено в угоду борьбы с коронавирусной инфекцией, поскольку вахтовые работники входят в так называемые «группы риска». Согласно Правилам, допускается увеличение максимальной продолжительности вахты не более чем на 3 месяца по сравнению с установленной статьей 299 Трудового кодекса Российской Федерации максимальной продолжительностью вахты при соблюдении продолжительности ежедневной работы (смены) не более 12 часов, продолжительности ежедневного (междусменного) отдыха работников с учетом перерывов для приема пищи не менее 12 часов, продолжительности еженедельного отдыха в текущем месяце не менее числа полных недель этого месяца [2].

Также, Правила рассматривают применение в отношении работников временной изоляции на срок до четырнадцати дней. Помещения для изоляции (обсервации) работодатели должны организовать за свой счет. При отсутствии такой возможности, должны быть предоставлены обсерваторы, находящиеся поблизости от работ по вахте. Однако все это на самом деле имеет стихийный характер, без надлежащего соблюдения элементарных норм для содержания тех же работников, имеются многочисленные проблемы с обеспечением работников питанием, медикаментами, защитными средствами и т.д. Таким образом, направленные на обеспечение безопасности меры по защите интересов вахтовиков, носят не системный характер, а установлены до конца года. Кто, какие меры должен предпринять, за счет каких денежных вливаний – также – пока не детализированные вопросы (вернее, все затраты, по сути, несет работодатель, также, оказавшийся в непростой ситуации в это время, но это почему-то не обсуждается). В силу такого подхода, сейчас наблюдается массовое латентное нарушение трудовых прав работников компаний, в том числе и вахтовиков. Что-либо возразить действиям работодателя осмелится не каждый работник, в противном случае можно вообще потерять хоть какую-то работу.

Также. в силу последних изменений (дополнений) и ужесточений в сфере регулирования труда вахтовых работников, наблюдается ситуация с необходимостью оснащения мест расположения вахтовых работников обсерваторами, медицинскими пунктами, которые имеют хотя бы первичное необходимое оборудование для оказания медицинской помощи. Возникает необходимость контроля режима в связи с пандемией, так как некоторые

работники в силу менталитета либо каких-то других причин, не желают всецело соблюдать установленные режимы безопасности. Отсюда возникают ситуации, когда работодатель вынужден применять меры дисциплинарного воздействия на нарушителей.

В силу вышеизложенного, определенные правила поведения разрабатываются и иными ведомствами. К примеру, согласно письму Роспотребнадзора от 30.04.2020 № 02/8480-2020-24[3], разработаны рекомендательные мероприятия, проводимые по месту проведения работ и в вахтовом поселке. К таковым отнесены, в частности:

– организация разделенных потоков работников (которые отработали вахту) и вновь прибывших сотрудников;

– ограничение контактов между работниками различных цехов, помещений, зданий;

– обработка транспортных средств;

– наличие запаса средств для дезинфекции и т.д.

Таким образом, в сфере применения вахтового метода работ существует ряд нерешенных проблем, которые становятся порой неразрешимыми вопросами для сторон трудового договора, поэтому имеют место многочисленные споры в этой области. Необходимо добавить отсутствие активности со стороны работников, права и интересы которых периодически нарушаются, когда они трудятся на вахте. Такие нарушения являются высоко латентными, зачастую, свое нарушенное право вахтовик просто не успевает защитить либо не желает возникновения негативного к нему отношения со стороны работодателя. Все-таки, работающий вахтовик, имеет в настоящее время возможность обеспечивать безбедное существование всей своей семье (в зависимости от региона проживания и количества иждивенцев).

На наш взгляд, необходимо скорректировать определение работы вахтовым методом, тем самым исключив возможность путаницы в суждении о работе вахтовым методом и служебной командировке. При вахтовом методе работник выезжает к месту выполнения работы на определенный графиком период для осуществления своей постоянной трудовой функции, обусловленной трудовым договором. Работнику, при этом, выплачивается соответствующая заработная плата, одной из составных частей которой является надбавка за вахтовый метод работы [9, с. 702].

Как верно отмечено А.В. Анищенко, эта форма трудового процесса применяется при значительном удалении места работы от места постоянного проживания работников или места нахождения работодателя в целях сокращения сроков строительства, ремонта и реконструкции объектов производственного, социального и иного назначения в необжитых, отдаленных районах или районах с особыми природными условиями, а также, в целях иной производственной деятельности [7, с. 59–65].

Кроме того, необходимо разграничивать вахтовый метод работы от временного направления работников сторонним организациям, к примеру, организациям-заказчикам и т.д. Вахтовый метод предполагает всецелое подчинение работника правилам внутреннего трудового распорядка «своего» работодателя. Составляется также соответствующий график, ведется учет рабочего времени. Предельный срок «вахты», согласно ст. 299 ТК РФ, составляет три месяца. Когда же работник направляется сторонней организации (согласно ст. 341.1 ТК РФ) – временного ограничения для работников не имеется.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ: по сост. на 24.04.2020 // Российская газета. 2001. № 256.

2. Постановление Правительства РФ от 28.04.2020 № 601 «Об утверждении Временных правил работы вахтовым методом» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : http://www.pravo.gov.ru

3. Письмо Роспотребнадзора от 30.04.2020 № 02/8480-2020-24 «О направлении рекомендаций по организации работы вахтовым методом в условиях распространения COVID-19». Документ официально не опубликован // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», 2020.

4. Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС, Минздрава СССР от 31.12.1987 № 794/33-82 «Об утверждении Основных положений о вахтовом методе организации работ»: по сост. на 19.02.2003 // Бюллетень Госкомтруда СССР. 1988. № 5.

Literature:

1. The Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 № 197-FZ: as per art. on 04.24.2020 // Russian newspaper. 2001. № 256.

2. Decree of the Government of the Russian Federation of April 28, 2020 № 601 «On approval of the Interim Rules of work on a rotational basis» // Official Internet portal of legal information. URL : http://www.pravo.gov.ru

3. Letter of Rospotrebnadzor dated April 30, 2020 № 02/8480-2020-24 «On sending recommendations on the organization of work on a rotational basis in the conditions of the spread of COVID-19». The document is not officially published [Electronic resource] // Access from the reference and legal system «Consultant Plus», 2020.

4. Decision of the USSR State Committee for Labor, the All-Union Central Council of Trade Unions, the Ministry of Health of the USSR dated 31.12.1987 № 794/33-82 «On the Approval of the Basic Provisions on the Shift Method of Organization of Work»: comp. on 02/19/2003 // Bulletin of the USSR State Labor Committee. 1988. № 5.

5. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.02.2014: по сост. на 26.04.2017 // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2014. № 6.

6. *Акатнова М.И.* Актуальные проблемы трудового права: учебник для магистров / М.И. Акатнова, А.А. Андреев, Э.Н. Бондаренко и [др.]; Отв. ред. Н.Л. Лютов. М. : Проспект, 2017.

7. *Анищенко А.В.* Тонкости вахтового метода // Строительство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2018. № 10.

8. *Гусов К.Н.* Особенности трудового договора с отдельными категориями работников: Научно-практическое пособие / К.Н. Гусов, Е.П. Циндяйкина, И.С. Цыпкина; Под ред. К.Н. Гусова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2018.

9. *Азарова Е.Г.* Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / Е.Г. Азарова, М.А. Бочарникова, Т.Ю. Коршунова и др.; отв. ред. Ю.П. Орловский. 8-е изд., испр., доп. и перераб. М. : КОНТРАКТ, 2019.

10. *Шаповал Е.А.* Работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях требуется новая территориальная дифференциация гарантий и компенсаций // Социально-политические науки. 2017. № 1.

5. Review of the practice of court consideration of cases related to the exercise by citizens of labor activity in the regions of the Far North and equivalent localities: approved. The Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 02.26.2014: comp. on 04/26/2017 // Bulletin of the labor and social legislation of the Russian Federation. 2014. № 6.

6. *Akatnova M.I.* Actual problems of labor law: a textbook for masters / M.I. Akatnova, A.A. Andreev, E.N. Bondarenko et al.; open ed. N.L. Lyutov. M. : Prospect, 2017.

7. *Anischenko A.V.* The subtleties of the shift method // Construction: accounting and taxation. 2018. № 10.

8. *Gusov K.N.* Features of an employment contract with certain categories of workers: Scientific and practical allowance / K.N. Gusov, E.P. Tsindyaykina, I.S. Tsypkina; ed. K.N. Gusova. 2nd ed., Revised. and add. M. : Prospect, 2018.

9. *Azarova E.G.* Commentary on the Labor Code of the Russian Federation (itemized) / E.G. Azarova, M.A. Bocharnikova, T.Yu. Korshunova and others; open ed. Yu.P. Oryol. 8th ed., Rev., Ext. and reslave. M. : CONTRACT, 2019.

10. *Shapoval E.A.* Workers in the Far North and equivalent areas require a new territorial differentiation of guarantees and compensations // Sociopolitical sciences. 2017. № 1.

УДК 343.98
DOI 10.23672/x2435-1828-0225-I

Торопов Сергей Александрович
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
sergei5714@mail.ru

Игнатов Александр Николаевич
доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
aleksandrignatov@mail.ru

Тактические особенности проведения обыска в условиях фактора социальной напряженности

Аннотация. Обыск – достаточно распространенное следственное действие, сложность которого обусловлена принудительным характером его проведения. Принудительный характер поисковых мероприятий может создавать определенные конфликтные ситуации между сотрудниками правоохранительных органов и обыскиваемыми, успешное разрешение которых предполагает выработку тактических рекомендаций. В статье также рассмотрены проблемные вопросы проведения обыска в условиях социальной напряженности, а также, в возможных ситуациях противодействия, вызванных сопротивлением обыскиваемых либо населением, проживающим на территории, где проводится следственное действие. Проанализированы условия, способствующие быстрому развитию вышеуказанной негативной ситуации и факторы, влияющие на результативность следственного действия. Предложены тактические рекомендации проведения обыска в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Ключевые слова: криминалистическая тактика, обыск, следственная ситуация, социальная напряженность, тактические рекомендации, тактический прием, поисковые действия, риск, коронавирусная инфекция (COVID-19), средства защиты.

Sergey A. Toropov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Criminal Procedure and Forensic Science,
Crimean branch of Krasnodar
University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
sergei5714@mail.ru

Aleksandr N. Ignatov
Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Crimean branch of Krasnodar
University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
aleksandrignatov@mail.ru

Tactical features of the search in the conditions of the factor of social tension

Annotation. A search is a fairly common investigative action, the complexity of which is due to the forced nature of its conduct. The coercive nature of search activities can create certain conflict situations between law enforcement officers and those searched, the successful resolution of which involves the development of tactical recommendations. The article also discusses the problematic issues of conducting a search in conditions of social tension, as well as in possible situations of counteraction caused by the resistance of the people being searched or by the population living in the territory where the investigative action is being conducted. The conditions contributing to the rapid development of the above negative situation and factors affecting the effectiveness of the investigative action are analyzed. Tactical recommendations for a search in the context of the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) are proposed.

Keywords: forensic tactics, search, investigative situation, social tension, tactical recommendations, tactical method, search actions, risk, coronavirus infection (COVID-19), protective equipment.

В системе следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, обыск занимает одно из ведущих мест. Несомненно, своевременно и качественно проведенный обыск дает следователю либо дознавателю дополнительную

возможность понять суть произошедшего факта, отыскать объекты, имеющие значение для дела, получить информационные данные о лицах, которые причастны к его возникновению, построить криминалистические версии произошедшего события, либо внести в них корректировки с учетом обнаруженных доказательств.

Необходимо отметить, что обыск является достаточно актуальным и востребованным следственным действием при расследовании большинства категорий дел, решение о производстве данных следственных действий принимается при наличии процессуального и фактического оснований. Обыск имеет ярко выраженный принудительный и поисковый характер, и связан с определенными ограничениями для обыскиваемых, что обуславливает и определенные процессуальные критерии к его проведению.

Понятно, что негативные процессы, проходящие в обществе, оказывают влияние и на работу правоохранительных органов в сфере доказывания по уголовным делам. Так, на территории Российской Федерации в большинстве регионов с марта 2020 года введен режим повышенной готовности с последующим установлением нерабочих дней, вызванный распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. Введенный режим вносит изменения в деятельность организаций и учреждений, вне зависимости от форм собственности, а также граждан, так как связан с определёнными ограничениями [1]. Ограничена возможность перемещений по населенным пунктам, приостановлена деятельность ряда коммерческих организаций, что в целом ведет к уменьшению доходов, длительному пребыванию в стесненных условиях, осложнению отношений между членами семей и росту социальной напряженности. Социальная напряженность, возникающая в такого рода условиях, характеризуется недовольством населения невозможностью удовлетворить свои потребности, уровнем жизни, условиями труда, временами «перерастающая» в открытые конфликты и протесты, которые могут повлечь массовые беспорядки.

Вышеуказанные причины и обуславливают актуальность установления тактических особенностей проведения обыска в условиях фактора социальной напряженности, так как сотрудники правоохранительных органов при исполнении служебных обязанностей могут столкнуться с различными нестандартными и проблемными ситуациями в ходе проведения следственных действий в условиях социальной напряженности. Дополнительным стрессовым фактором для обыскиваемых является принудительный поисковый характер следственного действия, сопровождающийся временами повреждением имущества последнего.

Рассматриваемые проблемные вопросы еще не рассмотрены в полном объеме, но ряд отдельных положений рассматривались учеными Р.С. Белкиным, О.Я. Баевым, Э.С. Данильян, А.С. Данильян, Э.У. Бабаевой, Т.С. Волчецкой, Е.Е. Подголиным и А.Р. Ратиновым. Кроме того, некоторая часть исследовательских работ и тактических рекомендаций ввиду давности их разработки не всегда в полном объеме отражают современные проблемы теории уголовного процесса и криминалистики, а также, могут не отвечать потребностям практики.

Возможны различные формы противодействия нормальному выполнению своих служебных обязанностей сотрудниками правоохранительных органов. Что касается общих способов противодействия нормальной работе правоохранительных органов, то можно выделить следующие:

– различные формы воздействия на сотрудников правоохранительного органа, в производстве которого находится материалы расследования;

– дезинформация, переданная в СМИ относительно методов работы и сбора доказательственной информации с целью изменения мнения населения и дальнейшего призыва к массовым мероприятиям в виде сборов населения и выдвижения своих требований руководителям правоохранительных органов;

– использование выступлений должностных лиц государственных органов, общественных организаций с целью оказания влияния на общественное мнение [2, с. 10–12].

Так, в г. Самаре, для проведения следственного действия по факту кражи на территории мечети была отправлена следственно-оперативная группа, в состав которой входил кинолог со служебной собакой. По прибытию на место сотрудники правоохранительных органов вошли в помещение мечети, обутые и с животным, что вызвало негативную реакцию прихожан, которые хотели совершить насильственные действия против представителей власти. Описанную ситуацию напряженности в дальнейшем удалось пресечь, благодаря присутствию имама мечети, однако, это негативно повлияло на сохранность следовой информации [3, с. 253–257].

Как правило, путем производства обыска сотрудникам правоохранительных органов удается обнаружить предметы и вещества изъятые (ограниченного) из оборота, трупы и их части, а также иные значимые для расследования по делу объекты. Возможны случаи, когда вышеуказанное следственное действие не приносит прогнозируемого положительного результата, это возможно в следующих случаях:

1) не принятие во внимание или не знание разработанных тактических рекомендаций для сложившейся следственной ситуации;

2) не принятие во внимание условий следственной ситуации в конкретный момент проведения следственного действия;

3) не использование всего диапазона средств современной криминалистической техники, что ведет к «пропускам» во время поисковых мероприятий и последующей потере следовой информации либо объектов-носителей;

4) изъятие «излишней» следовой информации, не имеющей отношения к расследуемому событию, что значительно в дальнейшем увеличивает сроки расследования по делу.

При выборе тактических приемов субъектом расследования в зависимости от условий следственной ситуации в конкретный момент проведения следственного действия необходимо учитывать то, что следственную ситуацию характеризует ряд элементов, таких, как динамизм, индивидуальность и обусловленность. Динамизм выражен в возможности ситуации меняться в зависимости от воздействия на нее различных факторов. Индивидуальность проявляется в характеристиках, присущих конкретной ситуации. Тем не менее, даже в конкретной индивидуальной ситуации могут встречаться общие типичные черты. Обусловленность выражена в возможных изменениях от влияния различных факторов (как объективных, так и субъективных) [4, с. 85–86].

Ситуация может развиваться в достаточно компактные сроки в негативную сторону в зависимости от влияния объективных и субъективных факторов. К объективным факторам можно относить и социальные факторы, которые могут повлечь и социальную напряженность в обществе, которая оказывает влияние на режим работы правоохранительных органов.

Ситуация острой социальной напряженности, по мнению В.А. Ларина, может проявляться в различных сферах деятельности и выражается в виде опасного состояния окружающей среды, которое может быть вызвано процессами различного характера, в том числе и социального и создает различные криминогенные ситуации на определенной территории [5, с. 72–73].

Также, отличительной особенностью такого следственного действия, как обыск является его принудительный характер в отношении обыскиваемых лиц. Это создает дополнительный стрессовый фактор, как для самого обыскиваемого, так для членов его семьи, проживающих с ним лиц, и привести к различным негативным эмоциональным проявлениям: ярости, гневу, раздражительности, агрессии и последующим появлением конфликтных ситуаций. Учеными-криминалистами принято подразделять возникающие конфликтные ситуации на следующие виды: со строгим соперничеством, не со строгим соперничеством, остроконфликтные, не остроконфликтные. Ситуации строгого соперничества присуще столкновение интересов сторон с последующим доминированием одной из них. У ситуаций не строгого соперничества нет ярко выраженного противодействия интересов субъектов, ввиду отсутствия их общности. Остроконфликтные ситуации сопровождаются значительным эмоциональным напряжением, которое может проявляться в виде различных негативных эмоций (агрессии), не остроконфликтные – зачастую не имеют ярко выраженного проявления эмоций [6, с. 161–163].

Учитывая предпосылки появления конфликта, вызванного принудительным характером и внезапностью следственного действия, можно предположить, что ситуацию дополнительно будут осложнять факторы социальной напряженности. В целях преодоления конфликтных ситуаций применяются следующие меры: анализ поведения обыскиваемых самим сотрудником правоохранительного органа, исключающий возникновение конфликтной ситуации во время проведения следственного действия; если конфликтная ситуация возникает применяются решительные меры по ее устранению. Поисковые действия привлекаемых сотрудников правоохранительных органов должны соответствовать нормам действующего законодательства, т.к. в случаях активного сопротивления обыскиваемого и реализации мер принуждения и физического воздействия возможно будет проводиться правовая оценка возникшей ситуации.

Р.Л. Ахмедшин предлагает по время проведения следственного действия придерживаться следующих поведенческих ролей:

– дружелюбной, которая позволяет положительно общаться с обыскиваемыми;

– враждебной, которая выражается в резко критичном отношении к обыскиваемому;

– казенной, которая характеризуется нейтральным отношением, без каких-либо преобладающих эмоций [7, с. 83–84].

На протяжении всего следственного действия поведение обыскиваемого необходимо подвергать тщательному анализу, так как при приближении к месту хранения каких-либо орудий, ценностей, предметов и веществ, изъятых (ограниченного) из оборота, последний может внезапно вести себя неестественно (привлечь внимание выкриками, резким сопротивлением, ухудшением самочувствия). В вышеуказанных случаях резких проявлений эмоций со стороны обыскиваемого надо сосредоточить усилия группы в заданной точке поиска.

Учитывая негативную эпидемиологическую обстановку, вызванную распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), целесообразно членов поисковой группы экипировать средствами индивидуальной защиты органов дыхания (медицинскими и немедицинскими масками, респираторами), резиновыми перчатками и защитой органов зрения. Членам группы целесообразно применять методы параллельного исследования объектов с учетом соблюдения дистанции не менее 1,5 метра (социального дистанцирования). Необходимо учитывать размерные характеристики исследуемого помещения, т.к. в случаях загромождения большим количеством объектов, использование вышеуказанных методов будет затруднительно, что, в целом, снизит качественные и временные показатели работы [8].

После установления личности обыскиваемого, последнему можно предложить надеть средства индивидуальной защиты, при наличии свободных у представителей правоохранительных органов или принадлежащих обыскиваемому. При

выявлении признаков респираторных заболеваний (температура тела выше 37,5 °С и один или более из следующих признаков: кашель сухой или со скудной мокротой, одышка, боль в горле, насморк и другие катаральные симптомы, слабость, головная боль, аносмия, диарея) у обыскиваемого целесообразно связаться с представителями медицинских организаций или выяснить обращался ли последний за медицинской помощью. В последующем, в случае подтверждения острого респираторного вирусного заболевания с характерными для новой коронавирусной инфекции COVID-19 симптомами, медицинские работники должны осуществлять наблюдение пациента до приезда и передачи его специализированной выездной бригаде скорой медицинской помощи.

Необходимо помнить, что коронавирусная инфекция может передаваться контактным путем во время рукопожатия и других контактах, в том числе, с поверхностями. На окружающих предметах интерьера вирус сохраняет свою жизнеспособность до трех суток, поэтому контактировать с предметами окружающей обстановки нужно исключительно в средствах индивидуальной защиты, без соприкосновения с кожными покровами [9].

Существуют определенные сложности проведения следственных действий, в частности обыска в отношении лиц, с положительными результатами теста на COVID-19. Например, медицинские работники при контактах с вышеуказанной категорией лиц обязаны использовать средства индивидуальной защиты (в которые входят очки, одноразовые перчатки, респиратор необходимого класса защиты, противочумный костюм первого типа или одноразовый халат и бахилы). Пациентам рекомендовано находиться в маске, руки медицинских работников обрабатываются дезинфицирующим раствором. После оказания услуг все средства индивидуальной защиты упаковываются и транспортируются для последующей утилизации. После контакта с пациентами сотрудники сообщают уполномоченному лицу медицинской организации о проведении мероприятий [10]. Представляется целесообразным использование элементов вышеуказанного алгоритма с целью обеспечения защиты жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов в момент решения служебных задач.

Актуальным вопросом при проведении обыска в отношении лиц, с положительными результатами теста на COVID-19 также является участие понятых. Так, ст. 170 УПК Российской Федерации указывает, что в случаях, предусмотренных статьей 182 «Основания и порядок производства обыска» следственные действия производятся «с участием не менее двух понятых, которые вызываются для удостоверения факта производства следственного действия, его хода и результатов, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей статьи». Часть третья, в свою очередь, «…если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, следственные действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, могут производиться без участия понятых, о чем в протоколе следственного действия делается соответствующая запись». В вышеуказанных случаях производство следственного действия без участия понятых сопровождается применением технических средств фиксации (при невозможности использования технических средств следователь вносит отметку в протокол) [11]. Соответственно, в режиме работы правоохранительных органов в сложной эпидемиологической обстановки целесообразно при проведении следственных действий укомплектовывать группы работы средствами фиксации с достаточной емкостью памяти и элементов питания.

В случаях психологического воздействия на членов поисковой группы местными жителями с целью оказать негативное влияние на ход и результаты следственного действия можно воспользоваться помощью местных представителей власти либо общин или религиозных организаций, пользующихся авторитетом. Целесообразно связаться с вышеуказанными представителями до начала проведения следственного действия после предварительного анализа имеющихся материалов по делу и изучения места поисковых мероприятий.

Подводя итог, можно прийти к следующим выводам:

1) успешное проведение обыска в условиях социальной напряженности во многом зависит от подготовки, правильного подбора участников и технических средств, быстрой оценки рисков на месте поиска с последующим рациональным выбором тактики;

2) при неблагоприятной эпидемиологической обстановке необходимо вносить коррективы в подбор технических средств, средств защиты и тактику поисковых действий;

3) в случаях проведения следственных действий в условиях социальной напряженности необходимо оценивать возможные риски возникновения конфликтных ситуаций и заблаговременно принимать решения по их предотвращению.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Собрание законодательства РФ, 06.04.2020. № 14 (Ч. I). Ст. 2082

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation of 02.04.2020 № 239 «On measures to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population in the Russian Federation in connection with the spread of a new coronavirus infection (COVID-19)» // Collection of Russian legislation, 04.04.2020. № 14 (Part I). Art. 2082

2. *Гутник О.В.* Расследование преступлений в условиях противодействия, совершаемого с использованием социальной напряженности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Харьков, 2010. 20 с.

3. *Лебедев Н.Ю.* Концептуальные основы криминалистической теории преодоления конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования : дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.09. М., 2017. 406 с.

4. *Торопов С.А.* Практические аспекты организации и проведения осмотра места происшествия в условиях социальной напряженности // Общество и право. 2019. № 2(68). С. 84–88.

5. *Ларин В.А.* Механизм социальной напряженности: понятие и вид // В сборнике: Юридическая наука и правоприменительная практика: состояние и тенденции развития. Сборник материалов III Международной научно-практический конференции, посвященной 75-летию Адыгейского государственного университета. 2016. С. 71–76.

6. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики : в 3 т. М. : Юрист, 1997. Т. 3. 480 с.

7. *Ахмедшин Р.Л.* Некоторые психологические аспекты проведения обыска // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348. С. 82–85.

8. Указ Главы Республики Крым от 17 марта 2020 г. № 63-У «О введении режима повышенной готовности на территории Республики Крым». URL : https://rk.gov.ru/ru/structure/44 (дата обращения 05.05.2020).

9. Временные методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Версия 6 (28.04.2020) (утв. Министерством здравоохранения РФ). URL : https://static-1.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/050/122/original/28042020_MR_COVID-19_v6.pdf (дата обращения 05.05.2020).

10. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 марта 2020 г. № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19». URL : http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003190038 (дата обращения 01.05.2020).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Парламентская газета. 22.12.2001. № 241–242.

2. *Gutnik O.V.* Investigation of crimes in the context of counteraction committed with the use of social tension : abstract dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.09. Kharkov, 2010. 20 p.

3. *Lebedev N.Yu.* The conceptual basis of the forensic theory of overcoming conflicts arising during the preliminary investigation : dis. ... doctors jurid. sciences: 12.00.09. M., 2017. 406 p.

4. *Toropov S.A.* Practical aspects of the organization and conduct of the inspection of the scene in the conditions of social tension // Society and Law. 2019. № 2 (68). P. 84–88.

5. *Larin V.A.* The mechanism of social tension: concept and view // In the collection: Legal science and law enforcement practice: state and development trends. The collection of materials of the III International scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Adygea State University. 2016. P. 71–76.

6. *Belkin R.S.* Forensic science course : in 3 vol. M. : Lawyer, 1997. Vol. 3. 480 p.

7. *Ahmedshin R.L.* Some psychological aspects of the search // Bulletin of Tomsk State University. – 2011. № 348. P. 82–85.

8. Decree of the Head of the Republic of Crimea dated March 17, 2020 № 63-U «On the introduction of a high alert on the territory of the Republic of Crimea». URL : https://rk.gov.ru/ru/structure/44 (date of application 05.05 .2020).

9. Temporary guidelines «Prevention, diagnosis and treatment of new coronavirus infection (COVID-19)». Version 6 (04/28/2020) (approved by the Ministry of Health of the Russian Federation). URL : https: //static-1.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/050/122/original/28042020_MR_COVID-19_v6.pdf (date of appeal 05/05/2020).

10. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of March 19, 2020 № 198n «On the temporary procedure for organizing the work of medical organizations in order to implement measures to prevent and reduce the risks of the spread of new coronavirus infection COVID-19». URL : http: //publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003190038 (date of application 05/01/2020).

11. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 № 174-FZ (as amended on April 24, 2020) // Parliamentary newspaper. 12/22/2001. № 241–242.

УДК 343.9
DOI 10.23672/m6372-0599-5603-u

Фарышев Евгений Васильевич
начальник отделения
экономической безопасности
и противодействия коррупции,
ОМВД России по Абинскому району
Краснодарского края
efaryshev@mail.ru

Evgeny V. Faryshev
Head of Department
Economic Security
and Combating Corruption,
Department of the Ministry of Internal Affairs
of Russia in the Abinsky district
Krasnodar Territory
efaryshev@mail.ru

Правовые меры противодействия профессиональной преступности в современной России

Legal measures to combat professional crime in modern Russia

Аннотация. Автором предложены четыре направления совершенствования правовых мер противодействия профессиональной преступности. Первое направление связано с ограничением доступа к информации, пропагандирующей совершение преступлений, а также, привлекательность образа жизни, связанного с совершением преступлений. Второе направление предполагает дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от совершения преступлений с признаками криминального профессионализма. Третье направление обеспечивает изоляцию преступников-профессионалов в местах лишения свободы от других осужденных. Реализация четвертого направления позволит устанавливать административный надзор за профессиональными преступниками.

Ключевые слова: профессиональная преступность, криминальная идеология, ограничение доступа к информации, дифференциация уголовной ответственности, раздельное содержание осужденных, административный надзор.

Annotation. The author has proposed four areas for improving legal measures to combat professional crime. The first direction is related to the restriction of access to information that promotes the commission of crimes, as well as the attractiveness of the lifestyle associated with the commission of crimes. The second direction involves the differentiation of criminal liability depending on the commission of crimes with signs of criminal professionalism. The third direction ensures the isolation of professional criminals in prison from other convicts. The implementation of the fourth direction will allow the establishment of administrative supervision of professional criminals.

Keywords: professional crime, criminal ideology, restriction of access to information, differentiation of criminal responsibility, separation of convicts, administrative supervision.

Изучение процесса детерминации профессиональной преступности, факторов, способствующих совершению преступлений с признаками криминального профессионализма, позволило прийти к выводу о том, что действие значительного количества таких факторов можно устранить или минимизировать путем совершенствования правовых норм, регулирующих различные общественные отношения. На эффективность правовых норм в качестве средства предупреждения преступлений не раз обращалось внимание в криминологическихисследованиях [1, с. 124–126, 130–132].

При исследовании факторов, детерминирующих современную профессиональную преступность, было установлено серьезное влияние криминальной идеологии и криминальной субкультуры на масштабы профессиональной преступности, а также выявлены проблемы, существующие в государственной системе противодействия распространению этого явления.

В связи с этим, предлагаются меры, направленные на ограничение доступа к информации, пропагандирующей совершение преступлений, а также, привлекательность образа жизни, связанного с совершением преступлений.

Статью 4 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» предлагается дополнить абзацем следующего содержания:

«Запрещается в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях пропаганда совершения преступлений, привлекательности образа жизни, связанного с совершением преступлений».

Пункт 1 части 5 статьи 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предлагается дополнить подпунктом «ж» следующего содержания:

«з) информации, пропагандирующей совершение преступлений, привлекательность образа жизни, связанного с совершением преступлений».

Также, следует закрепить критерии информации, пропагандирующей совершение преступлений, привлекательность образа жизни, связанного с совершением преступлений в Приказе Роскомнадзора № 84, МВД России № 292, Роспотребнадзора № 351, ФНС России ММВ-7-2/461 от 18.05.2017 «Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, федеральной налоговой службой о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также, сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

Предлагается дополнить Приказ Разделом II1:

II1. Критерии оценки информации, пропагандирующей совершение преступлений, привлекательность образа жизни, связанного с совершением преступлений, необходимые для принятия решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети «Интернет», а также, сетевых адресов в Единый реестр.

21. К информации, пропагандирующей совершение преступлений, привлекательность образа жизни, связанного с совершением преступлений, относится размещенная в сети "Интернет" информация, отвечающая одному или нескольким из следующих критериев:

21.1. Информация, содержащая детальное описание способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений (за исключением художественных произведений, в которых описывается информация, оправданная их жанром).

21.2 Информация, описывающая либо дающая представление о порядке действий по приобретению, изготовлению, разработке и использованию орудий или средств, специально предназначенных для совершения преступлений (в том числе описание процессов и (или) инструкций (схем) их разработки, изготовления и использования).

21.3 Информация о способах ухода от уголовной ответственности за совершение преступлений (за исключением художественных произведений, в которых описывается информация, оправданная их жанром).

21.4 Информация, направленная на формирование у целевой аудитории положительного образа лиц, совершающих преступления (за исключением художественных произведений, в которых описывается информация, оправданная их жанром).

21.5 Информация, содержащая предложения, просьбы, приказы совершить преступление.

21.6 Информация, содержащая побуждающие к совершению преступления аргументы, включающая утверждения (суждения), не содержащие прямого либо явного побуждения, но способные склонить к принятию решения о совершении преступления, в том числе, посредством приведения конкретных примеров, представляющих собой популяризацию конкретных действий других людей, которые уже совершили преступление, и (или) утверждения (суждения) о преимуществах, которые получили лица, совершившие преступление, в том числе, представление совершения преступлений как обыденного явления (приемлемого, логичного и закономерного в современном обществе поступка).

21.7 Информация, содержащая положительную оценку либо одобрение: совершения преступления, образа жизни, связанного с совершением преступлений, стремления к нахождению в местах лишения свободы, участия в преступных группах (за исключением художественных произведений, в которых описывается информация, оправданная их жанром).

Полномочия по оценке соответствия распространяемой информации перечисленным критериям следует возложить на МВД России.

Важная роль в предупреждении профессиональной преступности отводится уголоно-правовым мерам. В данной сфере следует законодательно закрепить понятие и признаки криминального профессионализма.

В случае закрепления в уголовном законе понятия «совершение преступлений с признаками криминального профессионализма» (или близкого к нему по содержанию) суд при наличии соответствующих оснований (указанных признаков криминального профессионализма, доказанных материалами дела) признает пресутпления таковыми и констатирует это в приговоре. Это должно влечь конкретные правовые последствия. Например, возможность более строгой изоляции осужденных, совершивших преступления с признаками криминального профессионализма с тем, чтобы пресекать распространение криминальной субкультуры в местах лишения свободы. Или, например, обязательность установления в отношении таких лиц административного надзора [2, с. 77].

Профессиональная преступность проявляется во множественности тождественных и однородных преступлений корыстной направленности. Это свидетельствует об устойчивости избранного вида преступной деятельности, что приводит к оттачиванию преступниками своего «профессионального мастерства». Следовательно, для усиления борьбы с профессиональными преступниками необходимо учитывать однородность и тождественность при рецидиве преступлений. Авторами отмечается,что, в связи с этим, целесообразно ввести в уголовное законодательство нормы, предусматривающие специальный рецидив преступлений. М.М. Асланян предлагает под специальным рецидивом преступлений понимать «совершение нового умышленного преступления лицом, ранее осужденным за однородное или тождественное преступление»[3, с. 104].

Существует мнение, что закрепление в Общей части УК РФ понятия «профессиональный преступник» может способствовать усилению ответственности наиболее злостных преступников лишь в том случае, если в уголовно-правовые нормы ввести квалифицирующий признак – «совершение преступления профессиональным преступником». Данное отягчающее наказание обстоятельство поможет повысить объективность оценки личности преступника и, соответственно, индивидуализировать его наказание. Этот квалифицирующий признак следует ввести в следующие статьи УК РФ: ч. 2, ч.3 ст. 158, ст. 159–1596, ч. 2 ст. 161, ч. 2 ст. 162, ч. 2 ст. 163, ч. 3 ст. 186 [4, с. 51].

Такая позиция представляется весьма спорной. Во-первых, уголовное законодательство в последнее время идет по пути оценки не личностных характеристик лица, совершившего преступлений, а самого совершенного деяния. Именно поэтому произошел переход от понятия «рецидивист» к понятию «рецидив преступления». Во-вторых, не ясно, почему автором были выбраны именно перечисленные статьи. Криминализация деяний, появление квалифицирующих признаков, усиление ответственности должны сопровождаться криминологическим мониторингом и оценкой масштабов распространенности и уровня опасности явления. Конституционный Суд РФ указал, что «федеральный законодатель, определяя, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, обязан избегать избыточного использования уголовно-правовой репрессии, помня о том, что основанием преступности противоправных деяний могут служить лишь обстоятельства, в совокупности, объективно подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе, масштаб распространенности и динамика роста таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также, невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств»(Постановления от 27 июня 2005 г. № 7-П, от 27 мая 2008 г. № 8-П, от 16 июля 2015 г. № 22-П, от 10 февраля 2017 г. № 2-П и др.).

Как справедливо отмечает Конституционный Суд РФ, «уголовное законодательство является, по своей правовой природе, крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если оно не может быть обеспечено должным образом только с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности» (Постановление от 10 февраля 2017 г. № 2-П).

Однако трудно спорить с тем, что систематическое совершение разных преступлений свидетельствует о повышенной общественной опасности субъекта и вызывает необходимость предоставления суду правовой возможности действительно реально индивидуализировать наказание. При действующем законе назначение наказания за каждый вид преступления приводит к тому, что лицо, на самом деле, несет реально наказание по одной статье, предусматривающей более строгое наказание. Совершение других преступлений является, как бы, отягчающим обстоятельством и учитывается судом при избрании окончательной меры наказания в пределах санкции данной нормы закона.

Такого же мнения придерживается и А.И. Долгова, которая считает, что работа против профессиональной преступности была бы более эффективной, если бы при назначении наказания использовался принцип сложения, а не поглощения более мягкого наказания более суровым, без ограничения окончательного наказания в виде лишения свободы тридцатью годами. Вместе с тем, никогда не поздно применять и досрочное освобождение, если тот или иной преступник-профессионал сделал правильные выводы из пройденного им жизненного пути [5, с. 537].

Таким образом, признание лица профессиональным преступником повлечет за собой более строгое наказание на основании и в пределах, которые предусмотрены УК РФ. В части квалификации преступлений и определения наказания профессиональным преступникам, уголовный закон следует сделать более гибким, позволяющим судебным органам максимально обеспечивать индивидуальный подход к установлению ответственности за содеянное.

Однако следует всё же придерживаться уголовно-правовой оценки не личности преступника, а совершенных им деяний. Признак криминального профессионализма существенным образом повышает общественную опасность содеянного. Введение в Общую часть УК РФ понятия «совершение преступлений с признаками криминального профессионализма» позволит конкретизировать уголовную ответственность виновных. Это, естественно, улучшит качество назначения уголовного наказания.

Понятие «совершение преступлений с признаками криминального профессионализма» следовало бы включить в ст. 181 УК РФ. Ее диспозиция может быть сформулирована следующим образом:

«Статья 181 УК РФ Совершение преступлений с признаками криминального профессионализма

1. Совершением преступлений с признаками криминального профессионализма признается систематическое совершение лицом тождественных либо однородных преступлений, предусмотренных пунктом «з» части второй статьи 105, пунктом «г» части второй статьи 111, пунктом «ж» части второй статьи 117, статьями 126, 1271, 1272, 146, 147, 158, 159, 1591, 1592, 1593, 1595, 1596, 161, 162, 163, 164, 171, 1711, 1712, 1713, 172, 1722, 174, 1741, 175, 186, 187, 191, 1911, 2001, 2002, 2003, 206, 209, 210, 2101, 222, 2221, 223, 2231, 226, 2261, 227, 2281, 2284, 229, 2291, 231, 234, 2341, 2351, 2381, 240, 241, 242, 2421, 2422, 256, 258, 2581, 260, 272, 273, 2741, 3221, 327, 3271, 3272 настоящего Кодекса, вне зависимости от того, привлекалось ли оно к уголовной ответственности за их совершение, с использованием специальных знаний, умений и навыков с целью извлечения дохода.

2. Наличие в совершенных преступлениях признаков криминального профессионализма устанавливается судом.

3. Совершение преступлений с признаками криминального профессионализма влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом, а также, иные последствия, предусмотренные законодательством Российской Федерации».

Следует особо оговориться относительно части 2 предлагаемой статьи. В данном случае на первый план выходит судейское усмотрение, поскольку не все преступления, перечисленные в ч. 1 ст. 181 УК РФ, совершенные повторно, можно отнести к совершенным с признаками криминального профессионализма.

Судейское усмотрение в уголовном праве – это осуществляемый в процессуальной форме специфический аспект правоприменительной деятельности, заключающийся в использовании предоставленных судье (следователю, дознавателю) уголовно-правовыми нормами правомочий по выбору решения в пределах, установленных законом, в соответствии с его правосознанием и волей законодателя, исходя из принципов права и конкретных обстоятельств совершения преступления [6, с. 8].

При решении вопроса о наличии в совершенном деянии признаков криминального профессионализма нужно отталкиваться от уголовно-правовой и криминологической сущности этого явления. В частности, установлению и оценке в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства подлежат следующие обстоятельства:

– количество преступлений с признаками криминального профессионализма, совершенных виновным;

– длительность преступной деятельности, то есть количество времени, прошедшего с момента начала подготовки к совершению первого преступления до совершения последнего деяния, имеющего признаки криминального профессионализма;

– тождественность или однородность совершаемых преступлений. Под тождественностью понимается совершение нескольких преступлений, ответственность за которые предусмотрена одной статьей УК РФ. Под однородностью следует понимать схожесть объекта посягательства и механизма совершения преступления;

– конкретные знания, умения и навыки, применяемые лицом при совершении преступлений;

– размер дохода, полученного лицом в результате совершения преступлений;

– наличие связей виновного с криминальной средой, выражающаяся, в частности, в совместном совершении преступлений виновным с другими лицами, в том числе, с участниками организованных групп и преступных сообществ, вхождении виновного в преступные группы и сообщества, взаимодействии с лидерами преступной среды, производстве отчислений в бюджет криминальных структур («общак»).

На основе анализа перечисленных обстоятельств и делается вывод о наличии в совершенных деяниях признаков криминального профессионализма.

Предложенная редакция ст. 181 УК РФ была обсуждена с экспертами. Большинство (71,6 %) опрошенных экспертов поддержало введение ст. 181 УК РФ в предложенной редакции. Негативно восприняли авторское предложение 8 % респондентов. Основными аргументами против включения в Уголовный кодекс РФ эксперты считают значительное количество оценочных понятий в предлагаемой норме, чрезмерное расширение судейского усмотрения при отнесении деяния к числу преступлений, совершенных с признаками криминального профессионализма, что может способствовать коррупционным проявлениям среди правоприменителей.

Экспертам предлагалось ответить, достаточен ли, по их мнению, перечень преступлений, совершенных с признаками криминального профессионализма, приведенный в предлагаемой автором ч. 1 ст. 181 УК РФ. В результате установлено, что достаточным считают перечень преступлений 87,6 % опрошенных. 6,8 % экспертов посчитали перечень недостаточным, практически все из них высказали точку зрения о возможности признать любое преступление, в результате которого был извлечен доход, совершенным с признаками криминального профессионализма. То есть, фактически, они предложили сделать этот перечень открытым, максимально расширив судейское усмотрение. Наибольший удельный вес среди экспертов, высказавшихся таким образом, принадлежит судьям (8,3 %). Такое решение представляется чрезмерным и не соответствующим результатам криминологиеского мониторинга современной профессиональной преступности.

Можно утверждать, что, в целом, авторское предложение по включению в Уголовный кодекс РФ ст. 181 в указанной редакции нашло поддержку среди экспертов, причем, в большей степени –

среди экспертов-практиков, сталкивающихся с проблемами привлечения к уголовной ответственности преступников-профессионалов.

Следует признать совершение преступления с признаками криминального профессионализма обстоятельством, отягчающим наказание.

Необходимо установить правила назначения наказания при совершении преступлений с признаками криминального профессионализма, для чего дополнить УК РФ статьей 681, где закрепить положения, согласно которым при назначении наказания при совершении преступлений с признаками криминального профессионализма учитываются характер и степень общественной опасности совершенных преступлений, продолжительность преступной деятельности, факты привлечения к уголовной ответственности за ранее совершенные тождественные либо однородные преступления, размер причиненного материального ущерба и (или) извлеченного дохода. Срок наказания при совершении преступлений с признаками криминального профессионализма не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

С целью недопущения распространения криминального опыта, пропаганды криминальной идеологии и образа жизни преступниками-профессионалами в местах лишения свободы следует принять меры к изоляции их от других осужденных. Для этого, во-первых, не следует назначать им отбывание наказания в колониях-поселениях, для чего нужно внести изменения в п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ, изложив его следующим образом: «мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение преступлений с признаками криминального профессионализма, тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, а также женщинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе, при любом виде рецидива, – в исправительных колониях общего режима».

Во-вторых, следует подвергнуть корректировке нормы законодательства, регулирующего порядок и определяет условия содержания под стражей лиц, которые в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации задержаны по подозрению в совершении преступления, а также – лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Сроки содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений во время предварительного расследования могут быть весьма длительными, что дает возможность профессиональным преступникам распространять криминальную идеологию среди других лиц, находящихся под стражей, делиться своим криминальным опытом. Для недопущения этого предлагается содержать лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений с признаками криминального профессионализма, отдельно от других подозреваемых и обвиняемых. С этой целью необходимо внести в п. 2) ст. 33 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» абзац следующего содержания:

– «подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений с признаками криминального профессионализма».

Необходимо изменить и нормы уголовно-исполнительного законодательства, определяющие режим раздельного содержания осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях.

Ч. 4 ст. 74 УИК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «В исправительных колониях общего режима отбывают наказание осужденные мужчины, в том числе, совершившие преступления с признаками криминального профессионализма, кроме перечисленных в частях пятой, шестой и седьмой настоящей статьи, а также - осужденные женщины».

Редакцию ч. 2 ст. 80 УИК РФ нужно изменить следующим образом: «Лица, впервые осужденные к лишению свободы, содержатся отдельно от осужденных, ранее отбывавших лишение свободы. Изолированно от других осужденных содержатся:

– осужденные, совершившие преступления с признаками криминального профессионализма, осужденные при опасном рецидиве, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений;

– осужденные к пожизненному лишению свободы;

– осужденные, которым смертная казнь заменена в порядке помилования лишением свободы на определенный срок».

Также, следует внести изменения в ч. 4 ст. 73 УИК РФ, предоставив возможность федеральному органу уголовно-исполнительной системы определять место отбывания наказания лицам, совершившим преступления с признаками криминального профессионализма, аналогично тому, как происходит с осужденными, в отношении которых имеется информация об их приверженности идеологии терроризма, исповедовании, пропаганде или распространении ими такой идеологии и оказании ими, в связи с этим, в период содержания под стражей, отбывания наказания соответствующего негативного воздействия на других обвиняемых (подозреваемых), осужденных, а равно, некоторых других категорий осужденных, перечисленных в ч. 4 ст. 73 УИК РФ.

Предложение не направлять осужденных, совершивших преступления с признаками криминального профессионализма, в колонии-поселения, и содержать их отдельно от других заключенных нашло поддержку у 78,4 % опрошенных экспертов. Специалисты, не поддержавшие такую инициативу, аргументировали свое решение тем, что содержание лиц, совершивших преступления с

признаками криминального профессионализма, отдельно от других осужденных будет сложно реализовать из-за дефицита мест в исправительных учреждениях. Кроме того, ряд респондентов отметили, что консолидация профессиональных преступников в одном месте будет негативно сказываться на их исправлении. Безусловно, можно согласиться с такими аргументами, однако, следует отметить, что в данном случае необходимо соблюдение баланса между исправлением профессиональных преступников и ограждением других осужденных от вовлечения в криминальную идеологию.

За профессиональными преступниками необходимо установление административного надзора. Для этого таже потребуется корректировка нормативной базы. Во-первых, следует изменить ч. 1 ст. 1731 УИК РФ, включив лиц, совершивших преступления с признаками криминального профессионализма в число тех, в отношении кого устанавливается административный надзор в соответствии с федеральным законом. Также, следует дополнить ч. ст. 3 федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» пунктом 4 в следующей редакции:

«4) преступления с признаками криминального профессионализма».

Предложение об установлении административного надзора за лицами, совершившими преступления с признаками криминального профессионализма,освобожденными из мест лишения свободы, поддержали 82,8 % опрошенных специалистов.

Предложенные правовые меры будут способствовать повышению эффективности противодействия профессиональной преступности, поскольку существенным образом ограничат возможности распространения криминальной идеологии, обеспечат дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от наличия в совершенных деяниях признаков криминального профессионализма.

Литература:

1. *Соловьев В.С.* Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией (по материалам Центрального федерального округа) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Воронеж, 2013.

2. *Таилова А.Г.* Особенности предупреждения профессиональной преступности // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 4-2.

3. *Асланян М.М.* Совершенствование института рецидива преступлений как легальной формы профессиональной преступности // Общество и право. 2008. № 2.

4. *Кондратьева С.Н.* Меры предупреждения профессиональной преступности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. № 6(223). Вып. 25.

5. Криминология : учебник для вузов / Под ред. А.И. Долговой. 3-е изд. М. : Норма, 2008.

6. *Грачева Ю.В.* Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики : автореф. … докт. юрид. наук. М., 2011.

Literature:

1. *Solovev V.S.* Prevention of the involvement of minors in prostitution (based on materials from the Central Federal District) : dis. ... cand. legal sciences: 12.00.08. Voronezh, 2013.

2. *Tailova A.G.* Features of the prevention of professional crime // Theoretical and applied aspects of modern science. 2014. № 4-2.

3. *Aslanyan M.M.* Improving the Institute of Relapse of Crimes as a Legal Form of Professional Crime // Society and Law. 2008. № 2.

4. *Kondratyeva S.N.* Prevention of professional crime // Bulletin of the South Ural State University. 2011. № 6(223). Vol. 25.

5. Criminology : textbook for high schools / ed. by A.I. Dolgova. 3rd ed. M. : Norma, 2008.

6. *Gracheva Yu.V.* Judicial discretion in the implementation of criminal law: problems of lawmaking, theory and practice : abstract. ... doct. legal sciences. M., 2011.

УДК 316
DOI 10.23672/b0752-2344-2646-c

Чапурко Татьяна Михайловна
доктор политических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина
chapurko@mail.ru

Ковалева Татьяна Федоровна
Уполномоченная по правам
ребенка в Краснодарском крае
chapurko@mail.ru

Сухова Диана Валерьевна
аспирантка,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
diana_red@mail.ru

Чикаленко Наталья Борисовна
аспирантка,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
shirokovanb@mail.ru

Социально-правовые проблемы охраны прав несовершеннолетних на образование в России (на примере Краснодарского края)

Аннотация. На пути к укреплению российской государственности первоочередной становится задача научить молодых граждан России следованию закону в повседневной жизни. Именно поэтому правовое просвещение и образование подрастающего населения по вопросам соблюдения прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних является одним из ведущих направлений государственной деятельности России в вопросах соблюдения прав детей в основных сферах жизнедеятельности. Авторами предлагается рассмотреть современные особенности и проблемы охраны прав малолетних и несовершеннолетних детей на образование в России на примере Краснодарского края.

Ключевые слова: образование, дети, малолетние, несовершеннолетние.

Tatyana M. Chapurko
Doctor of Political Science,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
chapurko@mail.ru

Tatyana F. Kovaleva
Commissioner for the Rights of the Child
in the Krasnodar Territory
chapurko@mail.ru

Diana V. Sukhova
Graduate student
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
diana_red@mail.ru

Natalya B. Chikalenko
Graduate student,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
shirokovanb@mail.ru

Social and legal problems of protection of rights of minors for education in Russia (on the example of the Krasnodar Territory)

Annotation. The first task on the way to strengthening Russian statehood is to teach young Russian citizens to follow the law in everyday life. That is why legal education and education of the younger population on the rights, freedoms and legitimate interests of minors is one of the leading areas of Russian state activity in respecting the rights of children in the main spheres of life. t he authors propose to consider modern features and problems of protecting the rights of young and minor children to education in Russia for example, the Krasnodar Territory.

Keywords: education, children, minors, minors.

В соответствии со статьей 2 Конституции Российской Федерации [1], охрана прав и свобод человека является приоритетной обязанностью государства, когда обеспечение верховенства закона, формирование полноценного гражданского общества, высокого уровня правовой культуры и ответственности каждого гражданина за будущее страны – важнейшие цели государственной политики.

Следовательно, первоочередной задачей на пути к укреплению российской государственности

становится задача научить молодых граждан России следованию закону в повседневной жизни. Именно поэтому правовое просвещение и образование подрастающего населения по вопросам соблюдения прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних является одним из ведущих направлений государственной деятельности России в вопросах соблюдения прав детей в основных сферах жизнедеятельности (на примере Краснодарского края) [2].

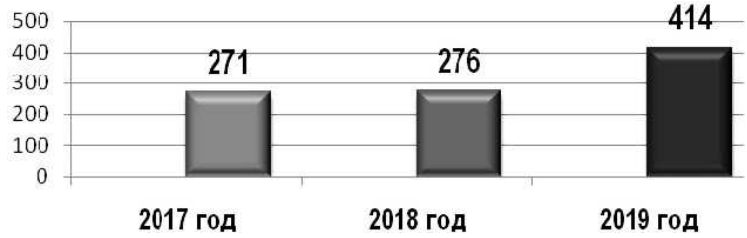
По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю, численность населения Краснодарского края на 01 января 2019 года составляет 5 млн 648 тыс. 235 человек (2018 год – 5 млн 603 тыс. 420 чел.), в том числе детское население – 1 млн 117 тыс. 301 ребенок (2018 год – 1 млн 156 тыс. 233 ребенка).

Поскольку гарантами соблюдения основных прав детей являются их родители, безусловно, важно сохранение брачно-семейных отношений между ними, так как в случае расторжения брака или при раздельном проживании родителей – их способность и готовность общаться и договариваться в наилучших интересах детей. Поэтому негативным считаем в 2019 году – увеличение числа расторжений браков: 2018 год – 25 тыс. 933; 2019 год – 27 тыс. 302, даже при некотором увеличении числа их регистраций: 2018 год – 41 тыс. 647; 2019 год – 42 тыс. 239. Детское население в Краснодарском крае на 01 января 2018 года составляло 1 млн 156 тыс. 233 ребенка, что на 24 тыс. 112 детей, что больше по сравнению с предыдущим 2017 годом, когда детей было – 1 млн 132 тыс. 121 ребенок, что считаем положительным итогом для сохранения тенденции увеличения численности детей, обучающихся в дневных общеобразовательных организациях. Так, если в 2016/2017 учебном году в общеобразовательных организациях края обучалось около 600 тыс. детей, в 2017/2018 учебном году - более 630 тыс. детей, и в 2018/2019 учебном году обучается уже более 650 тыс.

В Краснодарском крае функционируют 1 тыс. 537 организаций, которые осуществляют образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, из них 1 тыс. 460 муниципальных дошкольных образовательных организаций, в которых воспитывается более 270 тысяч детей.

Вместе с этим, возникает вопрос – все ли дети в возрасте от 3 до 7 лет, состоявшие на актуальной очереди, обеспечены местами в дошкольных образовательных организациях ? И не менее важен вопрос – о перспективе будущих десятилетий относительно подрастающих поколений? Поэтому обеспечение права каждого ребенка на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования является одним из основополагающих принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования – посмотрим на это через обращения к Уполномоченному по правам ребенка о защите прав детей на образование (на примере Краснодарского края).

Количество обращений, поступивших к Уполномоченному в 2017–2019 годах, о защите прав детей на образование



В связи с этим, на особом контроле находятся обращения граждан о нарушении прав детей на образование, численность которых ежегодно увеличивается, а вопросы, волнующие заявителей, все более многогранны. Естественный рост численности детского населения и активная миграция в Краснодарский край молодых семей из других регионов России послужили основными предпосылками сложившегося дефицита мест в детских садах – проблема обеспечения доступности дошкольного образования существует в крае не первый год, на что обращается внимание Уполномоченного по правам ребенка в Краснодарском крае [3]. В целях ликвидации дефицита дошкольных мест органами исполнительной власти в рамках реализации государственных программ Краснодарского края «Развитие образования» и «Социально-экономическое и инновационное развитие Краснодарского края» осуществляется выкуп и строительство новых зданий образовательных организаций, пристроек к ним, реконструкция и капитальный ремонт зданий действующих школ и детских садов. К концу 2019 года было создано 7 тысяч 268 новых дошкольных мест. Кроме того, для обеспечения растущей потребности в школьных местах на 2020 год запланировано строительство 13 зданий общеобразовательных организаций на 9 тысяч 270 мест. Вместе с тем, сегодня рост потребности населения в местах в детских садах опережает темпы строительства новых образовательных организаций и создания дополнительных мест в уже действующих. Это особенно характерно для центральных районов края, крупных городов и Черноморского побережья, где детские сады и школы переполнены, обучающиеся и педагоги испытывают повышенную психологическую нагрузку, что, в свою очередь, негативно отражается на качестве образования. Об этом свидетельствуют обращения по вопросам обеспечения детей путевками в дошкольные

образовательные организации. Их количество растет ежегодно, а в сравнении с прошлым годом возросло более чем в 2 раза, причем, в большинстве своем, это семьи с детьми, прибывшие в последние годы в Краснодарский край для проживания – миграционные процессы. Практически в каждом обращении к административной власти края они сообщали о прямой зависимости между необходимостью мамы выйти на работу, материальным благополучием семьи и наличием у ребенка возможности посещать детский сад. Однако удовлетворить потребность всех нуждающихся пока не представилось возможным в связи с активными миграционными процессами и отсутствием свободных мест в дошкольных образовательных организациях.

Остаются актуальными и вопросы сохранения здоровья обучающихся во время образовательного процесса. Так, работниками образовательных организаций допускаются нарушения Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [4] в части создания условий для охраны и укрепления здоровья обучающихся и обеспечения их безопасности во время пребывания в учебной организации. Данные показатели порой связаны с сокрытием фактов получения травмы ребенком, которую, несмотря на тяжесть травмы, педагоги, не приняв мер к оказанию медицинской помощи, без сопровождения взрослых отправляли из школы домой – что в нарушение законодательства об образовании, порядка расследования и учета несчастных случаев с обучающимися во время пребывания в организации, осуществляющей образовательную деятельность, администрацией школы не были организованы оказание первой помощи ребенку и доставка в медицинскую организацию, законный представитель о несчастном случае не проинформирован. Кроме того, в нарушение требований статей 9 и 18 Федерального закона «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5], статьи 79 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [6], Приказа министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 565н «Об утверждении порядка информирования медицинскими организациями органов внутренних дел о поступлении пациентов, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что вред их здоровью причинен в результате противоправных действий» – не выполняются требования по информированию органов прокуратуры и внутренних дел о факте причинения вреда здоровью ребенка.

Далее, следует отметить и недостатки в просвещении образовательной программы, что в соответствии со статьей 28 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [4] – образовательная организация несет ответственность в установленном законодательством порядке за невыполнение или ненадлежащее выполнение функций, отнесенных к ее компетенции, за реализацию не в полном объеме образовательных программ.

Заслуживает особого внимания и проблема совершения противоправных действий и применения педагогами жестоких методов воспитания в отношении обучающихся: так, родители, сообщили о жестоком обращении учителя ОБЖ по отношению к их детям – рукоприкладстве, нецензурной брани, физических наказаниях, психологическом давлении, оскорблениях, унижениях, распространении ложных сведений, порочащих честь и достоинство не только самих детей, но и их семей. По результатам служебного расследования, на основании пункта 2 статьи 336 Трудового кодекса РФ [8], учитель уволен из образовательной организации за применение методов воспитания, связанных с физическим и психическим насилием над личностью обучающихся. Правоохранительными органами в действиях учителя усмотрены признаки административных правонарушений, предусмотренные статьями 5.61 и 6.1.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [9]. К дисциплинарным взысканиям привлечены социальный педагог, заместитель директора школы по воспитательной работе и директор школы.

Следующая проблема, характерная, в той или иной степени, для всех образовательных организаций, это конфликтные ситуации в образовательной среде. Как показывает проведенный анализ последних лет, возникают они при разных обстоятельствах и связаны с противоречием между развитием современной системы образования и собственными представлениями о ней участников конфликта. Но независимо от причин конфликтной ситуации в ее центре всегда оказываются дети. Так, исследован был конфликт, участниками которого в дальнейшем стали все родители 2-го класса и представители администрации школы. В образовательной организации состоялась встреча с администрацией и педагогами, проведено родительское собрание, в ходе которого была обсуждена сложившаяся ситуация, результаты служебного расследования, а также, предложение школьной комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, которая рекомендовала:

– перевести учителя английского языка на преподавание в среднее и старшее звено школы;

– поручить педагогу-психологу провести во 2-м классе мероприятия, направленные на снижение уровня тревожности учащихся и сплочение детского коллектива.

Следующая проблема в сфере образования приобрела особую актуальность в последние годы и связана с нарушением работниками детских садов и школ прав детей при раздельном проживании их родителей. Так, согласно статьи 61 Семейного кодекса РФ [10], родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей. Однако вопреки нормам законодательства в тех случаях, когда родители обучающихся проживают раздельно и ведут между собой спор о месте жительства ребенка, педагоги, а иногда и руководители образовательных организаций, на основе своего субъективного мнения неправомерно занимают сторону одного из

родителей, не придавая значения наличию (или отсутствию) у него законных оснований для проживания ребенка. Практика свидетельствует о длящихся по несколько лет случаях, при которых, несмотря на решение суда об определении места жительства ребенка со вторым родителем, администрация и педагоги школ способствовали родителю, незаконно удерживающему у себя ребенка, в его изоляции от второго родителя. Таким образом, нарушая пункт 4 статьи 66 Семейного кодекса РФ [10], родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет право на получение информации о своем ребенке из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций социального обслуживания и аналогичных организаций, образовательные организации, органы управления образованием неправомерно отказывали матери в информации о месте обучения ребенка, ссылаясь на Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» [11], тем самым. грубо нарушая права матери на получение информации о своем ребенке.

В итоге, исходя из анализа причин и условий, способствующих нарушению прав детей на образование и общение с отдельно проживающим родителем, можно сделать вывод о том, что в целях выработки единой правоприменительной практики и недопущения выше указанных фактов назрела необходимость в разработке методических рекомендаций для муниципальных органов управления образованием, руководителей образовательных организаций по применению норм Семейного кодекса РФ, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в части обеспечения соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних, информирования органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних о выявленных случаях нарушения прав несовершеннолетних, а также предоставления отдельно проживающему родителю информации из образовательной организации о его ребенке.

Кроме всего обозначенного, считаем, что эти проблемы указывают на то, что в современных условиях общества и государства необходимо использовать новые подходы к организации взаимодействия педагогов, обучающихся и их родителей в ходе образовательного процесса, которые могли бы способствовать снижению частоты конфликтов между его участниками и повышению стабильности образовательной среды, в целом. И одним из таких подходов является деятельность школьных «служб примирения», в основе которой лежит уважение к личности, свобода принятия решений сторонами спора при предоставлении им равных прав и которая даже очень сложные конфликты способна конструктивно урегулировать в интересах обучающихся. Безусловно, создание «служб примирения» в каждой образовательной организации и обучение специалистов соответствующим технологиям позволит любой конфликт направить в конструктивное русло, и, в целом, максимально снизить конфликтность образовательной среды. Процедура урегулирования конфликтов или медиация на практике доказала свою эффективность, необходимо применять уникальный проект «Медиация как способ формирования бесконфликтной среды в образовательных учреждениях», который с 2019 года реализует в Краснодарском крае АНО ДПО «Центр переговоров и урегулирования споров (медиация)». Проект позволяет урегулировать конфликтные ситуации с учетом соблюдения интересов всех членов образовательного процесса, сохранив эмоциональный комфорт и отношения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принятая референдумом 12 декабря 1993г., с доп. 2009 и 2014 гг. // Российская газета. 1993. 25 дек.

2. *Ковалева Т.Ф.* Политико-правовые вопросы об особенностях демографического состояния и профилактики правонарушений несовершеннолетних (на примере Краснодарского края) / Т.Ф. Ковалева, Т.М. Чапурко, Д.В. Сухова, Н.Б. Чикалено // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5.

3. Доклад за 2019 года Уполномоченного по правам ребенка в Краснодарском крае.

4. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012г. № 273-ФЗ (в ред. 24.04.2020 г.) // Российская газета. 2012. 31 дек.

5. Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ с изм. на 2020 г. // Российская газета. 1999. 27.06.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation, adopted by a referendum on December 12, 1993, with a supplement. 2009 and 2014. A Russian newspaper. 1993. 25 Dec.

2. *Kovaleva T.F.* Political-legal questions about the peculiarities of demographic status and prevention of juvenile delinquency (in the example of Krasnodar region) / T.F. Kovaleva, T.M. Chapurko, D.V. Sukhov, N.B. Chicaleno // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 5.

3. Report for 2019 by the Ombudsman for the Rights of the Child in the Krasnodar Region.

4. On Education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 № 273-Fz (Ed. 24.04.2020) // Russian newspaper. 2012. 31 Dec.

5. On the basics of preventing neglect and delinquency of minors: Federal law of 24.06.1999. № 120-Fz with ic. 2020. A Russian newspaper. 1999. 27.06.

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (в ред. 24.04.20 г.) // Российская газета. 2011. 25 нояб.

7. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001г. № 197-ФЗ (в ред. 24.04.20 г.) // Российская газета. 2001. 31 дек.

8. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. 24.04.20 г.) // Российская газета. 2001. 31. дек.

9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (в ред. 06.02.20 г.) // Российская газета. 1995. 31 дек.

10. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (в ред. 31.12.2017 г.) // Российская газета. 2006. 29.07.

6. On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Federal Law of 21.11.2011 № 323-Fz (Ed. 24.04.20) // Russian newspaper. 2011. 25 Nov.

7. Russian Labor Code: Federal Law of 30.12.2001 № 197-Fz (ed. 24.04.20) // Russian newspaper. 2001. 31 Dec.

8. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of 30.12.2001 № 195-Fz (Ed. 24.04.20) // Russian newspaper. 2001. 31. Dec.

9. Family Code of the Russian Federation from 29.12.1995 № 223-Fz (Ed. 06.02.20) // Russian newspaper. 1995. 31 Dec.

10. On personal data: Federal law of 27.07.2006 № 152-Fz (Ed. 31.12.2017) // Russian newspaper. 2006. 29.07.

УДК 340
DOI 10.23672/u3542-5952-3954-i

Яценко Ольга Васильевна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Таганрогский
институт управления и экономики
o.yatsenko@tmei.ru

Василькова Евгения Андреевна
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Таганрогский
институт управления и экономики
e.vasilkova@tmei.ru

Значение воздействия решений Европейского суда по правам человека на национальную правовую систему Российской Федерации

Аннотация. Права и свободы человека, являясь комплексным феноменом, включающим в себя, как конституционные права, образовывающие правовой статус личности внутри государства, так и обладающим превалирующим общечеловеческим значением для механизма государства и всего мира. В аспекте общечеловеческого значения, права и свободы представляются первостепенной ценностью для национального и международного права. В статье раскрывается значение воздействия решений ЕПСЧ на национальную правовую систему РФ.

Ключевые слова: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейский суд по правам человека, Конституционный Суд РФ, взаимодействие внутригосударственного и международного права, защита прав и свобод.

Olga V. Yatsenko
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Taganrog Institute
of Management and Economics
o.yatsenko@tmei.ru

Evgenia A. Vasilkova
Candidate of Law Sciences,
Senior lecturer of the Department
Public Law Disciplines,
Taganrog Institute
of Management and Economics
e.vasilkova@tmei.ru

Significance of the impact of decisions of the European Court of Human Rights on the national legal system of the Russian Federation

Annotation. Human rights and freedoms are a complex phenomenon that includes both constitutional rights that form the legal status of an individual within the state, and that have a prevailing universal significance for the mechanism of the state and the entire world. In the aspect of universal significance, rights and freedoms are of paramount value for national and international law. The article reveals the significance of the impact of ECHR decisions on the national legal system of the Russian Federation.

Keywords: European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms, European court of human rights, Constitutional Court of the Russian Federation, interaction of domestic and international law, protection of rights and freedoms.

Развитие социального, демократического и правового государства, на сегодняшний день невозможно без тесного и постоянного взаимодействия внутригосударственного и международного права. Эволюция мирового сообщества, основанная на принципах уважения личности, защиты прав и свобод, диктует определенные условия для становления внутригосударственного права.

Для закрепления этих принципов были приняты многочисленные международно-правовые акты. Одним из основных, является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее Конвенция) [1]. Ее особенностью, является то, что она помимо закрепления обязательств соблюдения основных прав и свобод, учреждает отдельный орган (Европейский суд по правам человека) для обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами. Именно Европейский суд по правам человека (далее ЕСПЧ) выступает единственным хранителем положений Конвенции посредством вынесения решений на основе ее норм, формирует прецедентное право, которое впоследствии становится частью Конвенции, расширяет и дополняет ее.

В современном мире, вряд ли, можно найти более значимую и вместе с тем сложную проблему, нежели защита прав и свобод человека. Перед юристами всех стран возникает проблема

формирования, действия и использования юридических гарантий, средств и механизмов защиты индивида от противоправных и незаконных действий государственных органов и должностных лиц. Способы защиты нарушенных прав разделяются на юрисдикционные и неюрисдикционные, однако, в уже существующей системе юридических гарантий наиболее эффективным, считается защита в судебном порядке.

В наибольшей степени развитый и эффективный механизм воздействия на национальные право относительны защиты прав и свобод человека присущ именно ЕСПЧ. Этот механизм установлен Европейской конвенцией о защите прав и основных свобод и усовершенствован вступившим в действие 1 ноября 1998 г. Протоколом № 11 [2] к данной Конвенции, а также Протоколом № 14 [3], который вступил в силу 1 июня 2010 г. В Протоколе № 11 была отражены новая система защиты прав человека с единым ЕСПЧ, т.е. произведена реорганизация судебного контрольного механизма, что выразилось в упразднении Комиссии по правам человека. Согласно внесенным изменениям, единственным органом европейского правосудия становится Суд, который действует на постоянной основе. Целью внесенных изменений была рационализация действующего правозащитного механизма, сокращение процессуальных сроков и повышение качества защиты прав человека. Что касается Протокола № 14, он не содержит радикальных структурных нововведений, а направлен на рационализацию работы ЕСПЧ посредством усовершенствования рассмотрения жалоб, расширения каталога условий приемлемости обращений, а также некоторых иных новшеств.

В России практическая взаимосвязь национальных и международных процедур началась с момента ратификации Европейской конвенции по правам человека и Протоколов к ней [4], поскольку именно этот внутригосударственный документ открыл доступ не столько к национальному, но и к международному органу правосудия. В пределах своей компетенции, Европейский суд по правам человека, разрешая споры, в каждом конкретном случае оценивает соотношение публичного и частного интересов, отвечая на основополагающие вопросы, вытекающие из принципов деятельности судебного органа. Так, крайне важными является рассмотрение разумности баланса интересов общества и государства в рамках действия законодателя, национальных судов либо иных органов государственной власти. Достижение баланса интересов публичных и частных является приоритетным направлением деятельности ЕСПЧ, что отчетливо просматривается при разрешении им споров, вызванных актами государственных органов, которые затрагивают интересы частных лиц.

Европейский суд по правам человека выносит свои решения на основании прецедента уже ранее вынесенных решений по аналогичным делам, однако, нельзя говорить о том, что Европейский суд по правам человека создает правовые нормы. ЕСПЧ занимается применением норм, которые содержатся в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая непосредственно наделяет ЕСПЧ полномочием исключительно применять конвенционные положения, а такжев ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней. Решения и постановления Европейского суда по правам человека, как судебные акты, являются результатом правоприменительной практики, а не правотворческой деятельности суда. Суд вправе только оценивать и констатировать – было ли допущено со стороны государства-участника Конвенции нарушение прав и свобод человека, а также устанавливать заявителю справедливую компенсацию в рамках восстановления его нарушенного права.

Перед применением нормы, содержащейся в Конвенции либов Протоколе к ней, ЕСПЧ должен истолковать соответствующую норму международного права, уяснить, в частности, ее смысл и дух, а также, нормативное содержание. Толкование положений Конвенции о защите основных прав и свобод человека является необходимым процессом, который должен производиться в каждой отельной ситуации. Это обусловлено тем, что объем норм Европейской конвенции подлежит расширительному толкованию, а,следовательно, нормы вышеназванного международного правового договора – индивидуально применимы.

В результате толкования ЕСПЧ конвенционных положений, а также – национального законодательства, складываются правовые позиции, которые помогают повышать эффективность и оперативность рассмотрения дела, что позволяют сделать вывод о том, что создаются «прецеденты толкования». Формами существования этого феномена и выступают решения и постановления Европейского суда по правам человека, являясь отражением наиболее общих цивилизованных ценностей, в целом, оказывают влияние на формирование российской национальной правовой системы. Без сомнения, можно признать, что постановления ЕСПЧ оказывают положительное влияние на российское правотворчество, когда на основе вынесенных актов многие правовые установления приводили в соответствие с международными стандартами. К примеру, решение по делу «Прокопович против России» от 18.11.2004, в котором ЕСПЧ дал иное, нежели в российском законодательстве, толкование понятия «жилье» [5] или уголовное дело по обвинению матроса В.Ю. Шорина, где суд кассационной инстанции обосновал свои выводы, руководствуясь постановлениями ЕСПЧ по аналогичным делам [6, с. 75]. Федеральное законодательство во главе с Конституцией РФ признает юрисдикцию Европейского суда по правам человека в рамках его деятельности по вопросам толкования и применения положений Европейской конвенции. Однако интересным является то, что российский законодатель установил «критерии относимости» судебных актов ЕСПЧ, следовательно, имплементация судебных актов, принятых Европейским судом, ограниченная.

Судебный акт, который будет имплементирован в правовую систему страны, должен быть принят в

отношении Российской Федерации, устанавливать факт нарушения Конвенции или Протоколов Российской Федерации, а также вступить в законную силу. В рамках деятельности ЕСПЧ принимается два вида судебных актов – решение о приемлемости и постановления. Факт нарушения государством-участником Конвенции закрепляется исключительно в постановлениях, поэтому решения о приемлемости, которое приняты в отношении Российской Федерации, согласно закону, не являются обязательными для Российской Федерации и не являются частью ее правовой системы.

Постановление Европейского суда, которым не признается нарушение положений Конвенций страной-участницей, не становится частью ее правовой системы, а лишь те, в которых такое нарушение установлено. Постановление Европейского суда, вынесенное против России, где констатирован факт нарушения Конвенции или Протоколов к ней, должно вступить в законную силу. При этом, названное положение не прямо следует из федерального законодательства, а непосредственно следует из содержания Конвенции, в которой указанно, что постановление любой из Палат становится окончательным в случаи отсутствия заявления сторон о передачи дела в Большую Палату, либо по истечении сроков на подачу обращения о передачи дела, или же Коллегия Большой Палаты отклоняет такое обращение.

Постановления ЕСПЧ, одновременно отвечающие вышеупомянутым критериям, являются обязательными для России, однако в отдельных случаях возможны юридические коллизии, когда правовые акты ЕСПЧ и акты Конституционного Суда РФ входят в противоречие. Поднимается и подлежит решению такая важная проблема, как сохранение национального суверенитета. Именно из-за этой проблемы принятие Европейской конвенции по правам человека повлекло появление противников инкорпорации Конвенции в правовые системы стран, так как, согласно полномочиям созданного ЕСПЧ, он наделялся контрольными функциями за судопроизводством внутри страны, что влекло за собой вмешательство в суверенитет государства.

Появление в России механизма, позволяющего правительству обращаться в Конституционный суд с вопросом о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции РФ исполнить, вынесенное по жалобе против России, постановление ЕСПЧ связывают с решением по делу ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России от 31.07.2014 года [7]. Дело ЮКОСА в ЕСПЧ было далеко не первым, с исполнением которого возникли сложности в России, например, дело К. Маркина против России от 22.03.2012 года [8]. Такое положение вещей было сформулировано в 2015 году, когда Конституционный суд РФ установил превалирующее положение Конституции РФ над международными договорами, оставив за собой право выбора исполнения либо неисполнения решения ЕСПЧ [9]. Своим постановлением Конституционный суд России, по сути, сам с себя снял обязанность по исполнению решения Европейского суда по правам человека, что в рамках международного права не является допустимым.

Конституционный суд РФ, проверяя оспариваемые законы и иные нормативные правовые акты, должен руководствоваться Конституцией РФ, а не принципами, нормами международного права, международными соглашениями, которые хоть и являются составной частью российской правовой системы, но влияют на формирования его позиции лишь опосредованно. Все чаще Конституционный Суд РФ обращается к практике ЕСПЧ в рамках конституционного толкования норм текущего законодательства в целях подкрепления своей позиции в процессе уяснения нормативного содержания, пределов допустимого ограничения прав и свобод и т.п. Конституционный Суд РФ не должен выносить свои решения в ущерб интересам общества и государства, поскольку обеспечивает юридическое оформление тех основополагающих идей, которые народ считает естественными принципами своей социальной жизни, а его правовые акты наиболее адекватно отражают потребности личности, общества и государства.

В целом, практика ЕСПЧ служит для укрепления авторитета правовых позиций Конституционного Суда РФ на национальном уровне. ЕСПЧ напрямую указывает на его правовые позиции, которые не были учтены на национальном уровне судами и законодателем, притом, что они отвечали требованиям совершенствования российского законодательства с точки зрения приведения его в соответствие с системой ценностей, изложенных в Конвенции, и что, в свою очередь, привело к повторным обращениям с жалобами на нарушение прав со стороны России в ЕСПЧ.

Деятельность ЕСПЧ в направлении защиты прав человека по жалобам против России, а также неукоснительное следование судебному предписанию нашего государства – это лучшее свидетельство стремления общества к демократизации, глобализации и совершенствованию ни только в правовой сфере, но и в социальной, политической и экономической. Появление возможности обращения в ЕСПЧ становится одним из гарантов обеспечения и защиты прав и свобод человека на территории РФ. Вопросы исполнения решений ЕСПЧ не менее важны, чем сама констатация факта нарушений прав, поскольку без корректировки совместной деятельности, устранений противоречий и коллизий, невозможно наладить отношения не только с ЕСПЧ и Советом Европы, но и с отдельно взятыми странами.

Таким образом, можно наблюдать, что практика ЕСПЧ оказывает существенное, но неоднозначное влияние на национальную правовую систему, и, безусловно, требуется определенный механизм, позволяющий избегать и устранять коллизионные ситуации. Разрешение коллизии не может быть одномоментным актом, это длящийся процесс, включающий анализ и оценку позиций ЕСПЧ и национального законодательства.

Литература:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS№ 005. URL : http://docs.cntd.ru/document/1000003045

2. Протокол № 11 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 155. URL : http://docs.cntd.ru/document/901868015

3. Протокол № 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вносящий изменения в контрольный механизм Конвенции CETS № 194. URL : http://docs.cntd.ru/document/901916140

4. Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». URL : http://docs.cntd.ru/document/901704773 (дата обращения 15.06.2020)

5. Дало Прокопович против России. Жалоба № 58255/00. URL : http://www.echr.ru/documents/doc/2463418/2463418.htm

6. *Рябова Е.В.* Взаимосвязь международно-правовых и национальных норм в российском уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2(63). С. 70–78.

7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. Дело «ОАО Нефтяная компания «ЮКОС» против РФ». Жалоба № 14902/04. URL : https://base.garant.ru/70858598

8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 марта 2012 г. Дело «К. Маркин против РФ». Жалоба № 30078/06. URL : https://base.garant.ru/70200622/

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П. URL : https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14072015-n

Literature:

1. Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms ETS № 005 URL : http://docs.cntd.ru/document/1000003045

2. Protocol № 11 to the Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms ETS № 155. URL : http://docs.cntd.ru/document/901868015

3. Protocol № 14 to the Convention on the protection of human rights and fundamental freedoms, amending the control mechanism of the CETS Convention № 194. URL : http://docs.cntd.ru/document/901916140

4. Federal law № 54-FL of 30.03.1998 «About ratification of the Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms and its Protocols». URL : http://docs.cntd.ru/document/901704773

5. Alexander Prokopovich v. Russia.Complaint № 58255/00. URL : http://www.echr.ru/documents/doc/2463418/2463418.htm

6. *Ryabova E.V.* Interrelation of international legal and national norms in Russian criminal proceedings // Actual problems of Russian law. 2016. № 2(63). P. 70–78.

7. Resolution of the European Court of human rights of 31 July 2014 Case «JSC YUKOS Oil company v. Russia». Complaint № 14902/04. URL : https://base.garant.ru/70858598/

8. Resolution of the European Court of human rights of 22 March 2012 Case «K. Markin v. Russia». Complaint № 30078/06. URL : https://base.garant.ru/70200622/

9. Resolution of the constitutional Court of the Russian Federation of 14.07.2015 № 21-P. URL : https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14072015-n

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 332
DOI 10.23672/o1236-7107-2501-u

Волков Леонид Валерьевич
кандидат экономических наук,
доцент,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва
LVolkov@fa.ru

Leonid V. Volkov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow
LVolkov@fa.ru

Проблемы антикризисного управления территориями

Problems of anti-crisis management of territories

Аннотация. В статье обоснована необходимость создания многоуровневой системы антикризисного управления территориями, выявлены особенности антикризисного управления сельскими и промышленными территориями. Раскрыты ключевые проблемы антикризисного управления территориями. Рассмотрены и разграничены понятия территориального развития и пространственного развития. Обоснована необходимость использования термина территориального развития вместо пространственного развития.
Рассмотрены особенности региона как объекта антикризисного управления территориями. Предложены основные принципы новой парадигмы территориального развития России.

Ключевые слова: региональная экономика, территориальное развитие, антикризисное управление, пространственная экономика, пространственное развитие, экономическая география, национальная экономика, управление территориями.

Annotation. The article substantiates the need to create a multi-level system of anti-crisis management of territories, identifies the features of anti-crisis management of rural and industrial territories. The key problems of anti-crisis management of territories are revealed. The concepts of territorial development and spatial development are considered and differentiated. The necessity of using the term territorial development instead of spatial development is justified.
The features of the region as an object of anti-crisis management of territories are considered. The basic principles of the new paradigm of territorial development of Russia are proposed.

Keywords: regional economy, territorial development, crisis management, spatial economy, spatial development, economic geography, national economy, territory management.

Для современной России проблема антикризисного управления территориями является очень важной, так как развитие нашей страны, занимающей одну шестую часть суши, возможно только через территориальное развитие. В 2020 году из 85 субъектов Российской Федерации только 13 не являются дотационными, а остальные 72 региона зависят от дотаций из федерального центра [1]. В территориальном выражении более 80 % территорий России не являются самодостаточными и зависят от трансфертов из федерального бюджета.

В связи с этим в необходимости наличия в России самостоятельной системы антикризисного управления территориями сомнений не возникает. Следует согласиться с Тарасовым В.А., что в общей системе антикризисного управления целесообразно выделить антикризисное управление территориальными системами, в т.ч. непосредственно антикризисное управление территорией [2].

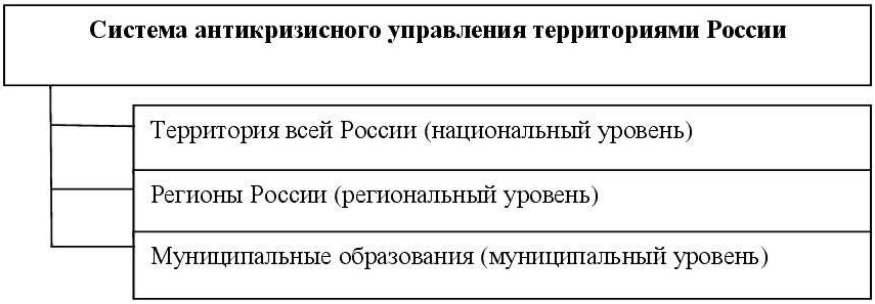
Целью системы антикризисного управления территориями Российской Федерации должно быть устойчивое развитие всей территории Российской Федерации, недопущение социально-экономической деградации за пределами крупных городских и промышленных агломераций, сбережение народонаселения и сохранение окружающей среды для будущих поколений.

Учитывая федеративный характер Российской Федерации, такая система антикризисного управления территориями должна быть многоуровневой:

1) национальный уровень предполагает создание системы антикризисного управления депрессивными регионами с целью максимизации благосостояния национальной экономики в целом (а не отдельного региона), а также для сглаживания межтерриториальных противоречий и диспропорций развития экономики страны;

2) региональный уровень предполагает создание системы антикризисного управления в регионе, которая была бы направлена на устойчивое социально-экономическое развитие и недопущение кризисов в конкретном регионе с целью постоянного роста уровня жизни проживающего в нем населения;

3) муниципальный уровень предполагает систему антикризисного управления по устойчивому развитию местного сообщества на принципах самоуправления и самоорганизации.



В связи с этим возникает вопрос: на каком уровне должна быть основная нагрузка по антикризисному территориальному управлению: на федеральном, региональном или муниципальном?

В разных странах данная проблема решается поразному. Обычно в небольших по территории государствах возможна централизация антикризисного управления территориями на национальном уровне. Но в крупных по территории государствах (Австралия, Канада) наиболее значительные решения принимаются на региональном и муниципальном уровнях.

В рамках системы антикризисного управления территориями важным является выделение развития сельских и промышленных территорий, так как их развитие отличается ключевыми принципами. При антикризисном управлении сельскими территориями основное внимание следует уделить комплексному подходу, т.е. учету всех факторов, влияющих на устойчивое развитие территории. Кроме того, при наличии противоречий между экономическими целями развития с одной стороны и социальными и экологическими целями с другой стороны приоритет при принятии управленческих решений следует отдавать последним, так как именно формируемая на территории социальная среда и экология окружающей местности определяют устойчивое развитие сельской территории и ее привлекательность для населения и потенциальных инвесторов.

Антикризисное управление промышленными территориями должно исходить из необходимости соблюдения их целостности и самодостаточности с одной стороны и необходимости их интеграции в мировую промышленность. В связи с этим очень важным является развитие промышленной инфраструктуры (дорожно-транспортной, энергетической, коммунальной, телекоммуникационной), так как в настоящее время очень важным для промышленных предприятий является возможность интеграции в современные цепочки поставок в качестве самостоятельных звеньев. Для этого продукция предприятия должна быть доступной как по цене и качеству, так и по транспортному плечу. А уровень развития инфраструктуры в немалой степени влияет как на себестоимость выпускаемой продукции, так и на ее доступность по транспортному плечу. Кроме развития промышленной инфраструктуры система антикризисного управления также должна быть направлена на формирование социальной инфраструктуры и минимизацию негативного влияния производственно-хозяйственной деятельности на экологию.

Сложным вопросом, требующим при разработке и создании системы антикризисного управления территориями теоретического осмысления, является разграничение понятий пространственное развитие и территориальное развитие. Актуальность этого вопроса резко повысилась после утверждения распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 года Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [3]. Согласно распоряжению данная стратегия представляет собой документ стратегического планирования, разрабатываемый в рамках целеполагания по территориальному принципу.

Несмотря на принятый Правительством РФ документ, представляется более корректным использовать термин «территориальное развитие», а не «пространственное развитие». Это обусловлено следующими причинами.

Во-первых, термин территориальное развитие является устоявшимся в течение почти полутора века термином российской экономической науки. Так, еще дореволюционная Россия отличалась сильной школой территориального развития, ярчайшими представителями которого были П. Семенов-Тянь-Шанский, А. Челинцев. Последние работы всемирно известного химика Д. Менделеева также были посвящены территориальному развитию России. Это было обусловлено тем, что для дореволюционной России как самой большой по территории страны в мире развитие собственной научной школы территориального развития было стратегическим направлением, связанным с вопросами выживания страны и ее устойчивого развития. Именно поэтому развитие научной школы территориального развития осуществлялось не в частном порядке, а на высоком академическом уровне при поддержке государства. Высокий уровень развития дореволюционной научной школы территориального развития позволил в кратчайшие сроки в начале XX века реализовать проект государственной важности по строительству Транссибирской железнодорожной магистрали через всю Россию, а сразу же после прихода к власти большевиков – план ГОЭЛРО по электрификации всей страны и построить железную дорогу Турксиб.

На основе научных подходов сильной советской школы территориального развития, являвшегося

преемником дореволюционной школы, были реализованы пятилетние планы по социально-экономическому развитию СССР, проведена индустриализация, освоены необъятные просторы Сибири и Дальнего Востока.

В связи с этим в настоящее время нет никакой необходимости менять термин территориальное развитие на термин пространственное развитие.

Во-вторых, термин «пространственное развитие» производен от термина «пространственная экономика» (spatial economics или spatial economy), являющегося особым направлением экономической теории, которое изучает как географические факторы влияют на экономическое поведение и в конечном счете – на экономическое развитие. Наиболее известной работой в этой сфере является книга лауреата Нобелевской премии по экономике Пола Кругмана «Пространственная экономика: города, регионы и международная торговля» (The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade, 1999, в соавторстве с М. Фудзита и Э. Венаблсом) [4]. При этом Пол Кругман премию по экономике памяти Альфреда Нобеля в 2008 году получил не за свои более известные макроэкономические и межстрановые исследования, а за анализ моделей торговли и проблем экономической географии [5].

В связи с этим многие ученые стали говорить про возникновение новой экономической географии в качестве основного направления пространственной экономики на современном этапе [6], [7]. Возникновение новой экономической географии принято связывать с публикацией в 1991 году в журнале Journal of Political Economy работы Пола Кругмана «Increasing Returns and Economic Geography» [8], а также его работы в соавторстве М. Фудзита «The New Economic Geography: Past, Present and the Future» [9]. По основным методам и подходам пространственная экономика как экономическая наука очень близка теории размещения производительных сил, которая была частью советской экономической науки.

Несмотря на важность и актуальность пространственной экономики как части экономической теории, представляется нецелесообразным автоматически переносить понятия и термины пространственной экономики для формирования нового понятия пространственного развития вместо территориального развития, так как пространственная экономика изучает влияние географии на экономику, а территориальное развитие основана на обратном – влиянии субъекта управления на развитие территории.

Еще одним аспектом, с которым при формировании системы антикризисного управления территориями необходимо определиться, является ее объект. Представляется, что более правильным в качестве объекта системы антикризисного управления территориями определить регион как целостную единицу. В экономической науке существует множество определений понятия «регион», но в целом их можно сгруппировать следующим образом:

1. Регион как элемент административно-территориального деления, т.е. территория в национальных границах страны, отличающаяся административной обособленностью и самостоятельным субъектом управления.

2. Регион как часть территории страны, составляющая определенную целостность и отличающаяся от остальных частей определенными относительно устойчивыми экономико-географическими, природно-климатическими, социокультурными и демографическими особенностями.

3. Регион как звено пространственной структуры экономики, возникающее самостоятельно на основе взаимосвязанного развития хозяйственной деятельности, народонаселения, природно-географических факторов и ресурсно-сырьевой базы.

Следует согласиться с мнением ученых-экономистов Е.Г. Анимицы, А.И. Татаркина, Н.В. Новиковой по поводу интегрального определения: регион – это относительно целостное пространственное (территориальное) образование, в большинстве случаев значительное по размерам, но не обязательно являющееся таксономической единицей административно-территориального деления, внутри которого взаимодействуют природно-географические, экономические, социальные, этнические, демографические, технологические, информационные и иные процессы, которые способствуют формированию однородных (целостных) по избранному ряду критериев – определителей территории и дающие импульс для ее саморазвития [10].

Представляется, что в основе системы антикризисного управления территориями должна лежать новая парадигма территориального развития России, основанная на следующих постулатах:

1. Учет важности территориального развития России, что является особенно актуальным в условиях внешних санкций.

2. Рассмотрение сущности региональных проблем как комплексных и сложных явлений, включающих все особенности региона (экономические, социальные, культурные, экологические, демографические и др.).

3. Уменьшение асимметрии развития регионов (1:300) (население Москвы – 12 млн человек против населения Ненецкой автономной области – 43 тыс. человек).

4. Необходимость наполнения регионов населением и человеческим потенциалом. Впервые за столетие восточные регионы страны (Сибирь и Дальний Восток) теряют население. Начиная с 1990-х годов отрицательные миграционные потоки почти во всех регионах России восточнее Урала. Население Дальнего Востока за последние 30 лет уменьшилось почти на 25 %.

5. Изменение концепции «регион – квази-государство» на «регион-корпорация». В теории развития регионов преобладала концепция квази-

государство, то в рамках системы антикризисного управления территориями может прийти концепция «регион-квазикорпорация». Если регион рассматривать в качестве квазикорпорации, то можно применить к нему почти все инструменты корпоративного управления – маркетинг, диагностика, аудит, планирование, стратегический анализ и т.д. Так, управление финансами региона следует осуществлять не по принципу освоения бюджетных средств, а по всем критериям финансового менеджмента.

6. Рассмотрение регионов в качестве объекта антикризисного управления территориями в качестве сложных, но при этом открытых систем, функционирующих на принципах самодостаточности – с одной стороны и интеграции во внешнюю среду – с другой стороны.

7. Развитие кластерной политики в регионах в той мере, насколько это возможно, т.е. в регионах должен быть завершен воспроизводственный цикл (от сырья до готовой продукции), особенно связанный с обслуживанием населения, а также пищевая отрасль и агропродовольственный сектор, замкнутые на региональные потребности.

8. Четкое разграничение полномочий федеральных, региональных и муниципальных органов власти, сохранение многоукладности экономики и разных форм собственности.

9. Изменение концепции управления регионами со «сверху-вниз» на концепцию «двустороннего движения, включающего «сверху-вниз» и «снизу-вверх». В настоящее время управление регионами осуществляется по концепции «сверху-вниз», основная часть решений принимается на уровне федерального центра.

10. Развитие в стране крупных экономических районов, чтобы Россия смогла выдержать глобальную конкуренцию и решать крупные задачи.

В рамках антикризисного управления регион следует рассматривать как сложную самоорганизующуюся систему, им нельзя управлять механически, как машиной, прямым воздействием.

Литература:

1. Сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL : http/www.minfin.ru

2. *Тарасов В.А.* Антикризисное управление территорией: основные определения и критерии // Дискуссия: журнал научных публикаций. 2011. № 2–3(11).

3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г. URL : http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf

4. *Кругман П.* Пространственная экономика: города, регионы и международная торговля» (The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade), 1999 / П. Кругман, М. Фудзита, Э. Венаблс. URL : http://web.mit.edu/krugman/www/fkvintro.html

5. Сайт Нобелевского комитета. URL : https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2008/summary/

6. *Беслекоева М.З.* Новая экономическая география как основное направление пространственной экономики на современном этапе // Фундаментальные исследования. 2015. № 7 (Ч. 1). С. 144–150.

7. *Пилясов А.Н.* Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы и применимость моделей // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 4. С. 7–17.

8. *Krugman P.R.* Increasing Returns and Economic Geography // The Journal of Political Economy. The University of Chicago Press. 1991. Vol. 99. № 3. P. 483–499.

9. *Fujita M.* The New Economic Geography: Past, Present and the Future / M. Fujita, P. Krugman //

Literature:

1. Website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. URL : http/www.minfin.ru

2. *Tarasov V.A.* Anti-crisis management of the territory: basic definitions and criteria // Discussion: journal of scientific publications. 2011. № 2–3(11).

3. Spatial development strategy of the Russian Federation for the period up to 2025, approved by decree of the Government of the Russian Federation from 13.02.2019. URL : http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf

4. *Krugman P.* Spatial economy: cities, regions and international trade, 1999 / P. Krugman, M. Fujita, E Venables. URL : http://web.mit.edu/krugman/www/fkvintro.html

5. The website of the Nobel Committee. URL : https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2008/summary/

6. *Beslekoeva M.Z.* New economic geography as the main direction of spatial economy at the present stage // Fundamental research. 2015. № 7 (part 1). P. 144–150.

7. *Pilyasov A.N.* New economic geography: prerequisites, ideological bases and applicability of models. Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya. 2011. № 4. P. 7–17.

8. *Krugman P.R.* Increasing Returns and Economic Geography // The Journal of Political Economy. The University of Chicago Press. 1991. Vol. 99. № 3. P. 483–499.

9. *Fujita M.* The New Economic Geography: Past, Present and the Future / M. Fujita, P. Krugman //

Papers in Regional Science. Wiley-Blackwell, 2004. Vol. 83. P. 139–164.

10. *Татаркин А.И.* Новая парадигма региональной политики в России / А.И. Татаркин, Е.Г. Анимица, Н.В. Новикова; Под общ. ред. А.И. Татаркина, В.В. Кулешова, П.А. Минакира // От идеи Ломоносова до реального освоения территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока. Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2009. С. 19–94.

Papers in Regional Science. Wiley-Blackwell, 2004. Vol. 83. P. 139–164.

10. *Tatarkin A.I.* The New paradigm of regional policy in Russia / A.I. Tatarkin, E.G. Animitsa, N.V. Novikova // From Lomonosov's idea to real development of territories of Ural, Siberia and the Far East under the General editorship of A.I. Tatarkin, V.V. Kuleshov, P.A. Minakir. Yekaterinburg : IE Uro RAN, 2009. P. 19–94.

УДК 330.1, 330.3
DOI 10.23672/m7506-2424-9367-s

Ефимова Ольга Николаевна
ассистент
департамента экономической теории,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
onefimova@fa.ru

Проблемы моногородов Северо-Западного федерального округа в разрезе влияния на экономическую безопасность

Аннотация. В рамках настоящей статьи дается общая характеристика категории «моногород», приводятся критерии, по которым можно распознать моногород. Изучены локальные особенности, современное состояние и основные проблемы моногородов Северо-Западного федерального округа. Особо выделен многоотраслевой характер монопрофильных муниципалитетов региона. Приведен обзор социально-демографических последствий ухудшения хозяйственных показателей градообразующих предприятий. Дан анализ основных факторов пагубного воздействия проблем монопрофильных муниципалитетов региона на ресурсную, социальную, информационную и экологическую составляющие экономической безопасности как самого региона, так и страны в целом.

Ключевые слова: «моногород», Северо-Западный федеральный округ, градообразующее предприятие, населенный пункт, миграция, монопрофильный тип города, инфраструктура, население, экономическая безопасность.

Olga N. Efimova
Assistant
Department of Economic Theory,
Financial University
under the Government
of the Russian Federation
onefimova@fa.ru

Problems of single-industry towns of the North-West Federal District and their impact on economic security

Annotation. In the article, a general characteristic of the category of «single-industry town» is given, criteria are given by which a single-industry town can be recognized. The local features, current status and main problems of single-industry towns of the North-West Federal District are studied. The high level of diversification of the single-industry municipalities in the region is particularly highlighted. A review of the socio-demographic consequences of the deterioration of the economic indicators of city-forming enterprises is given. The analysis of the main factors of the detrimental impact of the problems of single-industry municipalities in the region on the resource, social, informational and environmental components of economic security both in the region and the country as a whole is given.

Keywords: «single-industry town», northwestern federal district, city-forming enterprise, settlement, migration, single-industry type of city, infrastructure, population, economic security.

На территории современной России представлены разные типы населенных пунктов, среди которых особое место и роль отведена моногородам. Их главная особенность, отличающая от других городских территорий, - наличие градообразующего предприятия, в котором трудятся свыше ¼ трудоспособного населения, проживающего в этом городе [3, с. 56–61]. Именно по этой причине такие предприятия еще называют «градообразующими» или как говорят англичане «one-company-town» (в переводе означает «предприятие одного города»).

Ввиду вышесказанного, главной спецификой моногорода является его зависимость от функционирования (рентабельности, конкурентоспособности, общего состояния) основного предприятия, которое является градообразующим. К слову, таких предприятий может быть несколько в черте одного города. Это, например, может быть обусловлено формированием технологической производственной цепочки, образованной несколькими предприятиями градообразующего типа.

По состоянию на 2020 г. в Северо-Западном Федеральном округе насчитывается порядка 319 единиц монопрофильных муниципальных образований. При этом их современное положение имеет перспективу к снижению численности моногородов в самое ближайшее время.

Как известно, состояние национальной экономики нашей страны оставляет желать лучшего. При этом она отличается высокой степенью неоднородности регионального экономического пространства. Особое внимание отечественных экономистов привлекают монопрофильные города, особенно с учетом того, что многие из них в последнее время показывают негативные тенденции роста и развития [4, с. 2].

К слову, зарубежными учеными в области экономики (Тони К., Карлсон Л., Эхсани К., Грин Х.,

Магилл Д., Бритт Д.) были установлены критерии, по которым город может быть отнесен к категории «моногорода», среди которых наличие развитых технологических связей между предприятиями, работающими на один рынок; факт, что главное место в городе занимает одно (несколько однотипных) предприятие, функционирующее в узком сегменте отраслевого рынка; зависимость доходной части городского бюджета от состояния и функционирования такого предприятия; нахождение на балансе градообразующего предприятия объектов инженерной или социально-коммунальной инфраструктуры; трудоустройство свыше четверти трудоспособного населения города на одном или нескольких предприятиях, связанных единой производственной цепочкой, [6, с. 87–92].

Таким образом, главным элементом моногорода является градообразующее предприятие. При этом каждый тип монопрофильных городов имеет особенности своей социально-экономической среды, что сказывается на потребностях поддержки социального сектора [5, с. 191–195]. На рисунках 1 (а, б, в) представлен краткий обзор населенных пунктов монорофильного типа СЗФО РФ, кроме г. Череповец (Вологодская обл., градообразующее предприятие ОАО «Северсталь», население 310 тыс. чел.) и г. Северодвинск (Архангельская область, градообразующее предприятие ГРЦАС ОАО ПО «Севмаш», население 190 тыс. чел) категории 1 и 3 соответственно [4, с. 2].

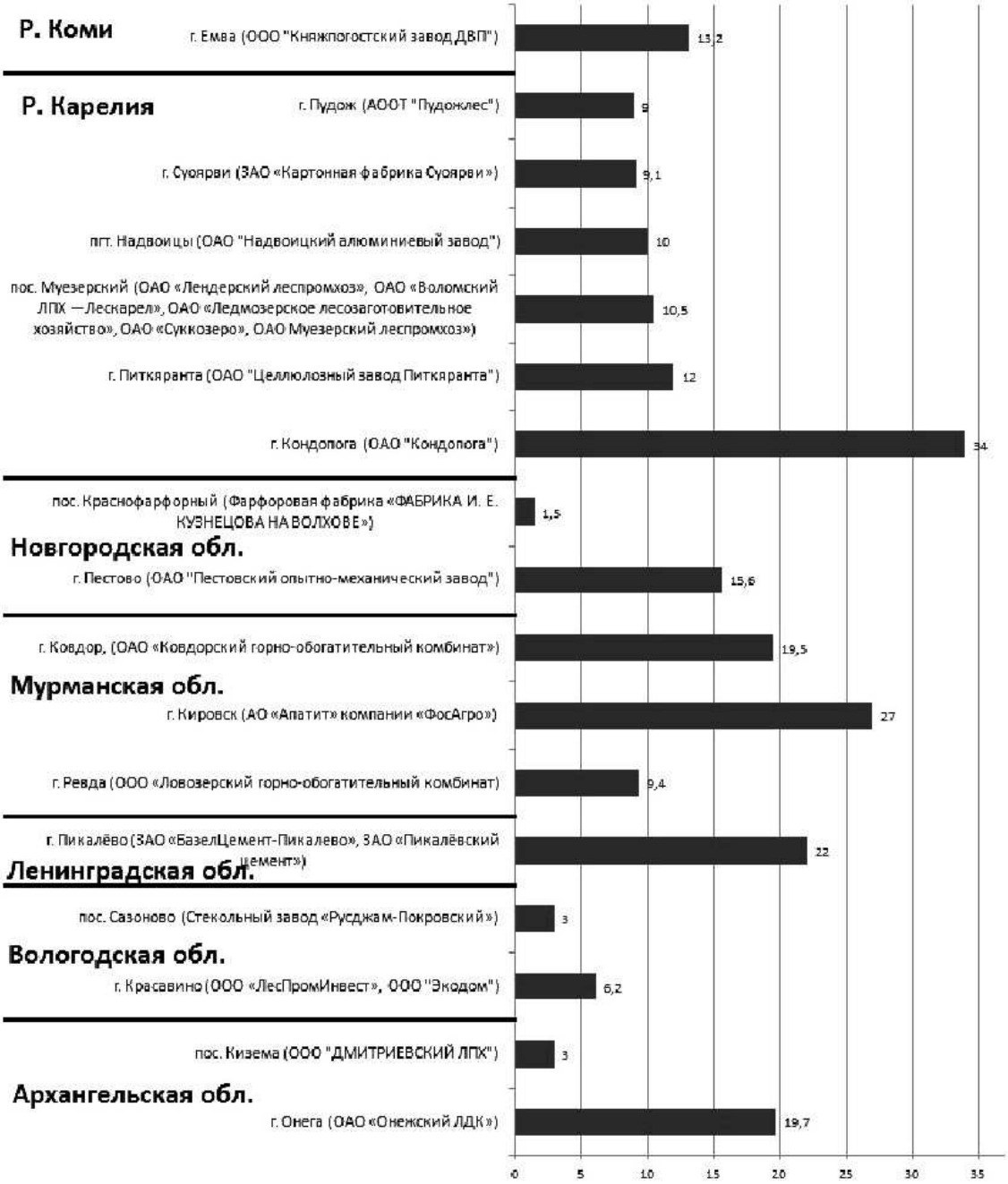


Рисунок 1а – Моногорода категории 1 – с наиболее сложным социально-экономическим положением

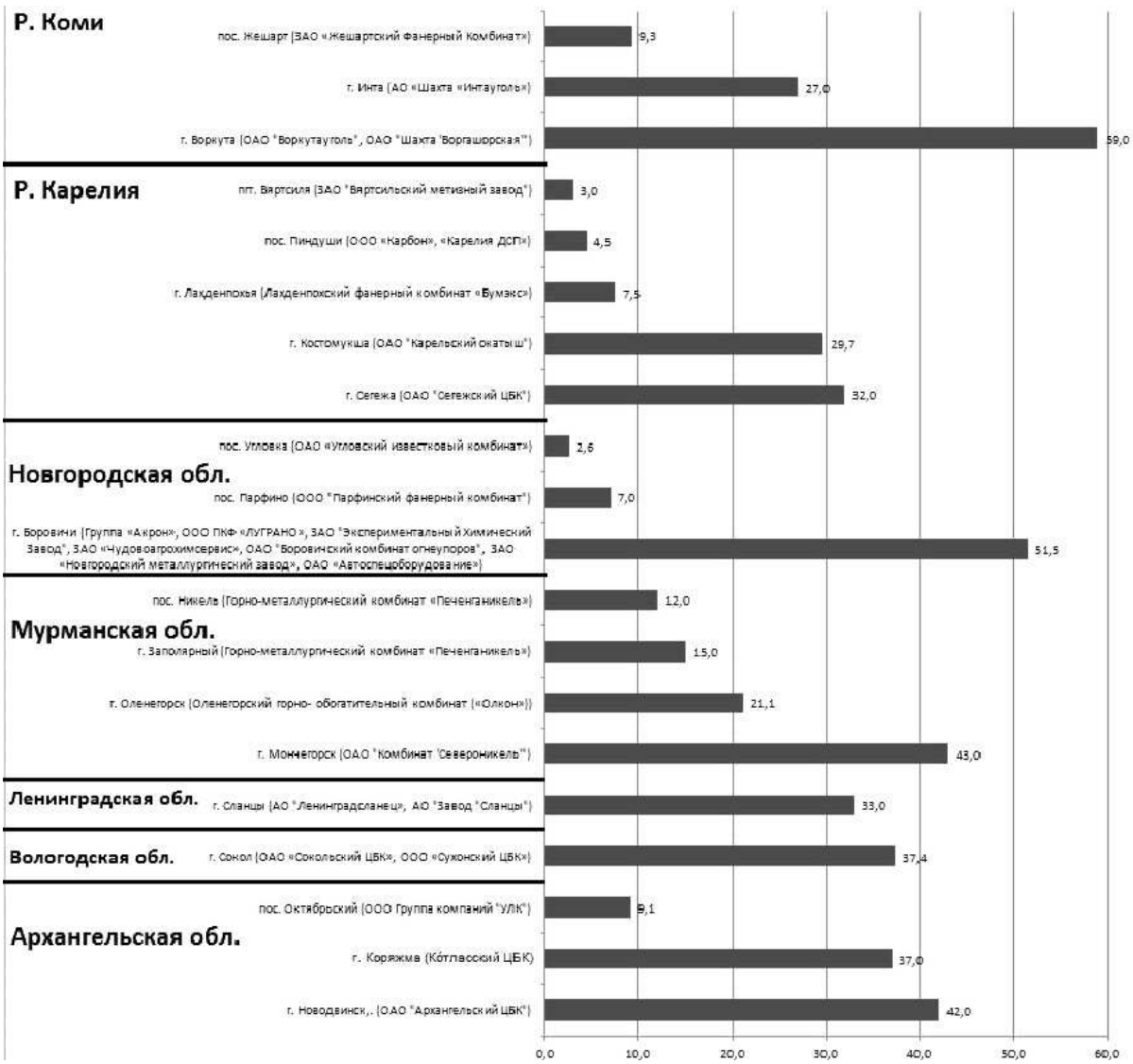


Рисунок 1б – Моногорода категории 2 – есть риски ухудшения социально-экономического положения

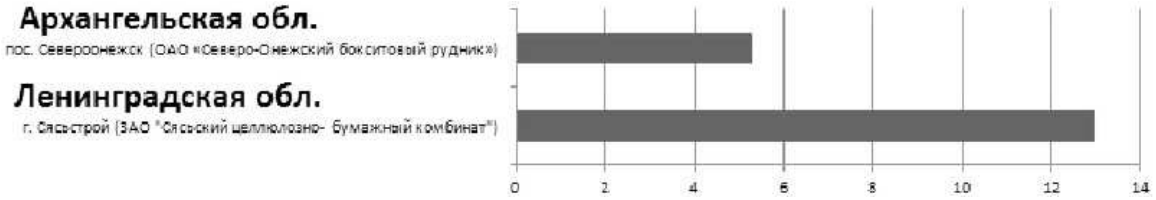


Рисунок 1в – Моногорода категории 3 – относительно стабильное социально-экономическое положение

Исходя из представленных данных, можно утверждать, что на территории рассматриваемого федерального округа расположился 41 моногород, разбросанные по разным областям. Около половины из них (44 %) сегодня находятся в состоянии затяжного кризиса – это моногорода 1 категории, где и без того сложное социально-экономическое региональное положение усугубляется проблемами, связанными с деятельностью градообразующего предприятия. Все чаще наблюдается недовольство среди граждан, усиливается противостояние и организуются забастовки (г. Пикалево). 20 моногородов округа, что составляет около 48 %, пребывают в зоне риска, что связано с резким ухудшением социально-экономического положения. Из всего перечня моногородов, локализованных на территории Северо-Западного Федерального округа, только 3 города имеют относительно стабильное экономическое положение.

Как известно, важной спецификой моногородов СЗФО РФ признается их многоотраслевой характер. В самом округе функционируют предприятия самых разных отраслевых принадлежностей: металлургия, предприятия международной специализации (транспортно-логистическая инфраструктура, химическая промышленность), предприятия внутрироссийской специализации (автомобилестроение, деревообработка, энергетика) [4, с. 2].

Наблюдается сильный разброс по части удаленности от транспортной инфраструктуры и показателя численности населения. К городам-спутникам по показателю наибольшей приближенности к транспортной инфраструктуре относятся: в Ленинградской области г. Пикалево (271 км), в Новгородской области г. Боровичи (154 км), в Вологодской области г. Череповец (137 км), в Архангельской области г. Северодвинск (34 км) и т.д. [7, с. 136–139]. Среди наиболее изолированных моногородов можно отметить пос. Сазоново, г. Красавино, г. Заполярный, пос. Краснофарфорный, пос. Пиндуши, г. Оленегорск, г. Инта, пос. Северонежск. Во всех отсутствует развитая транспортная инфраструктура. По этой причине добраться до этих моногородов достаточно затруднительно.

Тяжелое социально-экономическое положение большей части моногородов СЗФО РФ объясняется следующими проблемами. Худшая, чем в целом по России демографическая ситуация провоцирует отток квалифицированных кадров или повышенную миграцию населения моногородов в областные центры или крупные города, что ведет к недостаточной обеспеченности градообразующих предприятий местным трудоспособным населением, а узкая сфера занятости при потере работы означает, что узкопрофильные специалисты практически не имеют шансов на трудоустройство в черте города. Эти процессы сопровождаются ростом недовольства и депрессивных настроений среди оставшегося на мало благоустроенных городских территориях местного населения. В такой обстановке идёт свертывание социальной инфраструктуры, совсем не используются должным образом культурно-исторические возможности.

На фоне закрытия (либо сложности функционирования) традиционных для Северо-Запада лесного комплекса и сельского хозяйства, в том числе из-за устаревших технологий, износа производственных фондов градообразующих предприятий и как следствие снижения эффективности их функционирования, снижается налогооблагаемая база местных бюджетов. Повышенная энергозависимость ЖКХ от поставок энергии и тепла (весь город может зависеть от работы котельной градообразующего предприятия) и чрезвычайно опасная или неблагоприятная экологическая обстановка в пределах территорий, на которых оказывают влияние и расположены градообразующие предприятия дают практически кумулятивный усугубляющий эффект, до предела повышая общественные издержки функционировния связки моногород – предприятие [7, с. 136–139].

Каждая из перечисленных проблем разнопланового характера имеет влияние на социально-экономическое состояние всего города. Для поддержки моногородов СЗФО РФ требуется грамотная проработка причин, которые привели к проблемам, и, соответственно, комплекса корректирующих мероприятий. Несмотря на то, что проблемы моногородов во многом схожи, у каждого моногорода, тем не менее, свой перечень самых острых проблем.

С учетом этого обстоятельства, не представляется возможным в целях улучшения социально-экономического положения моногородов рассматриваемого округа применить единый комплекс мер. В этом случае очень важен дифференцированный подход [6, с. 87–92].

Рассмотрим более подробно причины, которые повлекли современные проблемы моногородов. При переходе нашего государства к рыночной модели национальной экономике, который повлек массовую приватизацию преобладающей доли национальных промышленных предприятий, трансформировался и принцип оценки эффективности их деятельности. Так, например, самым важным показателем их деятельности стала прибыль. Новые собственники достаточно быстро избавились от непрофильных активов, к которым относились объекты здравоохранения, социальной инфраструктуры, и др. Такие объекты они передали в собственности муниципальным образованиям, что приводило в условиях денежного дефицита к их угасанию или даже полной ликвидации [4, с. 2].

Несмотря на то, что проблеме моногородов все-таки уделялось внимание со стороны высшего руководства страны и было принято значительное количество нормативных актов, проблема не была решена. В настоящее время вновь насущным становится вопрос о том, что дальше делать с моногородами, основу которых составляет единственное градообразующее предприятие, в условиях упадка (снижения эффективности) его деятельности. Достаточно трудно говорить о дальнейших перспективах развития моногородов, главные предприятия которых были закрыты или имеют неблагоприятную тенденцию.

Главная проблема в том, что при ликвидации таких предприятий, или в условиях значительного снижения объема их производства, собственник ради минимизации расходной части предприятия готов проводить политику сокращения персонала. Это, порой, приводит к массовому увольнению трудоспособного персонала, который имеет узкопрофильную специализацию. Это обстоятельство снижает до минимума возможности его трудоустройства по специальности в условиях отсутствия в небольшом городе аналогичных предложений. Как следствие, начинает повышаться показатель безработицы, падают доходы населения и, соответственно, ухудшается социальный климат всего населения моногорода. Несмотря на то, что государство в последние годы значительно усилило поддержку градообразующих предприятий, до сих пор недостаточно понятна роль государственных органов управления на региональном и муниципальном уровнях, не выработано четкого алгоритма их действий.

В 2014 году руководством страны был принят ФЗ № 473 о территориях опережающего социально-экономического развития для обеспечения роста привлекательности моногородов в глаза внешних инвесторов. К слову, сегодня в СЗФО уже образовано не менее 8 подобных территорий (2 их них локализованы в Республике Карелия и по одной – в шести других регионах округа) [6, с. 87–92].

Запланировано, что в ближайшие несколько лет в моногородах современной России будет создано не менее 230 тысяч новых рабочих мест, привлечено около 170 миллиардов рублей инвестиций.

В целом, большая часть моногородов округа находится в сложном экономическом положении не только по причине кризисных явлений. В основном они лишь стали катализаторами копившихся десятилетиями проблем. Среди которых: правовые, финансовые, социальные [7, с. 136–139]. Поэтому стоит говорить не о появлении проблем, а скорее об их обострении. Так, например, кризисные явления, распространившиеся по всей России, способствовали росту задолженности по заработной плате градообразующих предприятий, которые и без того имели проблемы с ликвидностью. То же случилось и с износом основных производственных фондов градообразующих предприятий, отсутствием финансовой возможности заменить устаревшие технологии [5, с. 191–195].

Помимо специфических проблем, характерных для моногородов, исследователи особое внимание акцентируют на риски управления промышленными городами монопрофильного типа (зависимости развития моногорода от ведущей корпорации и жизненного цикла основного производимого продукта; высокая нагрузка на экосистему со стороны крупного промышленного предприятия; отсутствие диверсификации экономики моногорода как причина социальной и экономической нестабильности в периоды циклических колебаний национальной экономики. Для улучшения сложившейся ситуации, минимизации существующих рисков моногорода должны направлять все силы на формирование положительных социальных и экономических эффектов за счет диверсификации производства градообразующих предприятий (открытие новых производств с высокой добавленной стоимостью), создание новых альтернативных видов деятельности (например, МСП).

В целом, можно констатировать, что специфика управления монопрофильными городами связана с их уникальностью, наличием выше описанных проблем и угроз, с учетом которых должна выстраиваться управленческая политика [4, с. 2].

К управлению моногородами предъявляются особые требования, ведь от избранных управленческих технологий и методов зависит возможность минимизация негативного влияния негативных факторов на социально-экономическое развитие такой категории городов. Самым эффективным станет тот метод управления, в котором будет заблаговременно моделироваться весь процесс управленческого воздействия и прогнозироваться возможные результаты: от желаемого результата в виде целевых показателей до механизма достижения целей [5, с. 191–195].

При управлении рисками и решении существующих проблем в монопрофильных городах целесообразно использовать программно-целевой метод, который предусматривает разработку комплексных программ социально-экономического развития таких городов.

Исходя из рассмотренных в рамках настоящего исследования проблем моногородов СЗФО РФ, можно утверждать о том, что все они носят преимущественно долгосрочный характер, а их решение во многом зависит от избранной стратегии развития территории. Сложность решения проблем моногородов в настоящее время обусловлена низкой мобильностью рабочей силы, недостатком квалифицированных управленческих кадров, неразвитостью транспортной инфраструктуры, преобладанием узкопрофильных специалистов среди населения.

Проблему социально-экономического развития моногородов Северо-Западного федерального округа также целесообразно рассмотреть в разрезе влияния на национальную и экономическую безопасность страны. В условиях развития военного конфликта на Украине, геополитической нестабильности, введения экономических санкций против России, проблема выживания моногородов СЗФО РФ обострилась с большей силой. Анализируя ситуацию, связанную с экономической безопасностью страны, целесообразно вспомнить следующие высказывания Президента РФ Владимира Путина: «…у высшего руководящего звена разных стран не отнять соблазн решить свои внутринациональные проблемы за чужой счет, что может быть выполнено путем силового давления. Учитывая это обстоятельство, Россия не должна ни при каких обстоятельствах показывать свою слабость, дабы никого не искушать соблазном. Ввиду этого, важно принимать все необходимые меры для сохранения национальной и экономической безопасности» [5, с. 191–195].

В условиях нарастающей международной глобализации и интеграции обостряется борьба между государствами за природные ресурсы. Их добыча, как правило, локализуется именно в моногородах (ресурсные моногорода). Поэтому первостепенная задача поддержания национальной и экономической безопасности современной России на должном уровне состоит в сохранении таких ресурсов.

Для сохранения экономической безопасности страны не менее важна борьба с коррупцией. В этом случае целесообразно акцентировать внимание на участившиеся случаи хищения и нецелевого использования бюджетных ассигнований, в частности выделяемых на нужды гособоронзаказа. К слову, это также имеет непосредственное отношение к моногородам, ведь преимущественно на территории этих поселений (открытых и закрытых форм (ЗАТО)), сконцентрированы стратегически важные оборонные предприятия, от нормального функционирования которых, по сути, зависит боевой потенциал и обороноспособность нашей страны [5, с. 191–195].

Учитывая все вышеизложенное, нетрудно выделить прямую связь между социально-экономическим состоянием моногородов и их влиянием на экономическую и национальную безопасность всего государства. Если градообразующее предприятие испытывает трудности с ликвидностью и конкурентоспособностью, либо вовсе приходит в упадок (технологическая отсталость, кризис,

отсутствие спроса на производимые товары/продукты, финансовая несостоятельность), местное население сразу ощущает ухудшение качества жизни (безработица, низкие заработные платы, социальная инфраструктура практически не обслуживается и не развивается), а сама территория моногорода, по сути, превращается в некую «болевую точку» национальной экономики [5, с. 191–195].

При внимательном рассмотрении территориальной локализации моногородов, становится понятно, что они преимущественно сконцентрированы по периферийным регионам. Ввиду этого, моногорода очень важно оберегать, способствовать тому, чтобы местное население прирастало или, по крайней мере, как можно меньше мигрировало в другие регионы и города. Повышенную миграцию населения следует рассматривать как прямую угрозу экономической и национальной безопасности страны. Обеспечение должного уровня экономической безопасности государства возможно только при условии минимизации и своевременного предотвращения угроз, оказывающих влияние на функционирование региональных экономических систем.

Регионы, доходы которых недостаточны, как правило, оказывают сильную нагрузку на федеральный центр. Поэтому для ее снижения, устойчивого социально-экономического развития СЗФО РФ и обеспечения экономической безопасности как рассматриваемого округа, так и всего государства, важно установить «точки» инновационного и промышленного развития. Последующее развитие таких «точек» роста СЗФО РФ может быть осуществлено посредством совершенствования и посильной государственной поддержки таких территорий. Среди них особое место занимают ЗАТО и моногорода, на территории которых размещены градообразующие предприятия с мощным научно-техническим потенциалом [5, с. 191–195].

На территории моногородов СЗФО РФ важно обеспечить экономическую безопасность, чтобы снизить вероятность оттока населения, обеспечить рост их инновационной и инвестиционной привлекательности, создание конкурентоспособных производств и высокий уровень жизни населения в целом.

Таким образом, государство должно быть заинтересовано в обеспечении экономической безопасности моногородов, размещенных на территории СЗФО РФ, в целях сохранения собственной целостности, повышения конкурентоспособности на мировом рынке, способности к саморазвитию, укрепления национальной безопасности в целом.

Эффективное функционирование моногородов СЗФО РФ сегодня имеет стратегическое значение, как для экономики рассматриваемого округа, так и для национальной экономики в целом. Россию можно смело именовать «страной городов», а если быть точнее «страной моногородов». Однако нестабильное положение градообразующих предприятий влияет на ухудшение социально-экономического положения всего моногорода и его населения. Принимая во внимание факт того, что градообразующие предприятия приносят долю дохода в региональную и государственную казну, следует признать, что проблемы с их функционированием неминуемо сказываются на состоянии национальной экономической безопасности страны [5, с. 191–195], поэтому оценка уровня развития таких образований и состояния их экономики, в условиях стихийной рыночной ситуации, приобретает все большее значение. Монопрофильные образования на протяжении многих десятилетий являются своеобразным фундаментом отечественной экономики. Так сложилось, что в России они создавались директивно по плану развития отрасли или группы отраслей [5, с. 191–195]. Моногорода СЗФО РФ – наследие плановой советской экономики, они сыграли особую роль в освоении территорий СССР, развитии промышленности, позволили претворить в жизнь общественно значимые функции национальной экономики страны. На сегодняшний день они одновременно один из очагов угрозы экономической безопасности региона и потенциальные точки роста.

Литература:

1. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: ФЗ от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СПС КонсультантПлюс.

2. Постановление Правительства РФ от 29.07.2014 № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Вертяков А.А.* Анализ понятия «моногород» и выделение проблем моногородов // В сборнике: научные механизмы решения проблем инновационного развития. 2018. С. 56–61.

Literature:

1. On territories of advancing socio-economic development in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2014 № 473-ФЗ (as amended on July 26, 2019) // ATP Consultant Plus.

2. Decree of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014 № 709 On the criteria for classifying municipalities of the Russian Federation as single-industry (single-industry towns) and categories of single-industry municipalities of the Russian Federation (single-industry towns) depending on the risks of worsening their socio-economic situation. Access from reference legal system «Consultant Plus».

3. *Vertyakov A.A.* Analysis of the concept of «single-industry town» and the allocation of the problems of single-industry towns // In the collection: scientific mechanisms for solving the problems of innovative development. 2018. P. 56–61.

4. *Волошин Ю.Г.* Моногорода: проблемы и современное развитие // Регион: государственное и муниципальное управление. 2020. № 1 (21). С. 2.

5. *Гуреева Е.Г.* Социально-экономические проблемы моногородов // В сборнике: евразийская экономическая конференция. 2018. С. 191–195.

6. *Головина О.В.* Градостроительные проблемы развития моногородов // Архитектурные исследования. 2018. № 2(14). С. 87–92.

7. *Сухоруков Д.С.* Проблемы экономики моногородов // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2018. № 15. С. 136–139.

4. *Voloshin Yu.G.* Monotowns: problems and modern development // Region: state and municipal administration. 2020. № 1(21). P. 2.

5. *Gureeva E.G.* Socio-economic problems of single-industry towns // In the collection: Eurasian Economic Conference. 2018. P. 191–195.

6. *Golovina O.V.* Town-planning problems of the development of single-industry towns // Architectural studies. 2018. № 2(14). P. 87–92.

7. *Sukhorukov D.S.* Problems of the economy of single-industry towns // Transactions of young scientists of Altai State University. 2018. № 15. P. 136–139.

УДК 332
DOI 10.23672/x2436-2587-0343-p

Лерман Евгения Борисовна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры экономической теории
и антикризисного управления,
Сибирский государственный
университет путей сообщений
gsv-73@yandex.ru

Современные проблемы оценки экономической эффективности управления городским транспортом в крупном мегаполисе

Аннотация. Настоящая статья рассматривает вопросы комплексного подхода к оценке экономической эффективности управления городским транспортом в условиях купного современного города.
Современный мегаполис, будучи массивным, сложно структурированным социальным организмом, одновременно представляет собой также и масштабный экономический кластер, зачастую определяющий функционирование экономики всего прилегающего региона, а в некоторых случаях и соответствующего государственного образования.
Соответственно эффективное функционирование систем жизнеобеспечения, транспорта и коммуникаций такого поселения является одним из определяющих условий успешного развития и благополучного существования не только самого мегаполиса, но и прилегающих, социально и экономически связанных с ним агломераций, и оказывает косвенное воздействие на экономическое благополучие значительных территорий, а значит наличие систем адекватной оценки комплексной экономической эффективности тех, или иных систем жизнеобеспечения мегаполисов во многом способно повлиять на выработку своевременных и качественных управленческих решений.

Ключевые слова: городской транспорт, эффективность, управленческие решения, экономическое развитие, инфраструктурное развитие, мегаполис, оценка эффективности.

Evgeniya B. Lerman
Candidate of Sciences in Economics,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Economic Theory
and Anti-crisis Management,
Siberian Transport University
gsv-73@yandex.ru

Current challenges in assessing the cost-effectiveness of urban transport management in a large megapolis

Annotation. This article addresses the issues of a comprehensive approach to assessing the cost-effectiveness of urban transport management in a large modern city.
The modern metropolis, being a massive, complex structured social organism, at the same time also represents a large-scale economic cluster, often determining the functioning of the economy of the entire adjacent region, and in some cases the corresponding state entity.
Accordingly, the effective functioning of life support systems, transport and communications of such a settlement is one of the conditions for the successful development and well-being of not only the metropolis itself, but also adjacent, socially and economically related agglomerations, and has an indirect impact on the economic well-being of large Territories, which means that adequate systems are in place to assess the integrated cost-effectiveness of those Territories, or other life support systems of megacities can largely affect the development of timely and high-quality management decisions.

Keywords: urban transport, efficiency, management decisions, economic development, infrastructure development, metropolis, efficiency assessment.

Рассматривая экономическую эффективность отдельных подсистем и элементов таких сложных социально-экономических систем, как современный мегаполис, необходимо:

– во-первых – понимать, что любой крупный мегаполис, как правило, не заканчивается за границами соответствующего номинального населенного пункта, а представляет собой масштабные агломерации, включающие в себя и все географически близко расположенные населенные пункты, которые в силу естественных причин, фактически представляют с мегаполисом единое целое в экономическом и социальном плане;

– во-вторых, следует определить, что именно стоит понимать под эффективностью в данном случае: номинальную, «бухгалтерскую» эффективность, каждого конкретного элемента, или же кумулятивный, совокупный экономический эффект, обеспечиваемый функционированием той или иной подсистемы такого сложного

экономического образования, как современный крупный город.

В идеальном случае, любой экономический субъект, функционирующий в сфере жизнеобеспечения, крупной городской агломерации должен демонстрировать как непосредственную экономическую эффективность, так и способствовать созданию условий для эффективного функционирования городской экономики в целом, однако на практике данное условие выполняется не всегда.

Если для оценки экономической эффективности непосредственно управления хозяйствующим субъектом существует достаточно доказавших на практике свою адекватность методик и алгоритмов, то для оценки общего экономического эффекта, получаемого на уровне макроэкономики мегаполиса, в результате деятельности того или иного предприятия жизнеобеспечения, а следовательно и оценки эффективности управления таким предприятием, в том числе речь идет и о транспортных предприятиях, подобрать какой-либо универсальный оценочный механизм достаточно проблематично, поскольку каждый конкретный мегаполис имеет слишком большое количество индивидуальных особенностей, обусловленных его инфраструктурой, климатом, географией, этническим составом, традициями, развитостью инфраструктуры, доступностью ресурсов и даже геологией. Кроме того, в данном случае речь идет о принятии комплексных управленческих решений в интересах функционирования всего мегаполиса.

На наш взгляд наиболее целесообразной представляется двухуровневая оценка эффективности управления городскими системами жизнеобеспечения, к которым относится и городской транспорт, параллельно определяя как параметры непосредственной экономической деятельности соответствующего предприятия, так и критерии суммарного экономического эффекта для экономики мегаполиса в целом, при этом превалирующее значение безусловно должны иметь показатели экономической эффективности, достигаемые экономикой мегаполиса в целом, благодаря деятельности предприятия жизнеобеспечения.

Необходимо отметить, что городской транспорт является своеобразным индикатором общих проблем развитых сообществ, в том числе отображающим наличие и степень присутствующих в обществе противоречий между частными и общественными интересами, и в целом зависящим от качества управления большими городскими системами, при этом условия совершения поездок и транспортные расходы оказывают влияние на качество жизни горожан и социальных групп, поэтому транспортные системы следует планировать не только исходя из критериев эффективности, но и с учетом социальных факторов и соображений справедливости [1].

Ключевые проблемы городского транспорта в крупным мегаполисах обусловлены тем, что во-первых в больших городах чрезмерно удлиняются и усложняются ежедневные поездки городских жителей, во-вторых чрезмерно увеличиваются расходы населения на транспортное обслуживание, т.к. из-за растянутости сети городских транспортных сообщений растет число пересадок пассажиров с маршрута на маршрут и с одного вида транспорта на другой, в-третьих из-за значительной скученности людей и транспорта в крупных мегаполисах увеличивается риск гибели населения в ДТП, провоцируется транспортная усталость, психологические расстройства, а городская среда в целом загрязняется транспортным шумом и выхлопными газами [2].

Основная функциональная нагрузка городского транспорта в крупном мегаполисе заключается в обеспечении максимально быстрой и максимально комфортной и безопасной доставке экономически активного населения на, как правило, значительные расстояния от места жительства к месту трудовой (экономической) деятельности и обратно.

Чем быстрее, и чем в более комфортных условиях экономически активный житель мегаполиса добирается до места работы, тем больше ресурсов своего организма он может направить на непосредственно трудовую и (или) экономическую деятельность. Соответственно быстрая и комфортная транспортировка от места работы к месту жительства – это не только качество жизни, но и в конечном итоге – здоровьесбережение экономически активного населения.

Принято считать, что городской общественный транспорт в основной своей массе убыточен и не популярен у населения. Однако на практике данное утверждение выполняется далеко не во всех случаях. Безусловно поездка на личном автомобиле в большинстве случаев более комфортна и удобна, чем на общественном, однако, данное условие справедливо исключительно для территорий с относительно небольшой малой плотностью населения и хорошо развитой дорожной инфраструктурой. В условиях же мегаполиса, где плотность населения высока, а транспортная инфраструктура ограничена городским архитектурным ландшафтом, поездка на личном автомобиле, особенно в час пик превращается в довольно изнурительное стояние в пробках, совмещаемое с дорогостоящим сжиганием автомобильного топлива. Поэтому в крупных городах удобнее, дешевле и быстрее передвигаться все-таки общественным транспортом, особенно если он имеет позволяющую обходить городские транспортные заторы обособленную транспортную сеть, например в виде тоннелей метро, трамвайных путей, не совмещенных с дорожной сетью, или выделенных полос общественного транспорта.

В целом, структуру качественных показателей транспортного обслуживания населения в крупном мегаполисе можно отобразить в виде схемы, представленной на рисунке 1.

Степень убыточности общественного транспорта также преувеличена. Как показывает практика, если линия общественного транспорта обслуживает пассажиропоток численностью выше 2 тысяч

пассажиров в час, работает четко по расписанию и со скоростью доставки выше, чем на автомобиле, то она безубыточна [3].

Следовательно, оценка эффективности управленческих решений в сфере регулирования деятельности городского общественного транспорта должна быть напрямую увязана с такими показателями, как бесперебойность функционирования пассажирских перевозок, скорость доставки и оптимальность проработки транспортного маршрута, позволяющего вовлечь наибольшее число пассажиров. На рисунке 2 отображено соотношение степени развитости общественного транспорта и затрат муниципального бюджета на обеспечение мобильности населения в крупных городах [2].

Рисунок 1 – Структура качества транспортного обслуживания

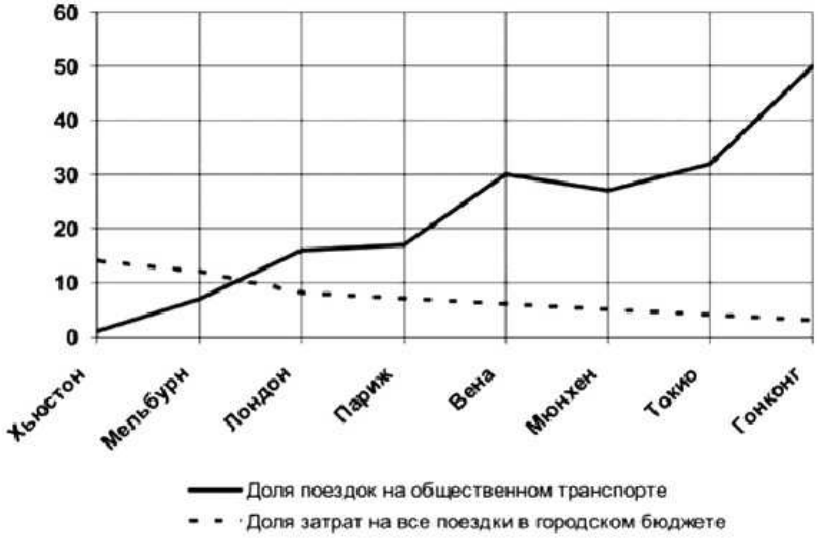


Рисунок 2 – Соотношение степени развитости общественного транспорта и затрат муниципального бюджета на обеспечение мобильности населения в крупных городах

Как видно из представленного графика, чем в большей степени развит общественный транспорт, тем в целом ниже расходы городского бюджета на обеспечение мобильности населения в пределах муниципалитета, а значит наличие развитого городского транспорта в целом выгодно для макроэкономики мегаполиса.

Не последнюю роль в определении эффективности управления городским транспортом играет и такой показатель, как обеспеченность пассажиропотоков оснащёнными пунктами посадки-высадки. На рисунке 3 представлены графические показатели обеспеченности населения ряда крупных мегаполисов остановками и станциями общественного транспорта. Однако стоит отметить, что данный показатель является скорее вторичным, поскольку представляет собой производную от характеристики развитости общественного транспорта в мегаполисе.

Как уже было отмечено пассажирский транспорт неправильно рассматривать в качестве изолированной системы, напротив необходимо учитывать степень его вовлеченности в экономику и инфраструктуру городского хозяйства крупных мегаполисов, а значит, эффективность управления городским транспортом в крупном мегаполисе невозможно адекватно оценить без учета эффективности существующей в соответствующем городе системы регулирования транспортных потоков, в т.ч. регулирования дорожного движения. От

того насколько продумана система регулирования транспортных коммуникаций напрямую зависят вероятность формирования транспортных заторов, и как следствие - скорость передвижения городского транспорта.

Рисунок 3 – Обеспеченность пунктами посадки-высадки

Таким образом, оценка эффективности управления городским транспортом в современном мегаполисе необходимо осуществлять именно с позиции комплексного итогового экономического эффекта от деятельности городского транспорта в целом, для чего необходима проработка моделей и алгоритмов такой оценки исходя из условий каждого конкретного мегаполиса.

Литература:

1. *Кох И.А.* Стратегия управления транспортной инфраструктурой города: социологические аспекты // Вопросы управления. 2017. № 2(45). С. 106–112.

2. *Эльдарханов Э.Х.* Интегральное управление городским общественным транспортом // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 3 (Ч. 2). С. 66–69.

3. *Горев А.Э.* К вопросу об экономической эффективности городского пассажирского транспорта // Транспорт Российской Федерации. 2012. № 3–4(40–41). С. 34–36.

Literature:

1. *Koch I.A.* Strategy for the management of the city's transport infrastructure: sociological aspects // Management issues. 2017. № 2(45). P. 106–112.

2. *Eldarkhanov E.Kh.* Integral management of urban public transport // Terra Economicus. 2012. Vol. 10. № 3. Part 2. P. 66–69.

3. *Gorev A.E.* To the question of the economic efficiency of urban passenger transport // Transport of the Russian Federation. 2012. № 3–4 (40–41). P. 34–36.

УДК 332

Овчинников Алексей Павлович
кандидат экономических наук,
доцент кафедры
экономической теории и менеджмента,
Российский университет транспорта
alexovchinnikov@mail.ru

Развитие современной методологии управления инновационными предприятиями

Аннотация. Настоящая статья рассматривает основные аспекты комплексного формирования методологии управления современными инновационными предприятиями, обусловленные динамикой технологического развития, появлением и развитием новых технологий, и как следствие – новых товаров и услуг, занимающих как уже существовавшие, так и заново формируемые ниши потребительского спроса.
Разработка процессов и методик управления предприятиями, ориентированными на выпуск инновационной продукции, применяющими инновационные технологии по-прежнему остается одной из актуальных задач опережающего технологического развития, поскольку процесс принятия управленческих решений на инновационном предприятии, как правило связан именно с его технологической спецификой.

Ключевые слова: инновационные предприятия, технологии управления, специфика.

Aleksey P. Ovchinnikov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
Economic Theory and Management,
Russian University of Transport
alexovchinnikov@mail.ru

Development of modern methodology for management of innovative enterprises

Annotation. This article examines the main aspects of the integrated formation of the methodology for managing modern innovative enterprises, due to the dynamics of technological development, the emergence and development of new technologies, and as a result, new goods and services that occupy both existing and newly formed niches of consumer demand.
The development of processes and methods for managing enterprises focused on the production of innovative products using innovative technologies continues to be one of the urgent tasks of advanced technological development, since the process of making managerial decisions at an innovative enterprise is usually associated with its technological specificity.

Keywords: innovative enterprises, management technologies, specifics.

Анализ тенденций развития технологий, а также глобальных экономических взаимоотношений между странами и регионами, позволяет с высокой степенью вероятности констатировать, что основной вектор глобальной инновационной динамики в технологическом плане в обозримом будущем продолжит в значительной степени определяться ускоренным формированием нового технологического «ядра», основанного на развитии конвергентных нано-, био- и инфотехнологий, а также различных когнитивных технологий. При этом, очевидно, что основные точки приложения новых технологий станут не только базой создания и развития новых рынков, но и смогут существенно повлиять на облик таких традиционных областей, как промышленное производство, транспорт, энергетика и др. Соответствующие тенденции наложили свой непосредственный отпечаток и на сложившуюся на сегодняшний день систему приоритетов ведущих мировых центров научно-технического развития, которая схематично отображена в таблице 1.

Анализ открытых источников показывает, в частности, что стратегия США во-первых направлена, на реиндустриализацию экономики, что по сути своей является реакцией на четко оформившуюся тенденцию переноса некогда американского производства в страны Юго-Восточной Азии, и такая реакция, судя по всему, окажет существенное влияние как на направления технологического развития внутри страны, что, например, способно привести к повышению приоритета передовых технологий обрабатывающей промышленности, так и на сокращение миграции технологий и высокотехнологичных производств за рубеж.

Во-вторых, США, судя по всему, нацелились на направления научно-технического прогресса, связанные с формированием нового технологического «ядра». Необходимо отметить, что из-за кризисных явлений в мировой экономике, оказывающих свое непосредственное влияние и на макроэкономику отдельных государств, приоритеты технологического развития последних претерпевают определенные изменения, вызванные оптимизацией финансирования, что также требует и повышения оптимальности качества управления предприятиями высокотехнологичной сферы.

Таблица 1

Приоритеты мировых центров научно-технического развития

	США	Германия	Япония	Франция	Великобритания	Китай
Медицина и биотехнологии	Медицина и биотехнологии	Медицина	Инновации для жизни	Медицина и биотехнологии	Медицина	Медицина
						Система производства с/х продукции с высокой добавленной стоимостью
ИКТ	ИКТ	Коммуникационные технологии		ИКТ	«Креативные» отрасли	Система всепроникающей информационной сети
Новые материалы	Композитные материалы		Композитные материалы			Композитные материалы
«Зеленые» технологии	Экологически чистая энергетика	Экология/энергетика	Переработка отходов, альтернативная энергетика	Переработка отходов, чистая вода, альтернативная энергетика	Переработка отходов, альтернативная энергетика	Устойчивая ресурсная база, атомная энергетика
Производственные технологии	Управление сложными системами		Робототехника, обработка металлов			Технологии умного производства
Другое	Технологии космической и авиационной отраслей	Мобильность	Науки о Земле, технологии скоростного железнодорожного движения	Атомные и термоядерные технологии, технологии скоростного железнодорожного движения	«Креативные» отрасли	Использование потенциала космоса и океана
						Система безопасности, оборона
	Оборонные технологии	Безопасность				Технологии транспортной отрасли

В частности, если изначально в 3-м Генеральном плане научно-технологического развития Японии на 2006–2010 гг. в качестве базовых были определены четыре приоритетные направления, то в 4-м плане, их всего два: «наука о жизни» и «экология». Стратегия развития науки и технологий в Германии основывается на удержании конкурентных позиций в традиционных отраслях машиностроения и на экспансии на сопряженные рынки экологических технологий и технологий безопасности.

Во Франции государственная инновационная политика ориентирована на преимущественное занятие новых перспективных рынков: био- и нанотехнологий, сегмента программирования и сенсоров в ИКТ. Приоритеты развития науки и технологий в Англии заключаются в первоочередном развитии новых рынков сбыта, которые, с одной стороны, должны отвечать национальным потребностям, с другой – позволили бы реализовать преимущества имеющегося конкурентного потенциала. В Китае стратегия развития ориентирована на рост независимости от технологий других стран и создание универсальной машиностроительной базы, с прицелом на вхождение в число мировых технологических лидеров в обозримом будущем. В России ключевые области научно-технического прогресса отражены в перечне Приоритетных направлений развития науки, технологий и техники [1] гражданского характера, которые в целом отвечают мировым научно-технологическим приоритетам.

В качестве примера особенностей развития современных методов управления в области науки, к которым относятся производители инновационных фармацевтических препаратов, поскольку фармацевтика сама по себе входит в число приоритетных отраслей с точки зрения инновационного развития отечественной экономики, а сам фармацевтический рынок относится к категории наиболее динамично развивающихся сегментов.

На рисунке 1 отображена динамика объёма российского коммерческого рынка лекарственных препаратов с марта 2019 года по март 2020 года.

Увеличение коммерческого рынка лекарств за первый квартал 2020 года относительно первых трёх месяцев 2019 года в рублёвом эквиваленте составило 25,3 %. Общая ёмкость составила 319,9 млрд рублей.

В натуральных единицах объём продаж лекарственных препаратов в марте составил 587,2 млн упаковок, что на 28,2 % больше, чем в феврале, и на 34,8 % больше, чем в марте прошлого года.

Совокупно за 3 месяца потребление лекарственных средств через аптеки достигло 1,5 млрд упаковок, что на 13,2% больше, чем за такой же период в 2019 году. Соотношение объёмов аптечных продаж отечественных и импортных препаратов в России представлено на рисунке 2.

Март 2020 характеризуется ростом процента российских препаратов по отношению к марту 2019

года: на 2,3 % в денежном выражении и на 0,4 % в натуральном. Вместе с тем, препараты иностранного производства превалировали в стоимостном объёме рынка – 66,2 % по итогам месяца, и составили 38,7 % в натуральном объёме аптечного рынка РФ

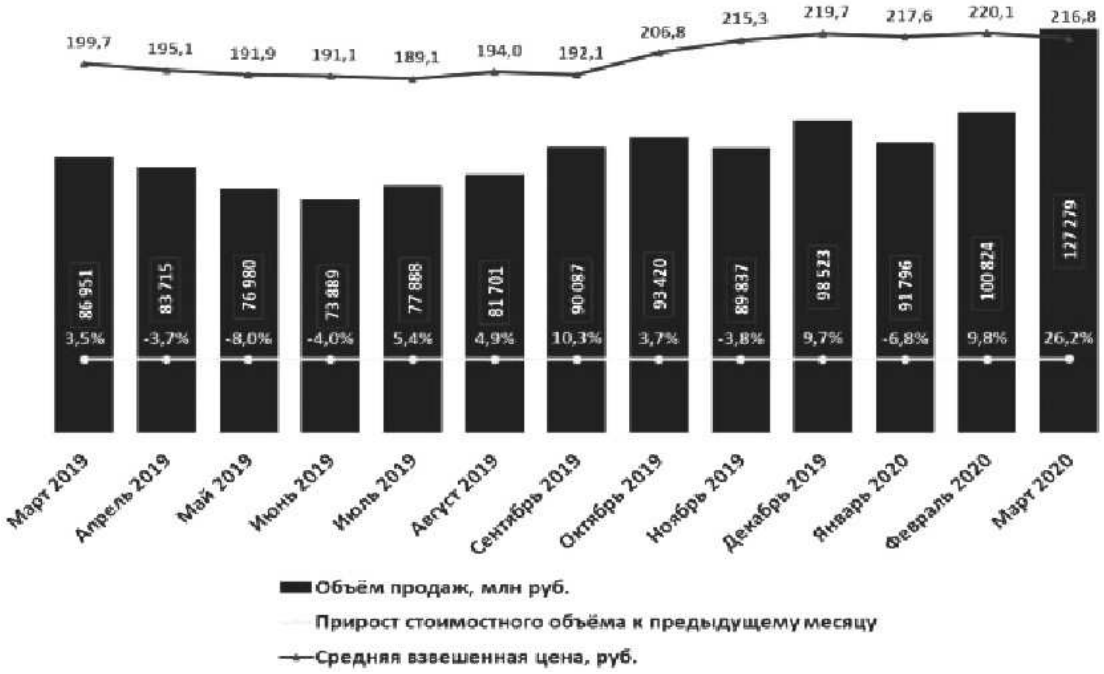


Рисунок 1 – Коммерческий рынок ЛП России, март 2019 года – март 2020 года

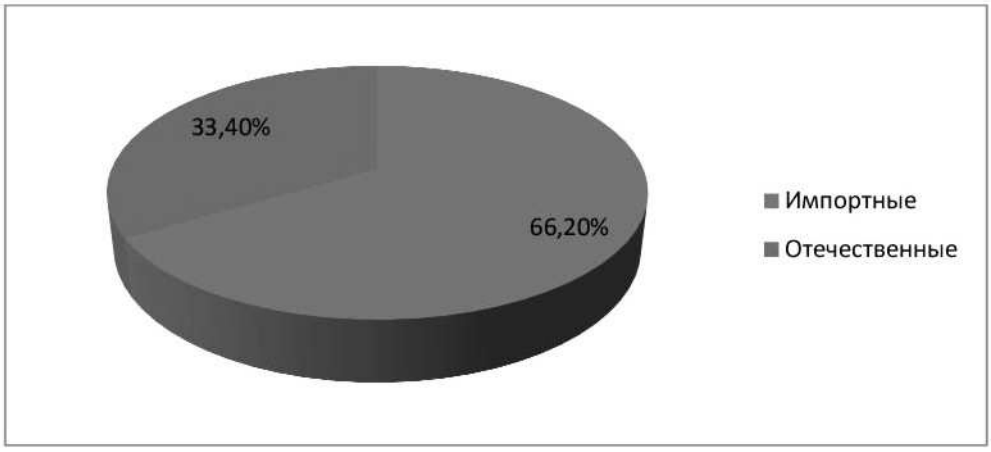


Рисунок 2 – Соотношение объёмов продаж импортных и отечественных ЛП на коммерческом аптечном рынке России в марте 2020 года, %

Март 2020 характеризуется ростом процента российских препаратов по отношению к марту 2019 года: на 2,3 % в денежном выражении и на 0,4 % в натуральном. Вместе с тем, препараты иностранного производства превалировали в стоимостном объёме рынка – 66,2 % по итогам месяца, и составили 38,7 % в натуральном объёме аптечного рынка РФ.

При рассмотрении абсолютных показателей необходимо отметить заметное увеличение продаж в рублях как у российских препаратов, так и у импортных: +57,0 % и +41,5 %. В натуральных единицах измерения объём реализации отечественных средств вырос на 35,8 %, тогда как темп прироста продаж зарубежных ЛП составил 33,4 %, чем и обусловлено изменение структуры рынка в пользу российских лекарств.

За год средневзвешенная стоимость упаковки отечественных лекарств выросла на 15,6 %, до 119,7 рублей. В то время как цена на импортные препараты выросла на 6,1 % – до 370,6 рублей.

Таким образом, производство лекарственных препаратов представляет собой в большинстве случаев довольно рентабельный бизнес благодаря стабильному платежеспособному спросу на фармацевтическую продукцию, поскольку в определенном объеме будут востребованы всегда.

Инновационное развитие фармацевтики имеет такие характерные особенности, как высокая

капиталоемкость, значительный период окупаемости инвестиций, высокая степень риска инвестирования.

Для запуска производства лекарств необходимо определить каналы сбыта продукции, наладить закупку качественного сырья, приобрести современное технологическое оборудование, нанять квалифицированный персонал, сформировать политику компании по всем направлениям работы, настроить логистику, рекламу и маркетинг, а также иные бизнес-процессы.

Методология управления инновационным фармацевтическим предприятием включает в себя помимо непосредственно производства продукции еще и значительное со своим затратам административное и научно-исследовательское сопровождение, в том числе подготовку и выпуск лекарственных средств в гражданский оборот для широкого применения, что само по себе является достаточно трудоемким и затратным процессом, включающим массу различных этапов. В частности, разработка лекарств включает в себя в первую очередь поиск новых фармакологически активных веществ, последующее изучение их лекарственных свойств, доклинические исследования, разработку технологий производства фармацевтических субстанций, разработку составов и технологий производства препаратов. После разработки лекарственного средства проводятся доклинические испытания в целях получения доказательств его безопасности, качества и эффективности.

Для проведения доклинических исследований разработчику необходимо привлечь специализированную компанию, в задачи которой входит комплексная оценка всех свойств проверяемого лекарства. При этом и при отсутствии специального указания в договоре обязательства такой компании считаются исполненными надлежащим образом только при условии, что она выполнила исследования и подготовила отчетную документацию в объеме, достаточном для проведения в дальнейшем экспертизы и регистрации лекарственного препарата.

После разработки лекарственных средств и формирования всей документации проводятся их клинические испытания. При положительном же решении регулятора заявителю на его лекарственный препарат выдается регистрационное удостоверение. И только после этого, препарат может быть запущен в производство, на которое предварительно необходимо получить лицензию и иные разрешительные документы.

При вводе лекарственного препарата в оборот подтверждение его соответствия установленным требованиям выдает уполномоченный работник производителя, который должен быть аттестован регулятором в установленном порядке для выполнения такой работы.

Каждый этап выше перечисленного алгоритма должен быть уложен в определенную технологическую схему управления предприятием.

Таким образом, мировой опыт свидетельствует, что увеличение роли инноваций ведет к обеспечению динамичного развития и устойчивого положения предприятий на рынках выпускаемой продукции, повышению конкурентоспособности продукции, производств и экономики в целом.

Иными словами, методология управления современным инновационным предприятием не может иметь какого-либо одного стандартного шаблона, поскольку основана на индивидуальных технологических особенностях производства и сферы применения той или иной конкретной инновационной продукции и должна учитывать присущую ей специфику. В месте с тем, необходимо определить ряд принципов, общих для большинства видов инновационных производств.

В частности, сюда относится гибкость методик управления, своевременный мониторинг на основе системы параметров, наиболее адекватно характеризующих каждый этап реализации проекта, включая технологические циклы и административное сопровождение, а также система стимулов персонала и ряд других показателей.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 07.07.2011 № 899 (ред. от 16.12.2015) «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации».

2. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России).

3. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. 19.04.2010. № 16. Ст. 1815.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.07.2011 № 899 (ed. From 16.12.2015) «On the approval of priority areas for the development of science, technology and technology in the Russian Federation and the list of critical technologies of the Russian Federation».

2. Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2030 (developed by the Ministry of Economic Development of Russia).

3. Federal Law of 12.04.2010 № 61-ФЗ «On the Circulation of Medicines» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 19.04.2010. № 16. Art. 1815.

УДК 332
DOI 10.23672/a5483-7797-2789-k

Савушкина Юлия Викторовна
кандидат экономических наук,
заместитель генерального директора
«НИИ Трансмаш»
yulia.savushkina79@gmail.com

Влияние тарифного регулирования на выбор параметров вагонов-хопперов

Аннотация. Статья посвящена вопросу влияния тарифного регулирования на выбор параметров вагонов-хопперов. Индустриализация производства, промышленности и строительства не обходятся без услуг железнодорожных грузоперевозок. Развитие конкуренции в сфере оперирования грузовыми вагонами и стремительный рост их количества собственников привели к переходу от управления «единым парком» к самостоятельному построению логистики частными компаниями – операторами [4]. В связи с этим, появляется необходимость экономического моделирования при разработке конструктивных решений железнодорожных вагонов в целом и вагонов-хопперов в частности. Разрабатывая конструкции, производители должны ориентироваться не только на нормативно-техническую документацию, но и учитывать также факторы тарифного регулирования перевозок.

Ключевые слова: вагоны-хопперы, тарифное регулирование, провозная плата, грузооборот, экономические аспекты, прейскурант № 10-01, ОАО «РЖД».

Yuliya V. Savushkina
Candidate of Economic Sciences
Deputy General Director
of «Transmash Research Institute»
yulia.savushkina79@gmail.com

Influence of tariff regulation on the choice of parameters of hopper cars

Annotation. The article is devoted to the influence of tariff regulation on the choice of parameters of hopper cars. The industrialization of production, industry and construction is not complete without rail freight services. The development of competition in the field of operating freight cars and the rapid growth of their number of owners led to the transition from the management of a «single fleet» to the independent construction of logistics by private companies – operators [4]. In this regard, there is a need for economic modeling in the development of design solutions for railway cars in General and hopper cars in particular. When developing designs, manufacturers should focus not only on regulatory and technical documentation,but also take into account the factors of tariff regulation of transport.

Keywords: hopper cars, tariff regulation, freight charges, cargo turnover, economic aspects, price List No. 10-01, JSC «Russian Railways».

В современных рыночных отношениях предприятия железнодорожного машиностроения постоянно разрабатывают и внедряют инновационные конструкции подвижного состава, которые соответствуют международным стандартам. Процессы модернизации и инновации в железнодорожной отрасли должны быть ориентированы, прежде всего, на экономические аспекты, в частности, тарифное регулирование. Собственникам подвижного состава необходимо понимать потребность техники, произвести расчеты расходов на движенческие операции, эксплуатационные параметры, тарифообразование и т.п.

Для осуществления железнодорожных перевозок большого объема сыпучих грузов существуют, так называемые, вагоны-хопперы, имеющие способ саморазгрузки. К хопперам относятся открытые и закрытые типы. Закрытые хопперы предназначены для защиты груза от осадков и применяются в перевозках сажи, цемента, зерна. Открытые предназначены для рудного концентрата, торфа, кокса и т.п. Отдельная разновидность – хопперы-дозаторы, характеризующиеся механизированной выгрузкой для обслуживания и ремонта железнодорожных путей [7]. Актуальность тематики статьи обусловлена тем, что технические параметры типа вагона-хоппера влияют на тарифное регулирование перевозок. В связи с этим, остро встает вопрос о совершенствовании, инновациях в машиностроении вагонов для перевозок.

Действующие расчеты тарифообразования разработаны и применяются в соответствии с эмпирической методологией исследования, такими научно-исследовательскими организациями как: Всероссийский научно-исследовательский институт железнодорожного транспорта, Российский университет транспорта, Институт проблем естественных монополий и другие. За основу взять себестоимость перевозки груза в условиях порожнего и груженого вагонов. Методика расчета представлена в действующем Прейскуранте № 10-01 [3], который содержит:

– постатейное распределение расходов начально-конечной и движенческой операциями по инфраструктуре и тяги;

– распределение расходов, которые отнесены на движенческие операции по установленным измерителям вагоно-км и тонно-км брутто. К примеру, тонно-км брутто порожних вагонов определяются грузооборотом тары порожних вагонов (рис. 1):

$$\sum Pl_{бр} = \sum Pl_{бр}^{гр} + \sum Pl_{бр}^{пор} = \sum Pl_{н} + \sum Pl_{т} =$$

$$= \sum Pl_{н} + q_{т} \cdot \sum nS_{гр} + q_{т} \cdot \sum nS_{пор} =$$

$$= \sum Pl_{н} + q_{т} \cdot \sum nS_{общ},$$

где $\sum Pl_{н}$ – грузооборот нетто, ткм

$\sum Pl_{т}$ – грузооборот тары вагонов, ткм

$q_{т}$ – средняя масса тары вагона, т

$\sum nS_{общ}$ – общий пробег вагонов, тыс. ваг-км

Рисунок 1 – Расчет тонно-км брутто порожних вагонов

– постатейное распределение затрат по грузоперевозкам на показатели перевозочной деятельности, а также система расчета укрупненных расходных ставок, которые используются для моделей себестоимости;

– распределение стоимости начально-конечной операции между груженым и порожним вагоном.

Упрощенный вид параметров, которые влияют на уменьшение затрат перевозчика изображен на рисунке 2.

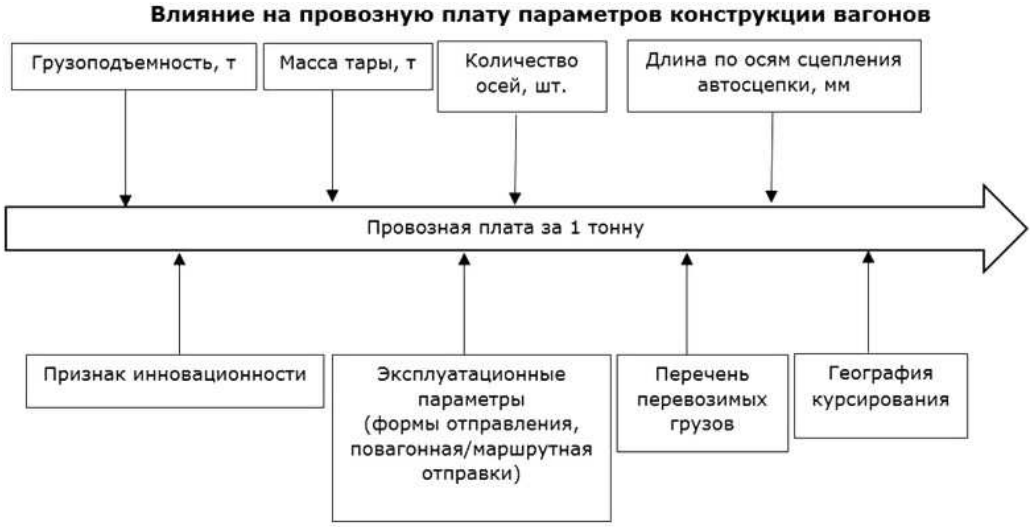


Рисунок 2 – Основные параметры тарифного регулирования для перевозчика

Прейскурант № 10-01 содержит классификатор тарифных схем, который является ведущим для формирования таксировки платы и применяется для основания цены за услугу по эксплуатации инфраструктуры РЖД. Классификатор обозначает тариф за начально-конечную операцию по отправке вагона, тонны, контейнера (А) и движенческую операцию по вагоно-км, тонно-км, контейнеро-км (В) для каждой тарифной схемы. L – среднее поясное расстояние перевозки в км. Стоимость за отправку (П) высчитывается формулой:

$$П = A + B \times L, \text{ руб.} \qquad (1)$$

Грузоподъемность, количество осей и масса тары влияют на тариф движенческих операций, являются определяющими в погрузке и осевой нагрузки вагона.

Географический курс перевозки характеризуется тарифным расстоянием от отправления до станции назначения. Формула тарифной схемы учитывает коэффициент, который корректирует стоимость движенческой операции в зависимости от пути перевозки. Из аналитики можно определить, что средняя дальность в 937 км приблизительно равна 353 руб./т перевозки в хопперах. Для перевозимых грузов в специализированных вагонах уточняется позиция единой тарифно-статистической номенклатуры, его тип, масса. Для расчета групповых, маршрутных перевозок учитывается тарифный класс. К эксплуатационным параметрам относятся тип вагона, вид отправки груза к которым относятся повагонные, групповые, контейнерные, мелкие и т.п. не относящиеся к РЖД.

Длина по осям сцепления автосцепки основывается на перевозке грузов в специальных вагонах в зависимости от их количества отправки и используемой грузоотправителем технологии перевозки к тарифам за эксплуатацию инфраструктурой, локомотивами применяются особые коэффициенты, которые учитывают габариты вагона.

Инновационность имеет немаловажную роль в вагонах и учитывает такие ведущие параметры как межсервисный интервал, повышенную осевую нагрузку, воздействие на путь. Данный параметр отражен в тарифной схеме Прейскуранта для модели и типа вагона.

В Прейскуранте Приложения № 5 определены номера тарифных схем за перевозку в хопперах для цемента, соды, зерна, удобрений и т.п., которые приведены в таблице 1.

Таблица 1

Тарифная схема для специализированных вагонов [3]

Типы специализированных вагонов	Вагоны		
	Общего парка		Собственные (арендованные)
	тариф за использование инфраструктуры и локомотивов РЖД	Тариф за использование вагонов	
	Номера тарифных схем		
1. Крытый вагон для: цемента (типа хоппер)	И2	В5	9
2. Цистерны для:			
цемента;	И3	В8	9
кальцинированной соды		В10	
3. Крытый вагон для: зерна (типа хоппер); минеральных удобрений, сырья для минеральных удобрений	И3	В8	9

Говоря о тарифном регулировании грузов в специализированных вагонах, необходимо учитывать спрос и предложение рынка, из этого будет строиться экономическая политика отрасли железнодорожных перевозок.

Остановимся поподробнее на анализе грузооборота РЖД за 2020 г. и прогностическом мнении ИПЕМ касательно будущего подвижного состава. Погрузка на сети РЖД в апреле 2020 г. снизилась и составила 100,8 млн т., что на 5,9 % меньше, чем за аналогичный месяц прошлого года. Грузооборот за этот месяц снизился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 7,3 % и составил 208,1 млрд тарифных тонно-км. Грузооборот с учетом пробега вагонов в порожнем состоянии за это же время уменьшился на 7,4 % и составил 263,8 млрд тонно-км. Погрузка за январь-апрель 2020 г. составила 407,5 млн тонн, что на 4,3 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года [8].

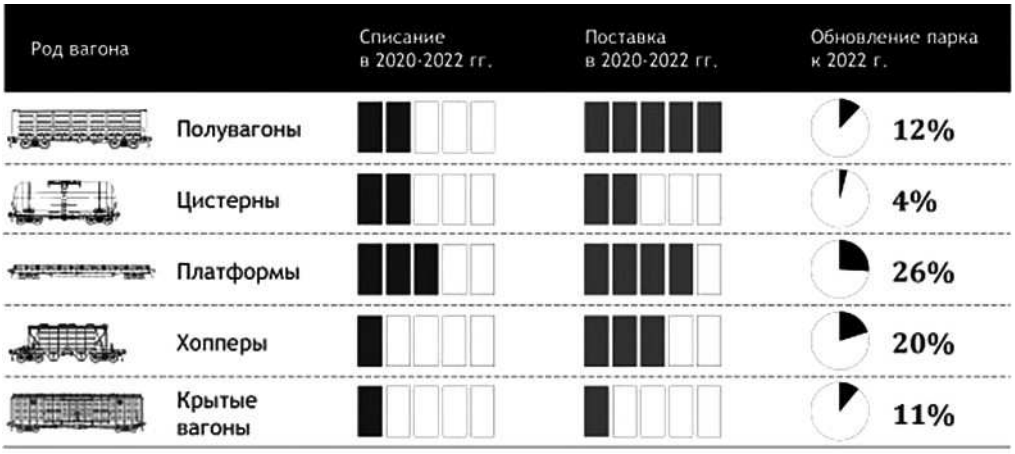


Рисунок 3 – Списание и постановка на сеть грузовых вагонов в 2020–2022 гг.

На спад процессов погрузки оказала влияние эпидемиологическая ситуация, связанная с COVID-19. Конечно, современные тенденции в РФ не отличаются от событий в странах Европы, Азии, Южной и Северной Америках, где введение ограничительных мер сказываются отрицательно на экономический сектор. Однако, несмотря на кризисные явления, согласно оценкам ИПЕМ в 2020–2022 гг. эксплуатируемый на инфраструктуре РЖД парк платформ и вагоны-хопперы будут значительно обновлены, при этом темп поставок будет опережать темп списания техники. Так, ИПЕМ прогнозирует – на один списанный вагон-хоппер будет приходиться три новых, что говорит о спросе и росте потребностях рынка.

Таким образом, вышеперечисленные разнообразные факторы тарифного регулирования влияют на конструктивные решения вагонов-хопперов. Экономические показатели спроса и предложения также в определенной мере предопределяют параметры данных вагонов. Собственникам и разработчикам для повышения конкурентоспособности вагона-хоппера на начальной стадии проектирования надлежит проводить экономическое моделирование, учитывая стоимость перевозок, существующие формулы тарифной схемы, а также аспекты эксплуатации и иные характеристики.

Литература:

1. Федеральный закон «О железнодорожном транспорте в РФ» от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ (Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 169).

2. Стратегия развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 г. (Распоряжение Правительства РФ № 877-р от 17.06.2008 г.).

3. Постановление ФЭК России от 17.06.2003 № 47-т/5 (ред. от 15.11.2018) «Об утверждении Прейскуранта № 10-01 «Тарифы на перевозки грузов и услуги инфраструктуры, выполняемые российскими железными дорогами» (Тарифное руководство № 1, части 1 и 2)» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.07.2003 № 4882)

4. *Аникеева-Науменко Л.О.* Методы повышения эффективности использования вагонов грузового парка на железнодорожном транспорте : дис. … канд. эконом. наук. (08.00.05) / Л.О. Аникеева-Науменко; Московский государственный университет путей сообщения МГУПС (МИИТ). М., 2014. 190 с.

5. Бодюл В.И. График грузового движения, надежность и экономичность / В.И. Бодюл, В.И. Некрашевич, А.Ф. Бородин // Железнодорожный транспорт. 1993. № 11. С. 12–18.

6. *Бороненко Ю.П.* Выбор конструктивных решений устройств крепления контейнеров и съемных кузовов на железнодорожных платформах / Ю.П. Бороненко, А.С. Даукша // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. 2017. № 3(70). С. 29–32.

7. *Гундорова Е.П.* Технические средства железных дорог : учебник для техникумов и колледжей ж.-д. транспорта. М. : Маршрут, 2003. 496 с.

8. Погрузка на сети ОАО «РЖД» в апреле-2020: экспресс-анализ ИПЕМ 6 мая, 2020. URL : http://ipem.ru/news/ipem/1960.html. (дата обращения 26.05.2020 г.)

9. *Сенько В.И.* Совершенствование конструкции кузова вагона-хоппера для перевозки цемента / В.И. Сенько, А.В. Пигунов, П.М. Афанаськов, С.В. Шестаков // Вестник ГГТУ им. П.О. Сухого. 2017. № 2(69). С. 3–10.

Literature:

1. Federal law «On railway transport in the Russian Federation» of January 10, 2003 № 17-FZ (Collection of legislation of the Russian Federation. 2003. № 2. Art. 169).

2. Strategy for the development of railway transport in the Russian Federation until 2030 (Order of the Government of the Russian Federation № 877-R of 17.06.2008).

3. Resolution of the FEC of Russia of 17.06.2003 № 47-t/5 (ed. from 15.11.2018) «On approval of the price List № 10-01 «Tariffs for cargo transportation and infrastructure services performed by Russian Railways» (Tariff guide № 1, parts 1 and 2)» (Registered in the Ministry of justice of Russia 09.07.2003 № 4882).

4. *Anikeeva-Naumenko L.O.* Methods of increasing the efficiency of using freight cars in railway transport : dis. cand. steward. sciences. (08.00.05) / L.O. Anikeeva-Naumenko; Moscow state University of railway transport MGUPS (MIIT). M., 2014. 190 p.

5. *Bodyul V.I.* cargo traffic Schedule, reliability and economy / V.I. bodyul, V.I. Nekrasevich, A.F. Borodin // Railway transport. 1993. № 11. P. 12–18.

6. *Boronenko Y.P.* Choice of constructive decisions of devices of fastening of containers and swap bodies on the railway platforms / Y.P. Boronenko, A.S. Dauksha // Transport Of The Russian Federation. Journal of science, practice, and Economics. 2017. № 3(70). P. 29–32.

7. *Gundorova E.P.* Technical means of Railways: Textbook for technical schools and colleges zh.-d. transport. M. : Route, 2003. 496 p.

8. Loading on the network of JSC «Russian Railways» in April-2020: Express analysis of IPEM may 6, 2020. URL : http://ipem.ru/news/ipem/1960.html. (date accessed 26.05.2020)

9. *Senko V.I.* Improving the design of the hopper car body for transporting cement / V.I. Senko, A.V. Pigunov, P.M. Afanaskov, S.V. Shestakov // Bulletin of the Sukhoi state technical University named after P.O. Sukhoi. 2017. № 2(69). P. 3–10.

УДК 004+658
DOI 10.23672/o2053-6830-2055-g

Хубаев Георгий Николаевич
доктор экономических наук,
профессор,
профессор кафедры
информационных систем
и прикладной информатики,
Ростовский государственный
экономический университет
gkhubaev@mail.ru

Социальное и экономическое развитие страны: выделение подмножества определяющих факторов с оценкой их лага (на примере Германии, России и Швеции)

Аннотация. Известно, что в мире две сотни стран ориентируются на рыночную экономику, а результаты их социально-экономического развития, почему-то, разные. Да и скорость появления позитивных изменений в экономике стран мира тоже разная. Причём, как оказалось, ни климат, ни площадь территории, ни географическая широта, ни даже наличие или отсутствие полезных ископаемых почему-то не оказывают существенного влияния на самые главные экономические показатели и результаты.
Автором выделены подмножества определяющих факторов, статистически значимо влияющих на социальные и экономические показатели развития страны и выполнена оценка лага их влияния. Расчеты проведены на данных Всемирного банка по Германии, России и Швеции.

Ключевые слова: определяющие факторы, социальные и экономические показатели, статистически значимое влияние, данные Всемирного банка.

Georgy N. Khubaev
Doctor of Economics,
Professor,
Professor of the Department
Information Systems
and Applied Informatics,
Rostov State
University of Economics
gkhubaev@mail.ru

Social and economic development of the country: allocation of a subset of determining factors with assessment of their lag (on the example of Germany, Russia and Sweden)

Annotation. It is known that in the world two hundred countries are oriented to the market economy, and the results of their socio-economic development, for some reason, are different. And the rate of emergence of positive changes in the world's economies is also different. Moreover, as it turned out, neither the climate, nor the area of territory, nor the geographical latitude, nor even the presence or absence of minerals for some reason do not have a significant impact on the most important economic indicators and results.The subsets of determining factors that statistically significantly affect the social and economic indicators of the country's development are identified and the lag of their influence is estimated. The calculations are based on data from the World Bank for Germany, Russia and Sweden.

Keywords: determining factors, social and economic indicators, statistically significant impact, World Bank data.

Постановка задачи. Известно, что в мире две сотни стран ориентируются на рыночную экономику, а результаты социально-экономического развития этих стран почему-то разные. Да и скорость появления позитивных изменений в экономике стран мира тожеразная (см. данные ООН и Всемирного банка по КНР, Индии и ряду других стран). Причём, как оказалось, ни климат, ни площадь территории, ни географическая широта, ни даже наличие или отсутствие полезных ископаемых почему-то не оказывают существенного влияния на самые главные экономические показатели и результаты.

Странная ситуация, на первый взгляд, получается: все заинтересованы, но не все могут (или не знают, как изменить ситуацию, переломить исходное состояние в нужном направлении). Но ведь для того, чтобы успешно управлять процессом ускоренного развития экономики страны и ростом уровня жизни граждан, необходимо знать ответы на вопросы:

**На какие факторы-показатели следует воздействовать, чтобы получить нужный результат – ожидаемое значение функции отклика? *Какова степень влияния этих факторов на уровень развития экономики и уровень жизни граждан? *Как сформировать оптимальный состав независимых переменных для прогнозирования функции отклика? *И как определить, насколько заметно отражается на динамике функции отклика скорость приращения некоторых содержательно и статистически значимых факторов? *И, главное, с каким запаздыванием (лагом) проявляется влияние тех или иных факторов*

на динамику функции отклика и какова степень этого влияния? И, конечно, каковы затраты ресурсов на реализацию каждого фактора, на величинуинвестиций в каждый фактор-показатель?

Но, оказывается, совсем не просто получить и результативно применить такие сведения – исходные данные для дальнейших исследований. Так, в открытых статистических данных, сформированных ООН и Всемирным банком, представлены сведения о значениях нескольких тысяч экономических показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития стран мира, а в сборниках Росстата – сведения о сотнях показателей уровня социально-экономического развития субъектов РФ.

Здесь мы, продолжая ранее начатые исследования (см., например, [1, 2]), используем оригинальный метод выделения (с оценкой величины лага) ограниченного подмножества объектов (факторов, признаков, показателей) из исходного множества достаточно большой мощности, содержащего сотни и тысячи объектов. При выполнении расчетов использованы данные Всемирного банка, характеризующие уровень социального и экономического развития Германии, России и Швеции.

Пояснение. Почему выбраны именно эти три страны? Во-первых, Германия – это реальный «донор» ЕС, который со времен «немецкого чуда» (порожденного в начале 50-х годов прошлого века в результате действий команды Людвига Эрхарда) продолжает успешно выявлять и реализовывать приоритетные, как оказалось, направления развития страны. Россия – это страна, 20 лет назад приступившая к социально-экономическим преобразованиям вусловиях массовой нищеты, убыли населения, развала экономики (см., например, [3, 4] и/или в [1] страницу «Как мы жили 20 лет назад»), смогла за ничтожно малый (по историческим меркам) промежуток времени осуществить поразительный скачок (по результатам социально-экономического развития), позволивший добиться непрерывного (с 2003 г) роста ожидаемой продолжительности жизни граждан (ОПЖ) иежегодного увеличения в течение 8-ми последних лет количества лиц, старше 100 лет (я и мои коллеги из тех, кто помнит 1990-е годы, называем это «российским чудом»). Швеция – это страна не только с относительно ограниченным запасом используемых полезных ископаемых, но и почему-то с долгоживущими (с 2003 г. ОПЖ ≥ 80 лет) и, к тому же, с самыми счастливыми в мире гражданами (наряду с Финляндией, Норвегией и Данией) – такое заключение вынесли эксперты британского центра Legatum, опубликовавшие «рейтинг счастья», в котором оценены 104 страны мира.

Во-вторых, мы полагаем, что органы исполнительной власти этих стран вместе с Всемирным банком осуществляют достаточно строгий контроль за уровнем достоверности данных государственной статистики.

Поиск и оценка статистической значимости определяющих факторов. В процессе исследований, направленных на выделение определяющих факторов-показателей, осуществлялся предварительный отбор искомого подмножества факторов из множества претендентов с использованием метода [5; 6]. В последующем уменьшение размерности пространства факторов выполнено путем экспертных опросов по методу пошагового уточнения ранжирования объектов-факторов. В результате, исходный состав факторов уменьшался в среднем на порядок. При этом стало возможным проводить сравнительный анализ статистических характеристик качества построенных регрессионных моделей и *разной структуры и *с разным составом факторов.

Оценка значимости факторов и величины лага влияния проведена при использовании исходной информации в относительных единицах (отношение численных значений показателей по годам рассматриваемого периода).

Ниже по каждой из стран представлены *сформированный состав независимых переменных в регрессионных моделях, *статистические характеристики степени влияния переменных на функцию отклика с указанием величины лага.

1. Для Германии. 1.1.*Функция отклика Y2 – ВВП на душу населения, ППС (в постоянных международных долларах 2011 года):

Модель вида: $Y21 = b0 + b1 \times X1 + b2 \times X2$, где:

Y21 – относительное приращение ВВП на душу населения, ППС (за три года, в постоянных международных долларах 2011 года); X1 – относительное приращение валового накопления основного капитала (за три года, в % от ВВП); X2 – относительное приращение экспорта промышленных товаров (за три года, в % от объема экспорта товаров).

$b0 = –0{,}43$; $b1 = 1{,}04$; $b2 = 0{,}43$; $b0/б_{b0} = –7{,}69$; $b1/б_{b1} = 34{,}76$; $b2/б_{b2} = 9{,}55$; $R2 = 0{,}99$; $R^2_{скорр} = 0{,}99$; $Fкр = 632{,}4$. Значимость $Fкр = 1{,}24E – 08$.

Если исключить свободный член b0, то статистические характеристики функции отклика Y2 для модели $Y22 = b1 \times X1 + b2 \times X2$ с прежними независимыми переменными Xi будут иметь вид:

$b1 = 0{,}9$; $b2 = 0{,}14$; $b1/б_{b1} = 13{,}05$; $b2/б_{b2} = 1{,}99$; $R2 = 0{,}99$; $R^2_{скорр} = 0{,}87$; $Fкр = 65891{,}8$. Значимость $Fкр = 1{,}09E – 15$.

1.2 *Функция отклика Y3 – ВВП на душу населения (в текущих ценах):

Модель вида:

$Y31 = b0 + b1 \times X1 + b2 \times X2 + b3 \times X3$, где:

Y31 – относительное приращение ВВП на душу населения (за три года, в текущих ценах); X1 – относительное приращение величины налогов на товары и услуги (за два года, в % от выручки); X2 – относительное приращение величины компьютерных, коммуникационных и других услуг (за три года, в % от экспорта коммерческих услуг); X3 – относительное приращение валового

накопления основного капитала (за три года, в % от ВВП):

b0 = 0,21; b1 = –0,34; b2 = 0,13; b3 = 1,06; b0/$б_{b0}$ = –1,4; b1/$б_{b1}$ =–4,6; b2/$б_{b2}$ = 2,5;

b3/$б_{b3}$ = 20,98; R2 = 0,99; $R^2_{скорр}$ = 0,98; Fкр = 188,7. Значимость Fкр = 2,51E – 06.

Статистические характеристики Y3 для модели Y32 = b1 × X1 + b2 × X2 + b3 × X3 с прежними независимыми переменнымиXi будут иметь вид:

b1 = –0,25; b2 = 0,20; b3 = 1,1; b1/$б_{b1}$ = –6,52; b2/$б_{b2}$ = 10,25; b3 /$б_{b3}$ = 27,7; R2 = 0,99; $R^2_{скорр}$ = = 0,86; Fкр = 179343. Значимость Fкр=3,03E – 15.

1.4.*Функция отклика Y4 – ВВП на одного работающего (в долларах.):

1) Модель вида: Y41 = b0 + b1 × X1 + b2 × X2, где:

Y41 – относительное приращение ВВП на одного работающего (за три года, в постоянных долларах США в 2011 году); X1 – относительное приращениевнутренних государственных расходов на здравоохранение на душу населения (за три года, в текущих ценах); X2 – относительное приращение экспорта услуг ИКТ (за три года, в % от экспорта услуг):

b0 = 1,081; b1 = –0,241; b2 = 0,15; b0/$б_{b0}$ = 72,06; b1/$б_{b1}$ = –17,54; b2/$б_{b2}$ = 15,41;

R2 = 0,99; $R^2_{скорр}$ = 0,98; Fкр = 183,8. Значимость Fкр = 8,92E – 07.

2) Модель вида: Y42 = b0 + b1 × X1 + b2 × X2, где:

Y42 – относительное приращение ВВП на одного работающего (за три года, в постоянных долларах США в 2011 году); X1 – относительное приращение внутренние государственных расходов на здравоохранение (за три года, в % от текущих расходов на здравоохранение); X2 – относительное приращение добавленной стоимости на одного работника в промышленности и строительстве (за три года, в постоянных ценах 2010 г.):

b0 = 1,2; b1 = –0,36; b2 = 0,16; b0/$б_{b0}$ = 17,3; b1/$б_{b1}$ = –7,88; b2/$б_{b2}$ = 5,3; R2 = 0,98; $R^2_{скорр}$ = = 0,96; Fкр = 113,5. Значимость Fкр = 4,63E – 06.

3) Модель вида: Y43 = b1 × X1 + b2 × X2, где:

Y43 – относительное приращение ВВП на одного работающего (за три года, в постоянных долларах США в 2011 году); X1 – относительное приращение экспорта товаров и услуг (за три года, в % от ВВП); X2 – относительное приращение экспорта продуктов питания (за три года, в % от экспорта товаров):

b1 = 0,56; b2 = 0,36; b1/$б_{b1}$ = 7,73; b2/$б_{b2}$ = 5,0; R2 = 0,99; $R^2_{скорр}$ = 0,87; Fкр = 2769,8. Значимость Fкр = 7,14E – 11.

2. Для России. 2.1. *Функция отклика Y2 – ВВП на душу населения, ППС (в постоянных международных долларах 2011 года):

1) Модель вида: Y21 = b0 + b1 × X1 + b2 × X2, где: Y21 – относительное приращение ВВП на душу населения, ППС (за три года, в постоянных международных долларах 2011 года); X1 – относительное приращение ВВП на единицу энергопотребления (за два года, постоянный ППС 2011 г. на кг нефтяного эквивалента); X2 – относительное приращение объемов торговли услугами (за три года, в % от ВВП):

b0 = 0,27; b1 = 1,1; b2 = –0,33; b0/$б_{b0}$ = 1,6; b1/$б_{b1}$ = = 8,14; b2/$б_{b2}$=-6,86; R2 = 0,95; $R^2_{скорр}$ = 0,94; Fкр = 95,29. Значимость Fкр = 8,78E – 7.

2) Модель вида: Y22 = b1 × X1 + b2 × X2 (при исключенном свободном члене):

b1 = 1,1; b2 = –0,33; b1/$б_{b1}$ = 8,14; b2/$б_{b2}$ = –6,86; R2 = 0,99; $R^2_{скорр}$ = 0,9; Fкр = 10434,05. Значимость Fкр = 7,17E – 16.

2.2 *Функция отклика Y4 – ВВП на одного работающего (в долларах.):

1) Модель вида: Y41 = b1 × X1 + b2 × X2, где:

Y41 – относительное приращение ВВП на одного работающего (в постоянных долларах США в 2011 году); X1 – относительное приращение занятости в промышленности (за три года, в % от общей занятости) (смоделированная оценка МОТ); X2 – относительное приращение внутренние государственных расходов на здравоохранение на душу населения (за один год, в текущих ценах):

b1 = 0,85; b2 = 0,25; b1/$б_{b1}$ = 12,5; b2/$б_{b2}$ = 4,3; R2 = 0,99; $R^2_{скорр}$ = 0,9; Fкр = 3862,17. Значимость Fкр = 6,26E – 14.

Для Германии и России (Функция отклика – ОПЖ) в результате проведенных исследований [7] впервые *обнаружено, содержательно и статистически подтверждено влияние (с количественной оценкой степени влияния и лага) на приращение ОПЖ населения выделенной группы определяющих факторов и *определена величина лага.

3. Для Швеции. 3.1 *Функция отклика Y1 – ОПЖ.

1) Модель вида:

Y11 = b0 + b1 × X1 + b2 × X2 + b3 × X3, где:

Y11 – относительное приращение ожидаемой продолжительности жизни граждан при рождении (за три года); X1 – относительное приращение внутренних государственных расходов на здравоохранение на душу населения, ППС (за один год, текущие, в долларах); X2 – относительное приращение оплаты труда работников (за два года, в % от расходов); X3 – относительное приращение транспортных услуг (за три года, в % от экспортных услуг): b0 = 1,01; b1 = 0,01; b2 = –0,03; b3 = 0,015; b0/$б_{b0}$ = 119,67; b1/$б_{b1}$ = 7,56; b2/$б_{b2}$ = = –4,5; b3/$б_{b3}$ = 3,8; R2 = 0,93; $R^2_{скорр}$ = 0,89; Fкр = 25,53. Значимость Fкр = 0,00082.

2) Модель вида:

Y12 = b0 + b1 × X1 + b2 × X2 + b3 × X3, где:

X1 – относительное приращение внутренних государственных расходов на здравоохранение (за один год, в % от текущих расходов на здравоохранение):

b0 = 0,84; b1 = 0,17; b2 = –0,01; b3 = 0,02; $b0/б_{b0}$ = = 29,7; $b1/б_{b1}$ = 7,12; $b2/б_{b2}$ = –2,13;

$b3/б_{b3}$ =4,09; R2 = 0,92; $R^2_{скорр}$ = 0,88; Fкр = 22,68. Значимость Fкр = 0,0011

3) Модель вида:

Y13 = b0 + b1 × X1 + b2 × X2 + b3 × X3, где:

X1 – относительное приращение внутренних государственных расходов на здравоохранение (за один год, в % от государственных расходов):

b0 = 0,996; b1 = 0,02; b2 = –0,02; b3 = 0,02; $b0/б_{b0}$ = 101,02; $b1/б_{b1}$ = 6,9; $b2/б_{b2}$ = –3,26;

$b3/б_{b3}$ = 4,05; R2 = 0,91; $R^2_{скорр}$ = 0,87; Fкр = 21,35. Значимость Fкр = 0,0013.

3.2 *Функция отклика Y2 – ВВП на душу населения, ППС (в постоянных международных долларах 2011 года):

1) Модель вида: Y21 = b0 + b1 × X1 + b2 × X2, где:

Y21 – относительное приращение ВВП на душу населения, ППС (за три года, в постоянных международных долларах 2011 года); X1 – относительное приращение потребления энергии (за три года, кг нефтяного эквивалента на душу населения); X2 – относительное приращение ВВП на единицу энергопотребления (за три года, постоянный ППС 2011 г. на кг нефтяного эквивалента).

b0 = –0,998; b1 = 1,03; b2 = 0,97; $b0/б_{b0}$ = –29,99; $b1/б_{b1}$ = 51,22; $b2/б_{b2}$ = 58,4; R2 = 0,99; $R^2_{скорр}$ = = 0,99; Fкр = 1907,1. Значимость Fкр = 2,63E – 10.

2) Модель вида: Y22 = b0 + b1 × X1 + b2 × X2 + + b3 × X3, где:

Y22 – относительное приращение ВВП на душу населения, ППС (за три года, в постоянных международных долларах 2011 года); X1 – услуги: относительное приращение добавленной стоимости на одного работника (за три года, в постоянных ценах 2010 г.); X2 – относительное приращение потребления энергии (за три года, кг нефтяного эквивалента на душу населения); X3 – относительное приращение ВВП на единицу энергопотребления (за три года, постоянный ППС 2011 г., на кг нефтяного эквивалента).

b0 = –1,01; b1 = 0,08; b2 = 0,99; b3 = 0,94; $b0/б_{b0}$ = –37,8; $b1/б_{b1}$ = 2,3; $b2/б_{b2}$ = 42,9; $b3/б_{b3}$ = = 53,7; R2 = 0,99; $R^2_{скорр}$ = 0,99; Fкр = 2055,4. Значимость Fкр = 2,01E – 09.

3.3 *Функция отклика Y3 – ВВП на душу населения (в текущих ценах):

1) Модель вида:

Y31 = b0 + b1 × X1 + b2 × X2 + b3 × X3, где:

Y31 – относительное приращение ВВП на душу населения (за три года, в текущих ценах); X1 – относительное приращение величины социальных отчислений (за три года, в % от выручки); X2 – относительное приращение величины транспортных услуг (за один год, в % от экспорта услуг); X3 – относительное приращение экспорта коммерческих услуг (за один год, в текущих ценах):

b0 = 1,03; b1 = –0,35; b2 = 0,47; b3 = –0,05; $b0/б_{b0}$ = –23,5; $b1/б_{b1}$ = –20,99; $b2/б_{b2}$ = 13,3;

$b3/б_{b3}$ = –2,9; R2 = 0,99; $R^2_{скорр}$ = 0,99; Fкр = 243,7. Значимость Fкр = 1,18E – 06.

2) Модель вида:

Y32 = b1 × X1 + b2 × X2 + b3 × X3, где:

Y32 – относительное приращение ВВП на душу населения (за три года, в текущих ценах); X1 – относительное приращение величины социальных отчислений (за три года, в % от выручки); X2 – относительное приращение величины транспортных услуг (за один год, в % от экспорта услуг); X3 – относительное приращение экспорта коммерческих услуг (за один год, в текущих ценах):

b0 = 0,96; b1 = –0,3; b2 = 0,46; $b0/б_{b0}$ = 17,7; $b1/б_{b1}$ = –15,6; $b2/б_{b2}$ = 9,1; R2 = 0,99;

$R^2_{скорр}$ = 0,97; Fкр = 176,4. Значимость Fкр = 1,03E – 06.

3.4 *Функция отклика Y4 – ВВП на одного работающего (в долларах.):

1) Модель вида: Y41 = b0 + b1 × X1 + b2 × X2, где:

Y41 – относительное приращение ВВП на одного работающего (за три года, в постоянных долларах США в 2011 году); X1 – относительное приращение добавленной стоимости на одного работника в промышленности и строительстве (за три года, в постоянных ценах 2010 г.); X2 – услуги: относительное приращение добавленной стоимости на одного работника (за три года, в постоянных ценах 2010 г.):

b0 = –0,05; b1 = 0,28; b2 = 0,76; $b0/б_{b0}$ = –0,79; $b1/б_{b1}$ = 13,97; $b2/б_{b2}$ = 12,2; R2 = 0,99; $R^2_{скорр}$ = = 0,99; Fкр = 346,1. Значимость Fкр = 1E – 07.

2) Модель вида: Y42 = b0 + b1 × X1 + b2 × X2, где:

Y42 – относительное приращение ВВП на одного работающего (за три года, в постоянных долларах США в 2011 году); X1 – относительное приращение добавленной стоимости в промышленности и строительстве (за три года, в % от ВВП); X2 – услуги: относительное приращение добавленной стоимости на одного работника (за три года, в постоянных ценах 2010 г.):

b0 = –0,38; b1 = 0,44; b2 = 0,96; $b0/б_{b0}$ = –5,1; $b1/б_{b1}$ = 10,6; $b2/б_{b2}$ = 12,9;

R2 = 0,99; $R^2_{скорр}$ = 0,98; Fкр = 202,5. Значимость Fкр = 6,39E – 07.

Выводы. В результате выполненных исследований впервые установлено:

1. На какие факторы следует воздействовать, чтобы получить нужное (ожидаемое, заданное) значение функции отклика – величины ВВП на душу населения, ППС (в постоянных международных долларах 2011 года), ВВП на душу населения (в текущих ценах), ВВП на одного работающего(в постоянных долларах США в 2011 году), ожидаемой продолжительности жизни граждан при рождении.

2. Какова статистически значимая степень влияния на функции отклика выделенных факторов – независимых переменных в регрессионной модели, и как сформировать оптимальное подмножество независимых переменных для прогнозирования функции отклика и определить степень влияния лага фактора на динамику функции отклика.

3. Как оценить затраты конкретных ресурсов (и лаг их влияния) на заданное приращение функции отклика – на приращение ВВП на душу населения, ППС (в постоянных международных долларах 2011 года), приращение ВВП на душу населения (в текущих ценах), приращение ВВП на одного работающего (в постоянных долларах США в 2011 году), наприращение ожидаемой продолжительности жизни граждан при рождении.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) – проект 18-010-00806/18 «Уровень жизни населения административно-территориальных образований: выявление, исследование, анализ и оценка значимости определяющих факторов (для последующей оптимизации в условиях ограниченных ресурсов)»

Литература:

1. URL : http://uroven-zhizni.ru

2. *Khubaev G.* Regression models for forecasting life period of population of administrative-territorial education: construction and evaluation of quality // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 9. P. 206–217.

3. *Хубаев Г.Н.* Вид пропасти заставляет строить мост // Экономика и жизнь. 1999. № 9–12.

4. *Хубаев Г.Н.* Социально-экономическая обстановка в России и приоритетные направления экономической политики // Экономико-организационные проблемы проектирования и применения информационных систем: Материалы 3-й Межгосударственной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 25–26 ноября 1998 г.). Ростов-н/Д. : РГЭА, 1998. С. 8–22.

5. *Хубаев Г.Н.* Метод выделения искомого подмножества объектов из множества большой мощности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 8. С. 206–211.

6. *Khubaev Georgy N.* Method of isolating a desired subset of objects from a set of greater power // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration (Beijing, China 31 July 2019). Beijing, 2019. P. 50–57.

7. *Khubaev G.N.* Models for forecasting the expected life of the population of the Russian Federation and Germany // International Conference «Process Management and Scientific Developments» (Birmingham,United Kingdom,December 19, 2019). Part 1. Birmingham, UK, 2019. P. 54–60.

Literature:

1. URL : http://uroven-zhizni.ru

2. *Khubaev G.* Regression models for forecasting life period of population of administrative-territorial education: construction and evaluation of quality // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 9. P. 206–217.

3. *Khubayev G.N.* The view of the abyss forces to build a bridge // Economy and life. South. 1999. № 9–12.

4. *Khubayev G.N.* Social and economic situation in Russia and priority areas of economic policy // Economic and organizational problems of design and application of information systems: Materials of the 3rd Interstate Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, November 25–26, 1998). Rostov-on/D. : PGEA, 1998. P. 8–22.

5. *Khubayev G.N.* Method of singling out the claim of subsignms of objects from a multitude of large power // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 8. P. 206–211.

6. *Khubaev Georgy N.* Method of isolating a desired subset of objects from a set of greater power // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration (Beijing, China 31 July 2019). Beijing, 2019. P. 50–57.

7. *Khubaev G.N.* Models for forecasting the expected life of the population of the Russian Federation and Germany // International Conference «Process Management and Scientific Developments» (Birmingham,United Kingdom,December 19, 2019). Part 1. Birmingham, UK, 2019. P. 54–60.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 19.06.2020
Подписано в печать 22.06.2020
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 12,0
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 48

e-mail: id.yug2016@gmail.com